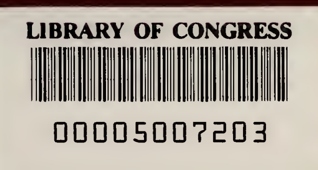
LIBRARY OF CONGRESS
00005007203

THE LIBRARY OF CONGRESS

ЧЕМУ БЫТЬ
ТОМУ НЕ МИНОВАТЬ.

ПОВѢСТЬ

Соч. Отпѣтаго.

Цѣна 2 руб.

ПРОДАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: у Черкасова, Вольфа, Исакова и Базунова.

ВЪ МОСКВѢ: Глазунова, Соловьева, Салаевыхъ и Вольфа.

1874.

Stechkin, N. IA.

ЧЕМУ БЫТЬ

ТОМУ НЕ МИНОВАТЬ.

ПОВѢСТЬ

Соч. Отпѣтаго.

продается:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: у Черкасова, Вольфа, Исакова и Базунова.

ВЪ МОСКВѢ: Глазунова, Соловьева, Салаевыхъ и Вольфа.

1874.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
за Страстномъ бульварѣ.

ЧЕМУ БЫТЬ ТОМУ НЕ МИНОВАТЬ

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА I.

Встрѣча.

Вокзалъ московской станціи курской желѣзной дороги былъ биткомъ набитъ пассажирами. За длиннымъ столомъ, украшенномъ горшками полузавядшихъ растеній и вѣчными бутылками и полубутылками лафитовъ и икемовъ, всѣ мѣста были заняты. Нѣсколько лакеевъ въ изорванныхъ фракахъ и съ грязными салфетками на лѣвой рукѣ суетливо бѣгали въ ожиданіи «на чаёкъ». Цѣлыя горы подушекъ, сакъ-вояжей и картонокъ занимали боковыя стулья и диваны; множество разнаго люда стояло у буфета пропуская, нѣсколько морщась по одной и по другой издѣлія Попова и заѣдая бутербродами и пирожками. Артельщики въ синихъ кафтанахъ, съ бляхами и въ бѣлыхъ фартукахъ торопливо стаскивали ящики и чемоданы съ багажнаго стола, а къ окошечку кассы, подъ наблюденіемъ жандарма, подходили одинъ за другимъ, проѣзжающіе до Тулы, Орла, Курска и до промежуточныхъ станцій.

— «До звонка не приказано»—безпрерывно повторялъ безсрочно отпускной, осаждающимъ выходныя двери на платформу.

Шумъ, суетня были ужасные, когда вошелъ туда, господинъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, въ сѣромъ пальто, съ сумкою черезъ плечо, въ фуражкѣ съ кокардою, неся свернутый пледъ и небольшой ручной чемоданъ.

— «До станціи Пыпино первый классъ»,—сказалъ онъ, подходя къ окошечку кассы.

Получивъ билетъ, господинъ этотъ, обошелъ залъ, пробираясь въ толпѣ; кивнулъ головою нѣкоторымъ знакомымъ и остановившись у арки, закурилъ папиросу.

Раздался звонокъ; всѣ бросились къ дверямъ, толкая и опережая другъ друга и скоро залы опустѣли.

— «Bonjour mon prince» — сказалъ господинъ въ сѣромъ пальто и въ фуражкѣ съ кокардою какому-то проходившему блондину.

— «Ah.! Мамочкинъ, bonjour, òu allez vous?»—отвѣтилъ блондинъ, торопливо уходя къ двери.

— «A la campagne»—проговорилъ Мамочкинъ, но блондинъ уже исчезъ.

Прозвучалъ второй звонокъ.

— «Господа, пожалуйте въ вагоны»—безпрерывно повторяли кондукторы нѣкоторымъ изъ пассажировъ, стоявшимъ еще на платформѣ—«пожалуйте за рѣшетку, здѣсь ходить не приказано»—повторяли жандармы, выступавшіе мѣрными шагами по краю платформы.

— «Прощай Сержъ»—пропищала худенькая дама какому-то толстому господину высунувшемуся въ окно — «Буренинъ не забудь» — прозвучалъ еще голосъ.

Раздался третій звонокъ, свистокъ кондуктора и протяжный свистъ локомотива.

—«Прощайте!.. до свиданья!.. пишите!.. повторяли на разные тоны множество голосовъ удалявшемуся поѣзду.

Мамочкинъ посмотрѣлъ вокругъ себя, сидя въ вагонѣ:—все

незнакомыя лица и закуривъ папиросу, вынулъ изъ кармана пальто Московскія Вѣдомости и углубился въ ихъ чтеніе.

На видъ Евгенію Ивановичу Мамочкину было лѣтъ тридцать пять, не болѣе; онъ былъ средняго роста, не толстый и не худой; лицо его, съ темнорусыми усами и подстриженной бородой не представляло ни особеннаго выраженія ни особенной типичности. Носилъ онъ очки, которые почему-то постоянно сползали у него до половины носа, отъ чего вся физіононія его выражала, какую-то неопредѣленность, какое-то ожиданіе чего-то. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрое пальто съ небольшимъ бархатнымъ воротникомъ и съ сумкою черезъ плечо, а черная фуражка, съ бархатнымъ околышемъ и кокардою, свидѣтельствовали о нахожденіи его на службѣ въ одномъ изъ вѣдомствъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

— «Станція Царицыно!.. поѣздъ стоитъ три минуты»—кричали кондукторы бѣгая по платформѣ около вагоновъ.

Мамочкинъ положилъ газету и посмотрѣлъ на лѣво въ окно.

Темныя стѣны съ плоскою почти крышею и съ башнями по бокамъ заброшеннаго Екатерининскаго дворца, походили на какой-то катафалкъ окруженный свѣчами. Густая зелень окаймляющихъ его деревъ еще рельефнѣе выдѣляла мрачность этихъ полуразвалинъ; небольшой прудъ, до половины поросшій травою, немного оживлялъ унылую картину.

Засвисталъ локомотивъ, поѣздъ тронулся; Евгеній Ивановичъ перевернулъ листъ газеты и продолжалъ чтеніе. Продолжаю и я дальнѣйшее ваше съ нимъ знакомство.

Дѣтство, провелъ Евгеній Ивановичъ въ деревнѣ у родителей, окруженный нѣжными попеченіями матери, Анны Павловны, любившей его до безумія. Безграничная, слѣпая любовь, слишкомъ снисходительно смотрѣла на развивающіеся нравственные недостатки въ дитяти и не сдерживаемые въ началѣ, они росли съ годами и всосались, какъ говорится и въ плоть

и въ кровь. Евгеній Ивановичъ былъ скрытенъ, хвастливъ и любилъ сочинять небылицы, но онъ былъ очень добръ, и сострадателенъ къ близкимъ. Еще съ дѣтства, онъ предавался мечтательности, увлекался всѣмъ и постоянно строилъ въ своемъ воображеніи какіе-то воздушные зáмки. Дѣйствительность для него не существовала.

Первоначальнымъ образованіемъ онъ былъ обязанъ своей матери; отецъ же его, Иванъ Петровичъ, погруженный въ хозяйство и въ постоянные проэкты и аферы мало обращалъ вниманія, какъ на воспитаніе Евгенія Ивановича, такъ и на воспитаніе другихъ его дѣтей.

По заведенному на Руси обычаю явились въ домѣ Мамочкиныхъ гувернеры и гувернантки, французы и нѣмки, которые весьма мало способствовали умственному а еще менѣе нравственному развитію Евгенія Ивановича. Потомъ поселился у нихъ почтенный педагогъ, Григорій Ивановичъ, который, обративъ все вниманіе на молодаго Мамочкина, усердно занялся нравственнымъ и умственнымъ его развитіемъ, — Евгеній Ивановичъ преуспѣвалъ въ наукахъ, но характеръ его и наклонности оставались тѣ же.

Минуло Евгенію Ивановичу двѣнадцать лѣтъ, засуетились родители; пора отдавать сынка въ заведеніе, но въ какое?.. Долго они объ этомъ думали: то рѣшались они отдать его въ пажескій корусъ, несмотря на то, что Евгеній Ивановичъ положительно не имѣлъ никакихъ воинскихъ наклонностей; то рѣшались они помѣстить его въ лицей, воображая въ немъ будущаго дипломата, и наконецъ порѣшили училищемъ правовѣдѣнія... почему? на какихъ основаніяхъ послѣдовало такое рѣшеніе? — это осталось покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Между тѣмъ еще дитятей, Евгеній Ивановичъ выказывалъ большія наклонности къ музыкѣ и къ рисованію, но зачатки этихъ

искусствъ, не получивъ надлежащаго развитія, заглохли навсегда.

Рѣшено!.. сдѣлано!..

Въ одно морозное зимнее утро засуетилась вся дворня у Мамочкиныхъ въ деревнѣ; запрягли кибитку; нагрузили ее перинами, подушками, ящиками, мѣшками и узлами, отслужили молебенъ путешествующимъ, благословили Евгенія Ивановича, сѣли, помолились и начались рыданія. Вся дворня собралась прощаться съ молодымъ бариномъ; старушку няню Ѳедосью Павловну вынесли безъ чувствъ, а старый педагогъ Григорій Ивановичъ, утирая потихоньку слезы, твердилъ: «что плакать малодушно.» Вотъ усѣлись и въ кибитку: сначала Анна Павловна, за нею горничная ея Степанида, а въ средину посаженъ былъ и Евгеній Ивановичъ; затѣмъ укутали ихъ одѣялами и полостями.

— «Матушка, Анна Павловна»—говорила Степанида», извините сударыня я вѣдь забыла-то узелъ съ пирожками. Аринка!.. а Аринка!.. принеси-ка узелокъ, да бутылку со сливками.»

Принесенъ былъ узелъ съ пирожками и бутылка со сливками.

— «Готово-съ?» — спросилъ кучеръ Григорій, снявъ шапку и перекрестясь.

— «Готово!»—отвѣтилъ толстый лакей Алексѣй Михайловъ, взбираясь на облучекъ: — «трогай!»

Всѣ набожно перекрестились.

И вотъ скрыпя по мерзлому снѣгу и переваливаясь съ боку на бокъ, тронулась кибитка, увозя Мамочкина изъ родительскаго дома.

Привезли Евгенія Ивановича въ Петербургъ и отдали на попеченіе родственникамъ, помѣстивъ его въ пансіонъ для подготовки. Пожила Анна Павловна въ Петербургѣ около мѣся-

ца, а потомъ благословивъ сынка и проливая горькія слезы, уѣхала въ деревню.

Наступило время экзаменовъ, пріѣхали и родители Мамочкина изъ деревни. Выдержавъ экзаменъ, Евгеній Ивановичъ, облексяя въ куртку съ зеленымъ воротникомъ и сталъ правовѣдомъ.

Учился онъ сначала изрядно и переходилъ изъ класса въ классъ, а на вакантное время постоянно пріѣзжалъ къ родителямъ въ деревню, гдѣ ровно ничего не дѣлалъ, и какъ говорится билъ баклушами. Такъ прошло шесть лѣтъ. Оставшись два года въ одномъ классѣ, надоѣло Мамочкину учиться и вотъ задумалъ онъ выбраться, во что бы то ни стало изъ училища и поступить на службу. Сообщилъ онъ о своемъ намѣреніи родителямъ, которые, вмѣсто приличнаго внушенія сынку, за такую дурь,—почему-то согласились. Вышелъ Мамочкинъ изъ училища, поступилъ на службу и надѣлъ вицемундиръ. Пылкій отъ природы юноша предался тогда вполнѣ всѣмъ увлеченіемъ; влюбился онъ по уши въ молоденькую сосѣдку по деревнѣ, жившую въ Москвѣ; та, раздѣляла эту страсть и вотъ пошли у нихъ записки, свиданія и проч. и проч. Въ одно прекрасное утро, мужъ этой барыни засталъ обоихъ въ моментѣ пламенныхъ объясненій—понятное дѣло:—вышла исторія и влюбленныхъ разлучили; Евгеній Ивановичъ сходилъ съ ума отъ отчаянія. Пріѣхала на ту пору изъ деревни Анна Павловна и тутъ же рѣшила что всего лучше женить сынка; — отыскалась и невѣста; обвѣнчали Мамочкина и въ девятьнадцать лѣтъ онъ сдѣлался мужемъ, а вскорѣ и отцемъ. Семейство его жены, состоявшее изъ почтенныхъ старцевъ, самыхъ строгихъ правилъ, смотрѣло на Евгенія Ивановича почти какъ на ребенка и держало его въ ежевыхъ рукахъ. Непонравилась такая жизнь Мамочкину; какъ не вертѣлся, какъ не старался онъ сбросить съ себя узду—ничего не уда-

валось; онъ жилъ и ходилъ по стрункѣ; наконецъ онъ рѣшилъ, что лучше хозяйничать и жить въ деревнѣ, и вышелъ въ отставку. Дали ему родители въ полное управленіе черезполосные пески; выстроилъ Евгеній Ивановичъ тамъ домъ, завелъ хозяйство, мечталъ о тысячахъ, а не получалъ и сотенъ. Выстроилъ и тесть его домъ въ одной изъ своихъ деревень, а Мамочкинъ завелъ тамъ оранжереи и предался садоводственнымъ занятіямъ. Жилъ онъ въ этой деревнѣ, съ женою нѣсколько лѣтъ, явились дѣти, воспитаніемъ которыхъ усердно занялась достойнѣйшая изъ женщинъ, Антонина Сергѣевна, жена Мамочкина. Не получая въ управленіе женнинаго имѣнія, надоѣло Евгенію Ивановичу копать гряды да сажать капусту и началъ онъ заниматься садоводственной литературою, печаталъ руководства, издавалъ газету, отъ которой кромѣ убытка ничего не вышло... Нѣтъ, подумалъ Евгеній Ивановичъ лучше опять служить. Отдалъ онъ обратно отцу черезполосные пески; добрѣйшая Анна Павловна тогда уже скончалась; уѣхалъ онъ изъ женниной деревни и вновь поступилъ на службу въ Москвѣ.

— «Станція Серпуховъ, поѣздъ стоитъ пятнадцать минутъ»,— кричалъ кондукторъ, обѣгая вагоны.

Задремавъ за газетой, Мамочкинъ вскочилъ и поспѣшно пошелъ ужинать.

Пріѣхавъ въ Пыпино ночью, Евгеній Ивановичъ нанялъ лошадей въ Отрадино, имѣніе Карачевскаго къ которому ѣхалъ ко дню рожденія.

Лихая Ечкинская тройка быстро помчала Мамочкина по гладкой большой дорогѣ, обсаженной березами. Торжественная тишина чудной лунной ночи нарушалась, то звономъ колокольчика, то скрыпомъ отъ колесъ встрѣчавшихся обозовъ. По временамъ, то слышанъ былъ вдали протяжно—тихій гулъ отъ колокола сельской церкви, то тутъ, то сямъ трещалъ въ

густой травѣ кузнечикъ. Было довольно свѣжо, Мамочкинъ завернулся въ пледъ и качаясь въ телѣгѣ, дремалъ. Миновали двѣ станціи и начало свѣтать, когда онъ въѣхалъ въ какую-то деревню. Густой, сѣрый дымъ клубился надъ соломенными крышами; съ протяжнымъ скрыпомъ отворялись ворота и заспанныя, босоногія бабы, накрывшись шушунами выгоняли скотину. Проснувшійся крестьянинъ, почесываясь и крехтя, переходилъ дорогу, направляясь къ своимъ одоньямъ.

— «Далеко ли до Отрадина?» — спросилъ Мамочкинъ у какаго-то старика въ полушубкѣ, стоявшаго около крыльца избы.

— «Не далече родимый, верстъ десятокъ будетъ, а то пожалуй маненечко и поболѣ.»

— «Скоро и поворотъ»—сказалъ ямщикъ, обращаясь къ Мамочкину.

Проѣхали деревню, проѣхали еще верстъ съ десятокъ; а все поворота еще небыло.

— «Да скоро ли же наконецъ поворотъ?»—нетерпѣливо спросилъ Мамочкинъ у ямщика.

— «Да вонъ... за осиной.»

Дѣйствительно, миновавъ, старую, полусгнившую осину, ямщикъ повернулъ на лѣво и поѣхалъ по проселочной дорогѣ. Проѣхали еще верстъ десять, а объ Отрадинѣ и помина не было. Наконецъ, спустились подъ гору, поросшую орѣшникомъ, переѣхали небольшую плотину, повернули направо, миновали крестьянскіе овины и сараи и остановились у подъѣзда большаго, одноэтажнаго деревяннаго дома.

— «Вотъ баринъ и пріѣхали»—сказалъ ямщикъ, снявъ шапку и почесывая затытокъ.

Выбѣжавшій изъ дома лакей, встрѣтилъ Евгенія Ивановича у подъѣзда.

— «Дома ли Лука Лукичъ?» — спросилъ у него Мамочкинъ.

— «Ни какъ нѣтъ съ... сейчасъ изволили пойти къ заутренѣ съ Людмилой Петровной.»

Евгеній Ивановичъ вошелъ въ переднюю.

— «Пожалуйте-съ»—говорилъ тотъ же лакей, отворяя дверь на лѣво, въ небольшую комнату—«они васъ вчера еще изволили ожидать.»

Комната, приготовленная для Мамочкина была меблирована съ полнымъ комфортомъ; на право стояла желѣзная, складная кровать съ тончайшимъ бѣльемъ, рядомъ, уборный столъ со всѣми туалетными принадлежностями. На противоположной сторонѣ, къ окну, — письменный столъ съ бронзовыми часами. Небольшой, мягкій диванъ, нѣсколько креселъ и стульевъ, дополняли обстановку.

— «Долго ли продолжается у васъ обѣдня?»—спросилъ Мамочкинъ у лакея, снимавшаго съ него платье.

— «Сегодня пожалуй долѣе, часовъ до десяти... будетъ молебенъ.» Мамочкинъ посмотрѣлъ на часы, — семь часовъ, успѣю, — подумалъ онъ и отдохнуть.

— «Послушай любезный» — сказалъ Евгеній Ивановичъ лакею, надѣвая халатъ:—«я прилягу, а ты разбуди меня, когда господа придутъ отъ обѣдни.»

— «Слушаю-съ» — отвѣтилъ лакей, опуская стору и затѣмъ тихо вышелъ изъ комнаты, притворивъ за собою дверь.

Евгеній Ивановичъ тотчасъ же заснулъ.

....

Легкій скрипъ отворившейся двери разбудилъ Мамочкина; въ полураскрытой двери показался профиль Луки Лукича и тотчасъ же скрылся; Евгеній Ивановичъ поспѣшно всталъ и окончивъ туалетъ, вышелъ въ залъ.

На кругломъ столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, кипѣлъ и шипѣлъ томпаковый самоваръ, окруженный множествомъ стакановъ и чашекъ; тутъ же, на спирту варился и кофе; се-

ребряная корзина нагружена была разными печеньями, а на деревянномъ блюдѣ, съ камчатной салфеткой лежало масло.

Семейство Карачевскихъ сидѣло за столомъ — кушали чай.

— «Здраствуйте, дорогой мой Евгеній Ивановичъ»—сказалъ Карачевскій, вскочивъ со-стула, съ распростертыми объятіями. «вотъ ужъ благодарю!.. ну!.. сдержали слово» — продолжалъ Лука Лукичъ, обнимая Мамочкина.

— «Поздравляю васъ отъ души»—отвѣтилъ Евгеній Ивановичъ лобызаясь съ хозяиномъ троекратно; затѣмъ, поцѣловавъ руку у Людмилы Петровны, онъ поздравилъ ее съ новорожденнымъ.

— «Очень, очень вамъ благодарны, что вы насъ вспомнили»— отвѣтила она съ пріятнѣйшей улыбкой.

—«Bonjour Дмитрій Петровичъ»,—продолжалъ Мамочкинъ пожимая руку молодому человѣку, стоявшему у стола, съ стаканомъ чая—«je vous félicite... comment allez vous?»

— «Tres bien,—merci»—отвѣтилъ молодой человѣкъ, раскачиваясь на тоненькихъ своихъ ножкахъ.

Остальнымъ, сидѣвшимъ за столомъ, Мамочкинъ отнесся общимъ ловкимъ поклономъ.

— «Рекомендую!.. сестра моя Анна Лукинишна, племянницы мои!.. «говорилъ Карачевскій, указывая на пожилую, высокаго роста даму и на двухъ красивыхъ дѣвицъ — «Евгеній Ивановичъ Мамочкинъ» — продолжалъ онъ, обращаясь къ дамамъ. Евгеній Ивановичъ еще разъ поклонился.

— «Садитесь дорогой мой Евгеній Ивановичъ», — говорилъ Карачевскій, подвигая стулъ,—«чего прикажете, чаю или кофе?»

— «Кофе» — отвѣчалъ садясь Мамочкинъ.

Хозяйка подала ему стаканъ кофе.

— «Сливокъ-то, сливокъ какихъ угодно, сырыхъ или вареныхъ, булочекъ... масло у насъ отличное» — приговаривалъ Лука Лукичъ, подвигая Мамочкину сливки, булки и масло.

— «Благодарю» — отвѣтилъ Евгеній Ивановичъ наклонивъ голову.

— «Я думаю вы очень устали?»—спросила у него хозяйка.

— «Нѣтъ! я успѣлъ уже отдохнуть.»

— «Мнѣ кажется, что я васъ разбудилъ» — перебилъ ее Лука Лукичъ.

— «О! нисколько, я уже проснулся!..

Затѣмъ бесѣдовали о Москвѣ, о городскихъ и деревенскихъ общихъ знакомыхъ и о разныхъ другихъ предметахъ.

Напившись чаю и кофе, дамы удалились во внутреннія комнаты въ сопровожденіи Дмитрія Петровича. Вошедшій лакей, сказавъ что то на ухо Лукѣ Лукичу началъ убирать со стола чайные приборы.

— «Извините дорогой мой Евгеній Ивановичъ, я васъ оставляю на минутку.»

— Сдѣлайте одолженіе Лука Лукичъ.

Лука Лукичъ Карачевскій принадлежалъ къ столбовымъ дворянамъ мѣстной губерніи; служилъ онъ когда-то, въ какомъ-то гусарскомъ полку, и получивъ Георгія за храбрость, который носилъ постоянно въ петлицѣ, вышелъ въ отставку съ чиномъ ротмистра и поселился въ родовомъ имѣніи Отрадинѣ. Лука Лукичъ принадлежалъ къ однимъ изъ такихъ личностей, которыхъ не иначе можно называть какъ съ дополненіемъ прилагательныхъ: добрѣйшій, милѣйшій. Высокаго роста, довольно полный и сутулый, онъ сохранилъ, не смотря на лѣта, до нѣкоторой степени воинскую осанку. Большой лобъ, и лысина, рѣдкіе волосы съ легчайшею просѣдью, довольно длинные усы; — прибавьте къ этому золотые очки — вотъ вамъ и портретъ добрѣйшаго Луки Лукича; дополнимъ, что онъ отличался необыкновенной вѣжливостію, внимательностію и предупредительностію, слылъ за хорошаго хозяина и былъ человѣкъ съ большими средствами.

Супруга его, Людмила Петровна, постоянно страдавшая разными недугами, не отличалась ни красотой, ни блестящимъ умомъ, но была женщина очень набожная, тихая и добрая.

Дѣтей у нихъ не было. Въ домѣ Карачевскихъ жилъ тогда племянникъ Луки Лукича — Дмитрій Петровичъ, Карачевскій, студентъ. При небольшомъ ростѣ онъ отличался необыкновенной худобой, болѣзненнымъ видомъ и имѣлъ до того тоненькія ноги, что положительно можно было опасаться за ихъ цѣлость въ продолжительномъ разгарѣ танцевъ, до которыхъ онъ былъ страстный любитель. Довольно глубокая ямка въ подбородкѣ составляла особую его примѣту.

Вошедшій Лука Лукичъ, извиняясь въ продолжительной отлучкѣ, предложилъ Мамочкину осмотрѣть домъ.

— «Вотъ залъ, кажется довольно просторный», — замѣтилъ Лука Лукичъ. Залъ оказался дѣйствительно не только просторнымъ, но и очень большимъ. Стѣны отдѣланы были подъ мраморъ; двѣ люстры висѣли на потолкѣ украшенномъ лѣпною работою и нѣсколько бронзовыхъ бра на стѣнахъ; кругомъ, разставлены были стулья съ пунцовыми шелковыми подушками.

— «Залъ великолѣпный»—воскликнулъ Евгеній Ивановичъ,— «есть гдѣ потанцовать.»

На лицѣ Луки Лукича выразилась самодовольнѣйшая улыбка.

— «Вотъ и гостинная»,—продолжалъ онъ, вводя Мамочкина въ слѣдующую комнату.

Гостинная также была велика и отлично меблирована. По темно-синему фону обоевъ разбросаны были золотыя звѣзды; на угловыхъ каминахъ съ зеркалами стояли бронзовые часы и канделябры; рѣзная орѣховая мебель обита была синимъ атласомъ, а въ простѣнкахъ стояли большія зеркала; множество цвѣтовъ наполняли окна и жардиньерки.

Изъ гостинной, они вышли на широкую, крытую терассу.

Обширная лужайка съ разбросанными по ней цвѣточными клумбами, разстилалась прямою полосой. По сторонамъ цвѣтниковъ пролегали аллеи подстриженныхъ липъ; за лужайкой была обширная площадка, а за нею полукруглая липовая бесѣдка, къ которой примыкали боковыя аллеи.

— «Садъ этотъ у меня не великъ, только для цвѣтовъ»,— сказалъ Лука Лукичъ.

— «Чудно хорошъ!» — съ восхищеніемъ произнесъ Мамочкинъ.

— «А по ту сторону дома,»—продолжалъ Карачевскій,—«у меня фруктовый садъ также съ аллеями.»

— «Вы позволите мнѣ осмотрѣть и полюбоваться вашими садами?»—спросилъ Мамочкинъ.

— «Помилуйте, съ большимъ удовольствіемъ», — отвѣтилъ Карачевскій,—«да если позволите, я буду просить у васъ Евгеній Ивановичъ, какъ знатока, не отказать мнѣ въ совѣтахъ.

Мамочкинъ молча поклонился.

— «Ну я вамъ не все еще показалъ въ домѣ», — продолжалъ Лука Лукичъ, входя вновь въ гостиную и повернувъ направо,—«вотъ угловая!»

Небольшая комната оклеена была бѣлыми обоями съ пестрыми цвѣтами; мягкая ситцевая мебель находилась въ общей гармоніи. Множество цвѣтовъ и декоративныхъ растеній стояли на окнахъ, по угламъ и въ корзинахъ.

— «А тамъ»,—говорилъ Лука Лукичъ, указывая на небольшую орѣховую дверь, — «наша спальня, гардеробная жены, чайная и дѣвичья... Ну, добрѣйшій мой Евгеній Ивановичъ, пойдемте теперь въ мой кабинетъ, я васъ кажется измучилъ.»

— «Нисколько!»—отвѣчалъ Мамочкинъ, пріятно улыбаясь.

Они вышли въ кабинетъ, который былъ рядомъ съ комнатой, отведенною для Мамочкина. Орѣховая мебель, покрытая зеленымъ репсомъ, большой письменный столъ, каминъ съ

зеркаломъ и мраморными часами, шкафъ съ книгами, диванъ съ столомъ, лампа и множество бронзовыхъ кабинетныхъ вещей, составляли убранство этой комнаты. Фотографическіе семейные портреты и рисунки рысистыхъ лошадей наполняли стѣны, а висѣвшіе надъ диваномъ: ружья, пистолеты, шашки и кинжалы, свидѣтельствовали о минувшихъ воинскихъ наклонностяхъ хозяина.

— «Ну вотъ и моя келья», —сказалъ Лука Лукичъ, предлагая Мамочкину сигару.

— «Ваша келья и весь домъ, отдѣланы съ большимъ вкусомъ и роскошью», —отвѣтилъ Мамочкинъ,— «право не много и въ Москвѣ такихъ домовъ.

— «За то у меня въ Москвѣ», —замѣтилъ Лука Лукичъ, садясь на диванъ и усаживая возлѣ себя Мамочкина,—«ужь не взыщите... сами видѣли, квартира никуда не годится, ну а живу въ ней нѣсколько лѣтъ, привыкъ, перемѣнять не хочется... Все собираюсь купить домъ въ вашей сторонѣ, около Арбата.»

— «Ну, чтожъ! домовъ около Арбата много.»

— «Смотрѣлъ и много смотрѣлъ, все что-то неподходящіе.»

— «Вамъ и въ Москвѣ необходимы большія комнаты, особенно залъ, у васъ часто гостятъ племянницы; ну знаете, барышни любятъ повеселиться, потанцовать.»

— «Какъ же, онѣ отъ этого не прочь, да и Митя-то у меня большой охотникъ... вотъ они и сегодня затѣяли танцы.»

— «У васъ сегодня балъ?»

— «Какой балъ... сосѣди знаете съѣдутся ну и потанцуютъ, по просту, по деревенски... Вѣдь у насъ здѣсь нѣтъ и порядочной музыки... полковая—ужь не взыщите.

— «За чаемъ, я любовался Лука Лукичъ, вашими племянницами, какія онѣ красавицы!»

— «Да! такъ себѣ, не дурны, ну а далеко не красавицы.

Вотъ вечеромъ увидите вы у меня красавицу, ну ужь настоящая красавица... просто прелесть, идеально хороша.»—Говоря это, Карачевскій старался выразить въ лицѣ своемъ какую-то идеальность.

— «Кто такая?»— спросилъ съ любопытствомъ Мамочкинъ.

— «Одна вдовушка, Елизавета Павловна Даргевичъ, она живетъ постоянно въ Петербургѣ, а сюда пріѣхала недавно, погостить къ брату.

— «А!... ты здѣсь дядя», — сказалъ вошедшій Дмитрій Петровичъ, — «а я тебя вездѣ искалъ, нужно мнѣ переговорить съ тобой на счетъ фейерверка... Я думаю, всего лучше пустить его за лужайкой, противъ терассы... а бенгальскими огнями можно освѣтить аллеи.»

— «И отлично»,—отвѣтилъ Лука Лукичъ.

— А я все хлопочу»,—продолжалъ Дмитрій Петровичъ, вертясь на мѣстѣ и постукивая каблуками, — «о завтрешней кавалькадѣ, кажется, все устроилъ и лошадей приготовилъ. Собираются всѣ здѣсь, къ тремъ часамъ и послѣ закуски поѣдемъ кататься и будемъ пить чай у Пирликовыхъ. Евгеній Ивановичъ, certainement vous serez des notres!»

— Avec plaisir»,— отвѣтилъ Мамочкинъ, наклонивъ голову.

— «Дядя»,—продолжалъ Дмитрій Петровичъ, ты конечно не забылъ, что послѣ завтра мы всѣ обѣдаемъ у Очаковыхъ, а на другой день званы на чай къ madame Даргевичъ.»

Вошедшій лакей доложилъ о приходѣ священника, Лука Лукичъ поспѣшно вышелъ изъ кабинета, Мамочкинъ и Дмитрій Петровичъ за нимъ послѣдовали.

Старый священникъ въ камлотовой рясѣ и въ эпитрахилѣ стоялъ съ крестомъ, противъ образа, въ углу зала; поодаль, у окна, глазѣли дьячки въ нанковыхъ кафтанахъ, съ пестрыми поясами и заплетенными косами. Людмила Петровна съ племянницами и Анна Лукинишна стояли въ дверяхъ гостиной.

Началось молебствіе и по провозглашеніи многолѣтія его высокоблагородію Лукѣ Лукичу съ его супругою и родствомъ, всѣ подошли къ кресту и получили окропленіе святою водою.

Раскланявшись со всѣми и перебросивъ нѣсколько словъ съ хозяевами, священникъ удалился въ сопровожденіи причета.

— «Евгеній Ивановичъ, не угодно ли закусить чего нибудь, до обѣда еще долго... пойдемте въ кабинетъ,»—сказалъ Лука Лукичъ, взявши подъ руку Мамочкина.

На столѣ у дивана, въ кабинетѣ стоялъ огромный серебряный подносъ, съ водками, винами и разными закусками.

— «Милости прошу Евгеній Ивановичъ»,—сказалъ хозяинъ,—«какой угодно водочки, горькой или сладкой?

— «Благодарю, не безпокойтесь»,—отвѣтилъ Мамочкинъ, наливая рюмку горькой водки.

— «Икра кажется хороша, прислали изъ Москвы отъ Генералова»,—продолжалъ Карачевскій, угощая Мамочкина.

— «Отличная!»—сказалъ Евгеній Ивановичъ.

Икра дѣйствительно была отличная.

— «Страсбургскаго-то пирожка, не угодноли, кушайте пожалуста Евгеній Ивановичъ.

— «Сначала вальсъ!... вальсъ»!...—говорилъ протяжно Дмитрій Петровичъ, развалясь въ креслахъ и барабаня пальцами по письменному столу, — «вальсъ!... потомъ контредансъ... вальсъ... контредансъ... вальсъ... лансье... вальсъ... контредансъ... мазурка... ужинъ, ну потомъ котильонъ и отлично!»

— «Ты все мечтаешь о танцахъ,»—сказалъ Лука Лукичъ.

— Нельзя же дядюшка, надо впередъ обдумать; ну а за ужиномъ каждый кавалеръ въ мазуркѣ будетъ сидѣть съ своей дамоіі.»—Обращаясь къ Мамочкину, онъ спросилъ:

— «Евгеній Ивановичь, вы конечно будете танцовать?

— «Съ удовольствіемъ, Дмитрій Петровичъ и прошу васъ быть моимъ визави на весь вечеръ.»

Дмитрій Петровичъ пожалъ Мамочкину руку.

— «Позвольте мнѣ Лука Лукичъ, погулять по вашимъ садамъ»,—сказалъ Мамочкинъ,—«только сдѣлайте одолженіе, не безпокойтесь, я похожу одинъ, а вамъ вѣроятно нужно чѣмъ нибудь распорядиться по хозяйству. Я надѣюсь, вы со мной не будете церемониться.»

Лука Лукичъ пожалъ руку Мамочкина, пріятно улыбаясь, очень довольный его предложеніемъ.

День былъ жаркій;—Евгеній Ивановичъ вышелъ на терассу, обошелъ лужайку, по которой разбросаны были цвѣточныя клумбы; восхищался превосходными левкоями, астрами, красивыми группами циній, георгинъ и яркими турецкими букетами изъ портулака.

На обширной площадкѣ за лужайкой, нѣсколько рабочихъ вбивали колья для ракетъ, устанавливали щиты съ буквами Л и К, колеса и углубляли въ землю цѣлые ряды римскихъ свѣчъ. Дмитрій Петровичъ очутился уже тутъ и очень хлопоталъ около рабочихъ.

— «Votre feu d'artifice sera magnifique»,—сказалъ Мамочкинъ.

— «Je ne sais», — отвѣтилъ Дмитрій Петровичъ, выпрямляя колесо, — «c'est très difficile de faire quelque chose avec ces monsieurs, ils ne comprennent absolument rien.»

Постоявъ около Дмитрія Петровича нѣсколько минутъ, Мамочкинъ пошелъ по липовой аллеѣ и обойдя боковой фасадъ дома, остановился у подъѣзда. Посреди обширнаго двора, обнесеннаго заборомъ, находилась довольно большая лужайка, вокругъ которой пролегала широкая шоссированная дорога; направо и налѣво находились каменныя службы: кухня, людская, флигель, погреба и ледники; за рѣшеткой, направо, черезъ дорогу стояла деревянная церковь, окруженная густыми деревьями; прямо противъ воротъ: широкая липовая аллея фрук-

товаго сада, а налѣво виднѣлись: конюшни, сараи, скотный дворъ и другія хозяйственныя постройки.

На дворѣ происходили слѣдующія сцѣны: нѣсколько крестьянокъ торопливо подметали дорогу и таскали соръ за ворота; повара, большіе и малые, въ бѣлыхъ курткахъ и такихъ же колпакахъ безпрерывно бѣгали отъ кухни къ леднику и отъ ледника къ кухнѣ, таская, то мороженницы, то кастрюли и разныя заготовки кулинарнаго искусства. Два борзыхъ кобеля, поднявши рыла, выжидали у кухни какой нибудь кости, а долговязый журавль, стоя на одной ногѣ, чесалъ подъ крыломъ длиннымъ своимъ клювомъ. Обойдя дворъ, Евгеній Ивановичъ вошелъ въ аллею сада, гдѣ встрѣтилъ племянницъ Карачевскаго, шедшихъ рука подъ руку въ разгарѣ оживленной бесѣды.

Мамочкинъ поклонился и попросилъ позволенія имъ сопутствовать.

Покраснѣвъ по чему-то до ушей, обѣ наклонили головы въ знакъ согласія.

— «Я сейчасъ, mesdames, любовался цвѣтниками вашего дядюшки, чудно, какъ хороши»,—сказалъ Мамочкинъ.

— Дядя очень любитъ цвѣты»,—отвѣтила старшая, — mais je crois qu'il ne s'y entend guère.»

— «Мнѣ кажется, monsieur Мамочкинъ», — сказала меньшая,—«что я видѣла васъ въ Москвѣ у дядюшки?

— «Какъ же, я имѣлъ удовольствіе васъ видѣть и засталъ васъ за игрою въ карты съ Дмитріемъ Петровичемъ.»

— «Помню!... помню!...—отвѣчала она громко захохотавъ,— «вообразите себѣ, во что мы тогда играли... ну просто въ дурачки.»

— «Какъ провели вы, mesdames ту зиму?»

— «Отлично»,—отвѣтила старшая,—«помнишь ли Варя, какъ мы много выѣзжали, веселились, танцовали.»

— Ну, а въ деревнѣ конечно вамъ скучно?

— «Нисколько, je vous assure, мы съ сестрой такъ любимъ деревню, особенно лѣтомъ... здѣсь такъ хорошо, такъ пріятно.»

— «Я съ вами вполнѣ согласенъ... а!... вотъ и вашъ дядюшка», — сказалъ Мамочкинъ, увидя шедшаго къ нимъ на встрѣчу Луку Лукича въ сопровожденіи какихъ-то двухъ мужчинъ.

— «Евгеній Ивановичъ, рекомендую вамъ моихъ братьевъ,»— сказалъ Карачевскій,—«Петръ Лукичъ и Егоръ Лукичъ.

— «Очень пріятно познакомиться», отвѣтилъ Мамочкинъ, протягивая обоимъ руку.

Стукъ экипажей, подъѣхавшихъ въ крыльцу, возвѣстилъ о прибытіи гостей,—всѣ поспѣшили къ дому.

У воротъ встрѣтились они съ Очаковымъ.

Поздоровавшись и разцеловавшись съ хозяиномъ и его братьями, Очаковъ пожалъ руку Мамочкину.

— «Здраствуйте Евгеній Ивановичъ, — какими судьбами вы здѣсь?.., не стыдно ли не заѣхать къ намъ?.. ну признаюсь не ожидалъ!

— «Въ настоящее время Сергѣй Сергѣевичъ, (такъ звали Очакова) я спѣшилъ къ Лукѣ Лукичу, но если позволите непремѣнно буду у васъ... какъ здоровье Ольги Петровны графа, графини?»

— «Они всѣ здѣсь.»

Графъ Петръ Дмитріевичъ, разцеловавшись съ Мамочкинымъ, замѣтилъ,—«что такъ не дѣлаютъ-съ, что стыдно не заѣхать къ роднымъ-съ.»

Мамочкинымъ повторилъ, что онъ спѣшилъ къ Лукѣ Лукичу.

— «То-то спѣшили-съ» — говорилъ графъ — «нѣтъ-съ... нѣтъ-съ никакихъ оправданій.»

Почтенная графиня, Ольга Васильевна, въ шелковомъ свѣтло

лиловомъ капотѣ и въ чепцѣ съ бѣлыми лентами сидѣла на диванѣ въ гостиной и бесѣдовала съ хозяйкой.

— «Bonjour ma tante»—сказалъ Евгеній Ивановичъ, почтительно целуя ея руку.

—«Здравствуй Евгеній, другъ мой»—отвѣтила графиня, обнимая его одною рукою и целуя его въ щеку—«очень, очень рада mon cher тебя видѣть... какъ здоровье кузины (жену Мамочкина, графиня почему то, постоянно звала кузиной) «что твои дѣточки?»

— «Merci, ma tante, всѣ здоровы.

— «Хорошо, отлично поступили Евгеній Ивановичъ»—проговорила скоро, вошедшая Ольга Петровна—«развѣ такъ дѣлають, не заѣхать къ намъ... стыдно!.. стыдно!»

— «Я непремѣнно пріѣду къ вамъ, если позволите»—отвѣтилъ Мамочкинъ, целуя ея руку.

— «То-то же... смотрите,»—продолжала Очакова, пріятно улыбаясь и грозя пальцемъ.

Графъ Петръ Дмитріевичъ Шабонскій представлялъ собою типъ русскихъ аристократовъ прошедшаго времени. Большаго роста съ огромной лысиной и рѣдкими сѣдыми волосами на затылкѣ, онъ держалъ себя баричемъ. Большой лобъ, нѣсколько вздернутый носъ и слегка отвисшій подбородокъ, придавали ему какую то величественность. Не смотря на семидесятилѣтній возрастъ, онъ ходилъ прямо, имѣлъ горделивую, нѣсколько театральную осанку, говорилъ громко, съ увѣренностію, прибавляя, по привычкѣ, почти къ каждому слову *съ*. Вообще во всѣхъ движеніяхъ, въ голосѣ и въ манерахъ, онъ сохранялъ постоянно чувство собственнаго, графскаго достоинства... Графъ Петръ Дмитріевичъ былъ очень радушенъ, большой хлѣбосолъ и любилъ пожить.

Графиня Ольга Васильевна, его супруга, почтенныхъ также лѣтъ, обладая, хитрымъ, пытливымъ умомъ, была женщина

ласковая, внимательная, предупредительная, и очень набожная. Одержимая наслѣдственной толщиной, графиня съ большимъ трудомъ могла приподниматься на ноги и ходила еле-еле, переваливаясь съ бока на бокъ. Она часто страдала болью въ ногахъ и почти постоянными флюсами.

Единственная ихъ дочь, Ольга Петровна Очакова, молодая женщина, небольшаго роста, довольно полная и съ пріятною наружностію, была очень нервна и вспыльчива. Унаслѣдовавъ вполнѣ характеръ отца, она не уступала впрочемъ и матери въ чрезмѣрной внимательности и предупредительности, доходившихъ до приторности. Любя своего мужа до безумія, она тѣмъ не менѣе держала его на стрункѣ, такъ что добрѣйшій Сергѣй Сергѣевичъ, рѣшительно не смѣлъ дѣлать шага, безъ разрѣшенія супруги. Красивый брюнетъ, огромнаго роста, худощавый, съ черными, выразительными глазами и длинной бородой, Сергѣй Сергѣевичъ Очаковъ, вполнѣ изображалъ собою типъ, выраженный стихами Грибоѣдова.

„Мужъ мальчикъ, муже слуга, изъ женниныхъ пажей.
„Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей,

Сергѣй Сергѣевичъ служилъ въ одномъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, но оженившись, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ помѣстьѣ Оковѣ. Не обладая особенными талантами, не менѣе того, онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ губерніи, какъ человѣкъ съ огромными средствами и обладатель одного изъ многоземельнѣйшихъ помѣстій.

— «Что же терять-съ золотое-то время Лука Лукичъ,»— сказалъ графъ,—«насъ четверо-съ, вы, я-съ, Евгеній Ивановичъ и Сергѣй Сергѣевичъ.

— «Съ удовольствіемъ графъ, мы до обѣда успѣемъ окончить партію.»

Столъ и карты были поданы въ гостиную.

Графъ нетерпѣливо распечаталъ колоду и разложилъ ее по столу—«Не угодно-ли-съ?»—всѣ взяли карты.

— «Сергей Сергѣевичъ, да гдѣ же-вы-съ»?—кричалъ графъ—«за вами дѣло-съ.»

— «Иду папа»—отвѣтилъ Очаковъ, быстро шагая длинными своими ногами.

— «Я съ вами-съ Лука Лукичъ,»—продолжалъ графъ—«Евгеній Ивановичъ, не угодно ли пари на рубликъ-съ?»

— «Съ удовольствіемъ ваше сіятельство;... вамъ вздавать Сергѣй Сергѣевичъ.

Началась игра; сдѣлавши шлемъ, Очаковъ и Мамочкинъ выиграли первую партію.

— «Ничего-съ Лука Лукичъ, ничего-съ»—говорилъ графъ—«цыплятъ по осени считают-съ!»

Игра продолжалась.

— «Что же это вы задумали-съ Лука Лукичъ?»—говорилъ графъ съ нетерпѣніемъ Карачевскому, который, не рѣшаясь во что идти, усердно теръ себѣ лобъ рукою.

— «Нельзя же графъ,—надо подумать.»

— «Ничего не выдумаете-съ, когда карты не идут-съ. Сергѣй Сергѣевичъ и Евгеній Ивановичъ выиграли вторую партію.

— «Ну! по больному то ужъ и больно-съ»—замѣтилъ графъ, записывая роберъ съ минусомъ.—«Съ вами-съ Сергѣй Сергѣевичъ, пожалуйте-съ!»

Партенеры пересѣли.

— «Идетъ на рубликъ-съ Евгеній Ивановичъ?»

— «Идетъ ваше сіятельство.»

— «Пусти Сержъ, я этотъ роберъ съиграю съ папа»—проговорила Ольга Петровна, положа руку на плечо своего мужа.

— «Нѣтъ Оля, ты насъ оставь»—сказалъ графъ съ нетерпѣніемъ.

Въ это время вошли въ гостиную пріѣхавшіе сосѣди: Пудъ Силычъ Сиговъ, съ супругою.

Всѣ встали и поздоровались; Ольга Петровна припорохнула къ Сиговой съ пріятнѣйшей улыбкой; хозяйка поспѣшила также подойти и пожать ей руку; а графиня, желая привстать, потѣряла равновѣсіе и снова опустилась на диванъ.

Сиговъ и его супруга обладали необыкновеннымъ ростомъ и дородствомъ, толстыми, красными, одутлыми лицами, тяжелой поступью и громкими сиплыми голосами; однимъ словомъ была пара.

Дамы начали о чемъ то говорить, разсѣвшись чинно на диванѣ, а Сиговъ подошелъ къ графу.

— «Ваше сіятельство, не изволите терять времечко»—сказалъ Пудъ Силычъ весело-насмѣшливымъ тономъ; Сиговъ былъ превеселаго нрава.

— «Какъ видите-съ, только больно сѣкут-съ... Нѣтъ! уже это до безчувствія-съ»... произнесъ графъ, записывая второй роберъ съ минусомъ.

По окончаніи игры, Мамочкинъ ушелъ въ залъ и началъ о чемъ то говорить съ Петромъ Лукичемъ Карачевскимъ.

Столъ былъ накрытъ, украшенъ цвѣтами, бронзовыми канделябрами, хрустальными вазами, фарфоромъ, серебромъ; однимъ словомъ сервировка была отличная. Винъ было множество, а накрахмаленныя камчатныя салфетки сложены были въ видѣ бабочекъ.

— «Милости просимъ кушать»—сказалъ Лука Лукичъ предлагая руку графинѣ, которую повелъ къ столу и усадилъ на первомъ мѣстѣ. По одну сторону сѣли мужчины, а барыни по другую; блюдамъ конца не было: и стерляжья уха и разварные осетры и ростбифы и сюпремы и чего его не было; однимъ словомъ, обѣдъ былъ на славу. Всѣ кушали, какъ говорится въ плотную, а несмотря на это, гостепріимный хозя-

инъ то и дѣло, подбѣгалъ то къ одному, то къ другому, упрашивая кушать и кушать.

Дамы говорили преимущественно о новостяхъ губернскаго города, съ прибавленіями: «слышали что говорятъ... ужасно!.. неужели?.. нѣтъ!.. это невозможно!»—Мужчины вели болѣе серьозный разговоръ о хозяйствѣ, о судоустройствѣ и проч. графъ страшно горячился, возставалъ противъ новыхъ порядковъ, осыпалъ упреками людей передовыхъ, краснѣлъ, выходилъ изъ себя. Никто ему не возражалъ; всѣ слушали его молча, слегка улыбаясь.

Послѣ обѣда графа уложили спать; дамы ушли во внутреннія комнаты, а мужчины разбрелись кто по саду, а кто предался также отдохновенію.

. . . .

Въ девять часовъ вечера зажгли люстры, лампы и бра, накурили комнаты амбре, помѣстили музыкантовъ въ уголъ зала и гости начали съѣзжаться.

Дама, небольшаго роста, худощавая, въ лиловомъ шелковомъ платьѣ, съ ярко-пунцовыми цвѣтами, въ гофрированныхъ волосахъ, вошла въ залъ, въ сопровожденіи двухъ красивыхъ блондинокъ. За ними, переваливаясь, шелъ мужчина средняго роста, сѣдой, съ бакенбардами въ видѣ котлетокъ, съ нѣсколько выдавшимся и раздвоеннымъ подбородкомъ, толстою, отвисшею, нижнею губою, съ пенсъ-не на носу и въ палевыхъ перчаткахъ.

Хозяинъ и хозяйка встрѣтили пріѣхавшихъ.

—«Варвара Семеновна, Петръ Ивановичъ, какъ мы благодарны, что вы насъ вспомнили,»—проговорилъ Лука Лукичъ нѣжнѣйшимъ голосомъ.

—«И кажется первые»—отвѣтилъ Петръ Ивановичъ дребезжащимъ голосомъ, окинувъ глазами залъ и сбросивъ пенсъ-не, съ ловкостію молодаго фата.

— «Мы стараемся всегда быть любезными, внимательными ко всѣмъ нашихъ знакомымъ»—пропищала Варвара Семеновна приторно сладкимъ голоскомъ, целуя Людмилу Петровну, изгибаясь и какъ то жантильничая.

— «Очень, очень вамъ благодарны, что привезли вашихъ барышень» — сказала Людмила Петровна, протягивая руку блондинкамъ.

— «Вы знаете, милая Людмила Петровна, какъ мы любимъ нашихъ дѣтей, какъ мы стараемся доставить имъ удовольствіе»—проговорила Варвара Семеновна нѣжнѣйшимъ голосомъ.

— «Кто эти господа?»—спросилъ въ полголоса Мамочкинъ у Сигова.

— «Пирликовы: мужъ, жена и двѣ дочери.»

Лука Лукичъ подвелъ Пирликова къ Мамочкину.

— «Позвольте познакомить: Петръ Ивановичъ Пирликовъ Евгеній Ивановичъ Мамочкинъ.»

Оба молча поклонились, пожавъ другъ другу руки, при чемъ Евгеній Ивановичъ почувствовалъ запахъ духовъ жокей-клубъ, съ примѣсью какого-то запаха свѣжихъ сливокъ.

Перебросивъ съ Мамочкинымъ нѣсколько словъ, Пирликовъ надѣлъ пенсъ-не и пошелъ, переваливаясь въ гостинную.

Евгеній Ивановичъ очутился снова съ Сиговымъ.

— «Странно!»—сказалъ Мамочкинъ,—«какъ отъ этого Пирликова пахнетъ свѣжими сливками.»

Пудъ Силычъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— «Чему вы смѣетесь?»—спросилъ Мамочкинъ.

— «Сядемте... я вамъ кое что поразскажу»—отвѣтилъ Сиговъ—«но только пожалуста между нами.

— «Конечно!»

Они сѣли.

— «Слушайте»—началъ онъ тихо: «этотъ Пирликовъ, про-

званный въ дѣтствѣ почему-то «Корячкой» а нынѣ у насъ «гаменомъ» занимаетъ изрядное мѣсто. Воспитывался онъ гдѣ то въ Петертургѣ и говорятъ мечталъ о блистательной карьерѣ, о выгодной партіи, чуть ли не на дочери министра, ну а съѣхалъ много, много ниже, женившись на бѣдной дѣвушкѣ, одной, изъ многихъ воспитанницъ его матери. Говорятъ, я повторяю вамъ, говорятъ, что за этой воспитанницей, еще до женитьбы Петръ то Ивановичъ, бывши молодымъ, петербургскимъ ловеласомъ черезъ чуръ ухаживалъ, ну сударь ты мой... Родственники этой воспитанницы и начали приступать къ нему, чтобы онъ на ней женился; а онъ, куда себѣ, и въ усъ не дуетъ. Какъ петербургскому франту жениться на бѣдной дѣвушкѣ?.. возможное ли это дѣло?.. какая это ему партія?.. На ту пору, барышню куда то отвезли, а дружка то Петра Ивановича маленечко поприжали. Въ конецъ концевъ, на девятомъ мѣсяцѣ и обвѣнчали. Дѣлать нечего, пришлось Пирликову покориться судьбѣ; поселились они знаете въ деревнѣ и прожили тамъ два года, занимаясь все западной литературой. Этимъ временемъ петербургскія мечты попритихли. Ну потомъ, поступилъ онъ опять на службу и очутился здѣсь.»

— «Посмотрите-ка на нихъ Пудъ Силычъ, они кажутся вѣдь очень нѣжные супруги?»—сказалъ Мамочкинъ, указывая на говорившихъ между собою Пирликовыхъ.

— «Да!.. на видъ ужъ такіе нѣжные... все мы да мы... Пьеръ да Барбъ!»

— «Ну а на счетъ сливочнаго-то запаха?»

— «Какіе вы право нетерпѣливые... вотъ все вамъ вынь-да положь»—отвѣтилъ Сиговъ,—«потерпите, не только до сливочнаго дойдемъ, но до такихъ, что и Боже упаси!»

— «Да!.. да»—продолжалъ Сиговъ, качая головой—«Пирликовы ужъ куда какіе нѣжные супруги, особенно Варвара то Семеновна... какъ она заботится о своемъ супругѣ, вообразите

себѣ, даже чиститъ собственноручно фланелью, съ свѣжими сливками палевыя его перчатки. Вотъ вамъ сударь ты мой и сливочный запахъ»—сказалъ смѣясь Сиговъ, а духами жокей клубъ онъ охотникъ прыскаться; вотъ и пахнетъ отъ него-то духами жокей клубъ, то свѣжими сливками... Посмотрите, вѣдь у старикашки переднихъ зубовъ нѣтъ, только и торчатъ во рту какіе-то два черныхъ клыка... вѣдь весь дребезжитъ, а туда же франтитъ... ишь, какъ выучился дрыгать то носомъ, такъ и соскакиваетъ у него пенсъ-не. А ужъ селадонъ, ловеласъ я вамъ скажу такой, что и не говорите; а попробуйте потолковать съ нимъ: ну и начнетъ васъ подчивать—: нравственность, да нравственность, долгъ да обязанность; такихъ напоетъ вамъ турусовъ на колесахъ, что непремѣнно подумаете... святой се человѣкъ.»

— «Однако Пудъ Силычъ, я вижу, язычекъ то у васъ того»—замѣтилъ Мамочкинъ.

— «Помилуйте!.. какой язычекъ, про Пирликова то у насъ всѣ знаютъ, у кого не спросите»—при этомъ Пудъ Силычъ расхохотался довольно громко.

— «Чему вы смѣетесь?»

— «Такъ... ничего!.. вспомнилъ про него одинъ пассажъ, ну я вамъ скажу перваго сорта.»

— «Разскажите пожалуста!»

— «Ну, послѣ, какъ нибудь»—отвѣтилъ Сиговъ вставая— «вотъ начинаются танцы.»

Во время этого разговора наѣхало множество гостей. Начался вальсъ; закружились пары, взвились тарлатановыя платья, отлетали въ сторону юбки и маленькія ножки въ атласныхъ ботинкахъ скользили по вертѣлись по гладкому паркету.

— «Avez-vous une dame?» спросилъ запыхавшись Дмитрій Петровичъ, подбѣгая къ Мамочкину—«on va commencer la contredance.»

— «Oui, je danse avec madame Очаковъ.

Заиграла музыка.

Дамы вышли изъ гостиной и размѣстились около стѣнъ; забѣгали кавалеры, захватывая по два стула и перевязывая ихъ платками, за тѣмъ подводили дамъ къ мѣстамъ. Танцующіе размѣстились.

— «Monsieurs à vos places s'il vous plait avec vos dames» раздался голосъ Дмитрія Петровича.

Началась первая фигура.

— «Ольга Петровна... кто эта креолка, живая, веселая которая танцуетъ во второй парѣ?»—спросилъ Мамочкинъ у своей дамы.

Ольга Петровна посмотрѣла въ лорнетъ.

— «Это Зенаида Карловна Герценштейнъ! не правда ли какъ она хороша?.. какіе чудные у нея глаза?.. c'est une vraie beauté du midi.

— «Да!, она не дурна, но я нахожу, что она немного ломается, ну и черты ея лица довольно крупны... зубы... носъ «толсты.»

— «Mais vous êtes d'une exigence» — отвѣтила, улыбаясь Очакова.

Въ это время къ Ольгѣ Петровнѣ подошелъ какой то господинъ и началъ съ нею бесѣдовать, позади же Мамочкина сѣли двѣ пожилыя дамы, которыя занялись слѣдующимъ чрезвычайно пошлымъ разговоромъ:

— «Посмотрите матушка на Варвару то Семеновну Пирликову»—говорила одна изъ нихъ, качая головой. А что?» — спросила другая—«да развѣ вы не видите, какъ натерла то она щеки свеклой, совсѣмъ синія стали.»

— «И ужъ свеклой?»—спросила другая—увѣряю васъ, что свеклой, я это вѣрно знаю.»

— «Monsieurs, la seconde figure avec vos vis-a-vis, s'il vous plait»—прокричалъ Дмитрій Петровичъ.

Евгеній Ивановичъ началъ фигуру; возвратясь на мѣсто, онъ услышалъ продолженіе предыдущаго разговора.

— «Жаль матушка, что не зима, а то Варвара Семеновна непремѣнно надѣла бы малиновое бархатное платье, которое досталось ей послѣ покойной сестры Петра Ивановича; она надѣваетъ его зимою на всѣ вечера. Посмотрите, посмотрите, какъ она сжала то губки, должно боится, чтобы воскъ не выпалъ».—Какой воскъ?»—спросила другая—«Да развѣ вы не знаете матушка, что зубы то у нея со свищами; ну вотъ она и залѣпливаетъ ихъ воскомъ.»

Двери лакейской растворились.

Плавно, едва касаясь пола граціозно вошла молодая дама, высокаго роста, стройная, какъ сама грація. На голубомъ, шелковомъ ея платьѣ со шлейфомъ, наброшенъ былъ легкій тюль съ золотыми звѣздами; бѣлый, муаровый поясъ, ловко охватывая гибкій ея станъ, упадалъ сзади, въ нѣсколькихъ складкахъ широкими концами; черная бархатная лента, съ брилліантовой звѣздой рѣзко выдѣляла мраморную бѣлизну дивной ея шеи и античныхъ, очаровательныхъ ея плечъ; другая звѣзда блистала на лифѣ, придерживая розанъ. Въ черныхъ, какъ смоль густыхъ волосахъ граціозно лежалъ бѣлый цвѣтокъ, а въ крошечныхъ ушахъ блистали два крупныхъ солитера. Нѣсколько прядей тонкихъ волосъ съ легкими буклями падали на маленькій ея лобъ. Черты матоваго ея лица съ легкимъ румянцемъ были красоты безукоризненной. А глаза!.. боже мой! такихъ черныхъ глазъ и не увидишь; сколько жизни, огня, поэзіи, страсти въ чудномъ, обворожительномъ ея взорѣ, сколько нѣги во влажныхъ рѣсницахъ и сколько мысли въ тонкихъ ея бровяхъ.

Всѣ взоры на нее обратились, когда легкою поступью прошла она между танцующихъ, окинувъ всѣхъ однимъ взглядомъ.

Увидѣвъ ее, Евгеній Ивановичъ остолбенѣлъ;—что то кольнуло ему въ сердце, какой то электрическій токъ пробѣжалъ по всему тѣлу. Ему казалось, что лазурное небо съ тысячами звѣздъ упало на землю, увлекши съ собою это чудное созданіе. Онъ ничего не видѣлъ, не чувствовалъ, что вокругъ него дѣлалось и конечно не замѣтилъ вошедшаго съ нею господина небольшаго роста, среднихъ лѣтъ съ длинными бакенбардами и съ блуждающимъ, неопредѣленнымъ взглядомъ... Евгеній Ивановичъ видѣлъ ее лишь одну.

— «A nous à commencer»—сказала ему Ольга Петровна.

Мамочкинъ стоялъ неподвижно.

— «Etes vous donc sourd?»—повторила она съ нетерпѣніемъ, слегка ударивъ его вѣеромъ.

— «Plait-il»—сказалъ онъ тихо.

— «Mais qu'avez vous?.. on dirait que le ciel est tombé a vos pieds.., да начнемте же!.»

Они начали фигуру.

— «О!.. я начинаю угадывать»—сказала Ольга Петровна, съ насмѣшливой улыбкой—Dites donc, Евгеній Ивановичъ, comment trouvez vous la dame qui vient d'entrer?.

— «C'est un ange»—отвѣтилъ съ восторгомъ Мамочкинъ.

— «Plus de calme... пожалуста не улетайте отъ насъ на небо»—замѣтила она съ ироніей,—«останьтесь лучше на грѣшной нашей землѣ».

M'y voici... кто эта дама?»—спросилъ улыбаясь Мамочкинъ.

— «Елизавета Павловна Даргевичъ, а этотъ господинъ»—продолжала Очакова, указывая на стоявшаго въ дверяхъ гостиной,—это ея братъ.»

— «Grand rond s'il vous plait.. chaine chinoise.., avancez, reculez».. кричалъ Дмитрій Петровичъ.

Все смѣшалось, все прыгало, суетилось, кружилось и вертѣлось.

— «A vos places monsieurs et remerciez vos dames»,—сказалъ Дмитрій Петровичъ, обмахиваясь батистовымъ платкомъ.

— «Merci»—сказалъ Мамочкинъ кланяясь и слегка пожимая руку своей дамѣ.

— Merci monsieur»—отвѣтила она присѣдая съ граціозной улыбкой.—«Евгеній Ивановичъ»—продолжала Очакова перемѣнивъ тонъ голоса—«Sachez, que cette femme est coquette et n'oubliez pas surtout, que vous êtes père de famille»— Сказавши это, она тотчасъ же скрылась.

Пораженный этими словами, Мамочкинъ очутился одинъ у стула, оставленнаго его дамой. Не придавая никакой вѣры строгому приговору, произнесенному надъ госпожею Даргевичъ, онъ въ тотъ же моментъ отрѣшился отъ всего земнаго, вполнѣ предаваясь впечатлѣнію, произведенному на него появленіемъ чуднаго, очаровательнаго созданія; однимъ словомъ онъ былъ въ какомъ-то раю, созданномъ пылкимъ его воображеніемъ.... Но вдругъ онъ вздрогнулъ, какая-то невѣдомая сила приковала его къ мѣсту.... забилось его сердце; онъ взглянулъ и встрѣтилъ, устремленный на него огненный взглядъ Елизаветы Павловны.—Взглядъ этотъ былъ мгновенный, неуловимый, но Мамочкинъ чувствовалъ, что онъ его сжегъ.

— «Василій Александровичъ Борумъ... Евгеній Ивановичъ Мамочкинъ», — прозвучалъ около него голосъ Луки Лукича. Евгеній Ивановичъ взглянулъ и увидѣлъ Карачевскаго стоявшаго подлѣ него съ братомъ Елизаветы Павловны. Они молча подали другъ другу руки.

— «Позвольте васъ познакомить господа, вы кажется оба ботаники» продолжалъ Карачевскій.

Оставшись вдвоемъ съ Мамочкинымъ, Борумъ первый прервалъ молчаніе.

— «Лука Лукичъ сообщилъ мнѣ, что вы большой любитель флоры и вообще природы», — сказалъ онъ тихо, остановивъ на Мамочкинѣ, холодный свой взглядъ.

— «Да!.. я люблю природу во всѣхъ ея формахъ, во всѣхъ ея проявленіяхъ, во всѣхъ ея прелестяхъ»—отвѣтилъ Евгеній Ивановичъ, съ особеннымъ воодушевленіемъ.

Едва замѣтная, но нѣсколько злобная и насмѣшливая улыбка скользнула по безжизненному лицу Борума.

— «Но формы и проявленія природы, замѣтилъ Василій Александровичъ, такъ безграничны, что едва ли человѣку возможно обнять ихъ всецѣло».

— «Значитъ, по вашему мнѣнію, Василій Александровичъ, формы и проявленія природы необходимо заключить въ тѣсную раму спеціальности, изучать какое-нибудь явленіе природы, какую-нибудь отрасль естественныхъ наукъ!»

— Да, почти такъ... Научное, серіозное изученіе естественныхъ наукъ, возможно лишь въ частности, по отношенію къ цѣлому, а не наоборотъ; да и частное, спеціальное изученіе, дѣло весьма не легкое. Чѣмъ болѣе изучаешь какой-нибудь предметъ, какую-нибудь отрасль науки, тѣмъ болѣе чувствуешь ограниченность своихъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе остается еще изучать.

— «По этому, вы допускаете одну лишь спеціальность въ наукѣ?» спросилъ Мамочкинъ, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосѣ.

— «Евгеній Ивановичъ, тетушка васъ проситъ», сказалъ подбѣжавши Дмитрій Петровичъ.

— «Извините Василій Александровичъ», произнесъ Мамочкинъ, наклонивъ голову и пошелъ отыскивать Людмилу Петровну.

— «Евгеній Ивановичъ, позвольте представить васъ Елизаветѣ Павловнѣ Даргевичъ», сказала Карачевская, съ пріятною улыбкой.

Лицо Мамочкина просіяло;—онъ поблагодарилъ.

Заиграли вальсъ.

— «Елизавета Павловна, позвольте представить вамъ Евгенія Ивановича Мамочкина», проговорила Людмила Петровна, подведя его къ госпожѣ Даргевичъ.

Елизавета Павловна слегка наклонила голову съ едва замѣтной улыбкой.

— «Permettez, moi madame, de vous prier de m'accorder un tour de valse», произнесъ Мамочкинъ, нѣсколько взволнованнымъ голосомъ.

Она встала. Обхвативъ стройную ея талію и слегка прижимая къ груди, Евгеній Ивановичъ понесся съ ней въ вихрѣ шумнаго Штраусова вальса. Наклонивъ нѣсколько голову и едва касаясь пола, летѣла она непринужденно и легко, съ обворожительною граціей, приводя всѣхъ зрителей въ восхищеніе. Послѣ трехъ туровъ, Мамочкинъ бережно опустилъ ее на стулъ.

— «Merci monsieur» сказала она, наградивъ Евгенія Ивановича чарующимъ взглядомъ.

— «Madame, m'accorderez vous le bonheur d'une contredance?» произнесъ Мамочкинъ.

— «Oui monsieur, si vous trouvez que c'est un bonheur».

— «Madame, le bonheur ne doit éxister, qu'auprès de vous.

Она слегка улыбнулась, устремивъ на него испытующій взглядъ.

— «Елизавета Павловна, вы сегодня обворожительно хороши» сказалъ дребезжащимъ голосомъ, подошедшій Пирликовъ, подергивая при этомъ нижнею губою.

— «Неужели?.. вы находите?.. отвѣтила она насмѣшливо, обмахиваясь вееромъ.

— «Это голосъ цѣлаго общества».

— «Je trouve monsieur Pirlikof, que votre sociète est plus qu'indulgente.

— «Vous connaissez, probablement le proverbe madame: «гласъ народа, гласъ божій,»—отвѣтилъ онъ, съ самодовольнѣйшей улыбкой, переваливаясь съ ноги на ногу.

— «Ne mettez donc pas la divinité au niveau des banalités de ce monde», сказала она, съ презрительною улыбкой.

Заиграла музыка. Мамочкинъ подошелъ къ Елизаветѣ Павловнѣ и предложилъ ей руку.

Начался кадриль.

— «Вы кажется, monsieur Мамочкинъ познакомились съ моимъ братомъ и о чемъ-то съ нимъ говорили?» спросила Елизавета Павловна.

— «Да! мы говорили о естественныхъ наукахъ».

— «Развѣ вы также естественникъ?»

— «Я лишь ревностный обожатель всѣхъ прелестей природы».

Елизавета Павловна начала вторую фигуру и отдала Мамочкину свой вееръ, осыпанный брилліантами.

— «Вы москвичъ, какъ я слышала»? спросила она, возвращаясь на мѣсто.

— «Да, я постоянно живу въ Москвѣ съ семьею».

— «Какъ!.. вы женаты»?—спросила она съ удивленіемъ.

— «И очень, очень давно».

— «On ne le dirait pas, vous avez l'air d'être très jeune encore», замѣтила она улыбаясь...—«Скажите пожалуста Евгеній Ивановичъ, вы давно въ нашихъ краяхъ?»

— «Нѣтъ, я пріѣхалъ только сегодня и думаю пробыть здѣсь дней пять».

— «Я также собираюсь скоро въ Москву; пробуду тамъ съ тетушкой, двѣ, три недѣли, а потомъ въ Петербургъ. Здѣсь въ провинціи такая скука и при томъ провинціальная жизнь такъ пуста, такъ безцвѣтна, что несмотря на просьбы брата, я рѣшительно не сознаю никакой возможности оставаться здѣсь на зиму... Вы не повѣрите Евгеній Ивановичъ, какъ трудно сойтись съ здѣшнимъ обществомъ дамъ... столько пустоты... il n'y à que des cancans».

— «Вы совершенно правы Елизавета Павловна; я сейчасъ былъ невольнымъ слушателемъ такихъ пустыхъ и глупѣйшихъ сплетень au sujet de madame Pirlikof».

Елизавета Павловна разсмѣялась.

— «Oh! pour ce qui regarde les cancans, ce n'est malheureusement, que l'unique occupation de notre charmante société».

Кадриль кончился; Евгеній Ивановичъ поблагодарилъ свою даму, пригласивъ ее на четвертую кадриль и на мазурку.

— «Вотъ начинается фейерверкъ», сказалъ Мамочкинъ,— «Елизавета Павловна, позвольте предложить вамъ руку до терассы.»

— «Avec plaisir.»

Они вышли на терассу, гдѣ собралось уже большое общество. Проходя по гостиной, Мамочкинъ замѣтилъ, что Пирликовъ, устремлялъ на него и госпожу Даргевичъ злобный взглядъ, слегка пожимая плечами и слышалъ шушуканье какихъ-то дамъ на счетъ Елизаветы Павловны, по поводу ея туалета, ненатуральнаго цвѣта лица и кокетства.

Усадивши свою даму, Евгеній Ивановичъ сталъ позади ея стула, держа вееръ.

— «Евгеній Ивановичъ, принесите пожалуста мою тальму, сказала Елизавета Павловна, устремляя на него томный взглядъ «j'ai terriblement froid», продолжала она, подергивая пухленькими своими плечиками.

Мамочкинъ побѣжалъ и тотчасъ же возвратился, съ бѣлою кашемировою тальмою, которую онъ бережно накинулъ на ея плечи, слегка коснувшись до нихъ рукою.

— «Merci».

Взвились ракеты, оставляя за собою длинный, огненный слѣдъ и съ трескомъ разсыпали множество разноцвѣтныхъ, блестящихъ звѣздъ и огненныхъ сноповъ, мгновенно освѣтившихъ садъ и терассу, какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ.

— «Прекрасно!.. чудно какъ хорошо!.. обворожительно!..» слышны были восклицанія зрителей.

Завертѣлись колеса, разбрасывая огненные круги, запрыгали по газону игривыя шутихи и полетѣли сотни разноцвѣтныхъ звѣздъ. Вдругъ раздался оглушительный выстрѣлъ;— дамы вздрогнули;.. взвилась ракета длинною стрѣлой, слегка треснула въ воздухѣ и отдѣлила синюю, яркую, блестящую звѣзду, которая поплыла тихо и плавно, распространяя какой-то фантастическій свѣтъ.

— «C'est très joli», сказала Елизавета Павловна.

— «Un idéaliste dirait, madame», — отвѣтилъ Мамочкинъ, наклоняя къ ней голову, «que cette étoile, ressemble à une âme, qui parcoure l'éspace, en cherchant sur la terre quelque âme cherie pour l'enlever au ciel».

— «Je suppose, qu'avant de s'envoler au ciel, on peut bien chercher le bonheur sur la terre»,—отвѣтила Елизавета Павловна, бросивъ на Мамочкина выразительный взглядъ.

Синяя звѣздочка, сдѣлавшись вдругъ пунцовой, стала тихо опускаться и упала около самой терассы, почти у ногъ Елизаветы Павловны.

— «Cette âme madame est tombée à vos pieds»,—сказалъ Евгеній Ивановичъ, не безъ нѣкотораго волненія въ голосѣ.

— «Je la reçois dans mon coeur»,—отвѣтила она съ кокетливой улыбкой.

Заблисталъ щитъ брилліантовыми огнями съ вензелемъ новорожденнаго, зашумѣли огненныя струи фонтановъ и огромный буракъ разсыпался съ страшнымъ трескомъ, разбрасывая молніи, звѣзды и массы огня.

— «Превосходно!.. charmant... délicieux», послышалось со всѣхъ сторонъ.

Евгеній Ивановичъ подалъ руку Елизаветѣ Павловнѣ и отвелъ ее въ гостинную, гдѣ подошли къ Зенеида Карловна Герценштейнъ и Варвара Семеновна Пирликова.

. . . .

— «Елизавета Павловна, вы участвуете въ завтрешней кавалькадѣ? спросилъ Мамочкинъ, во время четвертой кадрили.

— «Да, мы собираемся здѣсь... la societé sera assez nombreuse»... Помолчавъ немного, она продолжала, съ легкой улыбкой. «Я хочу у васъ спросить, Евгеній Ивановичъ, почему сравнили вы синюю звѣздочку, съ душею, которая отыскиваетъ обожаемую ею душу, чтобы увлечь ее на небо».

— «Нѣкоторые вѣрятъ въ сродство душъ», отвѣтилъ Мамочкинъ.—«Я также вѣрю, что душа, не находя возможности соединиться на землѣ съ душею обожаемаго существа, сбросивъ земную оболочку, и свободная отъ всѣхъ житейскихъ узъ, иногда очень тяжелыхъ, непремѣнно соединится съ нею въ вѣчности».

— «Mais vous ètes tout à fait poète» — сказала Елизавета Павловна, обдавая его пламеннымъ взоромъ.

— «Скажу вамъ болѣе» — продолжалъ Евгеній Ивановичъ, съ замѣтнымъ увлеченіемъ—«что могутъ пройдти иногда годы, въ жизни человѣка, прежде чѣмъ встрѣтитъ онъ ту чудную, идеальную душу, съ которой онъ въ сродствѣ, для которой онъ созданъ и которая предназначена ему судьбою. Встрѣтивъ на землѣ эту душу онъ стремится соединиться съ нею, жить одною жизнію и»....

— «Ну а если жить одною жизнію невозможно?» — спросила Елизавета Павловна, не давши ему окончить.—«что тогда?»

— «Тогда».... отвѣтилъ Мамочкинъ, съ глубокимъ вздохомъ, — «онъ ждетъ этой возможности, или сбросивъ земную оболочку души эти соединятся въ загробной жизни».

Елизавета Павловна задумалась и не отвѣтила ни слова.

Кадриль давно уже окончился.

— «Merci madame»—сказалъ Евгеній Ивановичъ, пожимая ей руку.

— «Оставьте меня!» произнесла она тихо — «я хочу быть одна».

Онъ молча удалился.

Евгеній Ивановичъ былъ очень взволнованъ; машинально подошелъ онъ къ одному изъ карточныхъ столовъ; безсознательно заглянулъ онъ въ карты; разсѣянно отвѣчалъ на дѣлаемые ему вопросы и выйдя на терассу, пошелъ по липовой аллеѣ, освѣщенной разноцвѣтными фонарями. Не смотря на свѣжесть въ воздухѣ, ему было жарко, невыносимо душно.

— «Не ужели» — думалъ онъ, ходя ускореннымъ шагомъ взадъ и впередъ по аллеѣ,—«я могъ такъ скоро влюбиться въ эту женщину, увидѣвъ ее одинъ лишь разъ. Нѣтъ, нѣтъ, это не любовь, я увлекся очаровательной ея красотой, ея любезностію, кокетствомъ, увлекся взоромъ ея полнымъ огня и страсти... все это впечатлѣніе минуты... Вѣдь у меня семья: жена, дѣти, которыхъ я люблю... нѣтъ! я долженъ ее позабыть, задушить это увлеченіе... и уѣхать отсюда скорѣе... Боже мой! воскликнулъ Мамочкинъ, прислонясь къ дереву... что это однако со мной?.. я чувствую, что жжетъ у меня въ груди, какой-то ядъ, разливается по всему тѣлу... я страдаю... это ужасно... невыносимо; неужели это любовь... нѣтъ... это безуміе...

— «Евгеній Ивановичъ, Евгеній Ивановичъ!» послышался чей-то голосъ на терассѣ.

Мамочкинъ поспѣшилъ на зовъ.

— «Гдѣ же это вы были Евгеній Ивановичъ?.. васъ вездѣ ищутъ» говорилъ Дмитрій Петровичъ—«сейчасъ начнутъ мазурку... есть у васъ дама?»

— «Да, я танцую съ madame Даргевичъ, отвѣтилъ Мамочкинъ, входя въ гостинную и отыскивая глазами Елизавету Павловну.

— «Куда это вы пропали?» спросилъ у него Очаковъ.

— «Я гулялъ по аллеѣ».

— «Евгенію Ивановичу кажется было очень жарко»—замѣтилъ стоявшій тутъ Пирликовъ.

— «Евгеній Ивановичъ, не угодно ли закусить въ кабинетѣ» говорилъ Лука Лукичъ, съ сладчайшей улыбкой; но Мамочкинъ ничего не слышалъ. Онъ бросился въ залъ, но и тамъ Елизаветы Павловны не было; вернувшись назадъ онъ нашелъ ее въ угловой комнатѣ.

Она сидѣла одна, опустивъ голову съ оттѣнкомъ грусти и машинально ощипывала лепестки гіацинта. Увидя Мамочкина, мгновенный румянецъ оживилъ ее лицо, но какъ будто досадуя на себя, она тотчасъ же опустила голову.

— «Vous êtes seule madame?» сказалъ Евгеній Ивановичъ.

— «Qui, comme vous le voyez... садитесь.»

— «Какъ вы жестоки Елизавета Павловна»—продолжалъ Мамочкинъ, опускаясь подлѣ нея на кресло—«вы лишаете жизни бѣдный цвѣтокъ.»

— «Онъ уже умеръ, когда мнѣ его подали; онъ былъ оторванъ отъ корня... но вы меня сердите»—продолжала она, разрывая цвѣтокъ на мелкія части—«это невыносимо...—«гдѣ вы сейчасъ были?.. васъ вездѣ искали»..

— «Я гулялъ одинъ по аллеѣ... мнѣ было жарко, душно»...

— «Но что съ вами?»—продолжала она выпрямившись и го-

лосомъ, полнымъ участія...—«вы очень поблѣднѣли... не дурно ли вамъ?»

— «О нѣтъ, благодарю ничего».

— «Non, dites donc, êtes vous malade?

— «Oui madame, un peu; le mal, que je commence à éprouver est difficile à guerir.»

— «Vous le croyez... eh bien! moi, je vous guerirai», отвѣтила Елизавета Павловна съ обворожительной улыбкой.

— «Cela sera l'oeuvre d'une charité innouie», — отвѣтилъ Мамочкинъ, пожимая ея руку.

— N'en parlons plus... пойдемте лучше танцовать мазурку»

Евгеній Ивановичъ былъ въ какомъ-то чаду... Онъ боялся и думать, что Елизавета Павловна замѣтитъ впечатлѣніе, которое она на него произвела; онъ хотѣлъ все скрыть и всѣми силами старался задушить любовь еще въ зародышѣ; но она все уже угадала. Она начала еще болѣе кокетничать, забавляться, тѣшиться надъ нимъ, какъ надъ ребенкомъ, сознавая свою власть, могущество своей воли и неумолимую силу огненныхъ своихъ глазъ. Она конечно не могла и думать тогда, что любовь къ ней Мамочкина, можетъ со временемъ, при другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, разгорѣться сильнѣе и сильнѣе и обратиться въ страшный пожаръ... Она шутила съ огнемъ, какъ дитя, не предвидя опасности.

Во время мазурки подошелъ къ ней братъ.

— «Basile, я ужасно устала, мы уѣдемъ тотчасъ послѣ ужина».

— «Какъ хочешь Лиза».

— Евгеній Ивановичъ, надѣюсь сдѣлаетъ намъ удовольствіе»— продолжала она, обращаясь къ Мамочкину»,—пріѣхать въ среду на чашку чая.»

Василій Александровичъ, молча пожалъ ему руку, а Мамочкинъ поблагодарилъ за приглашеніе.

Борумъ отошелъ въ сторону.

— «Que de froideur, que de glace dans le regard de monsieur votre frere» —замѣтилъ Мамочкинъ, своей дамѣ.

— «Oui... il est ainsi et puis un médecin, on les dit toujours plus au moins froids».

Въ продолженіе мазурки разговоръ между ними какъ то не клеился; Елизавета Павловна сдѣлалась скучна, разсѣянна и едва отвѣчала на вопросы Мамочкина.

По окончаніи мазурки Евгеній Ивановичъ повелъ свою даму къ ужину и сѣлъ рядомъ съ нею.

За ужиномъ, разговоръ былъ общій, самый свѣтскій, пустой, но очень оживленный. Елизавета Павловна сдѣлалась снова необыкновенно весела, любезна, остроумна и кокетлива, а Мамочкинъ, приходилъ отъ нее все въ большее и большее восхищеніе.

Послѣ ужина, очутившись на терассѣ съ Елизаветой Павловной, Мамочкинъ попросилъ у нее на память розанъ, приколотый къ лифу ея платья.

— «Voici l'image de l'âme, que j'ai reçu dans mon coeur».— сказала она, отдавая ему цвѣтокъ.

— «Je saurai la garder madame et la chérir,—отвѣтилъ Евгеній Ивановичъ, цалуя ея руку.

— «Est-ce bien vrai, ce que vous me dites?»

— «Je vous le jure».

— «Vous vous éxaltez et je ne vous crois pas... En tout cas, n'oubliez pas que je suis coquette et que vous êtes père de famille.»— Сказавши это, она быстро ушла съ террассы, подошла къ брату и тотчасъ же уѣхала.

Оставшись одинъ, Мамочкинъ, приложилъ розанъ къ губамъ и пошелъ въ залъ.

Начинало свѣтать, гости разъѣхались и котильонъ не состоялся.

. . . .

— «Ну! теперь разскажу я вамъ пассажи» — началъ говорить Сиговъ, хриплымъ голосомъ, развалясь на приготовленной для него постелѣ, въ комнатѣ Мамочкина.

Евгенію Ивановичу совсѣмъ не хотѣлось его слушать.

— «Ну сударь ты мой, супруга то Пирликова, Варвара Семеновна по моложе своего мужа... ну знаете сами... нельзя же... ну вотъ и пріучила она его, разыгрывать съ нею въ четыре руки какой-то «романтикеръ вальсъ» аккуратно два раза въ недѣлю. Ну Петръ то Сергѣевичъ ужъ очень трудится, чтобы попасть въ тактъ, ну иногда и попадаетъ... Ну! да про это нечего и говорить, эта музыка—дѣло семейное, никому по настоящему и дѣла то никакого нѣтъ, что они тамъ между собою не разыгрываютъ. Но вотъ бѣда,—несмотря на годы, мы любимъ за всѣми пріударить, безъ разбора, лишь бы попалось смазливое личико. Вотъ сударь ты мой, говорятъ жили у нихъ въ городѣ, двѣ какія то барышни; одну изъ нихъ разъ и вывезли они на балъ, ну ужъ и вывезли, просто срамота, да и только; такое сшили ей платье декольте, что какъ только она бѣдненькая появилась на балъ, то многіе право попятились, а дамы краснѣли. А все это говорятъ устроилъ Петръ Сергѣевичъ, чтобы полюбоваться шеей да плечиками; сколько разъ заставляли они портниху перешивать платье, все мало лифъ то былъ открытъ!.. ну а другая барышня просто отъ нихъ бѣжала, такъ ужъ надоѣлъ ей ухаживаніями Петръ Сергѣевичъ... Да это еще не все, вотъ главный то пассажъ. Разъ какъ то, по случаю безпрерывныхъ пожаровъ, бывшихъ въ уѣздномъ городѣ, пріѣхала гостить къ нимъ въ деревню, какая-то, говорятъ дальняя родственница, замужняя, барыня молодая, а ужъ красивая... что и говорить. Ну вотъ Пирликовы и мужъ и жена, давай за ней ухаживать, не знали просто чѣмъ и какъ ее угостить. Вотъ Петръ то Сергѣевичъ, для сообщенія ей веселости и

затѣялъ поить ее шампанскимъ, а у нихъ прежде шампанскаго и въ поминѣ не было. Бутылки редерера протаскивалъ самъ Петръ Сергѣевичъ въ карманѣ, потихонько отъ прислуги, знаете, чтобы всѣ его считали степеннымъ, солиднымъ... Ну вотъ сударь ты мой» — продолжалъ Пудъ Силычъ, поворачиваясь на постелѣ, отъ чего затрещала кровать — «разъ какъ то онъ и протащилъ бутылку съ шампанскимъ; зазвалъ барыню эту да жену въ кабинетъ и давай откупоривать.... Должно не мастеръ: вдругъ пробка то бацъ!.. шампанское такъ и тяпнуло въ стѣну, противъ письменнаго стола,—такъ пятно и осталось, которое завѣсили потомъ фотографическими портретами. Люди на ту пору должно и подглядѣли, да всѣмъ и поразсказали; вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь. Увидѣлъ Петръ Сергѣевичъ, что шампанское не дѣйствуетъ, принялся за другое, началъ барынѣ этой читать все «Полтаву» Пушкина... ну знаете должно хотѣлъ изобразить изъ себя Мазепу... хорошъ Мазепа!—ну и это не пошло, барыня то была умная да нравственная, только стараго дурака на смѣхъ и подымаетъ... Не унялся вѣдь голубчикъ; какую онъ штуку выкинулъ... ну ужъ пассажъ!... Разъ, за обѣдомъ, барыня эта сказала, что у нее болитъ голова и попросила у Варвары Семеновны отдохнуть въ ея спальнѣ. Услыхавъ это, Петръ Сергѣевичъ и забрался потихоньку въ спальню жены и спрятался въ старыя грязныя женнины юбки, которыя висѣли около самой кровати. Барыня легла не раздѣваясь; вдругъ видитъ она, сударь ты мой, что юбки то шевелятся; она вскочила, чтобы позвать горничную, а Петръ то Сергѣевичъ и выползъ изъ подъ этихъ юбокъ. Ну на этотъ разъ это не прошло голубчику даромъ: барыня разсердилась не на шутку; попросила лошадей и тотчасъ же и уѣхала къ своему мужу, да и все ему и поразсказала».

Евгеній Ивановичъ не слыхалъ окончанія этого пассажа, онъ уже спалъ.

ГЛАВА II.

Знакомство.

На другой день всѣ встали очень поздно, кромѣ хозяина и Дмитрія Петровича, которые давно хлопотали объ обѣдѣ и о предстоявшей кавалькадѣ. Проснувшись, Мамочкинъ очутился одинъ, Пудъ Силычъ давно уже уѣхалъ. Евгеній Ивановичъ долго лежалъ на постелѣ, предаваясь воспоминаніямъ, то о вечерѣ, то о видѣнномъ имъ снѣ. Снилось ему, что онъ сидитъ вечеромъ одинъ въ небольшой комнатѣ, освѣщенной свѣчею, очень просто меблированной въ какомъ то отдаленномъ городѣ, и что то пишетъ; лампада передъ образомъ проливала таинственный полусвѣтъ на окружающіе предметы. Вдругъ отворилась дверь и вошла женщина, блѣдная, вся въ черномъ, съ небольшимъ узелкомъ въ рукахъ. Онъ вскочилъ и узналъ въ ней Елизавету Павловну, но уже не въ томъ блестящемъ нарядѣ, въ какомъ онъ видѣлъ ее на балѣ, но въ скромномъ шерстяномъ платьѣ и въ черной шляпкѣ. Она бросилась къ нему на шею: «Евгеній!.. другъ мой» — говорила она. «Теперь Лиза вся твоя и на вѣки».—«Лиза! сказалъ онъ» —прижимая ее къ груди,—«наконецъ я счастливъ». Потомъ вдругъ все какъ то перемѣнилось; онъ увидѣлъ себя гдѣ то въ другомъ мѣстѣ. Лиза, его жена,—они обвѣнчаны; она держитъ на колѣняхъ, няньчаетъ, цалуетъ ихъ дочь, а онъ, будто бы больной, сидитъ около нихъ и любуется обоими. Потомъ они мчатся по какой то желѣзной дорогѣ и остановились гдѣ то на берегу озера; вдругъ очутились они на пароходѣ посреди моря: страшная буря, пароходъ тонетъ... Онъ схватываетъ жену и дочь... нахлынула волна, Лиза съ

дочерью куда то исчезли... Ахъ!... вскрикнулъ Евгеній Ивановичъ и тотчасъ же проснулся.

— «Прикажете чаю или кофе?»— спросилъ вошедшій лакей.

— «Чаю»!—сказалъ Мамочкинъ и поспѣшилъ встать. Вспомнивъ о предстоящей кавалькадѣ, онъ занялся туалетомъ съ особеннымъ вниманіемъ, стараясь придать всему своему костюму, какую то элегантную комильфотность.

Выйдя въ залъ, онъ не нашелъ тамъ никого; хозяева заняты были домашними дѣлами, а Дмитрій Петровичъ хлопоталъ въ конюшнѣ. Евгеній Ивановичъ пошелъ въ садъ, оттуда направился къ церкви и спустившись въ оврагъ, поднялся на гору и вышелъ на какую то дорогу окаймленную кустарникомъ. Все прошедшее, представлялось ему такимъ же сномъ, какой онъ видѣлъ минувшею ночью;—обворожительный образъ Елизаветы Павловны, какимъ то видѣніемъ. Въ настоящее время онъ былъ совершенно спокоенъ и мысли его были обращены къ Москвѣ, къ семьѣ, къ служебнымъ занятіямъ и разнымъ дѣламъ; онъ думалъ также и о необходимости скорѣйшаго возвращенія въ столицу.

Пройдя съ версту по дорогѣ, направлявшейся по полямъ, онъ встрѣтилъ нѣсколько телѣгъ съ крестьянами, возвращавшихися съ базара. Малорослыя лошаденки, опустивъ головы, плелись шагомъ; нѣсколько крестьянъ, въ пестрыхъ рубашкахъ, безъ шапокъ, съ раскраснѣвшимися лицами лежали навзничь въ телѣгахъ, окруженные лыками, дегтяными баклагами, ободьями, горшками и другими принадлежностями домашняго крестьянскаго обихода; около телѣгъ шли крестьянки, въ красныхъ платкахъ и праздничныхъ нарядахъ, распѣвая пѣсни и погрызывая пряники, стручки и баранки;—веселая беззаботность сіяла на загорѣлыхъ ихъ лицахъ.

Пройдя мимо Мамочкина, онѣ наклонили головы.

— «Откуда»?—спросилъ онъ у одной изъ крестьянокъ.

— «Изъ Кроликова, съ базара».

— «Отрадинскіе»?

— «Вѣстимо».

— «Чтожъ это мужики то лежатъ?... продолжалъ Мамочкинъ—«должно выпимши?».

— «Нѣшто имъ!»—отвѣтила смѣясь, одна изъ крестьянокъ, выказывая рядъ бѣлыхъ зубовъ—«маненечко позагуляли, ну... проспятся».

Проѣхали телѣги съ крестьянами и Мамочкинъ, повернувъ на лѣво пошелъ по рубежу. Нѣсколько крестьянскихъ мальчижекъ, развалясь на пашнѣ, стерегли лошадей пущенныхъ по густымъ осеннимъ всходамъ и о чемъ то шушукали; лежавшая около нихъ собака, завидя Мамочкина, вскочила и начала лаять, то подбѣгая къ нему, то отбѣгая назадъ, когда онъ оборачивался къ ней лицомъ. На лѣво, за оврагомъ видны были Отрадинскія крестьянскія избы, деревянная церковь и господскій домъ, выстроенный на небольшомъ пригоркѣ.

Евгеній Ивановичъ посмотрѣлъ на часы—безъ четверти два, и поспѣшилъ тѣмъ же рубежемъ къ деревнѣ. Выйдя на дорогу, недоходя оврага онъ услыхалъ позади колокольчикъ и пошелъ по окраинѣ пашни, шагая черезъ небольшія ямы, вырытыя около зеленей. Черезъ нѣсколько минутъ промчалась мимо него тройка съ легкимъ фаэтономъ; онъ взглянулъ на экипажъ и увидѣлъ Елизавету Павловну съ ея братомъ, которые кивнули ему головами.

— «Опять она»!—сказалъ Евгеній Ивановичъ и все вчерашнее мгновенно возобновилось въ его памяти; вспомнилъ онъ и о розанѣ и о послѣднемъ ихъ разговорѣ и вздохнувъ, продолжалъ путь къ дому ускореннымъ шагомъ.

Участвующія въ кавалькадѣ дамы въ черныхъ кашемировыхъ и суконныхъ амазонкахъ сидѣли въ залѣ, когда вошелъ Мамочкинъ и о чемъ то разговаривали.

— «Гдѣ вы такъ долго гуляли Евгеній Ивановичъ»?—спросилъ Лука Лукичъ.

— «Осматривалъ ваши угодья, поля и восхищался отличными всходами»!

— «Да!... нынѣшній годъ они не дурны... ничего себѣ», — замѣтилъ Карачевскій.

Поздоровавшись съ хозяйкой и поклонившись гостямъ, Евгеній Ивановичъ, подошелъ къ Елизаветѣ Павловнѣ, пожалъ ей руку и спросилъ, не чувствуетъ ли она усталости послѣ вчерашняго вечера.

— «О!... нисколько!... возвратясь домой, я тотчасъ же пошла купаться, утро было превосходное, потомъ до часу спала, напилась кофе съ братомъ и me voici»,—сказала она съ веселой улыбкой,—«А знаете ли monsieur Мамочкинъ,—продолжала Елизавета Павловна также весело,—«мы немного, впрочемъ, очень немного, сейчасъ съ братомъ надъ вами потрунили, встрѣтивъ васъ на дорогѣ погруженнаго въ глубокія думы, въ какія-то быть можетъ мечты, поэтическія грезы.»

— «На этотъ разъ, Елизавета Павловна вы ошиблись; я нисколько не предавался поэзіи и всѣ мои мысли принадлежали женѣ, дѣтямъ.»

— «Какой вы примѣрный мужъ», — замѣтила она насмѣшливымъ тономъ.—«Мой братъ предполагалъ, что вы, какъ натуралистъ, вѣроятно наслаждаетесь природой во всѣхъ ея формахъ, проявленіяхъ и прелестяхъ, а я утверждала, напротивъ, что вы быть можетъ, отыскиваете какую нибудь блуждающую душу.»

— «Вашъ братъ, повторилъ только мои слова, mais vous, madame, vous êtes sans pitié,»—отвѣтилъ Мамочкинъ, холоднымъ, нѣсколько обиженнымъ тономъ.

Отойдя отъ madame Даргевичъ, и поговоривъ съ нѣкоторыми дамами, не обращая уже никакого вниманія на Елиза-

вету Павловну, которая была раздосадована и слегка рвала перчатку, Евгеній Ивановичъ пошелъ въ кабинетъ, гдѣ мужчины, окруживъ поданную закуску, толковали о псовой охотѣ, о лошадяхъ и скачкахъ.

Борумъ не принималъ никакого участія въ этомъ разговорѣ и старался сосредоточить блуждающіе свои взоры на книги, разставленныя по полкамъ библіотеки.

— «Мое почтеніе Василій Александровичъ»,— сказалъ Мамочкинъ, протягивая ему руку.

— «Мое почтеніе Евгеній Ивановичъ... Посмотрите пожалуста на эту библіотеку; какая смѣсь, разнохарактерность въ этихъ сочиненіяхъ.»

— «Вѣроятно владѣлецъ не занимается какой нибудь специальностію»,— замѣтилъ Мамочкинъ.

— «Однако специальность необходима»,—отвѣтилъ Борумъ,— «необходима потому, что при этомъ лишь условіи, возможно сколько нибудь ознакомиться серіозно, сознательно, съ наукой, со всѣми теоріями, открытіями, усовершенствованіями, новыми взглядами и изъ всего этого вынести точныя о ней понятія. Каждая даже отрасль науки, представляетъ такое обиліе матеріаловъ для специальнаго изученія, что едва ли доступно человѣку все перечесть и все усвоить. Общее понятіе, общій взглядъ въ наукѣ далеко недостаточны, особенно въ естественныхъ наукахъ; пожалуй оно необходимо, какъ самая элементарная подготовка къ серіозному, специальному изученію отдѣльныхъ ихъ отраслей. Возьмемъ для примѣра ботанику, какъ одну изъ отраслей естественныхъ наукъ. Посмотрите, сколько въ ней различныхъ отдѣловъ, которые необходимо изучить для общаго знанія самой науки: и анатомія растеній, и физіологія, морфологія, классификація, географія. Вы конечно согласитесь, Евгеній Ивановичъ, что едва ли хватитъ человѣческой жизни, чтобы изучить, я понимаю это слово,

въ самомъ строгомъ его значеніи, одну лишь ботанику, со всѣми ея отдѣлами.»

— «Я съ вами согласенъ Василій Александровичъ, но это будетъ уже трудъ ученаго, труженичество; это будетъ безукоризненный препаратъ анатома... Не всякій изъ васъ на это способенъ и не всякій чувствуетъ въ себѣ достаточнаго на то призванія; не всякій можетъ быть ученымъ: Линнеевъ, Гумбольдтовъ, Бонпландовъ вѣдь немного.»

— «Милости просимъ господа кушать»,—сказалъ вошедшій Лука Лукичъ.

Всѣ пошли въ залъ.

Людмилѣ Петровнѣ почему-то очень хотѣлось усадить за обѣдомъ Евгенія Ивановича, рядомъ съ Елизаветой Павловной, но Мамочкинъ ловко ускользнулъ, сѣвши рядомъ съ Зенеидой Карловной, а около madame Даргевичъ очутился ея братъ.

Во время обѣда Евгеній Ивановичъ былъ очень веселъ, много говорилъ съ Зинаидой Карловной, былъ любезенъ до крайности, стараясь не обращать никакого почти вниманія на сидѣвшую противъ него Елизавету Павловну. Но опытный глазъ легко могъ бы замѣтить, что вся его веселость, любезность были неестественны и натянуты, что онъ былъ занятъ совершенно другимъ, что онъ былъ даже чѣмъ-то недоволенъ, озлобленъ и что все это неудовольствіе, озлобленіе, могли исчезнуть, разлетѣться отъ одного взгляда, отъ одной какой нибудь улыбки.

Но ни этого взгляда, ни этой улыбки не было.

Елизавета Павловна почти ничего не ѣла и была также чѣмъ-то недовольна. Быть можетъ недовольна была она и тѣмъ, что Мамочкинъ уклонился отъ сосѣдства съ нею; недовольна могла быть и его веселостію и ухаживаніемъ за Зенеидой Карловной; быть можетъ и своимъ кокетствомъ и наконецъ сосѣдствомъ съ братомъ, съ которымъ однако, во все время

обѣда она была до крайности любезна и внимательна. Братъ же ея, не отвѣчая на любезности, былъ молчаливъ и бросалъ во всѣ стороны, какіе-то неопредѣленные взгляды.

Послѣ обѣда лошадей подвели къ крыльцу; дамы надѣли круглыя шляпы, длинныя перчатки, вооружились хлыстиками и сѣвши на лошадей, нетерпѣливо ожидали отъѣзда. Неучавствовавшіе въ кавалькадѣ мужчины и дамы размѣстились въ линейкахъ и уѣхали къ Пирликовымъ, приказавъ своимъ экипажамъ пріѣхать въ Кроликово. Василій Александровичъ уѣхалъ съ прочими.

— «Mesdames»,—сказалъ Дмитрій Петровичъ, заставляя лошадь свою дѣлать лансады,—«vous aurez la bonté de choisir un cavalier en jettant un mouchoir;—comtesse, veuillez commencer.»

Молодая графиня бросила платокъ, который схваченъ былъ Дмитріемъ Петровичемъ; платокъ Зинаиды Карловны упалъ на Полтацкаго.

— «Votre tour madame Даргевичъ.»

— «Евгеній Ивановичъ, voulez vous être mon cavalier»? — сказала Елизавета Павловна холодно, бросивъ Мамочкину прелестный, батистовый платокъ, который, попавъ прямо ему въ лице, обдалъ его запахомъ пармскихъ фіялокъ.

— «Merci»,—отвѣтилъ Евгеній Ивановичъ, очутившись возлѣ нея и отдавая ей платокъ, который онъ незамѣтно для всѣхъ поцеловалъ, но она это видѣла и легкая улыбка скользнула по ея губамъ. Остальныя дамы также выбрали кавалеровъ и всѣ поѣхали сначала шагомъ, другъ за другомъ — попарно; миновавъ березовую рощу, кавалькада разбрелась въ разныя стороны, обгоняя другъ друга и перепрыгивая черезъ рвы и канавы. Елизавета Павловна и Мамочкинъ остались одни.

— «Я замѣтила»,—сказала она,—«что вы были за обѣдомъ чѣмъ-то недовольны, даже обижены.»

— «Я!... нисколько!... увѣряю васъ; напротивъ, мнѣ было такъ пріятно сидѣть за столомъ съ Зинаидой Карловной; она такъ мила, хороша, любезна.»

— «Все это отлично, но почему вы не хотѣли сѣсть со мной, когда вамъ предлагала мѣсто Людмила Петровна?

— «Потому что я предполагалъ, что сосѣдство вашего брата будетъ для васъ пріятнѣе.»

— «Послушайте Евгеній Ивановичъ, если вы будете продолжать разговоръ такимъ тономъ, то я васъ оставлю и ускачу сейчасъ же къ Пирликовымъ» — сказала она тихо, но съ нѣкоторымъ волненіемъ въ голосѣ.

Мамочкинъ взглянулъ на нее — глаза ея были влажны и слеза, какъ перла скатилась на сѣдло.

— «Елизавета Павловна, умоляю васъ, простите меня!.. неужели вы могли подумать, чтобы я не желалъ сидѣть съ вами; неужели вы могли предположить, что я сколько-нибудь интересуюсь Зинаидой Карловной?.. неужели вы не видите, что мои мысли заняты совершенно другой...»

— «Я угадываю кто эта другая, но скажу вамъ откровенно, что вы слишкомъ увлекаетесь; такъ скоро полюбить нельзя— надо болѣе знать, чтобы любить.»

— «Увѣряю васъ Елизавета Павловна, что тутъ нѣтъ увлеченія; въ чувствахъ, въ симпатіи, въ расположеніи иногда невозможно дать себѣ отчета, и трудно подчинить чувства холодному разуму.

— «Ваши чувства, симпатія, расположеніе, все это неболѣе какъ иллюзія, какъ игра пламеннаго вашего воображанія — замѣтила Елизавета Павловна, поднявъ лошадь свою въ галопъ.

Евгеній Ивановичъ послѣдовалъ за нею.

— «Не будемте говорить о чувствахъ, c'est une question battue et rebattue» — продолжала она, граціозно подпрыгивая на

сѣдлѣ.—Вы женаты, вы должны принадлежать вашей семьѣ никому болѣе; между нами ничего не можетъ быть кромѣ хорошаго знакомства «et voila tout.» — Сказавши это, она послала поцелуй ему рукой и пустила лошадь въ карьеръ.

Какъ безумный, поскакалъ Евгеній Ивановичъ за нею.

— «Ахъ!.. я падаю!..» закричала она вдругъ испуганнымъ голосомъ.

Мамочкинъ въ одно мгновеніе очутился рядомъ; ловко схвативъ за талію онъ перекинулъ ее на свое сѣдло. Отъ сильнаго испуга Елизавета Павловна упала въ обморокъ; голова ея опустилась къ нему на плечо, шляпа упала, длинная черная коса распустилась широкими прядями, глаза закрылись и какая-то мертвенная блѣдность покрыла все ее лицо. Охвативъ ее за талію и остановивъ лошадь, Евгеній Ивановичъ, не могъ оторвать отъ нея глазъ... въ эту минуту онъ все позабылъ и прижавъ ее крѣпко къ груди, прильнулъ къ ея головѣ продолжительнымъ поцелуемъ. Она очнулась, открыла глаза и увидѣвъ себя въ объятіяхъ Мамочкина,—яркая, стыдливая краска запылала по ея лицу.

— «Боже мой! что это сдѣлалось?» — проговорила она слабымъ голосомъ, приподнимая голову и закрывая лице руками.

— Успокойтесь Елизавета Павловна» — сказалъ Мамочкинъ, цалуя ея руку — «успокойтесь!.. въ вашемъ сѣдлѣ растянулась подпруга и вы чуть не упали; я успѣлъ во время васъ схватить и перебросить на свое сѣдло.»

— «Благодарю васъ, вы мнѣ спасли жизнь, я могу отплатить вамъ лишь моей дружбой» — сказала она слегка пожимая ему руку.

«Увѣряю васъ, что я съумѣю сохранить эту дружбу на всегда» — отвѣтилъ съ чувствомъ Мамочкинъ, цалуя ея руку.

Евгеній Ивановичъ слѣзъ съ лошади, бережно снялъ съ сѣдла Елизавету Павловну, которая отправившись отъ испуга

стала закручивать чудную свою косу. Пристягнувъ подпруги и поправивши ее сѣдло, онъ сталъ на одно колѣно и помогъ прыгнуть ей на лошадь.

— «Какъ я испугалась» – говорила она уже весело и радостно улыбаясь... «однако намъ надо спѣшить, можетъ быть всѣ давно уже у Пирликовыхъ... Боже мой, что скажутъ?..»

Они поскакали крупною рысью и не говорили ни слова, но молчаніе ихъ было краснорѣчиво.

Вотъ показалась и каменная церковь съ короной села Кроликова; показался и одноэтажный деревянный домъ, окрашенный шеколаднымъ цвѣтомъ съ зеленою крышею и черезъ нѣсколько минутъ они въѣхали на широкій дворъ господскаго дома, по сторонамъ котораго находились: флигель, кухни и конюшни. Всѣ участвовавшіе въ кавалькадѣ давно пріѣхали и взмыленныя ихъ лошади стояли на привязѣ около конюшни.

— «Я предчувствовала, что мы опоздаемъ»,—сказала Елизавета Павловна нѣсколько взволнованнымъ голосомъ, подъѣзжая къ крыльцу.—«Je suis sure, que notre retard donnera lieu a toute une histoire».

— «Ne vous inquiettez de rien madame, je saurai mettre frain aux bouches des bavards»—отвѣтилъ Мамочкинъ, соскочивъ съ лошади и снимая съ сѣдла Елизавету Павловну.

Домъ Пирликовыхъ не представлялъ никакихъ особенностей и походилъ, какъ наружнымъ видомъ, такъ и внутреннимъ убранствомъ на обыкновенные помѣщичьи дома. Лакейская, довольно просторная, уставлена была ясеневою мебелью; большой залъ съ фортепіано и полированными стульями;—направо небольшой кабинетъ въ одно окно, довольно темный, съ широкимъ оттоманомъ, письменнымъ столомъ и шкафомъ для книгъ;—гостинная, съ пестрыми обоями и ситцевою мягкою мебелью; довольно обширная спальня была отдѣлена ситце-

вой драпировкой, за которой стояла поперекъ широчайшая двухспальняя кровать съ пестрымъ ситцевымъ одѣяломъ; небольшой диванъ и уборный столъ, дополняли меблировку этой комнаты. Изъ гостинной былъ выходъ на довольно большую террасу, передъ которой находился цвѣтникъ, окруженный изгородью изъ подстриженныхъ акацій.

За длиннымъ столомъ въ залѣ сидѣло довольно большое общество—пили чай, который разливала сама хозяйка. Увидя Елизавету Павловну съ Мамочкинымъ, Варвара Семеновна тотчасъ же къ ней подбѣжала и осыпая ее поцѣлуями, сказала приторно-сладкимъ голосомъ:

— «Chère Елизавета Павловна, что это съ вами?—не случилось ли чего-нибудь?.. мы такъ съ Пьеромъ безпокоились».

— «Ничего особеннаго; растягнулась подпруга у моей лошади, мы должны были остановиться на нѣсколько минутъ, и Евгеній Ивановичъ былъ такъ любезенъ, что все исправилъ».

Варвара Семеновна съ тою же приторной улыбкой протянула руку Мамочкину.

— «Да!» — сказалъ, тутъ же очутившійся Петръ Сергѣевичъ, дребезжащимъ голосомъ, пожимая руку Елизаветы Павловны и придавая своимъ словомъ особенное выраженіе— «да!.. часто, очень даже часто случается, что и подпруги растегиваются въ кавалькадахъ, en tête-à-tête, ну, бываютъ и остановочки»!..

— «Не знаю, почтеннѣйшій Петръ Сергѣевичъ, часто растегиваются ли подпруги въ кавалькадахъ и бываютъ ли остановочки, но знаю одно, что нѣкоторыя неумѣстныя замѣчанія, навлекаютъ на себя непріятнѣйшія послѣдствія».

Выразительный взглядъ Елизаветы Павловны вполнѣ наградилъ Мамочкина; самъ Борумъ, на этотъ разъ вышелъ изъ обычной своей апатіи и подойдя къ Евгенію Ивановичу,

крѣпко пожалъ ему руку;—сконфуженный Пирликовъ не отвѣчалъ ни слова.

За чаемъ разговаривали безъ умолка: какая-то барыня, по фамиліи Тонкая спорила о старѣйшинствѣ дворянскихъ фамилій и о преимуществѣ дворянъ передъ прочими сословіями; худощавый Растянишинъ, съ длинными волосами, падавшими постоянно ему на лобъ и съ длиннѣйшимъ краснымъ носомъ, говорилъ съ Полтацкимъ, растягивая каждое слово, о теоріяхъ воспитанія, объ учебникахъ, гимназическихъ курсахъ и проч; худенькая, круглолицая, краснощекая, живая, вертлявая его супруга, трещала безъ умолка, безпрерывно обращаясь къ мужу, съ замѣчаніемъ, что опять волосы падаютъ у него на лобъ. Пирликовъ толковалъ съ Лукою Лукичемъ о гербовникѣ и доказывалъ, что фамилія Пирликовыхъ, чуть ли не старѣйшая въ Россіи; старшая дочь Пирликовыхъ, очень красивая блондинка спорила съ Василіемъ Александровичемъ Борумъ о женскомъ трудѣ и всѣми силами старалась опровергнуть его доводы. Онъ доказывалъ, что къ ручному труду женщина должна привыкать съ дѣтства, и что необходимость только можетъ заставить ее посвятить себя тяжелой ручной работѣ, но что при средствахъ и обезпеченномъ состояніи, этотъ трудъ не имѣетъ другой цѣли, какъ желанія порисоваться, составляя прихоть, забаву, моду. Варвара Семеновна разливала чай, слушала всѣхъ, жантильничала, безпрерывно улыбалась, стараясь придать своему лицу какую-то особенно миловидную грацію. Дмитрій Петровичъ и графиня сидѣли поодаль; Елизавета Павловна о чемъ-то бесѣдовала съ Зинаидой Карловной, а Мамочкинъ, слушая всѣхъ, отвѣчалъ лишь на вопросы; прочіе гости гуляли по саду съ младшею дочерью Пирликовыхъ.

Такъ прошло часа два; успѣли уже обнести гостей, какъ выразилась Варвара Семеновна: «des cochonneries pour les en-

fants», хотя положительно дѣтей тутъ не было;—кошонеріи эти состояли: изъ миндаля, чернослива, изюма и орѣховъ.

Всѣ гости вскорѣ начали разѣзжаться: уѣхалъ Борумъ и madame Даргевичъ, за ними Зенеида Карловна съ матерью, Растяпишинъ съ женою, Дмитрій Петровичъ поѣхалъ провожать графиню верхомъ, а Мамочкинъ отправился ночевать къ Очаковымъ.

Въ Оково, такъ называли деревню Очаковыхъ, Евгеній Ивановичъ пріѣхалъ довольно рано и не найдя хозяевъ, всѣ были у Сиговыхъ,—онъ пошелъ осматривать усадьбу Сергѣя Сергѣевича.

Огромный, трехэтажный каменный домъ, съ деревяннымъ фонаремъ на крышѣ, съ выкинутымъ на немъ флагомъ и съ полукруглыми угловыми башнями, походилъ на феодальный замокъ и выстроенъ былъ въ глубинѣ обширнаго двора, съ зеленою лужайкою по серединѣ. Отъ угловыхъ башень, съ обѣихъ сторонъ тянулись полукругомъ каменныя службы: кухни, флигеля, людскіе и погреба, которые примыкали къ каменнымъ, арочнымъ воротамъ съ гербомъ Очаковыхъ, находившимся противъ середины домоваго фасада. Отъ воротъ къ подъѣзду проложена была, вокругъ лужайки, шоссированная дорога. Прямо, противъ воротъ разстилалась широкой полосой длинная, подстриженная еловая аллея, а по сторонамъ, разбитъ былъ фруктовый садъ съ парниками и оранжереями; аллея эта примыкала, къ другой, болѣе узкой, березовой, которая тянулась на полверсты, до широкой площадки на высокомъ, крутомъ, обрывистомъ берегу Оки, поросшемъ кустарникомъ; видъ съ площадки былъ восхитительный. Извилистой лентой разстилалась внизу широкая Ока, съ плывущими по ней барками и пароходами; множество деревень и селъ съ каменными церквами, разбросаны были на противоположной сторонѣ; обширные луга и тем-

ные лѣса, освѣщенные послѣдними лучами заходящаго солнца, придавали этой великолѣпной, величественной картинѣ необыкновенный эффектъ, какой-то особенный теплый колоритъ.—По ту сторону дома была большая терраса, обтянутая кругомъ парусиной и очень небольшой и плохо разбитый цвѣтникъ въ которомъ, лишь кое-гдѣ, торчали весьма жалкія цвѣточныя растенія. Направо отъ цвѣтника была большая луговина, а налѣво, около кухни, не то цвѣтникъ, не то садъ, такъ себѣ, нѣчто среднее, съ дорожками, клумбами, березками, дубками, тополями и цвѣточками. За цвѣтникомъ находился страшно запущенный вишенникъ и фруктовый садъ. На сколько красиво была отдѣлана мѣстность по одну сторону дома, на столько запущена была по другую.

Два верхнихъ этажа огромнаго дома Очаковыхъ, съ сорока комнатами были необитаемы; нижній лишь этажъ сосредоточивалъ въ себѣ какъ жилыя комнаты, такъ и пріемные аппартаменты. Собственно пріемныхъ комнатъ было двѣ: очень большая и превосходно меблированная гостиная и направо отъ нея небольшой залъ, не считая билліардной. Всѣ остальныя комнаты нижняго этажа заняты были хозяевами и ихъ дѣтьми, гувернерами, гувернантками и иностранной прислугой.

Множество прекрасной бронзы и фарфора наполняли столы и этажерки гостиной; множество альбомовъ большихъ и малыхъ, кепсековъ и роскошныхъ изданій, собранныхъ въ заграничныхъ путешествіяхъ разбросаны были по столамъ въ живописномъ безпорядкѣ; превосходный инструментъ Эрарда, дополнялъ роскошную обстановку гостиной.

Очаковы и Шабонскіе пріѣхали довольно поздно, и послѣ весьма непродолжительной бесѣды съ Мамочкинымъ, при чемъ Ольга Петровна, какъ гостипріимная и радушная хозяйка справилась, были ли поданы ему во время чай и ужинъ и

пожелавъ спокойной ночи удалились въ свои покои, а Евгеній Ивановичъ ушелъ въ отведенную ему круглую комнату, въ одной изъ башень.

Долго не могъ заснуть Евгеній Ивановичъ; впечатлчнія проведеннаго имъ дня были такъ сильны, такъ на него подѣйствовали, что онъ былъ въ какомъ-то напряженномъ, почти лихорадочномъ состояніи. — Происшествіе во время кавалькады не выходило у него изъ головы; онъ и теперь чувствовалъ еще въ рукахъ своихъ лежащую въ обморокѣ Елизавету Павловну, чувствовалъ и теперь слабое ея дыханіе чувствовалъ и теперь прикосновеніе очаровательной ея головки и чудныхъ ея губъ. Нѣтъ! — думалъ онъ съ грустью, это уже не мечта, не иллюзія, не игра пламеннаго воображенія; нѣтъ, это ужасная для меня дѣйствительность со всѣми гибельными ея послѣдствіями. Могъ ли я предвидѣть, говорилъ онъ самъ съ собою, что поѣздка къ Карачевскимъ будетъ имѣть для меня такія послѣдствія и быть можетъ отзовется еще и въ будущемъ... неужели это судьба?.. нѣтъ!.. Но она любитъ меня какъ друга болѣе ничего;.. не все ли это одно лишь кокетство красивой женщины, одно желаніе пошутить, поиграть со мною... Нѣтъ! это невозможно!.. а слеза, которая какъ росинка скатилась съ чудныхъ ея глазъ; нѣтъ тутъ кокетства не было... «Боже мой,—воскликнулъ Евгеній Ивановичъ, съ отчаяніемъ, схвативъ себя за голову—несчастный!.. безумецъ!.. я люблю эту женщину»... Изнеможенный отъ этихъ впечатлѣній онъ впалъ въ какое-то забытье, въ какой-то полусонъ, и въ этомъ забытьѣ образъ очаровательной Елизаветы Павловны, долго вѣялъ надъ нимъ, какимъ-то чуднымъ видѣніемъ.

Онъ всталъ довольно рано и пошелъ на террасу пить чай, гдѣ собралось уже все семейство Очаковыхъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и чаепитія Сергѣй Сергѣе-

вичъ, зная Мамочкина за хорошаго садовода попросилъ дать ему нѣсколько совѣтовъ, относительно разбивки цвѣтника передъ террасою, на что Евгеній Ивановичъ согласился съ большимъ удовольствіемъ и тутъ же сдѣлалъ планъ.

Часовъ въ двѣнадцать пріѣхалъ Лука Лукичъ и графъ усадилъ всѣхъ за любимый его еролашъ, продолжавшійся почти до обѣда.

Въ два часа начали съѣзжаться гости;—пріѣхала и Елизавета Павловна съ братомъ. Поговоривши съ хозяйкой дома, съ Людминой Петровной Карачевской и Зинаидой Карловной, madame Даргевичъ, подошла къ игравшимъ.

— «А!.. вы играете Евгеній Ивановичъ»?—спросила она съ оттѣнкомъ нѣкотораго неудовольствія.

— «Какъ изволите видѣть и даже очень проигрываю».

— «Malheureux aux cartes, heureux en amour» — замѣтилъ Сергѣй Сергѣевичъ, взглянувъ очень выразительно на Мамочкина.

Елизавета Павловна отошла отъ играющихъ, сѣла съ Зинаидой Карловной около круглаго стола, на которомъ разбросаны были множество альбомовъ и кепсековъ и начала ихъ перелистывать.

Скоро подошелъ къ нимъ Мамочкинъ.

— «Я не думала» Евгеній Ивановичъ, — сказала Елизавета Павловна, — «что ваша игра такъ скоро кончится... вѣдь вы страстный игрокъ, какъ я слышала»?

— «Особенной страсти къ игрѣ не имѣю, что все что дѣлаю, чѣмъ занимаюсь, — то всегда дѣлаю съ увлеченіемъ» — отвѣтилъ Мамочкинъ.

— «Даже и въ карты играете съ увлеченіемъ»? — спросила съ улыбкой Зинаида Карловна.

«Совершенно такъ!... Вы кажется очень любуетесь видами Швейцаріи»—продолжалъ Евгеній Ивановичъ послѣ минутнаго

молчанія, обращаясь къ madame Даргевичъ, которая внимательно и продолжительно смотрѣла на видъ Луцерна, съ окружающими его горами Риги и Пилатомъ.

— «Да!.. мнѣ очень хочется побывать въ Швейцаріи, посмотрѣть тамъ на природу во всемъ ея величіи и красотѣ или какъ вы выражаетесь Евгеній Ивановичъ» — продолжала она какимъ то торжественнымъ голосомъ,—«я хочу изучить швейцарскую природу, во всѣхъ ея формахъ, проявленіяхъ и прелестяхъ».

Зинаида Карловна громко расхохоталась.

— «Вы продолжаете Елизавета Павловна надо мной смѣяться» — замѣтилъ Мамочкинъ.

— «О!.. нисколько!... напротивъ, я совершенно въ этомъ съ вами согласна».

— «Евгеній Ивановичъ! вы были за границей»?—спросила Зинаида Карловна.

— «Былъ зимою, но очень недолго».

— «Завидую вамъ напередъ Елизавета Павловна»—сказала Зинаида Карловна—«завидую, что вы поѣдите за границу. Я увѣрена, что вы скоро и даже очень скоро уѣдете, потому что я навѣрное знаю, что если вы захотите чего-нибудь, то какія бы не были ваши желанія,—это рѣшительно все равно!— они непремѣнно исполнятся.

— «Неужели рѣшительно все Зиночка?—спросила Елизавета Павловна вздохнувъ и сомнительно покачавъ головою.

— «Да!.. да!... рѣшительно все».

— «Странно!..»—продолжала Елизавета Павловна, перелистывая альбомъ,—«впрочемъ попробую»! мнѣ напримѣръ, очень хочется, что бы Евгеній Ивановичъ никогда не игралъ въ карты, ни съ увлеченіемъ, ни безъ увлеченія»—дополнила она съ легкой улыбкой.

— «Если ваши желанія на столько ограниченны» — отвѣ-

тилъ Мамочкинъ—«то даю вамъ слово, никогда не играть въ карты».

— «Браво!... браво!.... «подхватила Зинаида Карловна»—вотъ видите, какъ ваши желанія исполняются, право, даже досадно... ну а мои... никогда»—дополнила она съ оттѣнкомъ грусти.

Во время этаго разговора, подошелъ къ нимъ Василій Александровичъ Борумъ.

— «Basile»—сказала Елизавета Павловна, нѣжнымъ голосомъ—«какъ бы мнѣ хотѣлось уѣхать съ тобой въ Швейцарію; тамъ, поселились бы мы на берегу какого-нибудь чуднаго, изумруднаго озера, стали бы вмѣстѣ наслаждаться чудной природой... отлично»!

— «Какъ хочешь Лиза»—отвѣтилъ онъ съ обычной холодностію — «поѣзжай одна! ты знаешь, что мнѣ невозможно: служба, практика»...—Затѣмъ, обращаясь къ Мамочкину, онъ спросилъ: «вы были въ Швейцаріи Евгеній Ивановичъ!.. вы такъ любите природу»?

«Нѣтъ!.. я не былъ въ Швейцаріи».

— «И не собираетесь»?

— «Пока нѣтъ».

— «Мнѣ почему-то кажется Евгеній Ивановичъ», замѣтила Зинаида Карловна,—«что вы скоро туда уѣдете».

— «Не только въ Швейцарію, но я готовъ уѣхать сейчасъ же, хоть на край свѣта»! — отвѣтилъ Евгеній Ивановичъ, съ нѣкоторою раздражительностію.

Елизавета Павловна посмотрѣла на Мамочкина и слегка улыбнулась.

— «Евгеній Ивановичъ, не угодно ли ералашикъ»? — спросилъ Сергѣй Сергѣевичъ, предлагая ему карту.

— «Mercі, я рѣшительно не могу играть, у меня такъ болитъ голова.... я вѣдь только что окончилъ партію».

Сергѣй Сергѣевичъ ушелъ искать четвертаго, а Мамочкинъ

направился къ террасѣ съ Елизаветой Павловной и Зинаидой Карловной.

На террасѣ, Ольга Петровна очень жарко спорила съ Полтацкимъ о вредномъ направленіи большинства современныхъ французскихъ романовъ и даже о ихъ безнравственности. Говорили о романахъ Дюма сына.

— «Я съ вами несогласенъ Ольга Петровна» — замѣтилъ Мамочкинъ—«есть романы Дюма сына, которые, при нѣкоторой свободности, ставятъ женщинъ, принадлежащихъ къ такъ-называемому полусвѣту на высокій пьедесталъ... Я хочу сказать о Маргаритѣ Готье въ романѣ» la dame aux camelias... несмотря на предосудительную ея жизнь, можно согласиться однако, что она идеальная женщина, по отношенію къ кругу, къ которому принадлежала;... сколько сердца у этой женщины, самопожертвованія, любви»...

Ольга Петровна разсмѣялась, промолвивши... «нечего сказать!.. нашли женщину»!

— «Далеко не идеальная женщина» — замѣтила Елизавета Павловна—«самая обыкновенная камелія съ роскошной лишь обстановкой;—рѣшительно не понимаю, чѣмъ можете вы восхищаться.

— «Совершенно съ вами согласна, chère Елизавета Павловна»—проговорила Ольга Петровна—«Евгеній Ивановичъ вѣдь всѣмъ увлекается... пылкая натура»!

— «Маргарита пожертвовала любимому ею человѣку состояніемъ... жизнею».! сказалъ Мамочкинъ.

— «Нисколько»!—отвѣтила Елизавета Павловна,—«она всю жизнь свою бросала деньги, и давно была въ чахоткѣ».

Во время этого разговора Зинаида Карловна, отошла въ сторону и не принимая въ немъ никакого участія осматривала какіе то горшки съ цвѣтами, стоявшіе на террасѣ.

Вскорѣ пошли обѣдать. Мамочкинъ предложилъ руку Елизаветѣ Павловнѣ и сѣлъ рядомъ съ нею.

— «Отъ чего вы отказались играть»?—спросила она у Мамочкина.

— «Какъ отъ чего?—Я вѣдь вамъ далъ слово не играть».

— «Я думала, вы шутили»!

— «Вы ошиблись, я не шучу даннымъ словомъ, и не люблю особенно» продолжалъ онъ тихо: — терзать, мучить и этимъ наслаждаться»?

— «Терзать, мучить, наслаждаться этимъ!.. это дѣйствительно ужасно.... вы вѣроятно въ комъ-нибудь это замѣтили?.....

— «Да!... вы скоро ѣдете съ вашимъ братомъ за границу?

— «Не знаю! вы слышали, онъ отказался»!..

— «Но ваши слова, ваша просьба къ брату»?..

— «Ну что же изъ этого»?..

— «Какъ что?... вы уѣзжаете»?...

— «Евгеній Ивановичъ, я рѣшительно васъ не понимаю... что вы хотите этимъ сказать... Лучше, положите мнѣ салада, и побольше... я его очень люблю».

. . . .

Вечеромъ, всѣ пошли гулять по широкой еловой аллеѣ къ площадкѣ надъ Окою—было темно; красное зарево показалось на горизонтѣ и вскорѣ ярко пурпуровый шаръ восходящей луны медленно поплылъ вверхъ и постепенно блѣднѣя, началъ освѣщать противуположный берегъ, отражаясь въ рѣкѣ серебристыми струями. Множество огней заблистали въ зарѣчныхъ селахъ и деревняхъ; тихо разносился въ воздухѣ звонъ сторожеваго церковнаго колокола, сливаясь, по временамъ съ стройною пѣснею рыбаковъ. То тутъ, то тамъ искрились огни на баркахъ каравана, отражаясь въ водѣ и отдѣляя рѣзкими, фантастическими контурами фигуры бурлаковъ. Мамочкинъ сѣлъ на камень почти надъ самымъ обрывомъ и любовался этой чудной картиной.

— «A quoi où à qui pensez vous»? послышался сзади чей то голосъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Мамочкинъ почувствовалъ легкое прикосновеніе руки къ своему плечу.

Онъ обернулся;—передъ нимъ стояла Елизавета Павловна, освѣщенная луной во всемъ блескѣ очаровательной своей красоты.

— «A vous... toujours à vous», сказалъ онъ цѣлуя ея руку.

— «Enfant»—отвѣтила она, садясь рядомъ съ нимъ на камень et vous doutez encore»!....

Нѣсколько минутъ сидѣли они молча, держа другъ друга за руки, какъ вдругъ Елизавета Павловна встала сказавши: «Mon Dieu tout le monde est parti!... allons vite»,—и схвативши его за руку, они побѣжали къ дому, какъ рѣзвыя дѣти.

Гуляющее общество находилось еще въ еловой аллеѣ; не доходя до нихъ и пользуясь тѣнью деревъ, Елизавета Павловна отошла въ сторону и настигла Зинаиду Карловну, съ которою продолжала прогулку, а Мамочкинъ, пробравшись садомъ очутился въ гостинной и бесѣдовалъ съ графиней Шабонской, когда вся публика возвратилась въ комнаты.

Послѣ чая, всѣ разъѣхались.

На другой день, въ пять часовъ вечера Евгеній Ивановичъ поѣхалъ въ Спасское, деревню Борума, которая была отъ Окова, не болѣе, какъ въ семи верстахъ.

Около каменной церкви, окрашенной синею краскою находился небольшой, двухъ этажный помѣщичій домъ Борума и по наружной архитектурѣ походилъ болѣе на городской, нежели на деревенскій. На дворѣ, окруженномъ высокимъ заборомъ, находился небольшой садъ, тутъ же помѣщались службы: конюшня и сараи. Верхній этажъ занимали хозяева, а внизу была кухня и людскія. На небольшой деревянной лѣстницѣ устланной ковромъ, съ холщевой покрышкой, висѣлъ восьмиугольный фонарь; бѣлый, матовый фонарь, освѣщалъ

переднюю, въ которой было зеркало и нѣсколько стульевъ съ зелеными подушками. Орѣховая мебель гостинной, обита была синей шелковой матеріей, въ простѣнкахъ находились зеркала а по стѣнамъ висѣли множество большихъ и малыхъ картинъ въ раззолоченныхъ рамахъ. На полу лежалъ коверъ во всю комнату, а столы съ роскошными бронзовыми и фарфоровыми лампами покрыты были бархатными салфетками; въ углахъ красовались бѣлыя вазы съ драценами, а у средняго окна—акваріумъ. Бронзовая люстра, такіе же массивные бра, безчисленное множество фарфоровыхъ куколъ и различныхъ бездѣлушекъ изъ дерева и кости дополняли убранство этой комнаты. За гостинной слѣдовалъ будуаръ съ висячимъ, розовымъ фонаремъ; такая же лампада, въ углу, передъ образомъ, проливала тусклый, мерцающій свѣтъ; туалетный столъ съ кружевной отдѣлкой, большой мягкій диванъ, трюмо, шкафъ съ книгами и нѣсколько картинъ на стѣнахъ, составляли убранство этой комнаты.

Елизавета Павловна сидѣла въ гостинной съ какой то дамой, когда вошелъ Мамочкинъ.

— «Здраствуйте Евгеній Ивановичъ» — сказала она протягивая ему руку—«рекомендую вамъ тетушку... тетушка—Евгеній Ивановичъ Мамочкинъ — садитесь пожалуста... Братъ сейчасъ придетъ, онъ куда-то ушелъ по хозяйству... А я такъ рада!»—продолжала Елизавета Павловна... «возвратясь вчера отъ Очаковыхъ, я нашла здѣсь тетушку Каролину Карловну, которая заѣхала къ брату погостить, денька на два.»

— «Вчера вы очень рано уѣхали» — замѣтилъ Мамочкинъ.

— «Я будто предчувствовала, что найду здѣсь милую тетушку.»

— «Вы постоянно живете въ здѣшнихъ мѣстахъ, monsieur Мамочкинъ?» — спросила Каролина Карловна, дама пожилая,

полная, круглолицая, краснощекая, съ сѣдыми буклями и въ очкахъ.

— «Нѣтъ, я пріѣхалъ сюда изъ Москвы на короткое время и черезъ нѣсколько дней уѣду обратно».

— «Евгеній Ивановичъ столичный житель»—замѣтила Елизавета Павловна—«провинціальное захолустье конечно не можетъ ему нравиться».

— «Помилуйте Елизавета Павловна, какое же здѣсь захолустье?.. балы, кавалькады, цѣлый рядъ пикниковъ... да и въ Москвѣ поискать надо столько удовольствій.»

— «Но согласитесь Евгеній Ивановичѣ, что вы все-таки не промѣняете столичную жизнь на провинціальную?»

— «Ну!.. это зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ различныхъ условій»—отвѣтилъ Мамочкинъ, бросивъ выразительный взглядъ на Елизавету Павловну.

— «А!.. вотъ и братъ»,—сказала она, увидя въ дверяхъ Василія Александровича.

Мамочкинъ всталъ и пожалъ ему руку.

«Basile!.. что это ты такъ долго хозяйничалъ?.. мы заждались тебя».

— «Что же дѣлать... хозяйство таже служба.»

— «Здраствуйте Василій Александровичъ... мое почтеніе Елизавета Павловна»—сказалъ вошедшій, какой-то господинъ, пожимая руку Борума и кланяясь его сестрѣ.

— «Здрайствуйте Николай Козьмичъ... а ваша супруга?» спросила Елизавета Павловна.

— «Жена извиняется, что не смотря на сильное ея желаніе она лишена удовольствія быть у васъ сегодня... у нее флюсъ!

— «Евгеній Ивановичъ Мамочкинъ, Николай Козьмичъ Бобчаровъ»—сказалъ Борумъ.

Оба подали другъ другу руки.

Бобчаровъ, господинъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста, ху-

дощавый, началъ говорить съ Борумомъ, безъ умолка, съ большимъ апломбомъ, касаясь всѣхъ современныхъ вопросовъ; однимъ словомъ онъ говорилъ какъ человѣкъ, который все видѣлъ и все знаетъ. Николай Козьмичъ затрогивалъ и финансы Россіи, проповѣдывалъ политико-экономическія теоріи, переходилъ къ народному образованію, касался судоустройства и крестьянской реформы и обращалъ вниманіе на общественную жизнь, выказывая при этомъ въ разговорѣ много такта и большую ловкость.

Вскорѣ пріѣхали Корачевскіе, Зинаида Карловна съ матерью и Пирликовы.

Елизавета Павловна хозяйничала, разливала чай и была необыкновенно любезна, внимательна, и разговоръ былъ самый оживленный и разнообразный. Послѣ чая составилась пулька; засадили тетушку, Бобчарова и Луку Лукича. Пирликовъ завелъ какой-то нескончаемый разговоръ съ Василіемъ Александровичемъ объ училищахъ; Елизавета Павловна бесѣдовала съ дамами, а Мамочкинъ разсуждалъ съ Зинаидой Карловной о женщинахъ.

— «Нѣтъ! вы ужъ черезъ чуръ строги Евгеній Ивановичъ къ женщинамъ... Вы ставите женщину въ такую тѣсную раму дѣятельности, что ей ничего не остается дѣлать, какъ няньчить дѣтей да солить огурцы!.. Вы совершенно отвергаете общественную жизнь для женщины, не допускаете никакой пищи для ея ума и сердца... Право такая жизнь невыносима и она можетъ довести лишь до чахотки или до идіотизма.»

— «Боже мой Зинаида Карловна, я нисколько не желаю засадить женщину въ теремъ и ограничить ея жизнь няньчаньемъ дѣтей, да соленіемъ огурцовъ. Я говорю только, что жизнь замужней женщины должна быть главнымъ образомъ сосредоточена у домашняго очага; на ней лежитъ забота прав-

ственнаго и умственнаго развитія дѣтей, попеченія о мужѣ; она должна во всемъ быть ближайшей его помощницей!..»

— «Ну такъ и выходитъ: сидѣть съ мужемъ, няньчить дѣтей да солить огурцы»,—отвѣтила Зинаида Карловна, разливаясь громкимъ смѣхомъ—«нѣтъ, Евгеній Ивановичъ, извините, я чувствую себя совершенно неспособной на такую жизнь и по вашему мнѣнію никогда не могу быть хорошей женой.»

— «Напротивъ, я убѣжденъ, что вы будете примѣрной женой, въ самомъ строгомъ значеніи этого слова.»

Во время этого разговора подошелъ къ нимъ Василій Александровичъ, проводившій Пирликова, который куда-то уѣхалъ.

— «Василій Александровичъ!.. вы застаете насъ за горячимъ споромъ объ обязанностяхъ женщинъ»—сказала Зинаида Карловна—какое ваше мнѣніе?»

— «Я въ этомъ вопросѣ не сознаю въ себѣ достаточной компетентности, но полагаю, что женщина должна пользоваться совершенною равноправностію съ мужчиною во всѣхъ отношеніяхъ жизни и во всѣхъ проявленіяхъ общественной дѣятельности. Я допускаю въ женщинѣ нѣкоторую свободу, согласно направленіямъ ея ума и сердца, но при извѣстныхъ лишь условіяхъ, и при томъ свободу, основанную на самоуваженіи. Я допускаю въ женщинѣ нѣкоторыя увлеченія свойственныя ея природѣ и сердцу и не могу равнодушно слышать гоненій на женщинъ, возбужденныхъ узкимъ пониманіемъ ихъ натуры... Я люблю видѣть въ женщинѣ характеръ, силу воли, энергію къ труду, огонь, жизнь и никакъ не допускаю холодности, апатіи, равнодушія ко всему окружающему и какой-то рабской подчиненности. Повторяю вамъ, что я допускаю въ женщинѣ совершенную равноправность съ мужчиною.»

— «Я съ вами согласенъ Василій Александровичъ»,—замѣтилъ Мамочкинъ, «но полагаю, что свобода дѣйствій женщинъ,

должна подлежать строгому контролю общественнаго мнѣнія. Большинство женщинъ, по своей природѣ болѣе способны на увлеченія, нежели мужчины, а къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ нихъ и на такія увлеченія, которыя ни чемъ не могутъ быть оправданы и служатъ соблазнительнымъ и вреднымъ примѣромъ для другихъ безхарактерныхъ женщинъ. Для подобныхъ женщинъ не существуетъ ни семейныхъ отношеній, ни брачныхъ узъ, равно и никакихъ обязанностей. Эти несчастныя жертвы необузданной свободы полагаютъ, въ большинствѣ случаевъ, найти какое-то счастіе, какое-то душевное спокойствіе и нравственное будто бы удовлетвореніе, въ роскошной обстановкѣ, въ пышныхъ и богатыхъ туалетахъ, въ предосудительномъ кокетствѣ, и для достиженія всего этого жертвуютъ зачастую собою, потерявъ всякое самоуваженіе, а иногда и другими, болѣе или менѣе къ нимъ близкими.

— «Но неужели Евгеній Ивановичъ вы думаете что подобныхъ женщинъ не преслѣдуетъ общественное мнѣніе, со всею неумолимою и вполнѣ заслуженною строгостію, и при томъ, какую жалкую готовятъ онѣ для себя будущность!»....

— «Вотъ мы и окончили нашу пульку»—сказалъ подошедшій Бобчаровъ.—«Василій Александровичъ, мнѣ нужно кое о чемъ съ вами переговорить»—продолжалъ онъ, взявши Борума подъ руку и отходя съ нимъ въ сторону.

Вскорѣ гости начали разъѣзжаться, Евгеній Ивановичъ, взялъ также свою шляпу.

— «Прощайте Елизавета Павловна» — сказалъ Мамочкинъ, цѣлуя ея руку—«позвольте мнѣ имѣть честь явиться къ вамъ въ Москвѣ?»

— «Конечно!.. cela s'entend... я васъ буду ждать... не забудьте адреса,.... n'oubliez pas votre amie.»

Евгеній Ивановичъ еще разъ поцѣловалъ ея руку, простился съ Василіемъ Александровичемъ и уѣхалъ въ Оково.

Пробывъ еще два дня въ деревнѣ Очаковыхъ, на третій день, распростившись съ гостепріимными хозяевами и взявъ у нихъ лошадей до ближайшей почтовой станціи, Мамочкинъ поѣхалъ обратно въ Москву.

. . . .

. . . .

Было часовъ семь вечера, когда Евгеній Ивановичъ доѣхалъ до Борисовки, ближайшей станціи отъ Очаковыхъ и взявши тамъ почтовыхъ лошадей, продолжалъ дальнѣйшій путь по большой дорогѣ.

Выѣхавъ со станціи, Мамочкинъ замѣтилъ небольшую черную тучу на горизонтѣ изъ которой по временамъ мелькали молніи и слышны были отдаленные и глухіе раскаты грома. Подулъ довольно сильный и холодный вѣтеръ; Мамочкинъ приказавъ ямщику ѣхать скорѣе и завернувшись въ свой пледъ, подпрыгивалъ на телѣгѣ. Вскорѣ, отдаленная туча надвинулась и обложила почти все небо черною густою пеленою; яркія молніи безпрерывно мелькали по всѣмъ направленіямъ, освѣщая моментально фосфорическимъ своимъ свѣтомъ окружныя мѣстности; раскаты грома становились все чаще и все сильнѣе; нависшія густыя облака готовы были разразиться страшнымъ ливнемъ; все предвѣщало ужасную и продолжительную грозу.

— «Далеко ли до станціи?» — спросилъ у ямщика Евгеній Ивановичъ, не безъ нѣкотораго безпокойства.

— «Не далече!... съ версту!...» — и ударивъ по лошадямъ, онъ пустилъ ихъ въ карьеръ.

Дождь началъ капать крупными каплями, но вдругъ блеснулъ огонь въ какомъ-то окнѣ, сильная молнія мгновенно освѣтила станціонный домъ, у котораго остановились лошади. Соскочивъ съ телѣги, Мамочкинъ опрометью бросился въ дверь; раздался страшный ударъ грома.

— «Ахъ»!—послышался испуганный женскій голосъ и Евгеній Ивановичъ уже стоялъ подлѣ Елизаветы Павловны, которая сидѣла одна, закрывъ лицо руками.

— «Ахъ!... это вы Евгеній Ивановичъ», — произнесла она едва внятно,—«какими судьбами мы здѣсь встрѣтились.»

— «Счастливѣйшею для меня случайностію»,—отвѣтилъ Евгеній Ивановичъ, цѣлуя ея руку.

— «Какая страшная гроза!... какъ я боюсь!...»

— «Успокойтесь Бога ради Елизавета Павловна... гроза скоро пройдетъ»,—сказалъ Мамочкинъ, продолжая цѣловать ея руку.

— «Что съ вами Евгеній Ивановичъ?... на васъ лица нѣтъ... вы похолодѣли... скажите!...

— «Я люблю васъ!...»

Елизавета Павловна быстро встала со стула, страшная блѣдность покрыла ея лицо; распустившіеся волосы упали на плеча и на ея глазахъ навернулись слезы.

— «Евгеній Ивановичъ!» — сказала она взволнованнымъ голосомъ,—«вы не можете, не должны меня любить... развѣ вы свободны располагать вашими чувствами, вашимъ сердцемъ... ваша любовь должна всецѣло принадлежать вашей семьѣ... женѣ, дѣтямъ и никому болѣе... Забудьте меня... нашу встрѣчу... или любите меня какъ друга, какъ сестру.»

Мамочкинъ медленно поднялъ голову, онъ былъ блѣденъ какъ смерть.

— «Я васъ буду любить какъ сестру»,—сказалъ онъ тихо, взявши ее руку, на которую скатилась слеза.

Гроза мало-по-малу начала утихать; раскаты грома слышны были лишь въ отдаленіи съ большими промежутками и дождь падалъ рѣдкими каплями. Испуганная горничная Елизаветы Павловны, забившаяся отъ страха во время грозы подъ перины въ спальнѣ жены станціоннаго смотрителя, вошла въ комнату съ вклокоченными волосами и съ испуганнымъ все таки еще лицемъ.

— «Гроза проходитъ, сударыня, не прикажете ли закладывать лошадей?»

— «Да!... и поскорѣе»,—горничная вышла.

— «Вы позволите мнѣ Елизавета Павловна, проводить васъ до Москвы?»—спросилъ Мамочкинъ.

— «Конечно!... теперь вы поѣдите одни, а въ вагонѣ, мы сядемъ вмѣстѣ.»

— «Не пожалуете ли старому ямщику на чаекъ?»—послышался голосъ въ дверяхъ.

Евгеній Ивановичъ обернулся и увидѣлъ своего ямщика съ заткнутымъ за поясъ кнутомъ и чесавшаго себѣ затылокъ;—онъ далъ ему какую-то монету.

— «Пожалуйте-съ, лошади готовы!»—сказалъ появившійся староста въ красной рубашкѣ.

Елизавета Павловна сѣла въ карету съ горничной, а Евгеній Ивановичъ поѣхалъ за нею въ телѣгѣ.

Въ Пыпино пріѣхали они за полчаса до прибытія курскаго поѣзда и взявши билеты въ первомъ классѣ продолжали вмѣстѣ путь до Москвы.

Въ вокзалѣ московской станціи дожидалась Елизавету Павловну какая-то дама, съ которою она и уѣхала, а Мамочкинъ, взявши извощика, поѣхалъ въ свой домъ, на Арбатъ.

Поздоровавшись съ женою и дѣтьми, Евгеній Ивановичъ сообщилъ имъ о балѣ, кавалькадѣ и о пребываніи у Очаковыхъ, умолчавъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ. Антонина Сергѣевна сообщила ему о пріѣздѣ ея брата и объ убѣдительной его просьбѣ, отдать ему на воспитаніе Колю, сына Евгенія Ивановича, при чемъ онъ заявилъ о своемъ намѣреніи предоставить въ его владѣніе, въ послѣдствіи одно изъ наилучшихъ своихъ имѣній.

— «Сестра проситъ также отдать ей Надю, я безъ тебя Евгеній, не рѣшилась дать имъ отвѣта.»

— «Что же? значитъ мы останемся съ тобой почти вдвоемъ.»

— «Нѣтъ, ужь никакъ не вдвоемъ, а въ пятеромъ»,—отвѣчала улыбаясь Антонина Сергѣевна,—«что до меня касается, то я очень рада, что мои дѣти будутъ въ хорошихъ рукахъ, да и ты я думаю, зная брата и сестру отлично, ихъ правила, образъ жизни, не задумаешься исполнить желаніе моихъ родныхъ и не будешь препятствовать этому дѣлу... Ну, Евгеній— рѣшай.»

— «Я вполнѣ сознаю, что въ этомъ заключается нравственная и матеріальная польза нашихъ дѣтей, но все-таки мой другъ тяжело разставаться съ ними.»

— «Почему разставаться: Надю мы можемъ видѣть ежедневно, а Коля будетъ пріѣзжать къ намъ на праздники зимою, а все лѣто мы можемъ быть неразлучны въ деревнѣ. Ты знаешь Евгеній, что я безпрерывно наблюдаю за дѣтьми, и почти цѣлый день провожу съ ними. Не смотря на искреннее мое желаніе слѣдить за ихъ воспитаніемъ и образованіемъ, я чувствую, что физическія силы начинаютъ мнѣ измѣнять... Я часто бываю больна и Богъ знаетъ, доживу ли до того времени, какъ наши дѣти станутъ, какъ говорится на ноги; ты занятъ службой, дѣлами и не можешь при всемъ желаніи, за ними наблюдать... У брата дѣтей нѣтъ; сестра едва ли выдетъ когда нибудь замужъ, значитъ, взявши дѣтей нашихъ, они, я увѣрена, посвятятъ себя всецѣло нравственному и умственному ихъ развитію... Ну, Евгеній, какой же мнѣ дать имъ отвѣтъ?»

— «Ты очень хорошо знаешь Антониночка, что я желаю полнаго счастія моимъ дѣтямъ... я согласенъ!»

. . . .

На другой день, была суббота, присутствія не было и воспользовавшись свободнымъ отъ служебныхъ занятій временемъ, Евгеній Ивановичъ, въ часъ пополудни позвонилъ у квартиры Елизаветы Павловны.

— «Барыня дома?» — спросилъ онъ у вышедшей къ нему горничной.

— «Дома-съ, какъ прикажите доложить?»

Вмѣсто отвѣта, Евгеній Ивановичъ отдалъ ей визитную карточку.

— «Пожалуйте въ гостиную, они сейчасъ выдутъ», — сказала возвратясь горничная.

Небольшая гостинная отдѣлана была съ необыкновеннымъ вкусомъ и изяществомъ: по сѣроватому фону обой разбросаны были золотыя звѣзды, а орѣховая мебель обита была синимъ репсомъ. Направо, надъ диваномъ, около двери со спущенной драпировкой, висѣло огромное зеркало въ золоченой рамѣ, тутъ же, около стѣны—стояло великолѣпное пьянино. Налѣво, висѣлъ превосходный Каламъ, а подъ нимъ клѣтка съ попугаемъ; въ простѣнкѣ между окнами, большое зеркало, бронзовые часы и канделябры. Двѣ бѣлыя вазы, наполненныя растеніями стояли на тумбахъ у оконъ; полъ устланъ былъ красивымъ ковромъ, а на-столахъ, покрытыхъ бархатными салфетками, разбросано было вокругъ изящныхъ фарфоровыхъ лампъ, множество альбомовъ, книгъ и кипсековъ. Нѣсколько приподнятая драпировка налѣво, дозволяла любоваться роскошнымъ уборнымъ столомъ, покрытымъ пунцовой шелковой матеріей съ великолѣпными кружевами, овальнымъ зеркаломъ въ золоченой рамѣ и множествомъ изящныхъ туалетныхъ принадлежностей.

— «Bonjour», сказала Елизавета Павловна, выходя изъ уборной въ прелестномъ кружевномъ капотѣ на розовомъ чахлѣ,—«pardon de vous avoir fait attendre.»

Мамочкинъ поцѣловалъ руку.

— «Не хотите ли чашку кофе, который я сама приготовлю?» — и позвонивъ, она приказала горничной подать кофейный приборъ и пригласить тетушку,—«Eh bien comment

allez vous?» — сказала она усаживаясь на диванъ, рядомъ съ Мамочкинымъ, — «avez vous trouvé votre famille en bonne santé?»

— «Merci, я вчера вечеромъ хотѣлъ быть у васъ, но подумалъ... и отложилъ до сегоднешняго дня.»

— «И прекрасно сдѣлали, cher ami, потому что вчера вечеромъ, я ѣздила съ тетушкой къ однимъ нашимъ общимъ знакомымъ... Послушайте мой другъ,»—продолжала она, взявши Евгенія Ивановича за руку,—«j'ai une grande prière à vous adresser... Завтра, воскресенье и abonnement suspendu... даютъ Травіату; Вольпини, говорятъ очаровательна въ ролѣ Віолетты... достаньте ложу... я поѣду съ тетушкой, certainement vous serez des notres?»

— «Съ удовольствіемъ», — отвѣчалъ Мамочкинъ, цѣлуя ея руку,—«я сейчасъ же поѣду за билетомъ.»

— «Mais pas avant, que vous n'ayez pris le café et fait la connaissance de ma tante.»

Вошедшая горничная принесла на серебряномъ подносѣ кофейникъ, чашки и всѣ необходимыя принадлежности.

— «А что же тетушка?»

— «Они сейчасъ выдутъ»,— отвѣчала горничная.

— «Cher ami, я очень рада васъ видѣть»,—сказала Елизавета Павловна, устремивъ на Мамочкина, черные, обворожительные свои глаза, — «je suis un enfant, un vrai enfant; ну знаете ли, мнѣ очень пріятно наливать вамъ кофе.»

Изъ-за драпировки вошла въ гостинную, пожилая дама, средняго роста, худощавая, въ черномъ шелковомъ капотѣ и въ бѣломъ чепчикѣ.

— «Voici ma tante.»

Евгеній Ивановичъ поклонился.

— «Тетушка, позвольте представить вамъ моего друга Евгенія Ивановича Мамочкина.»

— «Charmée de faire votre connaissance monsieur», — сказала старушка, протягивая ему руку, — «Я, кажется, имѣла удовольствіе васъ видѣть вчера въ вокзалѣ желѣзной дороги... вы пріѣхали на одномъ поѣздѣ съ Лизой?»

— «Да!... я совершенно случайно съѣхался съ Елизаветой Павловной на одной изъ станцій и продолжали путь вмѣстѣ, до Москвы.»

— «Ma tante!... я могу сообщить вамъ очень пріятную вѣсть»,—сказала весело Елизавета Павловна, наливая кофе,— «Евгеній Ивановичъ такъ любезенъ, что обѣщалъ намъ привести на завтрешній вечеръ ложу, въ итальянскую оперу... вотъ вы и услышите Вольпини.»

— «Да! мнѣ очень хотѣлось ее слышать. На прошлой недѣлѣ Лиза, мнѣ предлагали билетъ въ оперу, но тебя не было, а я, старуха, никогда одна не выѣзжаю.»

— «Вольпини»,—сказалъ Мамочкинъ,—«очаровательна особенно въ Травіатѣ; не говоря о чудномъ ея голосѣ, она превосходно поняла и изучила роль и характеръ Віолетты.»

— «Мнѣ кажется», — замѣтила тетушка, — «что эта опера заимствована изъ романа Дюма сына — la dame au camelias.»

— «Ma tante... prenez garde», — сказала смѣясь Елизавета Павловна,—«не затрогивайте пожалуста слабой струны Евгенія Ивановича; il à une vraie passion pour cette Marguerítte Gautier...» вспомните Евгеній Ивановичъ нашъ споръ на терассѣ у Очаковыхъ.

— «Право, что-то не помню»,—отвѣтилъ улыбаясь Мамочкинъ.

— «Какъ же!... вы утверждали, что Маргеритта идеальная женщина, женщина съ сердцемъ, способная истинно любить; я, напротивъ, говорила, что она очень и очень рядовая камелія, съ хорошей и богатой лишь обстановкой... Въ оперѣ совершенно иначе;—она представлена другой женщиной... я допускаю скорѣе увлеченіе Віолеттой нежели Маргериттой.»

— «Вы любите музыку, monsieur Мамочкинъ?» — спросила тетушка.

— «Очень!»

— Oh! ma tante, Евгеній Ивановичъ, est tout à fait poète, il adore la nature, la musique, le chant.»

Мамочкинъ взялъ свою шляпу.

— «Куда это вы спѣшите, побудьте еще съ нами, òu bien notre société vous ennuye?»—сказала Елизавета Павловна.

— «Pardon madame, c'est tout le contraire; я спѣшу въ театръ, скоро два часа, боюсь не достать билетъ.»

— «Ну, а какъ проводите вы сегоднешній день?»

— «Обѣдаю въ Англійскомъ клубѣ, а вечеръ, дома.»

— «Конечно, вы не будете играть въ карты?» — сказала Елизавета Павловна, провожая Мамочкина и погрозивъ, съ улыбкою, пальцемъ.

— «Нѣтъ!... не буду.»

— «Eh bien à demain»,— проговорила она, протягивая ему руку.

— «A demain, ravissante amie», — отвѣтилъ Евгеній Ивановичъ, цѣлуя ея руку, и поклонившись тетушкѣ, уѣхалъ.

Евгеній Ивановичъ тотчасъ же отправился въ кассу большаго театра и взялъ ложу въ бель-этажѣ; заѣхалъ къ Ѳоминымъ, заказалъ къ завтрешнему дню великолѣпный букетъ, заѣхалъ домой сказать, что обѣдаетъ въ клубѣ и ровно въ четыре часа входилъ по мраморнымъ ступенямъ великолѣпной лѣстницы англійскаго клуба.

Закуска была подана, многое множество членовъ и гостей наполняли залы: кушали, пили, говорили, смѣялись и составляли партіи. Пожавши руки направо и налѣво, Мамочкинъ пошелъ въ столовую занять мѣсто.

Едва оффиціантъ, съ салфеткою въ рукахъ, протяжно произнесъ: «кушанье поставлено», и пошелъ повторять тѣ же слова

по другимъ комнатамъ, какъ цѣлая толпа лакеевъ устремилась въ столовую съ стерляжьей янтарной ухой и жирной кулебякой. Расторопный буфетчикъ, стоялъ за конторкой, глядѣлъ безпрерывно по разнымъ направленіямъ и записывалъ что-то въ книгу; говоръ, шумъ тарелокъ, звонъ стакановъ и бацанье пробокъ не умолкали. Какой-то толстый господинъ, съ огромнымъ животомъ, съ заспанными глазами, походившій на откормленнаго борова и съ подвязанной салфеткой, вокругъ оплывшей шеи, съ чувствомъ пропускалъ уху́ облизываясь и заѣдая кулебякой. Посмотрѣвши на него, можно было безошибочно сказать, что цѣль его жизни и всѣ мечты исключительно почти заключались во вкусномъ и жирномъ обѣдѣ. Другой какой то господинъ, худощавый и съ желчнымъ лицемъ глоталъ уху ложку за ложкой, съ большой поспѣшностію, безпрерывно повторяя сквозь зубы, что «уха ни куда не годится и что не дошла кулебяка». — Молодой блондинъ со стеклышкомъ въ глазу, сидѣвшій возлѣ Мамочкина, бесѣдовалъ съ своимъ сосѣдомъ, молодымъ брюнетомъ о талантѣ сестеръ Маркизіо, о рысакахъ и о недавно пріѣхавшей въ Москву какой то камеліи,—запивая, кулебяку и свои рѣчи шампанскимъ.

Евгеній Ивановичъ прислушивался и молчалъ.

«Отъ Сергѣя Ѳедоровича»—сказалъ лакей поднося Мамочкину стаканъ шампанскаго. Окинувъ глазами обѣдающихъ, Евгеній Ивановичъ, черезъ нѣсколько столовъ увидалъ опухшее лицо Жирова, который кивалъ ему головою; отвѣтивъ на киванье, Мамочкинъ поспѣшилъ послать ему такой же стаканъ.

Не окончивъ обѣда, Мамочкинъ пошелъ въ залы.

— «Не угодно ли»?—спросилъ у него съ пріятнѣйшей улыбкой подошедшій Длинновъ.

— «Извините, у насъ партія составилась» — отвѣтилъ Мамочкинъ удаляясь въ небольшую комнату, гдѣ у пылавшаго

камина разливали кофе. Полулежа на мягкомъ диванѣ, съ сигарою и предаваясь такъ-называемому кейфу, Евгеній Ивановичъ думалъ то о Елизаветѣ Павловнѣ, то о завтрашней оперѣ. Ему вдругъ сдѣлалось чрезвычайно почему то досадно, на себя, за то что не исполняетъ даннаго имъ обѣщанія не играть въ карты и при этомъ, далъ себѣ слово, чуть ли не въ сотый разъ,—что это будетъ въ послѣдній.

— «Партія готова, васъ просятъ пожаловать»—сказалъ ему лакей.

Мамочкинъ всталъ и пошелъ въ такъ-называемую инфернальную, хотя по наружнему своему виду и внутреннему убранству ея скорѣе можно назвать парадизною, заглянувъ по пути что дѣлалось въ длинномъ залѣ. Множество столовъ направо и налѣво заняты были тамъ игроками; довольно громкіе возгласы: «семь и шестьнадцать»! «мизеръ»!.. «надо слушаться товарища»... «князь! да какъ это вы не пошли въ туза»!.. повторялись безпрерывно. Какой то худощавый господинъ, нервнаго темперамента, съ длиннымъ чубукомъ, прохаживался по залу, останавливаясь по временамъ, то у карточныхъ столовъ, то заводя разговоръ съ какимъ то старичкомъ, сѣдымъ какъ лунь, въ кафтанѣ и полуботфортахъ, дремавшемъ въ покойномъ креслѣ.

Въ билліардной, два гвардейскихъ офицера играли въ пирамидку, а на зеленомъ угловомъ диванѣ, въ аванзалѣ билліардной, толстенькій господинъ, съ полусѣдными коротко подстриженными волосами, и съ бакенбардами, въ видѣ котлетокъ, очень чепорный, живой и вертлявый, громко и съ большимъ апломбомъ ораторствовалъ передъ дремавшими его собесѣдниками о разныхъ безпорядкахъ въ городѣ и преимущественно о безобразномъ видѣ Тверскаго бульвара.

Сергѣй Ѳедоровичъ ожидалъ Мамочкина съ «флакончикомъ» (такъ называлъ онъ бутылку съ шампанскимъ) и началась

игра. Евгенію Ивановичу не везло; онъ горячился и еще болѣе проигрывалъ; раздосадованный, онъ сѣлъ на вторую партію, отыгрываться и проигралъ вторично... «Кончено» подумалъ онъ, болѣе играть не буду,—зашелъ онъ въ библіотеку, перелистовалъ газеты и вскорѣ уѣхалъ.

Вставши на другое утро довольно поздно, Евгеній Ивановичъ поспѣшилъ написать записку слѣдующаго содержанія:

«Madame, voici le billet de la loge et un bouquet, que j'ose vous prier de vouloir bien accepter de la part de celui, qui met tout son bonheur à vous être agréable... Un baisemain de la part d'un ami—à ce soir.—Eugène».

Запечатавъ письмо съ билетомъ ложи, Мамочкинъ поспѣшилъ одѣться и отказавшись отъ кофе, предложеннаго ему женою, которая возвратилась съ дѣтьми отъ обѣдни,—поѣхалъ къ Ѳомину за букетомъ, оттуда полетѣлъ на Тверскую и отдалъ горничной цвѣты и письмо, прося передать ихъ Елизаветѣ Павловнѣ.—Сдѣлавши за тѣмъ нѣсколько визитовъ, побывавши у дядюшекъ и тетушекъ, онъ возвратился обѣдать домой.

— «Евгеній! куда ты торопился утромъ?—спросила у него жена во время послѣ-обѣденнаго чая.

— «Мнѣ необходимо было сдѣлать много визитовъ».

— «Ну а вчера?.. ты конечно игралъ въ клубѣ и проигралъ;—я это замѣтила по твоему лицу».

— «Да!.. я проигралъ немного».

— «Немного»!...—сказала глубоко вздохнувъ Антонина Сергѣевна, знаю я это немного!.. ну! а сегодня вечеромъ конечно куда-нибудь опять поѣдешь»?

— «Въ оперу».

— «Евгеній! ты совершенно не живешь дома; утромъ уѣдешь, вечеромъ также, иногда и не обѣдаешь дома;—жду съ дѣтьми твоего возвращенія по цѣлымъ часамъ... Право не найдешь времени съ тобой переговорить».

— «Ну теперь я дома»!

— «Пробудешь какой-нибудь часъ, много два и уѣдешь до трехъ часовъ, какъ вчера... это право невыносимо. Одна, цѣлый день одна съ дѣтьми, не съ кѣмъ перемолвить и слова».

Евгеній Ивановичъ посмотрѣлъ на жену, на глазахъ ея навернулись слезы.

— «Я право же не знаю» — сказалъ онъ цѣлуя ея руку — «почему мое отсутствіе мой другъ такъ тебя разстроиваетъ; ну признайся, сидя цѣлый день вмѣстѣ дома о чемъ будемъ мы съ тобою говорить и что я буду дѣлать; заниматься, писать или читать цѣлый день невозможно; неужели опять раскладывать пасьянсъ, помнишь ли, какъ въ старые годы или играть съ Бишей»—при этомъ Евгеній Ивановичъ посадилъ къ себѣ на колѣни маленькую собачку и началъ ее ласкать.

— «Съ тобой Евгеній рѣшительно нельзя серіозно говорить; тебѣ говоришь объ одномъ, а ты отвѣчаешь другое... развѣ я когда-нибудь тебя просила сидѣть цѣлые дни дома... Между выѣздами и почти совершеннымъ отсутствіемъ—большая разница».

— «Можетъ быть тебѣ Антониночка нужно что-нибудь мнѣ теперь передать... я слушаю»!

— «Нѣтъ!.. нѣтъ!.. мнѣ ничего не нужно» — отвѣтила она дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

— «Да полно же душечка! успокойся пожалуста!.. ну о чемъ ты плачешь?... Слезы... да слезы!... вотъ почти постоянный результатъ нашихъ tête à tête, въ настоящее время».

— «Да!.. ты думаешь, что я не имѣю причины плакать, что я капризничаю!.. что я должна быть весела, счастлива, довольна“!

— «Теперь упреки!. ну и я скажу, что право это очень и очень тяжело»—сказалъ Евгеній Ивановичъ и взявши недопитой стаканъ, ушелъ въ кабинетъ.

«Антонина Сергѣевна, жена Мамочкина, женщина лѣтъ сорока, небольшаго роста, очень худощавая, съ бѣлокурыми волосами, въ которыхъ начинала проглядывать значительная уже сѣдина — отличалась прекрасными душевными качествами. Очень добрая, снисходительная, внимательная, она была отличной женой и примѣрной матерью. Отказавшись совершенно отъ свѣта, отъ нарядовъ, выѣздовъ и удовольствій и довольствуясь всѣмъ, эта превосходная женщина посвятила себя всецѣло воспитанію дѣтей, съ которыми она была неразлучна. Очень болѣзненная, боязливая, слабаго характера, Антонина Сергѣевна привыкла съ самаго дѣтства находиться подъ вліяніемъ, прежде отца и богача дяди, а послѣ ихъ смерти она подчинилась опекѣ брата и старшей сестры, съ которой впрочемъ соединяла ихъ постоянная тѣсная дружба.—Родные Антонины Сергѣевны не любили Евгенія Ивановича; она же, любя его, впрочемъ не безъ нѣкоторой доли холодности и снисходя ко многимъ его недостаткамъ находилась постоянно, какъ говорится, между двухъ огней. Съ одной стороны расположеніе къ мужу, заставляло ее соглашаться иногда съ его воззрѣніями и мнѣніями, а съ другой, она должна была постоянно выслушивать совершенно противуположныя мнѣнія своихъ родныхъ, волею, не волею съ ними соглашаться, а главное непремѣнно поступать согласно ихъ убѣжденіямъ и требованіямъ, потому что все ее благосостояніе, равно и дѣтей, вполнѣ зависѣло отъ этихъ лицъ. Жизнь Антонины Сергѣевны въ этомъ отношеніи была самая и почти безотрадная. Не смѣя рѣшительно ни чѣмъ распорядиться безъ совѣта и согласія брата и сестры, она не имѣла ни воли ни свободы. Нельзя было сказать чтобы не любилъ ее мужъ, напротивъ, онъ ее любилъ и даже очень любилъ, несмотря на постоянную ея холодность, а главное, постоянно питалъ къ ней глубокое уваженіе и видѣлъ въ ней примѣрную жену и мать. Но между

ними, въ ихъ отношеніяхъ зіяла постоянно какая то пропасть, которую Антонинѣ Сергѣевнѣ, знавшей отлично характеръ своего мужа легко было обойти. Она очень хорошо знала, что мужъ ее любитъ искренно и отлично знала что отстранивъ съ нимъ холодное обращеніе и какимъ-нибудь явнымъ выраженіемъ любви она могла вполнѣ приковать къ себѣ и навсегда; но она увы! этого не сочла нужнымъ дѣлать.

Одѣвшись, Евгеній Ивановичъ зашелъ проститься съ женою, которая сидѣла съ дочерьми, поцѣловалъ ее руку и поспѣшно уѣхалъ.

. . . .

Было восемь часовъ когда Мамочкинъ вошелъ въ ложу Елизаветы Павловны... Театръ былъ полонъ, начался первый актъ. Прелестная Віолетта (Вольпини) съ бокаломъ въ рукахъ привѣтствовала собравшихся на сценѣ къ ней гостей; — громкія рукоплесканія сопровождали пропѣтую ею арію.

— «Bonsoir, mon ami», сказала тихо Елизавета Павловна, протягивая Мамочкину руку въ длинной, бѣлой перчаткѣ — merci pour le bouquet... il est charmant—et pourquoi venez vous si tard»?

Пожавъ ей руку и поклонившись тетушкѣ, Мамочкинъ опустился на стулъ позади Елизаветы Павловны въ какомъ то нѣмомъ отъ нея восторгѣ. Она была очаровательна хороша: шелковое платье маисъ, покрытое широкими воланами изъ брюссельскихъ кружевъ съ такимъ же тюпикомъ подобранномъ черными бархатными петлями гармонировалъ какъ нельзя болѣе съ матовой бѣлизною античныхъ ея плечъ и чуднымъ цвѣтомъ лица; три брилліантовыя звѣзды, въ видѣ діадемы, рѣзко выдѣлялись на черныхъ ея волосахъ, соперничая блескомъ съ огненнымъ ея взоромъ. Облокотясь граціозно на рампу, она держала бѣлый букетъ, привезенный Мамочкинымъ и часто подносила его къ лицу; богатый бинокль лежалъ на пунцо-

вомъ бархатѣ рампы а осыпанный брилліантами вѣеръ, съ буквами Е и Д, висѣлъ на рукѣ. Она внимательно слѣдила за пѣніемъ и игрою выражая, по временамъ, удовольствіе легкою улыбкою и едва замѣтнымъ движеніемъ губъ. — Евгеній Ивановичъ, не слушалъ ни пѣнія и не смотрѣлъ на сцену— онъ видѣлъ ее лишь одну и не сводилъ съ нее глазъ.

Кончился первый актъ; вызовамъ и аплодиссементамъ конца не было.

Мамочкинъ подалъ Елизаветѣ Павловнѣ бомбоньерку съ глассированнымъ виноградомъ.

«Oh!.. les raisins glacés... je les adore—merci»—сказала она, устремивъ на него чудныя свои глаза — «Matante—неугодно ли?» — продолжала Елизавета Павловна взявши нѣсколько конфектъ и передавая бомбоньерку тетушкѣ

— «Eugène! почему вы не зашли сегодня утромъ ко мнѣ?» — спросила она тихо.

— «Потому что я предполагалъ... предполагалъ, что моя частыя посѣщенія могутъ вамъ надоѣсть!»

— «А!.. вы могли это предполагать... Это очень мило... вы въ этомъ увѣрены?.. mais c'est gentil, ce que vous me dites» — отвѣтила она съ замѣтнымъ неудовольствіемъ — «ну! а вчера въ клубѣ вы всеконечно играли?»

— «Нѣтъ!.. не игралъ!»

— «Не вѣрю!» — отвѣтила она сомнительно покачавъ головою.

— «Vous êtes charmente ce soir madame et votre toilette est ravissante.»

— «J'ai supposé que vous me direz quelque chose de plus spirituel.

— «La follie amoureuse me prend toujours en vous voyant.»

— «Au moins c'est gentil... est-ce bien vrai?»

Взвился занавѣсъ, начался второй актъ, во время котораго

Мамочкинъ что-то нашептывалъ Елизаветѣ Павловнѣ, отъ чего она то улыбалась, то слегка краснѣла.

— «Voulez vous finir?»—сказала она съ притворной досадой.

Во время втораго антракта, въ ложу Елизаветы Павловны вошелъ какой-то бѣлокурый молодой человѣкъ высокаго роста, съ небольшой бородой и началъ съ нею о чемъ-то бесѣдовать на англійскомъ языкѣ а Мамочкинъ подсѣлъ къ тетушкѣ и говорилъ съ нею объ оперѣ, бросая по временамъ взгляды полные досады на молодаго человѣка, сидѣвшаго въ ложѣ въ продолженіе всего антракта.

Начался третій актъ, блондинъ ушелъ и Елизавета Павловна, съ какою-то жадностію начала слѣдить за прелестной игрой Вольпини, полной высокаго драматизма.

— «Отчего вы сдѣлались вдругъ такъ задумчивы, и даже скучны?»—спросила Елизавета Павловна у Мамочкина во время послѣдняго антракта.

— «Ничего особеннаго,—увѣряю васъ»—отвѣтилъ онъ съ притворною веселостію.

— «Jaloux!.. deja!...» — замѣтила она, погрозивъ на него пальцемъ и сѣвши на диванчикъ въ глубинѣ ложи... «Послушайте, Eugène, вы конечно изъ театра прямо къ намъ; я буду опять сама хозяйничать и угощать васъ чаемъ; потомъ, есели хотите, буду играть на пьянино, пѣть и особенно много съ вами говорить и о многомъ... Какъ будетъ весело!» дополнила она съ дѣтскою радостію, пожимая руку Мамочкина.

— «Vous êtes sublime madame» — отвѣтилъ Евгеній Ивановичъ, цѣлуя ея руку.

— «То-то же!.. а ревнуете...»

Во время послѣдняго дѣйствія тетушка была такъ растрогана, что чуть не плакала; Елизавета Павловна была въ восхищеніи отъ игры и пѣнія а Мамочкинъ находился въ какомъ-то опьяніи.

— «Вольпини!.. Вольпини!..» — кричалъ партеръ — «браво!.. брависсимо!..» неистово ревелъ раекъ, которому вторилъ и первый рядъ креселъ. Нѣсколько роскошныхъ букетовъ полетѣли примадоннѣ. — Евгеній Ивановичъ надѣлъ на madame Дарчевичъ бархатную шубку, опушенную соболями и накинулъ бѣлую, камемировую тальму съ капишономъ, который она надвинула на голову.

— «Partons»—сказалъ Мамочкинъ, подавая ей руку и взявши вѣеръ и бинокль; тетушка послѣдовала за ними. Спустившись по широкой лѣстницѣ, они остановились на послѣднихъ ступеняхъ въ ожиданіи экипажа... Внизу толпились мужчины, дамы, военные, статскіе: говорили, смѣялись, смотрѣли во всѣ стороны.

— «Prince!.. regardez donc comme cette dame capuchonnée est jolie, la connais tu?»—сказалъ конногвардеецъ какому то лейбъ-гусару, слегка обративъ голову въ сторону, гдѣ стояла Елизавета Павловна.

— «Oui!.. elle est ravissante... mais je ne la connais pas!»

— «Карета Дарчевичъ!» — прокричалъ жандармъ.

Мамочкинъ взялъ подъ руку Елизавету Павловну и быстро повелъ ее на подъѣздъ мимо говорившихъ офицеровъ.

— «Домой»—закричалъ Евгеній Ивановичъ кучеру, захлопнувъ дверцы кареты, и сѣвши въ коляску послѣдовалъ за нею.

. . . .

Пока Елизавета Павловна и тетушка перемѣняли туалетъ, Евгеній Ивановичъ сѣлъ за пьянино и началъ наигрывать мотивы изъ Травіаты и такъ увлекся игрой, что не слыхалъ какъ подошла къ нему сзади Елизавета Павловна и положила слегка пухленькую свою ручку на его плечо.—Обернувшись, онъ увидѣлъ ее въ бѣломъ, кашемировымъ капотѣ, отдѣланномъ черными кружевами а въ головѣ и на груди приколоты были нѣсколько цвѣтовъ изъ его букета.

— «Съыграйте пожалуста «adio...» вы очень не дурно играете» — сказала Елизавета Павловна.

— «Я не знаю нотъ и играю по слуху.»

— «Не ужели?.. да у васъ большія способности, почему вы не учились?»

— «Прежде не имѣлъ времени заниматься музыкой да и никто не обратилъ на это вниманія въ моемъ дѣтствѣ,—ну а потомъ было уже поздно!»

— «Жаль!.. очень жаль!..»

Евгеній Ивановичъ продолжалъ наигрывать мотивы изъ Трубадура, Травіаты и Лучіи.

— «Bravissimo!»—сказала вошедшая тетушка.

— «Вообразите, ma tante, Евгеній Ивановичъ все это играетъ по слуху, онъ не знаетъ нотъ.

— «Mais vous avez un talent!..»

Дѣвушка принесла серебряный самоваръ съ чайными принадлежностями; Елизивета Павловна занялась приготовленіемъ чая, тетушка сѣла возлѣ нея на кресло а Евгеній Ивановичъ продолжалъ что-то наигрывать.

— «Евгеній Ивановичъ!.. вотъ вашъ стаканъ»—сказала Елизавета Павловна—«вы кажется курите, прошу безъ церемоній, мы вамъ позволяемъ...»

Мамочкинъ закурилъ папиросу.

— «Довольны ли вы оперой?»—спросилъ онъ у тетушки.

— «Чрезвычайно довольна и пѣніемъ и игрой.»

— «Вольпини въ ролѣ Віолетты, по моему мнѣнію была очаровательна»—началъ говорить Мамочкинъ,—«какъ хорошо выразила она, въ первомъ дѣйствіи, беззаботную веселость парижской камеліи; сколько выказала она самопожертвованія въ разговорѣ съ отцомъ Альфреда; — сколько женскаго достоинства на балѣ и сколько самой нѣжной, горячей любви въ предсмертной агоніи... Марини, хотя пѣлъ не дурно и имѣетъ

пріятный тембръ и хорошую вокализацію но чрезвычайно вялъ; въ его игрѣ не доставало чувства, мало было огня... Стеллеръ, какъ и всегда безъукоризненно хорошъ!»

— «Во время послѣдняго дѣйствія, я была такъ растрогана, что чуть не заплакала»—замѣтила тетушка, улыбаясь.

— «Эта опера, не смотря на посредственность музыки, производитъ на меня сильное впечатлѣніе»—проговорилъ Мамочкинъ.

— «Да!.. положеніе бѣдной Віолетты было ужасно!..»—замѣтила Елизавета Павловна, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ грусти.— «умирать!.. когда почти достигла она цѣли сердечныхъ своихъ стремленій и разставаться въ молодости съ жизнею, полною надеждъ не испытавъ счастія!»

— «Но можетъ быть ихъ души соединятся въ вѣчности?»— замѣтилъ улыбаясь Мамочкинъ — «помните ли Елизавета Павловна звѣздочку?»

— «Помню»—отвѣтила она разсмѣявшись,—«но не желала бы умереть такъ, какъ бѣдная Віолетта. — Умереть не испытавъ полнаго счастія взаимной любви!.. это ужасно; страшно даже подумать.»

— «Лиза! налей мнѣ мой другъ еще чаю.»—сказала тетушка, подавая ей чашку.

— «Сейчасъ ma tante.»

— «Какъ много было сегодня публики въ театрѣ»—продолжала тетушка—«замѣтили ли вы, monsieur Мамочкинъ, какой чудный букетъ поднесли Вольпини?»

— «Да! очень красивый, да и не одинъ; — она вполнѣ ихъ заслужила.»

— «Замѣтили ли вы, ma tante, какіе чудные туалеты были на Вольпини въ первомъ и въ третьемъ актахъ, особенно какъ хорошъ цвѣтъ зеленаго шелковаго платья vert de bouteille, какія кружева, цвѣты... прелесть!»

— «Да Лиза!—очень хороши... впрочемъ надо отдать справедливость первокласнымъ театральнымъ артисткамъ—всѣ онѣ щеголяютъ своими туалетами на сцѣнѣ... Лиза, другъ мой!»—продолжала тетушка, послѣ минутнаго молчанія, — «не съѣздить ли намъ какъ-нибудь въ малый театръ, я очень давно тамъ не была и очень хочу видѣть на сценѣ «Смерть Іоанна Грознаго»—помнишь, мы недавно читали эту пьесу... говорятъ Шумскій великолѣпенъ въ ролѣ Іоанна.»

— «Съ большимъ удовольствіемъ, ma tante,—мы будемъ опять просить Евгенія Ивановича достать намъ ложу.»

— «Съ удовольствіемъ, когда вамъ угодно!.. Я видѣлъ эту пьесу: обстановка изрядная, пьеса поставлена не дурно но я не доволенъ игрою Шумскаго и мнѣ кажется, что въ ролѣ Іоанна, онъ болѣе походитъ на Ришелье́, нежели на Грознаго.»

— «Какъ хорошъ былъ Bressan, въ Петербургѣ, въ ролѣ Ришелье́; вы вѣроятно его видѣли Евгеній Ивановичъ»—спросила тетушка.

— «Да!.. чудный былъ артистъ... я очень часто посѣщалъ французскій театръ въ Петербургѣ, артисты были тогда первокласные почти для всѣхъ амплуа.

— «А помните ли вы mademoiselle Milla, какъ она была истинно мила, въ l'amour que quec'est que cela?..» Однако я заболталась» продолжала тетушка вставая «пора старухѣ спать... Прощай Лиза!.. bonsoir Евгеній Ивановичъ et merci.»

— «Nous voila seuls»—сказала Елизавета Павловна, по уходѣ тетушки,—voulez vous du thé?»

— «Merci»

Она позвонила и приказала горничной убрать чайныя принадлежности.

— «Хотите, я вамъ что-нибудь съыграю?»

— «Пожалуста.»

Сѣвши за пьянино, Елизавета Павловна блистательно испол-

нила «invitation à la valse» Вебера. Евгеній Ивановичъ сидѣлъ подлѣ нея и съ восторгомъ слушалъ чудную игру полную души и художественнаго выполненія; потомъ она съиграла нѣсколько фантазій Шопена, мастерски передавая всѣ оттѣнки, мысли и чувства великаго композитора и закончила игру блистательной соннатой Мендельсона.

— «Ну!.. довольно!.. устала!»

— «Вы дивно играете, чѣмъ болѣе васъ слушаешь тѣмъ болѣе и болѣе хочется слушать.»

— «Съ нѣкотораго времени я стала очень лѣнива и мало занимаюсь музыкой, не смотря, что очень ее люблю.»

Сдѣлавши нѣсколько блистательныхъ аккордовъ, Елизавета Павловна начала пѣть романсъ «не уѣзжай голубчикъ мой»— чуднымъ контральто.

Евгеній Ивановичъ пришелъ въ восторгъ.

— «Что за голосъ!.. да вы соединяете всѣ таланты.»

— «Неужели вамъ нравится и мой голосъ?»

— «Вы очаровательны!»—сказалъ Мамочкинъ, цѣлуя ея руку—«подобной женщины я не видѣлъ!»

Елизавета Павловна улыбнулась. — «Право, мой другъ, во мнѣ нѣтъ ничего особеннаго я очень и очень обыкновенная женщина... такихъ какъ я, право много на свѣтѣ... Послушайте Eugène...»—продолжала Елизавета Павловна вставая — «подемте въ мой будуаръ, я хочу вамъ его показать; comme ami et frère, je vous autorise à y pénétrer.»

Небольшая эта комната устлана была бархатнымъ ковромъ; висячая лампа съ розовымъ шаромъ, распространяла таинственный полумракъ; уборный столъ, съ пунцовымъ чехломъ, покрытый кисеей съ брюссельскими кружевами былъ обставленъ различными туалетными принадлежностями изъ бронзы, эмали и слоновой кости; по бокамъ на бѣлыхъ мраморныхъ тумбахъ стояли красивые бронзовыя канделябры; на право,

въ углу громадное трюмо въ золоченой рамѣ; на право же у окна съ кружевной и пунцовой шелковой драппировкой былъ рабочій столикъ изъ розоваго дерева съ бронзовыми и форфоровыми украшеніями; на лѣво, около двери, круглый столикъ, съ мраморной доской и съ гнутыми золочеными ножками, на которомъ лежала бархатная шкатулка, съ золотыми буквами Е и Д; небольшія висячія этажерки наполненныя севрскимъ, саксонскимъ и японскимъ фарфоромъ и нѣсколько золоченыхъ стульевъ, обитыхъ пунцовымъ штофомъ, составляли убранство этой очаровательной комнаты; множество цвѣтовъ на окнѣ и въ корзинахъ распространяли чудный ароматъ.

— «Et voici ma chambre, à coucher»,— сказала Елизавета Павловна, указывая на небольшую комнату налѣво.

— «Oserai-je y pénétrer?»

— Oui! si vous le voulez!»

По бѣлому фону обой спальни разбросаны были букеты красивыхъ цвѣтовъ; направо бронзовая рѣзная кровать, покрытая пунцовымъ шелковымъ одѣяломъ съ тончайшими батистовыми наволочками на подушкахъ, обшитыми кружевами, отличалась богатствомъ и рѣдкимъ изяществомъ. Налѣво, противъ кровати, небольшой мягкій диванъ, обитый пунцовымъ штофомъ а передъ нимъ такой же мраморный столикъ какъ и въ будуарѣ на которомъ, въ японской вазѣ, красовался букетъ, привезенный Мамочкинымъ; надъ диваномъ, въ овальной золоченой рамѣ, висѣло зеркало, съ двумя бронзовыми бра́ по бокамъ; мраморный умывальный столъ и небольшая тумба, дополняли меблировку этой комнаты, устланной, богатымъ бархатнымъ ковромъ. За опущенной, пунцовой шелковой драппировкой была уборная.

— «Какъ здѣсь хорошо!... прелесть!»—сказалъ Евгеній Ивановичъ.

— «Вамъ нравится?»

— Mais c'est un paradis, que cette chambre!...»

— «Où peut-être un enfer!... cela dépend?...

Возвратясь въ гостиную они сѣли на диванъ.

— «Eugène, вы еще очень мало меня знаете; у меня отвратительный характеръ: je suis capricieuse, un peu méchante et assez coquette!»

— «Vous êtes un ange!» — сказалъ Евгеній Ивановичъ, цѣлуя ея руку.

— «Вы ошибаетесь мой другъ, les apparences sont trompeuses, je suis plus-tôt un démon», — отвѣтила она улыбаясь. — «Въ жизни я много испытала а главное перечувствовала; ежели не будетъ вамъ скучно то я вамъ ее разскажу: воспитывалась я дома, у родителей, гдѣ прожила до восьмнадцатилѣтняго возраста. На воспитаніе мое и особенно на образованіе весьма мало обращали вниманія, такъ что я должна была перевоспитывать себя сама и многими горькими опытами и разочарованіями постигла трудную науку жизни. Восьмнадцати лѣтъ я была невѣстой и была влюблена въ моего жениха. За нѣсколько дней до свадьбы онъ скоропостижно умеръ; я такъ была поражена внезапной его кончиной, находилась въ такомъ отчаяніи что чуть не сошла съ ума. Со мной сдѣлалась страшная нервная горячка, которая до такой степени разстроила весь мой организмъ и потрясла нервы, что не только я никого не могла видѣть, но даже не могла слышать ни малѣйшаго шороха и лежала одна въ своей комнатѣ. Доктора нашли необходимымъ для меня перемѣну жительства и образа жизни. Пріѣхала изъ Москвы тетушка, съ которой вы теперь познакомились и увезла меня съ собой, но и тутъ положеніе мое почти нисколько не улучшилось и нервное разстройство продолжалось съ прежнею силой. Мы занимали тогда большую квартиру и такъ какъ жили въ двоемъ, то тетушка нашла возможнымъ отдать нѣсколько комнатъ одному

студенту, медику. Узнавъ о моемъ положенiи и принимая въ немъ живое участiе этотъ молодой человѣкъ попросилъ у тетушки позволенiя меня видѣть;—долго я не соглашалась, но наконецъ уступила настоятельнымъ просьбамъ тетушки. Тихiй нравъ этого студента, его скромность, предупредительность мнѣ понравились и когда я ему разсказала причину моей болѣзни, то онъ увѣрилъ тетушку, что я очень скоро поправлюсь. Онъ часто сталъ меня навѣщать, говорилъ почти постоянно о бывшемъ моемъ женихѣ и давалъ мнѣ въволю плакать, слегка утѣшалъ и развлекалъ чтенiемъ разныхъ книгъ, которыя онъ приносилъ съ собою. Мы разсуждали, спорили по поводу прочитаннаго и такъ проходило незамѣтно для меня время; я почувствовала себя несравненно лучше. Однажды, онъ какъ-то рискнулъ черезъ тетушку сдѣлать мнѣ предложенiе; я такъ на него разсердилась за это, что отказавъ ему наотрѣзъ и объявивши, что скорѣе пойду въ монастырь, нежели выйду за мужъ запретила ему ко мнѣ являться. Прошло нѣсколько времени, онъ попросилъ снова позволенiе меня посѣщать... я согласилась. На этотъ разъ онъ самъ возобновилъ предложенiе и получилъ вторично отказъ, съ просьбой никогда не возобновлять объ этомъ разговора. Прошло нѣсколько недѣль; не дѣлая никакихъ намековъ о женидьбѣ онъ былъ по прежнему очень ко мнѣ внимателенъ и любезенъ. Разъ, мы читали какую-то книгу, не припомню какую; по поводу прочитаннаго, онъ началъ говорить со мной о супружествѣ и выражать свой образъ мыслей о брачныхъ отношенiяхъ. Его взглядъ на супружескiя отношенiя и отсутствiе всякаго эгоизма такъ мнѣ понравились, что я тутъ же ему сказала, что при этихъ условiяхъ я можетъ быть и согласилась бы на замужство. Онъ сдѣлалъ мнѣ еще разъ предложенiе, которое я приняла и поѣхала въ Петербургъ къ родителямъ, а Дмитрiй, окончилъ курсъ, получилъ мѣсто и мы обвѣнчались. Въ по-

слѣдствіи я могла вполнѣ оцѣнить всѣ прекрасныя качества его души. Онъ дѣйствительно былъ отличный человѣкъ; добрый, честный и любилъ меня до чрезвычайности. Прожили мы отлично десять лѣтъ, но увы! полтора года тому назадъ, онъ заболѣлъ тифозной горячкой и черезъ недѣлю его не стало! Потеря была для меня ужасна!... Послѣ его кончины, братъ мой, съ которымъ вы познакомились у Карачевскихъ приглашалъ меня переѣхать къ нему, но я не согласилась, потому что провинціальная жизнь наводитъ на меня какой-то ужасъ!... Я рѣшилась жить частію съ тетушкой въ Москвѣ, частію въ Петербургѣ съ моими родителями но признаюсь вамъ откровенно Eugène, что настоящая, безцѣльная моя жизнь, мнѣ крайне надоѣла; все одна!... совершенно одна!...»

— «Нѣтъ!... вы ошибаетесь», — сказалъ Мамочкинъ, — «вы не одни... есть люди, которые принимаютъ въ васъ, самое живое, теплое, сердечное участіе, которые, вамъ преданы всею душею, которые васъ...»

— «Которые не могутъ, или скорѣе не должны меня любить»,—перебила его Елизавета Павловна,—«потому что сердце ихъ должно принадлежать не мнѣ, но другимъ!»

— «Почему же не вамъ?»

— «Какъ почему?... потому что они связаны другими обязанностями, житейскими условіями, посягать на которыя невозможно, не должно!...»

— «Но согласитесь, что любить по приказанію, по закону, по обязанности невозможно, немыслимо; это чувство, которое не подчинимо...»

— «Да!... я согласна, что любовь неподчинима но въ человѣкѣ должны быть не одни лишь чувства но и разумъ, который долженъ ими руководить; сознаніе въ необходимости строгаго исполненія своихъ обязанностей, вотъ что и должно сдерживать сердечные порывы и не допускать до увлеченія;

въ противномъ случаѣ человѣкъ долженъ утратить самоуваженіе!...»

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, она продолжала, взявши Евгенія Ивановича за руку:

— «Кто знаетъ, мой другъ, если провидѣнію угодно соединить неразрывными узами два любящія сердца, если они должны принадлежать другъ другу, то вѣрьте мнѣ судьба сама все устроитъ... Случается, что не имѣешь никакого понятія одинъ о другомъ, вдругъ встрѣтишся, познакомишся, полюбишь другъ друга и въ нѣсколько дней эти лица становятся такъ близки одинъ къ другому какъ будто самая тѣсная, давнишняя дружба соединяетъ ихъ съ дѣтства; препятствія устранятся сами собой, незамѣтно... Ну я право же вѣрю: «чему быть тому не миновать.»

— «Дружба!... дружба!...» — проговорилъ вздыхая Мамочкинъ.

— «Видите ли Eugène, какъ вы, мужчины мало понимаете истинныя чувства и ничѣмъ не бываете довольны. Женщина, отдаетъ вамъ сердце, мысли, чувства... этого для васъ недостаточно, вы требуете чего-то другаго!... Ну! а потомъ и женщина, которую вы любите вамъ надоѣстъ!» — прибавила съ грустью Елизавета Павловна.

— «Простите меня!» - проговорилъ Евгеній Ивановичъ, цѣлуя ее руку,—«вы истинно идеальная женщина!»

— «А я вамъ не все еще сказала о моемъ настоящемъ житьѣ-бытьѣ: я всѣмъ обязана покойному моему мужу. Родители мои люди небогатые и насъ большое семейство; я получила самое незначительное приданое. Дмитрій, при жизни своей постоянно обо мнѣ заботился, очень баловалъ и никогда ни въ чемъ не отказывалъ; онъ оставилъ мнѣ небольшой капиталъ, который составляетъ все мое состояніе... Я должна вамъ сознаться, что у меня большой недостатокъ или скорѣе

слабость: я люблю очень наряды и трачу на нихъ много денегъ, люблю комфортъ, хорошую обстановку и къ этому уже привыкла!...»

— «Еслибы я былъ вашимъ мужемъ, то при всемъ желаніи не могъ бы окружить васъ такою роскошью и комфортомъ, которые теперь васъ окружаютъ. Я очень небогатъ, своего состоянія почти не имѣю и получаю небольшое жалованье... мы должны были бы жить очень скромно, безъ всякой роскоши, пышныхъ туалетовъ.»

— «Неуже ли вы думаете, мой другъ, что не смотря на всѣ мои слабости и привычки у меня не достало бы характера, силы воли переломить себя, измѣнить съ вами весь образъ жизни. Напротивъ, я считала бы себя счастливѣйшей женщиной, забыла бы всѣ наряды, весь комфортъ, потому что чувствовала бы комфортъ въ сердцѣ. Нѣтъ, Eugène, вы, какъ я вижу мало знаете женщинъ, не знаете на что онѣ способны согрѣтыя любовью. Женщина, если она истинно любитъ то не можетъ любить вполовину; она готова на всѣ жертвы; лишеній для нея не существуетъ; она и въ хижинѣ, при самой скромной обстановкѣ также будетъ счастлива какъ еслибы жила во дворцѣ... Конечно, я говорю о женщинахъ съ сердцемъ, съ высокими чувствами, способныхъ истинно любить... Ну, теперь прощайте, вамъ пора домой, къ женѣ,... уже свѣтаетъ!... Прощайте, мой дорогой, мой милый другъ»,— прибавила Елизавета Павловна, крѣпко пожимая руку Мамочкину. — Помните, Eugène, что я васъ истинно люблю, какъ другъ, какъ сестра!... Ну скажите же мнѣ, будете ли вы любить Лизу?»

— «Люблю! и буду любить безгранично!»—сказалъ Евгеній Ивановичъ вставая и цѣлуя ея руку. —«Прощайте!...»

Она проводила его до двери лакейской.

— «Когда вы ко мнѣ пріѣдете?... скоро?.. скажите когда?..»

— «Послѣ завтра, вечеромъ,..Adio!..»

Евгеній Ивановичъ возвратился домой на разсвѣтѣ. Антонина Сергѣевна еще не спала; свѣча догарала на столѣ подлѣ ея кровати; она была очень взволнована и видно было что плакала.

— «Уже почти свѣтло, а ты только возвращаешься домой?»— сказала она вошедшему въ спальню Мамочкину.

— «Я засидѣлся у однихъ знакомыхъ!»

— «Такъ долго, не можетъ быть, Евгеній? — У кого же ты засидѣлся?»

— «Ты ихъ не знаешь, это новое знакомство... madame Даргевичъ!»

— «Да! я ее не знаю, да и вообще почему я могу знать гдѣ ты бываешь, развѣ ты мнѣ сообщаешь»? — прибавила она съ глубокимъ вздохомъ.

— «Если ты мнѣ не вѣришь мой другъ...

— «Послушай Евгеній... мнѣ истинно тебя жаль... Я предчувствую, что это все очень дурно кончится!»

....

Утромъ Мамочкинъ пошелъ на службу, но онъ не могъ положительно заниматься дѣломъ. Елизавета Павловна не выходила у него изъ головы, онъ объ ней только и думалъ, и вмѣсто исполненія бумагъ написалъ ей длиннѣйшее письмо, полное нѣжныхъ выраженій и увѣреній въ искреннѣйшей любви. Возвращаясь домой, онъ зашелъ на Тверскую и отдалъ это письмо горничной для передачи Елизаветѣ Павловнѣ. Вечеръ провелъ дома, занимался съ дѣтьми и былъ необыкновенно веселъ, такъ что Антонина Сергѣевна, увлеченная его веселостію, шутила, смѣялась...

Часовъ въ десять вечера, едва она ушла къ своимъ роднымъ, жившимъ черезъ нѣсколько домовъ, что она по принятому обычаю исполняла ежедневно, оставаясь у нихъ по-

стоянно до часу ночи, какъ вошелъ къ Мамочкину въ кабинетъ его дворникъ и передалъ ему записку съ какой-то таинственностію.

Евгеній Ивановичъ посмотрѣлъ на конвертъ — рука не знакомая.

— «Спиридонъ! Кто отдалъ тебѣ это письмо»?

— «Не могу знать-съ; сейчасъ подъѣзжала-съ къ воротамъ въ пролеткѣ какая то барыня, вызвала меня черезъ ночнаго сторожа, приказала отдать вамъ письмо и уѣхала».

— «Ступай»!

Евгеній Ивановичъ распечаталъ письмо съ большимъ волненіемъ и прочелъ слѣдующее:

«Дорогой мой Eugène».

«Я получила ваше письмо и перечитывала его нѣсколько «разъ. Такъ любить можете лишь вы и вѣрьте мнѣ мой другъ, «что я съумѣю оцѣнить эту любовь и эти чувства;—теперь только «я понимаю въ чемъ можетъ заключаться истинное счастіе и «блаженство души; я не знала еще, что можно такъ любить. «Жду васъ завтра вечеромъ непремѣнно—слышите ли? Завтра «утромъ я провожаю тетушку, которая спѣшитъ въ Петербургъ «и оттуда въ Берлинъ къ умирающей своей сестрѣ; сегодня «утромъ мы получили горестную телеграмму о ея тяжкой «болѣзни.

«Au revoir ami à demain. A vous de coeur Lise».

Неожиданное это письмо привело Евгенія Ивановича въ неописанный восторгъ; онъ тутъ же началъ писать отвѣтъ, но написавши—разорвалъ; началъ другое письмо и опять разорвалъ. Онъ находилъ, что письма написаны были вяло, что въ нихъ недоставало сердечной теплоты. Раздосадованный онъ легъ спать, но долго и очень долго не могъ заснуть.

Утромъ, по обыкновенію онъ пошелъ на службу и хотя занимался дѣлами, но очень часто поглядывалъ на часы; ему

казалось что время шло черезвычайно медленно и онъ рѣшительно не зналъ, что ему съ собою дѣлать.

За обѣдомъ, Мамочкинъ былъ въ этотъ день почему то очень разсѣянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно веселъ: шутилъ, смѣялся, что было для всѣхъ диковинкой, потому что обыкновенно онъ не говорилъ почти ни слова, сидѣлъ всегда задумчивый, скучный и постоянно выражалъ лишь неудовольствіе по поводу блюдъ, приготовленныхъ не по его вкусу. Но на этотъ разъ онъ не обратилъ никакого вниманія на кушанья, которыя, дѣйствительно были дурно приготовлены.— За послѣобѣденнымъ чаемъ, онъ сообщилъ Антонинѣ Сергѣевнѣ, что онъ собирается ѣхать.

«Можетъ быть Антониночка я и сегодня поздно возвращусь домой»,—сказалъ Евгеній Ивановичъ, целуя ея руку—«заѣду въ клубъ поужинать, ты пожалуста не сердись на меня... Скоро я засяду дома и почти никуда не буду выѣзжать».

— «У тебя Евгеній все крайности, или ты ежедневно возвращаешься домой въ три или четыре часа утра или вдругъ не хочешь почему то никуда выѣзжать... Ну а сегодня, ты вѣрно опять ѣдешь къ новымъ своимъ знакомымъ, какъ это ты назвалъ фамилію!.. да!.. madame Даргевичъ»! — прибавила Антонина Сергѣевна, съ ироніей.

— «Да, можетъ быть и заѣду»!

— «Давно ты познакомился»?

— «Нѣтъ, — на балѣ у Карачевскихъ».

— «Ну и вѣроятно madame Даргевичъ очень красива, ты вѣдь плѣняешся одной лишь красотой».

— «Да! она очень красива, но кромѣ того очень умна, любезна и соединяетъ въ себѣ чуть ли не всѣ таланты».

— «О кокетствѣ и спрашивать нечего, впрочемъ вы мужчины его и не поймете; вы будете видѣть въ женщинѣ сердце, чувства, любовь, тогда какъ все это одно лишь ловкое кокетство».

— «Почему же ты предполагаешь, что madame Даргевичъ кокетка»?

— «Потому что она очень красива, какъ ты говоришь и потому еще, что ты ею увлекаешся, какъ я замѣчаю».

— «Нисколько»!

— «Позволь мнѣ въ этомъ тебѣ не вѣрить... я очень хорошо знаю твой характеръ.... но увлеченіе увлеченію рознь;—помни Евгеній, что у тебя семейство... обязанности... Не знаю право а у меня какое то предчувствіе, что все это дурно кончится»!

— «Что же все это»?

— «Новое твое знакомство и рѣзкая перемѣна въ образѣ твоей жизни; ты совершенно сталъ другой, ты держишь себя какимъ то юношей, что право тебѣ не къ лицу!... посмотри дѣти наши какіе большія»?

— «Полно мой другъ, ты изъ мухи дѣлаешь слона,... я нисколько не увлекаюсь да и вовсе не держу себя юношей»!

— «Очень, очень желаю чтобы я ошибалась въ моихъ предположеніяхъ и предчувствіяхъ».

Евгеній Ивановичъ былъ очень недоволенъ этимъ разговоромъ и скрывши досаду ушелъ въ кабинетъ, гдѣ занялся чтеніемъ газетъ и журналовъ а часовъ около восьми онъ позвонилъ у подъѣзда Елизаветы Павловны и на этотъ разъ не спрашивая даже дома ли барыня, прямо вошелъ въ гостинную. Елизавета Павловна сидѣла за пьянино и звучнымъ своимъ контральто пѣла партію Елеоноры изъ послѣдняго акта Трубадура.

— «Bonjour mon ami»!—сказала она, протягивая ему руку, которую онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ—«возьмите стулъ и садитесь подлѣ меня.... Вчера мы были такъ перепуганы телеграммой, особенно тетушка... Она тотчасъ же собралась и сегодня я ее проводила на желѣзную дорогу».

— «Развѣ ваша тетушка такъ опасно больна»?

— «Не знаю, но въ ея годы всякая болезнь можетъ быть опасна... мнѣ право ее очень жаль»!

— «Merci! за вчерашнее ваше письмо» — сказалъ Евгеній Ивановичъ, пожимая руку Елизаветы Павловны—«тысячу разъ merci... вотъ былъ истинный для меня сюрпризъ. Часовъ въ десять вечера, дворникъ мой очень таинственно вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ и отдалъ письмо, сказавши, что подъѣзжала какая то барыня въ пролеткѣ, велѣла передать мнѣ письмо и тотчасъ же уѣхала.... Это были вы!... если бы я могъ только предчувствовать, что вы заѣдите то конечно ожидалъ бы васъ на улицѣ»...

— «Отдайте мнѣ Eugène это письмо, оно такъ плохо написано!.. я имъ очень недовольна».

— «Ни за что!.. я съ этимъ письмомъ никогда не разстанусь;.. сколько разъ я его перечитывалъ, хотѣлъ тотчасъ же отвѣчать, но рѣшительно не могъ, написалъ два письма и оба разорвалъ».

— «Почему»?

— «Потому что отъ неожиданнаго счастія мои мысли всѣ спутались въ головѣ и я не могъ ихъ выразить какъ бы хотѣлъ.

— «Развѣ счастіе производитъ на васъ такое дѣйствіе Eugène? напротивъ, въ минуты счастія мнѣ кажется что я найду и силу и энергію.... впрочемъ, какое же особенное счастіе получить отъ меня письмо»?

— «Какъ! получить отъ васъ письмо и такое письмо и вы не соглашаетесь, что это счастіе»? — сказалъ Мамочкинъ, целуя ея руку».

— «Какъ однако легко сдѣлать васъ счастливымъ»?—отвѣтила Елизавета Павловна, слегка пожимая ему руку.—vous êtes content de si peu?

— «Pas toujours»!

Подали чай, Елизавета Павловна начала хлопотать, предлагая ему то одно, то другое, но Евгеній Ивановичъ почти ни до чего не дотрогивался; онъ не могъ оторвать отъ нея глазъ, она казалась ему еще красивѣе, привлекательнѣе, милѣе.

— «Знаете ли кто у меня сегодня объ васъ спрашивалъ»!— сказалъ Мамочкинъ улыбаясь.

— «Конечно нѣтъ»!

— «Отгадайте».

— «И отгадывать не хочу... и не могу... ну скажите скорѣе... кто... je suis d'une impatience»...

— «Моя жена»!

— «Ваша жена?»... повторила Елизавета Павловна протяжно, устремивъ на него испытующій, удивленный взглядъ — «это почему»?

— «Потому что она хотѣла знать куда я сегодня вечеромъ ѣду... я сказалъ, что недавно сдѣлалъ новое знакомство съ вами»...

— «Я слышала, что ваша жена, отличная женщина, примѣрная мать»?

— «Это совершенно справедливо!.. рѣдко можно встрѣтить женщину, которая съ бо́льшимъ самопожертвованіемъ посвятила бы себя всецѣло семьѣ и своимъ обязанностямъ, которыя она исполняетъ съ идеальной строгостію».

— «Съ идеальной строгостью»! повторила Елизавета Павловна улыбаясь—«et votre femme est jalouse»?

— «Je suppose... comme toute femme doit l'être plus ou moins»?

— «Нѣтъ, я съ вами несогласна... рѣвность непремѣнно предполагаетъ недовѣріе, а если къ кому-нибудь имѣешь хотя ничтожную долю недовѣрія то нельзя имѣть и полной любви».

— «Но чувство ревности совершенно не зависитъ отъ насъ самихъ и я полагаю, что напротивъ, можно ревновать только того кого любишь»?

— «Странно! но до сего времени, увѣряю васъ, мнѣ ни когда не случалось испытывать этого чувства».

— «И ни когда не желаю вамъ его испытывать, это страшное мученіе, это сердечная пытка».

— «Значитъ вы рѣвнивы»?

— «Ужасно»!

— «Что же я у васъ объ этомъ спрашиваю;—j'en sais dejà quelque chose»!...

Послѣ чая, Елизавета Павловна играла на пьянино, пѣла.... и Мамочкинъ возвратился домой опять на разсвѣтѣ.

ГЛАВА III.

Жизнь.

Съ этого дня Евгеній Ивановичъ чуть ли не ежедневно видѣлся съ Елизаветой Павловной; иногда онъ у ней обѣдалъ, иногда заходилъ къ ней утромъ а большею частію проводилъ съ нею вечера—читая ей въ слухъ какія-нибудь книги, въ то время какъ она занималась работой; иногда Елизавета Павловна просила Мамочкина сопровождать ее въ прогулкахъ, въ театры и маскерады. Евгеній Ивановичъ началъ заниматься службой вяло и невнимательно и потому только и занимался, что служба была для него настоятельной потребностію по отношенію къ денежнымъ его средствамъ.

Несмотря на просьбы и убѣжденія Елизаветы Павловны, Мамочкинъ продолжалъ довольно часто играть въ карты, надѣясь выигрышемъ нѣсколько поправить денежныя свои дѣла, которыя начали приходить въ разстройство, но вмѣсто выигрыша онъ почти постоянно проигрывалъ и тѣмъ самымъ еще болѣе ихъ запутывалъ.

....

Наступила зима и неразлучныя съ нею развлеченія; Евгеній Ивановичъ настоятельно упрашивалъ Елизавету Павловну чаще выѣзжать и пользоваться всѣми столичными удовольствіями, но она по большей части уклонялась отъ выѣздовъ, ссылаясь, то на нездоровье то на другія причины и постоянно почти ему отвѣчала, что выѣзжать она не любитъ и что ей гораздо пріятнѣе сидѣть дома и заниматься чтеніемъ и музыкой; но Мамочкинъ такъ настоятельно ее упрашивалъ, такъ увлекательно описывалъ ей какой-нибудь балъ въ собраніи или интересную піесу, что она уступала его просьбамъ и въ послѣдствіи находила, что ей дѣйствительно было не скучно.

Небольшія деньги, какія Мамочкинъ успѣлъ скопить въ прежніе годы давно исчезли; жалованья далеко не доставало ему на расходы, которые увеличивались со дня на день а потому онъ и рѣшился продать небольшой капиталъ, который онъ имѣлъ въ долговыхъ обязательствахъ на одного изъ своихъ родственниковъ. Правда, родственникъ этотъ не только не уплачивалъ ему въ срокъ слѣдуемой суммы но даже не платилъ и процентовъ по полугоду и болѣе.

Будучи знакомъ, по прежнимъ, небольшимъ денежнымъ дѣламъ съ нѣкіимъ Праотцевымъ, въ одно прекрасное, зимнее утро Мамочкинъ явился въ его чертоги и предложилъ ему купить долговыя обязательства.

«Отъ чего же нѣтъ, купить можно», — сказалъ Праотцевъ, надѣвая пенсъ-нé,—«позвольте посмотрѣть документы».

Мамочкинъ подалъ ему заемныя письма.

— «Вотъ этому заемному письму ближайшій срокъ, черезъ шесть мѣсяцевъ»—замѣтилъ Евгеній Ивановичъ.

Праотцевъ началъ читать документъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ, каждую букву, почти по складамъ.

— «Вѣдь по этому документу была уплата»—замѣтилъ онъ.

— «Да! остается дополучить 1500 руб.»

— «На 1500 рублей» — началъ считать Праотцевъ — «по пяти процентовъ въ мѣсяцъ и того за шесть мѣсяцевъ 450 рублей. Да помните, вы хотѣли купить у меня часы, они вѣдь стоили 800 рублей, а я вамъ ихъ уступлю за 300 рублей. 450 — да 300 рублей составятъ 750 рублей, ну а остальные 750 рублей, вы получите отъ меня наличными деньгами».

— «Ничего! христіанскіе проценты и за полгода впередъ»— подумалъ Мамочкинъ, но все-таки согласился.

— «Позвольте Евгеній Ивановичъ, это еще не все» — продолжалъ Праотцевъ — «вы продаете мнѣ документъ въ 1500 рублей, по которому срокъ уплаты еще черезъ шесть мѣсяцевъ а отъ меня получаете деньги сполна. Мнѣ какъ хотите нужно обезпеченіе въ томъ, что я получу въ срокъ уплату по купленному мною у васъ заемному письму; неугодно ли будетъ вамъ выдать мнѣ вексель въ 1500 руб., то-есть на ту сумму на которую я покупаю у васъ документъ, чтобы въ случаѣ, если я не получилъ бы уплаты отъ вашего родственника, вы должны будете уплатить мнѣ всю сумму сполна. Согласитесь Евгеній Ивановичъ, что мнѣ нужно же получить съ кого-нибудь деньги; если я получу деньги отъ вашего родственника, то тотчасъ же возвращу вамъ вашъ вексель... вы объ этомъ пожалуста не безпокойтесь».

— «Однако Осипъ Егоровичъ, я во всякомъ случаѣ рискую, сами знаете... вексель!..»

— «Ну полноте!.. развѣ вы меня не знаете?»

Мамочкинъ согласился и выдалъ ему вексель въ 1500 руб.

— «Ну теперь такъ» — сказалъ Праотцевъ — извольте получить денежки» и при этомъ вынулъ изъ письменнаго стола пачку кредитныхъ билетовъ — «перечтите, деньги счетъ любятъ».

Мамочкинъ перечелъ, оказалось 750 рублей.

— «Ну, а на счетъ остальнаго заемнаго письма, въ 3500 рублей»?—спросилъ у него Евгеній Ивановичъ.

— «Срокъ-то продолжительный, сами знаете, вѣдь годъ!.. купить не могу, да и денегъ теперь ей, ей нѣтъ, всѣ вамъ отдалъ. Если хотите, сдѣлайте такъ: вы мнѣ продайте, какъ слѣдуетъ по формѣ это заемное письмо а я выдамъ вамъ росписку въ томъ, что по полученіи по немъ уплаты я обязуюсь выдать вамъ деньги, сколько слѣдуетъ, разумѣется за исключеніемъ десяти процентовъ и расходовъ по взысканію».

Мамочкинъ согласился, обѣщавши совершить у нотаріуса актъ и распростившись уѣхалъ.

Праотцевъ принадлежалъ къ многочисленому нынѣ въ Москвѣ классу обязательныхъ личностей, которыя, не имѣя въ началѣ почти никакого состоянія разнаго рода «*одолженіями*» и «*выручками ближняго*» наживаютъ въ самое непродолжительное по возможности время значительные капиталы, дома и имѣнія. По большей части господа эти выдаютъ деньги подъ залогъ разныхъ вещей, гораздо менѣе *одной трети* стоимости вещи и при этомъ за *умѣренные пять* процентовъ въ мѣсяцъ а иногда и болѣе. Заложенныя вещи за частую остаются у нихъ въ собственность и вотъ квартиры ихъ наполняются: богатою мебелью, серебромъ, картинами, бронзами, часами, фарфоромъ; жены ихъ щеголяютъ золотыми вещами и драгоцѣнными камнями, а на пальцахъ

ихъ супруговъ блестятъ крупные солитеры и тяжелые золотыя цѣпи облекаютъ ихъ жилеты.—Эти господа даютъ иногда деньги и безъ залоговъ, подъ векселя, иногда за поручительствомъ, а большею частію по *дубликатамъ*, всегда по предъявленіи и за *умѣреннѣйшіе десять* процентовъ въ мѣсяцъ. Пройдетъ годокъ, другой, глядишь а у нихъ и выползаетъ, точно грибъ изъ земли каменный домъ, двухъ и трехъ этажный; мало одного, другой, третій; является и имѣніе купленное *по случаю* и вотъ они становятся ба̀рами, живутъ съ полнымъ комфортомъ, какъ говорится въ сласть; заводятъ рысаковъ отличные экипажи, ѣздятъ по театрамъ по клубамъ, знакомы со всѣми; имъ кланяются, пожимаютъ руки — Осипы Егоровичи прекраснѣйшіе, обязательнѣйшіе люди», — твердятъ одни, въ ожиданіи отъ нихъ получки — «душегубы, кровопійцы, разбойники» — говорятъ другіе уже получившіе и испытавшіе ихъ обязательность. А какое, правду сказать, дѣло Егоровичамъ, про то что говорятъ, мало ли что говорятъ и про кого не говорятъ; на всякое чиханіе вѣдь не наздравствуешся: «Не насильно же мы навязывали нашихъ денегъ», — говорятъ они — «сами просили, значитъ нужны были мы, вѣдь всякій своему добру хозяинъ!» — и успокоенные подобной логикой они поживаютъ припѣваючи съ супругами, утѣшаясь чадами, кушая сытно и почивая сладко.

Былъ Мамочкинъ знакомъ и съ другими подобными благодѣтелями, но тѣ были свѣтила имущественныхъ экспропріяцій второй величины были и оии тузы въ своемъ родѣ, но все-таки пожиже, меньшаго калибра, и давали деньги лишь подъ залоги вещей. Такихъ благодѣтелей, Григорьевичей, Павловичей, жительствующихъ подъ вывѣсками. «Ссуда денегъ» «продажа и покупка вещей» «Bureau et caisse» и просто безъ всякихъ вывѣсокъ, развелось нынѣ въ Москвѣ

видимо не видимо, чуть ли не десятками на каждой улицѣ; однимъ словомъ имя имъ «*легіонъ*».

. . . .

Зайдя какъ-то утромъ къ Елизаветѣ Павловнѣ, Мамочкинъ привезъ ей билетъ на костюмированный балъ въ собраніи.

— «Елизавета Павловна, не хотите ли билетъ? завтра балъ въ собраніи; костюмы будутъ временъ Петра Великаго, поѣдемте!»

— «Вѣдь мы сегодня ѣдемъ въ маскерадъ въ яхтъ-клубъ, не будетъ ли этого довольно?»

— «Нѣтъ!.. нисколько!.. маскерадъ маскерадомъ а балъ баломъ; при томъ такіе балы бываютъ рѣдко и костюмы вѣроятно будутъ великолѣпные!»

— «Хорошо Eugène, поѣдемъ».... Оставайтесь со мной обѣдать; вечеръ проведемъ вмѣстѣ, а потомъ поѣдемъ въ маскерадъ».

«Parfait»—весело отвѣчалъ Мамочкинъ,—«только мнѣ необходимо заѣхать домой и сдѣлать еще нѣкоторыя покупки».

— «A propos! купите мнѣ пожалуста черныя перчатки, въ двѣ пуговицы и бѣлыя, для завтрашняго бала въ четыре... смотрите не забудьте!»

— «Все будетъ исполнено»!—сказалъ Мамочкинъ, цѣлуя ея руку.

Часа черезъ два онъ возвратился съ перчатками и красивымъ букетомъ.

— «Ахъ какой прелестный букетъ!» сказала Елизавета Павловна, поднося его къ лицу.

— «Очень простенькій, для маскерада, но для завтрешняго бала вы мнѣ позволите вамъ представить гораздо лучше»

— «Vous me gâtez Eugène; cela doit couter três-cher!»

— «Bagatelle!»

Послѣ обѣда Елизавета Павловна сѣла за пьянино, играла

любимыя пьесы Евгенія Ивановича, пѣла... потомъ онъ читалъ ей французскій романъ «les grandes dames», между тѣмъ какъ она занималась нашивкою брилліантовъ въ бѣлые розаны къ предстоявшему балу.

«Ахъ! уже одиннадцать часовъ!.. я и не видала какъ время прошло!.. пора одѣваться»,—сказала Елизавета Павловна вставая и уходя въ будуаръ.

— «Не прошло и четверти часа какъ она появилась вновь въ темно-синемъ бархатномъ платьѣ отдѣланномъ бахромами и аграмантомъ съ маскою и съ букетомъ въ рукахъ.

— «Me voici!»

Она надѣла маску, накрыла голову кружевами, которыя приколола брилліантовыми звѣздами.

— «Принесите мнѣ мой вееръ и платокъ, они на столикѣ въ спальнѣ.»

— «Заѣдемте на минуту въ Нѣмецкій клубъ»—сказалъ Мамочкинъ, подавая ей вееръ и платокъ, — «тамъ также маскерадъ, а оттуда въ яхтъ-клубъ!»

— «У нѣмцевъ вѣроятно страшная давка и богъ знаетъ, что за общество!»

— «Я васъ проведу только по заламъ и покажу новыя комнаты».

— «Пожалуй!»

Они сѣли въ карету: — «въ нѣмецкій клубъ» сказалъ Мамочкинъ кучеру захлопнувъ за собою дверцы.

. . . .

— «Que de monde!» — сказала Елизавета Павловна, входя съ Мамочкинымъ въ зало, въ которомъ устроенъ былъ небольшой фонтанъ.

— «Ужасно!»

Они пошли по амфиладѣ комнатъ слабо освѣщенныхъ и наполненныхъ табачнымъ дымомъ, встрѣчая на пути такое множество всякаго люда, что едва можно было двигаться

— «Mais c'est affreux! partons, c'est impossible d'y rester; ma pauvre robe, elle va être déchirée».

Они тотчасъ же уѣхали.

Домъ Степанова былъ ярко освѣщенъ; цѣлые ряды каретъ стояли по Пречистенкѣ; прозябнувшіе жандармы скакали то взадъ то впередъ, прогоняя останавливающихся извощиковъ... Швейцаръ проворно отворилъ дверцы кареты когда подъѣхалъ Мамочкинъ.

Они вошли по широкой и красивой лѣстницѣ устланной коврами; остановились посмотрѣть на выставленную на верхней площадкѣ гичку и затѣмъ очутились въ ярко освѣщенномъ залѣ на хорахъ котораго гремѣлъ оркестръ Крейнбринга.

— «Посмотри, какая очаровательная маска съ Мамочкинымъ, что за туалетъ?.. говорилъ одинъ.

— «Прелесть»—отвѣчалъ другой.

— «Кто эта маска, которая постоянно бываетъ съ Мамочкинымъ?»—спросилъ Дейнъ у Крючкова.

— «Положительно не знаю; вѣроятно таже красивая дама съ которой онъ катается въ саняхъ.

— «Развѣ она хороша?»

— «Прелесть!.. очарованье!»

— «Вами восхищаются Елизавета Павловна»—тихо сказалъ Мамочкинъ своей дамѣ—«вы слышали разговоръ».

— «Да!»—отвѣтила она также тихо, прижавшись слегка къ его рукѣ.

— «Здраствуйте Иванъ Петровичъ!» — сказалъ Мамочкинъ, проходя мимо Крючкова.

— «Здраствуйте Евгеній Ивановичъ!»—отвѣтилъ онъ улыбаясь и всматриваясь въ Елизавету Павловну — «что это вы совсѣмъ забыли нашъ клубъ?»

— «Я теперь почти не играю въ карты»..

Евгеній Ивановичъ повелъ свою маску въ гостинную обитую синимъ атласомъ съ богатыми коврами и украшенную множествомъ цвѣтовъ.

Они сѣли на одинъ изъ дивановъ.

Множество мужчинъ и масокъ проходили мимо ихъ, всматриваясь въ Елизавету Павловну и любуясь прекраснымъ ея туалетомъ.

— «Мнѣ эта комната очень нравится!»—сказалъ Мамочкинъ.

— «Да, не дурна, но далеко уступаетъ круглой гостинной въ собраніи... Eugène!.. посмотрите, посмотрите на эту маску, небольшаго роста, довольно полную!»

Евгеній Ивановичъ взглянулъ; маска кивнула ему головою.

— «Вы ее знаете?»—спросила Елизавета Павловна, съ нѣкоторымъ волненіемъ въ голосѣ—«что!—она красива?»

— «Очень хорошо знаю... это Елена Павловна Куницына барыня далеко не красивая и мать кажется девяти или десяти дѣтей!»

— «Какъ!.. и ѣздитъ по маскерадамъ!.. если бы у меня былъ хотя одинъ ребенокъ то конечно я никуда бы не поѣхала».

— «Почему?»

— «Потому что для матери семейства есть чѣмъ заняться и дома съ ребенкомъ а не ѣздить по маскерадамъ».

— «Вы были бы такою же чудной матерью какою вы женщина»...

— «Eugène! пойдемте въ залъ а потомъ въ нижній этажъ, я хочу видѣть гдѣ вы играете и гдѣ вы проигрываете!..»

— «Я бываю здѣсь очень рѣдко и еще рѣже играю!.. Вообще съ нѣкотораго времени, я совершенно сдѣлался равнодушенъ къ картамъ».

— «И прекрасно дѣлаете...»

Пройдя раза два по залѣ они сошли внизъ, обошли комнаты въ которыхъ нѣсколько столовъ заняты были играющими; заглянули въ билліардную, гдѣ братъ Евгенія Ивановича—Евлампій игралъ въ пирамидку съ гусаромъ Жа́ровымъ. Они поклонились.

Жа́ровъ посмотрѣлъ на Евгенія Ивановича и на его маску и едва замѣтная улыбка скользнула по его губамъ.

— «Пойдемте ужинать, beau masque, половина втораго!— сказалъ Мамочкинъ, посмотрѣвъ на часы.

— «Пойдемте Eugène».

— Они сѣли за небольшой столъ въ боковомъ верхнемъ залѣ. Евгеній Ивановичъ приказалъ подать «cotelettes au naturel», которыя очень любила Елизавета Павловна, апельсиновъ и шампанскаго. За ближайшимъ столомъ сидѣлъ Крючковъ и что то кушалъ, посматривая по временамъ на маску Мамочкина.

Мамочкинъ налилъ стаканы шампанскимъ и послалъ Крючкову.

— «За здоровье очаровательной вашей маски!» — сказалъ Крючковъ, осушая стаканъ.

— За ее же здоровье»—повторилъ Мамочкинъ, ударяя своимъ стаканомъ о стаканъ Елизаветы Павловны.

Она подняла стаканъ, чокнулась съ Мамочкинымъ и кивнула головой Ивану Петровичу.

Вскорѣ они уѣхали изъ клуба... Евгеній Ивановичъ пробывши у Елизаветы Павловны нѣсколько минутъ возвратился домой.

. . . .

На другой день, утромъ, привезя красивый букетъ, Евгеній Ивановичъ засталъ madame Даргевичъ въ большихъ хлопотахъ и приготовленіи вечерняго ея туалета, который по изяществу и красотѣ превосходилъ ея ожиданія. Пробывши

у нея нѣсколько минутъ Мамочкинъ уѣхалъ, обѣщавшись явиться къ десяти часамъ. Въ десять часовъ онъ пашелъ ее въ бальномъ туалетѣ восхитительной красоты: бѣлый атласный чахолъ съ длиннымъ шлейфомъ покрытъ былъ цѣлымъ платьемъ изъ point d'Alençon, подобранномъ съ боковъ бѣлыми розанами, въ серединѣ которыхъ блистали бриллiанты; широкая берта изъ такихъ же кружевъ окаймляла роскошныя ея плечи; нѣсколько жемчужныхъ нитокъ, прикрѣпленныхъ къ богатому фермуару обвивались вокругъ ея шеи и бриллiантовая дiадема блистала въ напудренномъ головномъ уборѣ.

Тысячи посѣтителей наполняли ярко освѣщенныя залы собранiя, когда вошелъ туда Евгенiй Ивановичъ, ведя подъ руку Елизавету Павловну на туалетъ которой многiе заглядывались. Музыка гремѣла и десятки паръ носились въ вихрѣ вальса. Нѣсколько дамъ въ богатыхъ нарядахъ сидѣли въ круглой гостинной у чайнаго стола, другiя ходили по заламъ и смотрѣли на танцующихъ. Мужчины въ мундирахъ и во фракахъ танцовали, ходили съ дамами, скользили то туда то сюда, суетились, говорили. На хорахъ было множество .

— «Въ петровскихъ костюмахъ, однако не много»—сказалъ Мамочкинъ, выходя въ залъ изъ круглой гостинной—«посмотрите: три преображенскихъ мундира и не болѣе десяти дамъ въ русскихъ нарядахъ; всѣ остальныя—маркизы и въ какихъ то фантастическихъ костюмахъ».

— «Дамъ дѣйствительно не много въ нацiональныхъ костюмахъ,»—отвѣтила Елизавета Павловна, «но за то, что за богатство. Вотъ на лѣво стоитъ К.... какое множество бриллiантовъ, изумрудовъ, рубиновъ и жемчуга нашито на ея кичкѣ а вотъ идетъ княгиня Г....., какiе крупные бриллiанты на ея повязкѣ и что за чудная соболья опушка на бѣлой, атласной душегрѣйкѣ... Eugéne, посмотрите, кто эта дама въ

голубомъ бархатномъ платьѣ со шлейфомъ чуть ли не въ три аршина, который несетъ отрокъ?»

— «Это Ш.....»

— «Костюмъ оригиналенъ и богатъ, но мнѣ ненравится; что это понашито у нея серебромъ по платью: какіе то годы, корабли, фигуры...»

— «Костюмъ ея говорятъ стоитъ три тысячи et la chronique scandaleuse ajoute, будто она заложила имѣніе, чтобы сшить это платье.»

— «Une contredanse madame»—сказалъ какой то господинъ подойдя къ Елизаветѣ Павловнѣ.

— «Merci monsieur, je ne danse pas».

— «Почему вы не хотите танцовать?» — спросилъ Мамочкинъ.

— «Помилуйте;... посмотрите, сколько барышень сидятъ и не танцуютъ; пусть лучше они попрыгаютъ а я на нихъ посмотрю.... et puis â mon âge?»

— «Comment... â votre âge!»

— «Ну да мнѣ просто не хочется... послѣ бала Карачевскихъ я не буду болѣе танцавать.»

— «Почему?»

— «Потому что веселѣе, пріятнѣе для меня бала ни когда не было да и не будетъ» — отвѣтила Елизавета Павловна, слегка пожимая его руку... et la raison, je vous la laisse a deviner?»

Начался кадриль—-они стали у колонны и смотрѣли на танцующихъ; сотни дамъ и дѣвицъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ и туалетахъ всевозможныхъ цвѣтовъ мелькали передъ ихъ глазами; шаровидный Тигровъ, дирижируя танцами носился отъ одного конца зала до другаго съ легкостію резиннаго мячика. Сплошная масса зрителей окружала танцующій рой, дѣлая между собою разныя замѣчанія, относительно красоты дамъ и ихъ туалетовъ.

— «Посмотрите Eugène, вотъ идетъ ночь, какъ хорошъ ея туалетъ!»

Евгеній Ивановичъ увидѣлъ даму въ черномъ, газовомъ платьѣ съ набросанными по немъ брилліантовыми звѣздами.

— «Très joli»«

— «Qui est cette dame?»

— «C'est madame Ч.....».

Въ два часа началась мазурка. Елизавета Павловна, еще разъ посмотрѣвъ на танцующихъ и обойдя съ Мамочкинымъ залы уѣхала домой, чувствуя усталость.

«Довольны ли вы баломъ?» спросилъ Мамочкинъ сидя у Елизаветѣ Павловны въ будуарѣ.

— «Очень, очень довольна, merci»... отвѣтила она, протягивая ему руки... «merci, но я очень устала.»

— «Скоро будетъ французскій костюмированный балъ вы позволите мнѣ привезти билетъ и вамъ сопутствовать.»

— «Да! если это будетъ не такъ скоро; я цѣлую недѣлю рѣшительно никуда не хочу выѣзжать и буду сидѣть дома».

— «Рѣшительно никуда?»

— «Мало того, да и васъ постараюсь засадить!»

— «Неужели!.. да это будетъ для меня рай, блаженство», сказалъ Мамочкинъ, целуя ея руку... прощайте...

— «A demain Eugène!.. я... очень устала» проговорила она, устремивъ на него томный взглядъ.

— «Adio!»...

— «Restez....

....

Чрезъ недѣлю назначенъ былъ вновь маскерадъ въ яхтъ-клубѣ. Въ этотъ день Мамочкинъ обѣдалъ у Елизаветы Павловны и предложилъ ей ѣхать въ клубъ, сказавши, что ему очень хочется тамъ быть и что онъ даже обѣщалъ наканунѣ, такъ какъ нѣкоторыя знакомыя его дамы предполагали туда

пріѣхать и вѣроятно будутъ его интриговать. Слегка покраснѣвши и стиснувши губы, Елизавета Павловна рѣшительно отказалась ѣхать, сказавши что у ней болитъ голова, и что она хочетъ ранѣе лечь. Просидѣвъ у нея до десяти часовъ, Мамочкинъ возвратился домой, перемѣнилъ туалетъ и въ одиннадцать часовъ поѣхалъ въ яхтъ-клубъ.

Едва вошелъ онъ въ залъ, какъ подлетѣла къ нему маска, схватила его подъ руку и потащила съ собою, но онъ тотчасъ же ее узналъ по наружности, манерамъ и по голосу— эта была Елена Павловна Куницына, пріѣхавшая съ однимъ знакомымъ ее старикомъ Зеленухинымъ.

— «Какъ я рада, что вы пріѣхали Евгеній Ивановичъ, а то тоска невыносимая сидѣть съ моимъ старикашкой.»

— «Я пріѣхалъ сюда въ ожиданіи что общія наши знакомыя дамы будутъ здѣсь, какъ онѣ обѣщали мнѣ вчера вечеромъ.»

— «Едва ли?.. но скажите пожалуста, гдѣ ваша маска съ которой вы постоянно ѣздите!.. отъ чего вы одни?»

— «Она дома и легла почивать—у нея очень болитъ голова?»

— «И вы рѣшились безъ нея пріѣхать!»

— «Какъ видите.»

— «Она должна быть очень красива?»

— «Прелестна, очаровательна»—отвѣтилъ съ воодушевленіемъ Мамочкинъ—«едва ли найдется въ Москвѣ такая красавица!»

— «Счастливчикъ!.. est-elle marié?»

— «Elle est veuve.»

— «Ну видите ли какой вы счастливчикъ!»

— «Да почему же?..

— «Полноте... полноте Евгеній Ивановичъ... ну скажите — вы ее любите?..»

— «Очень!.. но какъ друга, какъ сестру.... il n'y a que du platonique dans nos relations.»

— «Pardon pour la question indiscrète: и она васъ любитъ?»..

— «Любитъ!»..

— «Allons!.. chantez moi votre platonisme... pour qui me prenez vous!..»

— «Mais je vous le jure!..»

— «Даже досадно, какой вы счастливчикъ!.. однако что сталось съ прежнею вашею страстію... вы измѣнили... mais vous êtes un Don Juan parfait... а казалось какъ были влюблены, летали за границу... а теперь страсть потухла!»..

— «Я очень хорошо знаю Елена Павловна о комъ вы говорите; мои чувства къ общей нашей знакомой нисколько не измѣнились; я ее по прежнему очень люблю но любовью брата...

— «Vous voulez donc vous faire une provision de soeurs, mais vous finirez par en avoir... de charité»...

Мамочкинъ разсмѣялся...

— «Согласитесь Елена Павловна... я женатъ... она дѣвушка, какую же я могу къ ней питать любовь какъ не братскую!..»

— «Pour cette fois je vous crois!.. il ne pouvait y avoir que du platonisme.»

— «A la bonne heure!»

— «Однако вы носили въ медальонѣ ее портретъ!»..

— «Онъ и теперь у меня.»

— «Но вы его не носите... у васъ я вижу новый медальонъ... очень, очень хорошъ и тамъ вѣроятно портретъ очаровательной дамы вашего сердца.»

— «Можетъ быть.»

— «Послушайте Евгеній Ивановичъ, мнѣ говорили, что она

дѣйствительно чудно какъ хороша, что вы постоянно съ ней выѣзжаете... васъ видѣли!»

— «Очень, очень можетъ быть!»

— «Et votre femme n'est pas jalouse?»

— «Je ne sais, mais je ne le suppose pas...' я очень люблю жену и ни сколько не скрываю отъ нея моего знакомства»...

— «Да кто она такая?.. здѣшняя!»..

— «Нѣтъ, она пріѣзжаетъ сюда на короткое время а большею частію живетъ въ Петербургѣ; лѣтомъ она уѣзжаетъ иногда къ брату, въ ваше деревенское сосѣдство»...

— «Какъ!.. въ наше сосѣдство?.. неужели?»

— «Да!»

— «Теперь я непремѣнно узнаю кто она!..»

— «Отлично!»

— «Евгеній Ивановичъ, пожалуста!.. умоляю васъ, покажите мнѣ ея портретъ... я увѣрена что онъ у васъ въ медальонѣ»—говорила Елена Павловна, садясь съ Мамочкинымъ на диванъ, въ гостинной!

— «Невозможно».

— «Почему же?.. je ne connais donc pas... я хочу только посмотрѣть, дѣйствительно ли она такъ хороша какъ говорятъ... пожалуста покажите... je vous supplie»...

Мамочкинъ открылъ и показалъ ей медальонъ, висѣвшій у него на часовой цѣпочкѣ.

— «Да!.. да!.. прелесть какъ хороша!.. чудно какъ хороша!.. что за глаза!.. вотъ счастливчикъ такъ ужъ счастливчикъ»...

— «Я вамъ сказалъ Елена Павловна, что она очаровательна!..»

— «Евгеній Ивановичъ!.. Евгеній Ивановичъ,»—проговорила вдругъ Куницына—«посмотрите вотъ какая то маска очень пристально на васъ смотритъ, какая она стройная, не ваша ли это маска?»

— «Не можетъ быть!»—отвѣтилъ Мамочкинъ, смотря во всѣ стороны, но маска уже исчезла.—«Моя дорогая маска»—продолжалъ онъ, вздыхая—«теперь почиваетъ и я также скоро уѣду».

— «Евгеній Ивановичъ!.. вотъ она стоитъ и опять пристально на васъ смотритъ; ну право же это она!»

Евгеній Ивановичъ взглянулъ и вся кровь прилила ему въ голову... «Какое однако сходство!.. не можетъ быть»—подумалъ онъ... «Она рѣшительно отказалась ѣхать, да и съ кѣмъ же она поѣдетъ?»

Постоявъ минуту, маска ушла въ залъ.

Какъ укушенный змѣею Евгеній Ивановичъ вскочилъ, извинился передъ своей дамой и бросился за маской. Она шла по залѣ съ какимъ то пожилымъ господиномъ, чопорнымъ и довольно пріятной наружности. Мамочкинъ подошелъ къ ней ближе—нѣтъ сомнѣнія; передъ нимъ стояла Елизавета Павловна. Она хотѣла подойти къ нему, что то сказать, но онъ отвернулся и ушелъ внизъ... Ужасная ревность его волновала; онъ ходилъ то взадъ то впередъ по комнатамъ, не зная на что рѣшиться, что дѣлать. Наконецъ онъ рѣшился тотчасъ же ѣхать на квартиру къ Елизаветѣ Павловнѣ, чтобы окончательно убѣдиться не ошибся ли онъ сходствомъ и съ этими мыслями, Евгеній Ивановичъ вернулся въ залъ и войдя въ слѣдующую комнату увидѣлъ ту же маску сидящую у круглаго стола съ тѣмъ же чопорнымъ господиномъ и какимъ то драгунскимъ офицеромъ.

Увидя Мамочкина, маска стремительно подбѣжала къ нему, но онъ въ припадкѣ страшной ревности чуть ее не оттолкнулъ; быстро сошелъ съ лѣстницы и черезъ нѣсколько минутъ очутился у подъѣзда Елизаветы Павловны.

Сильно рванулъ онъ колокольчикъ.

— «Дома ли барыня?»—спросилъ Мамочкинъ у горничной.

— «Нѣтъ-съ ихъ дома... они кажется уѣхали въ маскерадъ съ какимъ то господиномъ.»

Мамочкинъ, сбросивъ шубу вбѣжалъ въ гостинную схватилъ листъ бумаги и написалъ слѣдующую записку:

«Прощайте Елизавета Павловна, вы меня болѣе никогда не увидите... прощайте на всегда!..»

Свернувъ записку онъ отдалъ ее горничной, прося передать тотчасъ же по пріѣздѣ Елизаветѣ Павловнѣ.

Спускаясь по лѣстницѣ, онъ ее встрѣтилъ.

— «Eugène, Eugène куда вы?.. остановитесь ради бога, умоляю васъ»—проговорила она, схвативъ его за руку.—Мамочкинъ почти безсознательно за нею послѣдовалъ.

— «Mon ami!.. что съ вами?..» — продолжала она, оставшись вдвоемъ въ гостинной, сбросивъ маску и держа его записку въ рукѣ.

— «Ничего!» проговорилъ онъ слабымъ голосомъ, закрывъ лицо руками-

Прочитавъ записку, она схватила его за руки; глаза ея были полны слезъ.

— «Eugène!.. мой другъ!.. я хотѣла сдѣлать вамъ сюрпризъ моимъ появленіемъ въ маскерадѣ... мнѣ очень хотѣлось увидѣть и узнать, кто эти дамы, которыя васъ интересуютъ и для которыхъ вы поѣхали. Я никакъ не могла предположить что присутствіе мое въ маскерадѣ приведетъ васъ въ такое разстройство, раздраженіе... Другъ мой!»—продолжала она, целуя его въ голову,»—другъ мой, да взгляните же на меня!»

Мамочкинъ поднялъ голову; лицо его было страшно блѣдно.

— «Да!»—сказалъ онъ, прерывающимся, взолнованнымъ голосомъ—«да! вы истинно сдѣлали мнѣ сюрпризъ, пріѣхавши въ маскерадъ съ какимъ то господиномъ, ходя съ нимъ постоянно по заламъ, бесѣдуя въ диванной!».

— «Eugène! другъ мой, опомнитесь!.. вѣдь такъ ревновать нельзя! невозможно!.. вы меня оскорбляете!.. за что?»..—проговорила она прерывающимся отъ рыданій голосомъ.

Евгеній Ивановичъ молчалъ.

— «Вы приглашали меня ѣхать въ маскерадъ, сказавши, что вы ѣдете чтобы видѣть тамъ вашихъ знакомыхъ и что васъ будутъ интриговать какія то дамы,—значитъ я была лишняя... Я отказала вамъ но вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно хотѣла видѣть васъ и этихъ дамъ. Только что вы уѣхали я написала записку къ Павлу Матвѣевичу Аскачевскому старинному знакомому всего нашего семейства, прося его ввести меня въ маскерадъ яхтъ-клуба. Онъ пріѣхалъ въ своемъ экипажѣ, который предоставилъ въ мое распоряженіе... я, изъ вѣжливости пригласила его ѣхать съ собой; онъ ввелъ меня въ залъ и я увидала васъ съ Куницыной; вы меня въ первый разъ не замѣтили, я вошла вторично въ гостинную, думая подойти къ вамъ но вы все сидѣли съ нею. Въ залѣ я снова подходила къ вамъ Eugène, желая провести весь вечеръ вмѣстѣ, но вы отъ меня отвернулись и ушли. Что же оставалось мнѣ дѣлать?.. я была такъ взолнована, что не могла даже ходить и сѣла въ аванзалѣ. Тутъ подошелъ какой то знакомый Аскачевскаго, военный, а я просила Павла Матвѣевича экипажа, чтобы доѣхать домой... Вы вновь появились... я къ вамъ бросилась; вы меня чуть не оттолкнули и ушли на лѣстницу... У меня даже спрашивалъ Аскачевскій, что это сдѣлалось съ вашимъ знакомымъ, то есть съ вами... Я не нашлась что ему и отвѣчать Eugène, такъ поразили и огорчили меня ваши выходки... Кажется, я ему сказала, что вы пошли посмотрѣть который часъ... я тотчасъ же уѣхала... скажите, въ чемъ же моя вина?»

— «Вы рѣшительно отказались ѣхать со мной, сказавши, что у васъ болитъ голова, что вы ляжете, а вмѣсто того поѣхали съ другимъ.»

— «Потому то и поѣхала, чтобы видѣть съ кѣмъ вы ходите, кто васъ интригуетъ и въ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать для васъ сюрпризъ неожиданнымъ моимъ появленіемъ... Eugène»— продолжала она, взявши его за руку—«такъ невозможно ревновать и оскорблять женщину, истинно расположенную къ вамъ;. . право же это грѣшно... стыдно!»

Мамочкинъ страшно досадовалъ на себя и на свою ревность!

— «Простите меня!.. «сказалъ онъ становясь передъ нею на колѣни и взявши ее руку...» простите меня... ревность заставила меня, потерять разсудокъ, всякое сознаніе.»

— «Eugène!.. Eugène!.. не стыдно ли?»—отвѣтила Елизавета Павловна улыбаясь и слегка качая головой—«ревнивецъ вы этакой!... et bien pour cette fois je vous pardonne»—прибавила она наклонясь и поцѣловавъ его въ голову.

Евгеній Ивановичъ осыпалъ ее руку поцелуями и—вскорѣ уѣхалъ.

Возвратясь домой онъ нашелъ жену въ своемъ кабинетѣ; она писала письма.

— «Что ты Евгеній такъ рано сегодня возвратился; вѣдь ты былъ въ маскерадѣ;—вѣрно скучалъ;.. ты очень разстроенъ.... блѣдный какой;.... не случилось ли съ тобой какой нибудь непріятности?»

— «Нѣтъ».

— «Съ кѣмъ нибудь поссорился?»

— «Да нѣтъ же»...

— «Понимаю!» сказала она улыбаясь,—«должно быть madame Даргевичъ не поѣхала съ тобой;... вы неразлучны.

— «Нисколько! я тебѣ говорилъ, что иногда ѣзжу съ madame Даргевичъ кататься, бываю съ ней въ маскерадахъ въ театрѣ!»

— «А на этотъ разъ она не поѣхала съ тобой.»

— «Нѣтъ она была въ маскерадѣ, но я только съ ней не говорилъ.»

— «Почему же!.. поссорились!..»

— Евгеній Ивановичъ разсказалъ женѣ, что онъ приглашалъ Елизавету Павловну ѣхать съ нимъ но что она ему отказала и появилась вдругъ съ какимъ то изъ своихъ знакомыхъ, что было ему очень непріятно...

— «Значитъ ты ревнуешь madame Даргевичъ... что же ты влюбленъ Евгеній?»..

— «Нисколько!»

— «Ты очень хорошо знаешь что я не ревнива, влюбляйся сколько хочешь, но могу тебѣ одно сказать Евгеній, что право же ты держишь себя черезъ чуръ молодымъ человѣкомъ; не забывай мой другъ что у тебя семейство на которомъ отражаются всѣ твои поступки!.. За чемъ ты даешь поводъ къ разговорамъ;... твои постоянные выѣзды съ madame Даргевичъ!.. ну право же не хорошо!»

— «Я вѣдь отъ тебя Антониночка не скрывалъ, что иногда съ ней выѣзжаю.»

— «Это правда!.. но что могутъ сказать встрѣтивши васъ вдвоемъ,.. болѣе ничего que vous êtes son amant»...

— «Это будетъ ложь!.. клевета... этого нѣтъ!»

— «Я знаю очень хорошо, que vous ne l'etes pas encore... я могу быть въ тебѣ увѣрена, но другимъ вѣдь рта не зажмешь и откровенно говоря: vous compromettez cette femme et elle se compromet en allant avec vous»..

....

Черезъ нѣсколько дней Мамочкинъ получилъ отъ Елизаветы Павловны письмо, которымъ она просила его немедленно къ ней пріѣхать.

Евгеній Ивановичъ нашелъ ее въ большомъ волненіи.

— «Что съ вами?.. вы разстроены!..»

Она подала ему письмо, полученное отъ ее брата, который извѣщалъ о своей болѣзни и просилъ немедленно къ нему пріѣхать.

— «Когда же вы ѣдете?»—спросилъ съ грустью Евгеній Ивановичъ.

— «Вы не повѣрите мой другъ, какъ мнѣ не хочется ѣхать!»

— «Что же дѣлать?—вашъ братъ такъ убѣдительно проситъ и при томъ онъ боленъ, — нельзя вамъ не ѣхать... Но ради Бога не заживайтесь»—продолжалъ Мамочкинъ—«не заживайтесь пожалуста, не забудьте также, что мнѣ очень и очень, признаюсь будетъ скучно безъ васъ... Увѣряю Lise, я рѣшительно не знаю что со мною станется, если вы долго тамъ заживетесь!»

— «Ежели ѣхать Eugène, то думаю завтра, съ утреннимъ поѣздомъ!»

— «Вы не останетесь тамъ болѣе недѣли?»

— «Конечно!.. постараюсь пробыть менѣе... Вы не можете себѣ представить какъ противенъ для меня городъ гдѣ живетъ братъ, просто ужасъ!.. и жизнь тамъ невыносимая!..»

— «Вы будете ко мнѣ писать?»

— «Непремѣнно... и пришлю вамъ телеграмму съ увѣдомленіемъ о днѣ моего выѣзда, чтобы вы могли пріѣхать ко мнѣ на встрѣчу въ Пыпино!»

На другой день Евгеній Ивановичъ проводилъ Елизавету Павловну на станцію Курской желѣзной дороги и возвратился домой скучный и разстроенный. Вечеромъ того же дня онъ послалъ ей телеграмму и просилъ увѣдомить какъ она доѣхала; черезъ нѣсколько часовъ, онъ получилъ удовлетворительный отвѣтъ.—Прошло три дня писемъ отъ Елизаветы Павловны не было, Мамочкинъ же писалъ къ ней ежедневно. Евгеній Ивановичъ ѣздилъ самъ на почту присутствовалъ при разборкѣ писемъ, но писемъ на его имя не оказалось. Онъ былъ въ от-

чаніи и вновь телеграфировалъ. На другой день, утромъ, онъ получилъ отвѣтную телеграмму и письмо, которымъ Елизавета Павловна его увѣдомляла, что ей очень и очень скучно, что братъ ея почти совершенно здоровъ и что дня черезъ три она непремѣнно пріѣдетъ. Евгеній Ивановичъ тотчасъ же послалъ къ ней письмо, что онъ выѣдетъ на встрѣчу и будетъ ее ждать въ Пыпинѣ.

Успокоенный полученнымъ письмомъ онъ поѣхалъ въ тотъ же день обѣдать въ Яхтъ-клубъ и встрѣтилъ тамъ своего брата Анатолія и его жену.

Сидя рядомъ за обѣдомъ, Анатолій вдругъ спросилъ у Евгенія Ивановича.

— «Скажи пожалуста, Евгеній, правда ли что ты очень какъ говорятъ, ухаживаешь за какой-то madame Даргевичъ?

— «Да!-.. я съ ней знакомъ, но болѣе ничего!»— отвѣтилъ съ удивленіемъ Евгеній Ивановичъ,—«зачѣмъ тебѣ это нужно знать?»

— «Такъ!.., я хотѣлъ услышать отъ тебя... удостовѣриться!..»

— «Въ чемъ же однако?»

— «Мы поговоримъ съ тобою послѣ обѣда...»

Въ продолженіи обѣда, Евгеній Ивановичъ ничего почти не ѣлъ и былъ въ какомъ-то волненіи — что за причина этого вопроса—думалъ онъ, и какъ могъ узнать братъ о моемъ знакомствѣ съ Елизаветой Павловной!»

Послѣ обѣда Евгеній Ивановичъ тотчасъ же подошелъ къ брату и просилъ объяснить причину сдѣланнаго имъ вопроса.

— «Ты позволишь мнѣ, Евгеній, говорить съ тобою совершенно откровенно?»—спросилъ у него Анатолій Ивановичъ.

— «Конечно!»

— «Вчера я узналъ нечаянно о твоемъ знакомствѣ съ madame Даргевичъ и о твоемъ волокитствѣ!»

— Дальше!.. дальше!...»—проговорилъ съ нетерпѣніемъ Евгеній Ивановичъ.

— «Не говоря, Евгеній, что въ твои годы и имѣя жену и дѣтей подобное увлеченіе неблаговидно, я долженъ предупредить тебя, что по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, madame Даргевичъ, извини меня, большая кокетка и въ свою очередь неравнодушна къ какому-то англичанину... ее видѣли на дняхъ съ нимъ, на какомъ-то загородномъ пикникѣ!...»

— «Это ложь!... клевета!... она ни съ кѣмъ не поѣдетъ, и вообще выѣзжаетъ очень мало!»

— «Берегись, Евгеній!... ты кажется, слишкомъ увлекся этой женщиной... ты чуть не бросаешь для нея семью!... послѣдствія мой другъ могутъ быть для тебя самыя плачевныя!... Согласись пожалуста, что не слыхавши всего этого отъ посторонняго лица я бы не имѣлъ никакого основанія тебѣ объ этомъ и говорить.»

— «Кто же, Анатолій сочинилъ тебѣ всю эту гнусную сплетню на madame Даргевичъ?»—спросилъ запальчиво Евгеній Ивановичъ.

— «Одинъ господинъ, котораго я самъ очень мало знаю и съ которымъ рѣдко вижусь объ этомъ мнѣ разсказывалъ; не знаю только, насколько тутъ правды. Онъ былъ у меня вчера утромъ по одному дѣлу... и послѣ дѣловой бесѣды спросилъ, не братъ ли мнѣ Евгеній Ивановичъ Мамочкинъ, служащій тамъ-то и женатый... Да, отвѣтилъ я ему и вмѣстѣ съ тѣмъ спросилъ, для чего это ему нужно?— Такъ!... я хотѣлъ только знать,—сказалъ онъ. — Быть можетъ у васъ съ братомъ какія нибудь дѣла, потрудитесь мнѣ ихъ сообщить.—Нѣтъ,— отвѣтилъ онъ, — у меня съ вашимъ братомъ дѣлъ никакихъ нѣтъ, но я у васъ объ немъ спросилъ, вслѣдствіе, знаете нѣкоторыхъ разговоровъ, слуховъ!...—Какіе слухи?—А вотъ какіе: говорятъ, что вашъ братъ Евгеній Ивано-

вичъ влюбленъ въ одну пріѣзжую вдовушку госпожу Даргевичъ, бываетъ у нея чуть ли не каждый день и почти постоянно повсюду съ нею выѣзжаетъ... Говорятъ также, что вашъ братецъ, вѣроятно вслѣдствіе значительныхъ расходовъ сталъ нуждаться въ деньгахъ, да впрочемъ, кто въ нихъ не нуждается въ настоящее время и часто занимаетъ на векселя. Однимъ словомъ, говорятъ, вы извините меня пожалуста, что Евгеній Ивановичъ началъ вести безпорядочный образъ жизни, и неглижируетъ очень службой!... На дняхъ еще онъ искалъ занять у одного изъ моихъ знакомыхъ пятьнадцать тысячъ на вексель, безъ залога. Знакомый же этотъ поручилъ мнѣ разузнать хорошенько о вашемъ братѣ и о его состояніи!»

— «Это вздоръ!... ложь!... я рѣшительно ни у кого и не думалъ занимать пятнадцати тысячъ... они мнѣ совершенно не нужны... но англичанинъ, пикникъ!» — продолжалъ нетерпѣливо Евгеній Ивановичъ.

— «Погоди, Евгеній, не горячись, сейчасъ окончу... Далѣе этотъ господинъ продолжалъ такъ: знаете ли Анатолій Ивановичъ, откровенно говоря, этой суммы вашему брату нельзя довѣрить; состояніе у него какъ оказывается весьма небольшое... жалованье также не богъ знаетъ какое онъ получаетъ!... Конечно его жена со средствами, но вѣдь ея деньги не его, и притомъ я слышалъ, что ее состояніе все находится въ рукахъ ея брата; — согласитесь Анатолій Ивановичъ какая тутъ гарантія кредитору? — Совершенно вѣрно, отвѣтилъ я ему.... Затѣмъ онъ продолжалъ: братецъ вашъ, Евгеній Ивановичъ, какъ я имѣлъ удовольствіе вамъ сообщить влюбленъ въ madame Даргевичъ и при этомъ говорятъ страшно ревнивъ. Барыня-то эта, опять все-таки говорятъ, кокетлива порядкомъ и въ свою очередь неравнодушна къ какому-то англичанину, который всѣмъ про это разсказываетъ. Онъ же говорилъ, что будто бы она ѣздила съ нимъ

въ большой компаніи за городъ, на пикникъ... Понимаете Анатолій Ивановичъ, очень и очень легко можетъ случиться, что эти господа, то есть англичанинъ и вашъ братецъ гдѣ нибудь встрѣтятся, можетъ произойти ссора... дуэль!...—Ну, Евгеній, я все тебѣ теперь сказалъ, поступай какъ знаешь... ты не малолѣтній... прощай!...»

Услыхавъ все это Евгеній Ивановичъ былъ ошеломленъ... Возможно ли допустить—подумалъ онъ,—чтобы она была до такой степени двоелична;—невольно однако вспомнилъ онъ о посѣщеніи ложи молодымъ человѣкомъ и о продолжительной его бесѣдѣ;—молодой этотъ человѣкъ былъ англичанинъ, какъ узналъ онъ въ послѣдствіи;—почему-то припомнилъ онъ и маскерадъ.

Нѣтъ!... этого быть не можетъ!... это ложь!... гнусная, отвратительная клевета на бѣдную женщину!... Ну, а если это правда?... подумалъ онъ, или хотя тѣнь правды!... невозможно же однако сочинить такую исторію безъ малѣйшаго основанія. Пятьнадцати тысячъ однако я ни у кого не просилъ и не занималъ... вотъ это такъ ложь... правда три тысячи... но три тысячи не пятьнадцать. Однако надо непремѣнно узнать кто этотъ англичанинъ и если только это правда!... Боже мой, что же мнѣ дѣлать?... я люблю эту женщину... а она?...

Находясь въ сильномъ волненіи Евгеній Ивановичъ уѣхалъ домой. Мучимый ревностію, онъ проклиналъ свою любовь къ Елизаветѣ Павловнѣ и день своего съ нею знакомства, потомъ вдругъ чувствовалъ непреодолимую къ ней привязанность и плакалъ какъ дитя; словомъ, онъ находился въ самомъ жалкомъ состояніи. Отъ сильнаго волненія съ нимъ сдѣлалась даже дурнота, такъ что нѣсколько времени онъ лежалъ безъ чувствъ.

На другой день, утромъ онъ получилъ письмо отъ Елизаветы Павловны, которое нѣсколько его успокоило; она писала, что немедленно выѣзжаетъ.

Не смотря на болѣзненное состояніе, Евгеній Ивановичъ все-таки поспѣшилъ поѣхать къ ней на встрѣчу, но выѣхавши слишкомъ рано долженъ былъ ожидать ея пріѣзда на станціи болѣе полусутокъ.

Евгеній Ивановичъ, въ ожиданіи пріѣзда Елизаветы Павловны ушелъ въ дамскую комнату на станціи и легъ на диванъ.

Наконецъ она пріѣхала и застала его лежащимъ въ какомъ-то забытьѣ. Увидѣвъ ее Мамочкинъ вскочилъ, бросился цѣловать ее руки и казался такимъ веселымъ, какъ будто у него не было ничего на сердцѣ; по прошествіи нѣкотораго времени, онъ рѣшился сообщить ей подробно обо всемъ имъ слышанномъ.

— «И вы повѣрили, Eugène?»—спросила она, устремивъ на него испытующій взглядъ.

— «Нѣтъ!... я не могъ вѣрить, не смѣлъ, не долженъ былъ вѣрить... Подобный поступокъ не мыслимъ; это верхъ лукавства со стороны женщины, самое отвратительное двоеличіе.»

— «Боже мой!... какая низость такъ клеветать на бѣдную женщину»,—говорила она, со слезами на глазахъ. — «За что сочинили на меня такія небылицы?... что я кому сдѣлала?... Я... я... неравнодушна къ какому-то англичанину!... я!... буду ѣздить на пикникъ!.. это ужасно!.. и все это разсказывалъ вамъ, кто же?.. вашъ братъ!..»

— «Успокойтесь мой другъ, я розыщу этого англичанина, найду и сочинителя этой гнусной сплетни и повѣрьте мнѣ съумѣю съ ними раздѣлаться!»

— «Нѣтъ, Eugène, вы рѣшительно этого не сдѣлаете, это невозможно, немыслимо!.. у васъ жена, семья, которой вы должны всецѣло принадлежать... Поймите одно: кто я для васъ?.. чужая,—не болѣе какъ хорошая знакомая... Что можетъ связывать насъ въ глазахъ свѣта настолько, чтобы мои интересы были бы вамъ близки, настолько, чтобы вы могли меня

защитить!—ничего... Быть можетъ вы подумаете дружба, любовь!.. любовь!» — повторила она съ глубокимъ вздохомъ. — «Да развѣ любовь, какъ бы она чиста не была можетъ теперь существовать между нами въ глазахъ свѣта, служить нравственной, духовной между нами связью!.. Поймите же Eugène, что любовь женщины, какъ бы она не была въ дѣйствительности чиста, безгрѣшна къ женатому, семейному человѣку и наоборотъ его любовь къ женщинѣ, которая ему не жена, вѣдь это позоръ, клеймо въ глазахъ свѣта, общества. Вѣдь свѣтъ судитъ по внѣшности!.. По мнѣнію свѣта я погибшая женщина, потому что люблю васъ, какъ друга, какъ брата... Развѣ чувства, сердце женщины, свѣтъ во что нибудь да ставитъ?.. нѣтъ мой другъ! онъ ихъ осмѣиваетъ; на женщинъ съ чувствами, свѣтъ указываетъ пальцами, отворачиваются отъ нихъ, ихъ презираютъ!.. Вотъ, Eugène, что значитъ любить не по закону, а любить по сердцу, по чувству.»

— «Но согласитесь, что обязанность мужчины защитить женщину... не давать ее въ обиду!..»

— «Да! пожалуй!.. но все-таки, если вы меня сколько нибудь любите, вы не будете никого разыскивать, я васъ прошу объ этомъ!.. Eugène, другъ мой, дайте мнѣ слово, что вы исполните мою просьбу!..

— «Хорошо!.. я исполню ваше желаніе!..»

Вскорѣ прибылъ поѣздъ изъ Курска; они сѣли въ вагонъ и поѣхали въ Москву.

. . . .

Проводивъ Елизавету Павловну до ея квартиры, Мамочкинъ возвратился домой и нашелъ жену очень грустную и задумчивую; передъ нею на столѣ лежала распечатанная и вновь заклеенная телеграмма на его имя.

— «Извини Евгеній!» — сказала Антонина Сергѣевна, подавая ему телеграмму, — «я нечаянно распечатала эту телеграм-

му, думая что она изъ Парани, что тебя извѣщаютъ о болѣзни брата или сына, но!.. узнала другое!»

— «Что же такое»?

— «Потрудись прочесть телеграмму»!

Евгеній Ивановичъ распечаталъ пакетъ; телеграмма была отъ Елизаветы Павловны, слѣдующаго содержанія:

«Выѣзжаю сегодня, жду на станціи, пріѣзжайте меня встрѣтить».

«Елизавета Даргевичъ».

Евгеній Ивановичъ прочитавъ телеграмму очень сконфузился и не зналъ что сказать.

— «Что?.. не ожидалъ такой радости, что же ты такъ сконфузился, да скажи же что-нибудь»!

— «Болѣе ничего не могу сказать, что со стороны madame Даргевичъ очень любезно сообщить мнѣ о своемъ пріѣздѣ, впрочемъ я ее предупредилъ и уже встрѣтилъ».

— «Какъ! ты ѣздилъ ее встрѣчать, но вѣдь ты хотѣлъ ѣхать въ Коломну».

— «Нѣтъ въ Коломну я поѣду черезъ нѣсколько дней, а вчера былъ на Пыпинской станціи».

— «Евгеній! послушай, что же ты наконецъ дѣлаешь? Опомнись!.. вѣдь это уже слишкомъ. Не думаешь ли ты, что меня можно обмануть, что я такая дура что ничего не понимаю!.... Нѣтъ!.. это увѣряю тебя переходитъ границы возможнаго; лучше поступать открыто, откровенно!.. оставь меня и семью совсѣмъ, но не срами!.. И ты послѣ всего этого имѣешь еще духу, увѣрять меня, прямо въ глаза, что ты ничего не имѣешь общаго съ madame Даргевичъ, кромѣ дружбы, хорошаго знакомства.... Неужели ты потерялъ всю совѣсть, весь стыдъ. Помни Евгеній, что есть Богъ, который накажетъ тебя за жену и за дѣтей.

— «Напрасно Антонина ты такъ думаешь; даю тебѣ слово,

что между мною и madame Даргевичъ не существуетъ другихъ отношеній кромѣ дружескихъ, какъ между братомъ и сестрой»!

— «Но вѣдь и дружба между знакомыми должна быть всетаки въ извѣстныхъ границахъ приличія, ну а тутъ, на глаза всего свѣта, нѣчто болѣе, чѣмъ хорошое знакомство».

— «Послушай Антонина, неужели ты пе вѣришь, моему честному слову»?

— «Я вѣрю, но извини мой другъ, въ такомъ случаѣ ты не умѣешь прилично себя держать въ глазахъ свѣта и madame Даргевичъ также»!

— «Да!.. я съ тобой согласенъ Антонина», — сказалъ Евгеній Ивановичъ, целуя ея руку — «я сознаюсь, что поступилъ необдуманно и что мнѣ совершенно не слѣдовало ѣздить къ ней на встрѣчу и провожать ее; но во всякомъ случаѣ, повторяю тебѣ опять, что мои отношенія къ Елизаветѣ Павловнѣ самыя безупречныя»!

Антонина Сергѣевна тяжело вздохнула и потомъ продолжала:—въ твое отсутствіе принесли много бумагъ; мнѣ кажется мой другъ, что ты прежде занимался службой съ большимъ усердіемъ, съ большей энергіей»!

— «Нисколько! я занимаюсь точно также и теперь!.. ты знаешь, насколько мнѣ необходима служба!.. Пойду однако посмотрю какія тамъ бумаги»... Сказавши это, Евгеній Ивановичъ поцѣловалъ жену, взялъ телеграмму и пошелъ въ кабинетъ.

Какъ неосторожна Лиза—подумалъ Мамочкинъ.

На другой день, онъ сообщилъ Елизаветѣ Павловнѣ о телеграммѣ и о разговорѣ съ женой, отъ чего она пришла въ большое волненіе.

— «Боже мой, что же дѣлать!.. ваша жена непремѣнно подозрѣваетъ, что то такое... и должна имѣть обо мнѣ очень невыгодное мнѣніе»!

— «Нѣтъ, послѣ моихъ словъ, она не можетъ и не должна ничего подозрѣвать»!

— «Послушайте Eugène, буду говорить съ вами, какъ истинный вашъ другъ: я слышала, что вы очень и очень разстроили ваши дѣла, что у васъ много долговъ и вы постоянно ихъ увеличиваете... Почему вы все отъ меня скрывали?.. неужели я не заслужила дружеской откровенности?.. Вы очень хорошо знаете мой взглядъ на жизнь; вы знаете, какъ мнѣ были скучны, какъ мнѣ надоѣли, частые наши выѣзды и удовольствія; ежели я такъ часто и выѣзжала, то единственно потому что думала, что доставляю этимъ вамъ удовольствіе... Вы знаете также, какъ я люблю домашнюю жизнь! .. Припомните Eugène, сколько разъ я васъ умоляла, зная очень хорошо ваши средства бросить игру, не дѣлать пустыхъ и безполезныхъ расходовъ;.. вы не хотѣли никогда меня слушать.,. Милый, дорогой Eugène, еще разъ умоляю васъ, не ѣздите по клубамъ, бросьте эту противную игру».

— «Я даю вамъ слово, что съ нынѣшняго дня я рѣшительно никогда не буду играть въ карты»!—сказалъ Евгеній Ивановичъ, целуя ея руку.

— «Ну за это merci cher ami, я очень рада».

— «И за это вы поѣдете завтра въ маскерадъ въ собраніе».

— «Ежели вы желаете Eugène»?..

— «Въ пятницу костюмированный балъ французовъ, вы непремѣнно поѣдете;.. скоро постъ, и съ нимъ вмѣстѣ прекращаются всѣ маскерады, балы...

. . . .

Костюмированный балъ въ собраніи, въ пользу французскихъ благотворительныхъ учрежденій удался какъ нельзя болѣе и былъ очень оживленъ. Посѣтителей было множество и нѣкоторые изъ дамскихъ туалетовъ были замѣчательны по изяществу и по богатству. Въ четырехъ углахъ большаго зала собранія устроены были павильоны съ аттрибутами весны, лѣта,

осени и зимы и превосходно декорированы. Въ этихъ павильонахъ костюмированныя дамы продавали: чай, кофе, шеколадъ, конфекты и проч. а въ боковомъ залѣ устроено было аллегри.

Туалетъ Елизаветы Павловны былъ прелестный; зеленое, шелковое платье отдѣлано было чернымъ шантильи, а тюникъ, подобранъ былъ съ боковъ черными бархатными петлями; на шеѣ красовался богатый изумрудный фермуаръ, осыпанный бриллiантами; напудренный головной уборъ съ цвѣтками, также былъ очень эффектенъ. Пройдя нѣсколько разъ по заламъ, и посмотрѣвши на танцующихъ, Елизавета Павловна почувствовала усталость и вскорѣ уѣхала.

. . . .

Наступилъ мартъ мѣсяцъ и денежныя дѣла Мамочкина приходили все въ большее и большее разстройство; наступало время уплатъ по нѣкоторымъ векселямъ а денегъ у Евгенiя Ивановича не было. Онъ сдѣлался скученъ, молчаливъ, задумчивъ. Елизавета Павловна очень встревожилась этой перемѣной и допытывалась узнать причину, но Мамочкинъ постоянно отъ нея скрывалъ тайну своего горя. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ убѣжденiй и настоятельныхъ просьбъ онъ открылъ ей свое положенiе.

— «О чемъ же безпокоиться мой другъ; я завтра же уѣду дня на три къ брату и привезу деньги. Это еще не такая значительная сумма, которую нужно уплатить... ну, а о возвращенiи мнѣ этихъ денегъ прошу и не думать. Со временемъ, когда дѣла поправятся, вы какъ нибудь мнѣ ихъ и возвратите.

— «Вы ангелъ Lise, какъ я вамъ обязанъ» — сказалъ Мамочкинъ, целуя ея руку».

— «Полноте Eugène, какъ не стыдно говорить обязанъ... чѣмъ позвольте спросить?.. Любя васъ, будучи вашимъ истиннымъ другомъ, моя обязанность выручить васъ, быть для васъ

полезной... Не забывайте, что въ дружбѣ радость и горе пополамъ»!

— «Вѣдь кромѣ васъ никто этого не сдѣлаетъ»?

— «Вѣрьте мнѣ Eugène, что моя дружба къ вамъ, не на словахъ, а на дѣлѣ, въ сердцѣ»!

...... На другой день, въ девять часовъ утра Елизавета Павловна уѣхала къ своему брату, черезъ три дня возвратилась и вручила Мамочкину необходимую для расплаты сумму.

— «Вы не повѣрите Eugène», — говорила она, отдавая ему деньги, — «какъ я истинно счастлива, что имѣю возможность быть вамъ чемъ-нибудь полезной; я чувствую въ этомъ такое душевное наслажденіе!.. Убѣдитесь Eugène въ томъ что Лиза останется навсегда, вѣрнымъ и неизмѣннымъ, истиннымъ вашимъ другомъ и въ радости и въ горѣ... Eugène» — продолжала она, взявши его руку — «послушайте! мы останемся всегда друзьями?..

— «Боже мой, развѣ вы не видете, не знаете, не чувствуте какъ искренно я васъ люблю»! — отвѣтилъ Евгеній Ивановичъ, съ жаромъ целуя ея руку.

. . . .

Наступилъ великій постъ. Мамочкинъ продолжалъ попрежнему посѣщать Елизавету Павловну, которая почти все время проводила дома, занимаясь различными рукодѣліями, чтеніемъ, музыкой. Иногда пріѣзжали къ ней, по вечерамъ ея знакомыя, тогда составлялись petits jeux, которые постоянно были очень оживлены.

Этимъ временемъ Евгеній Ивановичъ ожидалъ съ большимъ нетерпѣніемъ новаго и очень хорошаго мѣста, обѣщаннаго бывшимъ его начальникомъ и съ значительнымъ окладомъ жалованья. Дѣйствительно, это мѣсто вскорѣ открылось, но несмотря на всѣ хлопоты Мамочкина, вслѣдствіе разныхъ интригъ, увы! вмѣсто него, назначили на это мѣсто другое лицо

прибывшее изъ Петербурга... Раздосадованный и разочарованный въ блестящихъ ожиданіяхъ, Евгеній Ивановичъ не захотѣлъ оставаться болѣе на службѣ и не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ онъ подалъ въ отставку. Узнавъ этомъ, Антонина Сергѣевна была очень огорчена и хотя скрыла отъ мужа свои грустныя и тяжелыя предчувствія, но не могла однако не спросить у него, чѣмъ предполагаетъ онъ заняться и что будетъ онъ дѣлать.

— «Я найду себѣ частную службу гораздо выгоднѣе... не возможно же сидѣть все на одномъ мѣстѣ».

— «Но Евгеній, ты знаешь пословицу, отъ добра добра не ищутъ; ты былъ такъ доволенъ своимъ мѣстомъ, что я рѣшительно не понимаю почему ты его оставилъ; ужъ не непріятности ли какія-нибудь?.. ты не хочешь мнѣ сказать, но вѣрно что-нибудь тутъ кроется?.. Ты думаешь, я не замѣчаю перемѣны въ самомъ тебѣ: ты сдѣлался съ нѣкотораго времени такъ озабоченъ, такъ грустенъ... что меня это даже пугаетъ»!

— «Право Антонина ничего нѣтъ особеннаго»!

— «А я тебѣ скажу откровенно Евгеній, что меня мучаетъ какое то тяжелое предчувствіе, что все это дурно кончится.

Узнавши о выходѣ въ отставку Мамочкина, Елизавета Павловна также очень была этимъ огорчена, но дѣло было неисправимо и возвратъ на службу невозможенъ.

Великій постъ прошелъ безъ особыхъ приключеній а на Свѣтлый Праздникъ, послѣ заутрени, Евгеній Ивановичъ тотчасъ же пріѣхалъ къ Елизаветѣ Павловнѣ, и послѣ обычныхъ поздравленій, просилъ ее принять на память браслетъ.— золотой плоскій широкій обручь съ золотымъ же, en relief, словомъ «love». Браслетъ этотъ такъ ей понравился, что она дала ему слово никогда съ нимъ не разставаться.

Съ открытіемъ лѣтняго сезона Елизавета Павловна очень часто ѣздила въ Петровскій Паркъ въ сопровожденіи Ма-

мочкина. Большею частію они гуляли по Зыковской рощѣ, пили тамъ чай, заходили иногда послушать музыку въ Нѣмецкій клубъ или въ Chateau des fleurs, но любимой ихъ прогулкой были Зыковскій лѣсъ или Петровское Разумовское. Они тамъ были истинно счастливы. Съ какимъ наслажденіемъ гуляли они по тѣнистымъ аллеямъ Петровскаго Разумовскаго сада, какъ задушевны были ихъ бесѣды, сколько искренности было въ ихъ словахъ и мысляхъ и сколько истинной дружбы. Нагулявшись до усталости, они обыкновенно пили чай или сливки у одной молочницы въ небольшомъ садикѣ и поздно вечеромъ возвращались въ городъ.

Однажды Елизавета Павловна узнала отъ своей знакомой, что въ Зыковѣ живетъ какая то больная молодая женщина, безъ всякихъ средствъ къ существованію.

— «Мы Eugène непремѣнно поѣдемъ сегодня въ Зыково», — сказала она.

— «Куда вамъ угодно»!..

Пріѣхавши, она розыскала больную, снабдила ее деньгами, послала за докторомъ, привезла больной теплую одежду и послѣ этого посѣщала ее нѣсколько разъ, пока та не оправилась совершенно.

— «Вы ангелъ доброты Lise»!—говорилъ, узнавши объ этомъ Мамочкинъ—«эта бѣдная женщина обязана вамъ жизнію»!

— «Полноте Eugène, какая тутъ доброта, да развѣ можно поступать иначе?.. Я истинно рада, счастлива, благодарю Бога, что имѣю возможность помогать несчастнымъ.

— И это было не разъ. Дѣла благотворенія Елизаветы Павловны повторялись десятками. Никогда, никто изъ бѣдныхъ не уходилъ отъ нея не получивъ какого-либо пособія. Часто просила она и Евгенія Ивановича съѣздить то къ одному, то къ другому бѣдному семейству для передачи отъ нея пособій.

Все это болѣе и болѣе увеличивало привязанность Мамочкина къ этой женщинѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія въ Москвѣ политехнической выставки и торжественной встрѣчи ботика, при которой присутствовала Елизавета Павловна, Мамочкинъ уговорилъ ее ѣхать, въ Нѣмецкій клубъ, въ Паркъ, гдѣ въ этотъ день предположена была иллюминація по случаю Петровскаго юбилея. Прокатившись по аллеямъ они подъѣхали къ клубу который горѣлъ тысячами разноцвѣтныхъ огней. Входныя ворота разукрашены были множествомъ шкаликовъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, по всему фасаду дома блистали огненныя разноцвѣтныя гирлянды, орлы, звѣзды и транспоранты. Изящный фонтанъ, окруженный роскошными цвѣтниками, разсыпалъ радноцвѣтныя свои струи, освѣщенныя электрическимъ солнцемъ; аллеи, галлереи и павильоны были также красиво декорированы и иллюминованы, особенно большой, полукруглый павильонъ, въ которомъ гремѣлъ оркестръ Тосса. Публики было такое множество, что съ трудомъ можно было двигаться по аллеямъ. Мамочкинъ, обойдя съ Елизаветой Павловной фонтанъ и изящные цвѣтники, сѣлъ съ нею у столика, вблизи оркестра, приказавши подать чай.

Вдругъ какой то господинъ быстро прошелъ мимо Елизаветы Павловны и приподнявъ шляпу поклонился. Ни она ни Евгеній Ивановичъ его не замѣтили такъ какъ онъ тотчасъ же скрылся во толпѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, Мамочкинъ увидѣлъ знакомаго ему по театру англичанина, стоявшаго очень близко прислонясь къ дереву и не спускавшаго глазъ съ Елизаветы Павловны. Мамочкинъ хотѣлъ встать и потребовать отъ него объясненій въ дерзкой его выходкѣ и въ прежней сплетнѣ, на счетъ пикника, но выразительный взглядъ Елизаветы Павловны приковалъ его къ мѣсту.

— «Eugène»,—сказала она на столько громко, чтобы могъ слышать англичанинъ—«пойдемте поближе къ музыкѣ; вѣроятно мы найдемъ тамъ публику болѣе порядочную и болѣе знакомую съ приличіями».

Съ этими словами, она подала руку Мамочкину, они ушли и сѣли на скамейкѣ противъ оркестра.

— Eugène!. не правда ли какъ милъ этотъ попури изъ «жизни за Царя» замѣтила Елизавета Павловна, когда оркестръ исполнилъ отрывки изъ оперы Глинки. По окончаніи этой піесы раздались громкія и продолжительныя рукоплесканія и вызванъ былъ Тоссъ, который, появясь у эстрады со скрыпкою въ рукѣ граціозно раскланивался публикѣ.

— «Да!.. эта опера великолѣпна, да по моему мнѣнію у васъ и нѣтъ лучшей національной оперы» отвѣтилъ разсѣянно Мамочкинъ съ раздраженіемъ въ голосѣ.

— «Опера безспорно хороша, но въ музыкальномъ отношеніи Русланъ и Людмила стоятъ выше».

Прослушавши второе отдѣленіе концерта и не дождавшись фейерверка они уѣхали домой.

— «Почему вы не допустили меня до объясненій съ этимъ негодяемъ»? спросилъ Мамочкинъ у Елизаветы Павловны, сидя съ ней въ коляскѣ.

— «Помилуйте!.. возможно ли заводить ссору въ публичномъ саду... подумайте, Eugène, въ какое положеніе вы поставили бы и меня и себя»!

— «Однако, согласитесь, можно ли оставить безнаказанно такую неслыханную дерзость»?

— «Онъ вѣроятно слышалъ, что я сказала и этого достаточно»!

— «Два раза я оставилъ безнаказанно его продѣлки»—сказалъ съ раздраженіемъ Мамочкинъ—«ну! въ третій разъ будетъ ему плохо».

— «Полноте мой другъ сердиться»—отвѣтила она съ обворожительной улыбкой—«стоитъ ли?»

. . . .

Прошло нѣсколько дней въ продолженіе которыхъ Елизавета Павловна и Мамочкинъ были въ Нескучномъ, въ лѣтнемъ помѣщеніи яхтъ клуба и въ любимой ихъ Зыковской рощѣ,

Прошла еще недѣля—было воскресенье. Евгеній Ивановичъ обѣдалъ въ этотъ день у Елизаветы Павловны, которая уговаривала его ѣхать съ нею въ паркъ, но Мамочкину почему то не хотѣлось; онъ хандрилъ тосковалъ и въ первый разъ отказался отъ прогулки съ нею, предпочитая остаться и ожидать ея возвращенія. Елизавета Павловна была очень недовольна его отказомъ, но все-таки поѣхала въ паркъ, пригласивъ для компаніи одну знакомую ей гувернантку, француженку.

Они уѣхали.

Оставшись одинъ, Евгеній Ивановичъ взялъ лежавшую на столѣ въ гостинной книгу «Paris en Amerique» и началъ ее читать; но чувствуя какое то волненіе, онъ не могъ продолжать чтенія, бросилъ книгу и сталъ ходить по комнатѣ. Потомъ онъ зашелъ въ будуаръ Елизаветы Павловны и перебирая безъ всякой цѣли разныя бездѣлушки на уборномъ ея столѣ увидѣлъ вдругъ распечатанное письмо; онъ взглянулъ на почеркъ—рука незнакомая. Онъ бросилъ письмо и продолжалъ ходить по комнатѣ, но волненіе его все становилось сильнѣе и сильнѣе... Какая то непреодолимая сила тянула его къ письму чтобы узнать его содержаніе; любопытства тутъ впрочемъ не было. Долго не рѣшался онъ взять письма и заглянуть въ его содержаніе, долго боролся онъ самъ съ собою, наконецъ онъ долженъ былъ уступить невѣдомой силѣ... онъ развернулъ его наконецъ и началъ читать.

Прочитавъ письмо, Евгеній Ивановичъ ничего не понялъ, ничего не разобралъ, ничего не могъ сообразить. Въ головѣ его сдѣлался какой то хаосъ, всѣ мысли его перепутались, холодъ пробѣжалъ по всему тѣлу, онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ... Сосредоточивъ все вниманіе, съ большимъ трудомъ онъ началъ перечитывать это письмо, держа его еле, еле въ дрожащихъ рукахъ. Письмо это заключало изъясненіе пламенной

любви, просьбу подвергнуть любовь эту испытаніямъ, увѣреніе въ готовности все сдѣлать для любимой особы, просьбу допустить въ домъ и отвѣчать на это письмо, для чего и приложенъ былъ конвертъ съ написаннымъ адрессомъ и наклеенной маркой. Потомъ, авторъ этого письма выражалъ надежду на свиданіе и извѣщалъ, что онъ уѣхалъ изъ Москвы по дѣламъ, но что скоро возвратится и будетъ находиться вблизи столицы а можетъ быть и въ самой Москвѣ. Евгеній Ивановичъ прочелъ адрессъ на конвертѣ фамилія иностранная, та же самая, которою подписано было и письмо!..

— «Боже мой!.. что же это наконецъ такое»? — вскричалъ въ бѣшенствѣ Мамочкинъ, сжимая въ рукѣ письмо — «такого отвратительнаго коварства, лжи не только могъ я ожидать, но счелъ бы за преступленіе объ этомъ и подумать... Какая безсовѣстность увѣрять меня ежедневно, ежечасно въ дружбѣ, въ привязанности, въ готовности всѣмъ жертвовать и такъ отвратительно обманывать!.. Теперь нѣтъ сомнѣнія, все что мнѣ сказали о пикникѣ, все это истинна. А я, несчастный!.. вѣрилъ этой женщинѣ, вѣрилъ ее словамъ... Возможно ли такъ лукавить и такъ жестоко обманывать;.. вотъ онѣ мои мечты, вотъ вѣра въ женщину... Боже мой!.. не ужели это сонъ ужасный, мучительный»! произнесъ Мамочкинъ, упадая въ изнеможеніи на стулъ... «Сонъ!.. нѣтъ!.. это не сонъ, это дѣйствительность,.. ужасная, страшная...... Что со мной»?..—закричалъ онъ вдругъ въ какомъ то испугѣ и вскакивая со стула... «Гдѣ я?.. у кого?.. и я еще остаюсь въ комнатахъ этой женщины, которая истерзала всю мою душу все сердце и обрекла меня на вѣчное страданіе, на вѣчную муку!»

Шатаясь какъ пьяный, Мамочкинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и упалъ на полъ безъ чувствъ.

Обморокъ продолжался не долго... Онъ всталъ и сѣвши у письменнаго стола зарыдалъ какъ ребенокъ. Жалокъ дѣйстви-

тельно былъ въ эту минуту Евгеній Ивановичъ; казалось что въ тысячу разъ было бы ему легче разстаться съ жизнію, нежели разорвать навсегда всѣ дружескія отношенія съ Елизаветой Павловной и уничтожить въ своемъ сердцѣ всѣ чувства къ этой женщинѣ.

Слезы нѣсколько облегчили душевныя его страданія; онъ пришелъ въ болѣе спокойное состояніе и собравъ силы написалъ къ ней письмо слѣдующаго содержанія:

«Случайно, на вашемъ уборномъ столѣ попалось мнѣ на «глаза, адрессованное къ вамъ письмо и вами прочитанное. Дол- «го не рѣшался я его прочесть, но какая то невѣдомая сила, «какое то зловѣщее предчувствіе заставили меня до него до- «тронуться и я его прочелъ!.. Не буду говорить вамъ о сос- «тояніи моей души, къ чему теперь? и едва ли оно будетъ «для васъ понятно... Мы болѣе никогда не увидимся; я чув- «ствую, что я умеръ душею, сердцемъ и вы, вы Елизавета «Павловна мой убійца!. Вы жестоко надсмѣялись надо мной «надъ всѣми моими чувствами, вдоволь натѣшились надъ слѣ- «пою въ васъ вѣрою и надъ искреннею привязанностію... вы «затоптали и святыя чувства любви и уничтожили все!.. Не «въ силахъ болѣе писать... прощайте, прощайте на всегда... «Дай Богъ вамъ счастія, спокойствія души и сердца—это ис- «креннее желаніе Евгенія».

Онъ свернулъ письмо, положилъ его на столъ и просилъ горничную передать его по пріѣздѣ Елизаветѣ Павловнѣ.

Какъ шальной пошелъ онъ по улицамъ, безсознательно, безъ цѣли; по временамъ, онъ останавливался на тротуарахъ и о чемъ то задумывался; то вдругъ стремительно перебѣгалъ значительныя пространства. Онъ не могъ, не былъ въ силахъ возвратиться домой; ему было душно, ему нуженъ былъ воздухъ. Цѣлый адъ клокоталъ въ его груди, то были чувства ревности, обманутаго самолюбія, мщенія, которыя смѣнялись

одно другимъ и жестоко терзали его сердце. Но всего мучительнѣе для него было чувство любви, которое, ни смотря ни на что онъ и теперь еще питалъ къ этой женщинѣ.

— «Нѣтъ!»—говорилъ онъ самъ съ собою,—«я непремѣнно долженъ высказать ей все, все, что у меня на сердцѣ и оставить ее на всегда!»

Съ этими мыслями Мамочкинъ пошелъ на Тверскую. Елизавета Павловна сидѣла у стола надъ его письмомъ и громко рыдала.

Она хотѣла было броситься въ его объятія, но онъ остановилъ ее движеніемъ руки.

— «Я возвратился»,—началъ говорить онъ слабымъ и прерывающимся голосомъ,—«чтобы сказать вамъ передъ вѣчной нашей разлукой, что вы... вы женщина безъ всякаго чувства... безъ сердца... вы... вы, точно змѣя, вползли въ мое сердце... уязвили его смертельно... розлили въ немъ ядъ страшной любви... привязанности и выползли чтобы уязвить другаго... Ваша дружба и любовь ко мнѣ... пустыя слова; всѣ ваши клятвы... ложь... обманъ. Вы смѣялись, тѣшились надъ искренними, глубокими чувствами, которыя я къ вамъ питалъ; вы наругались надъ святостію любви, надъ всѣми вашими клятвами... вы убили человѣка, который истинно васъ любилъ... вы погубили его на всегда!..»

Съ этими словами онъ зашатался и упалъ у ея ногъ, безъ чувствъ.

Она вскочила въ страшномъ испугѣ, побѣжала въ будуаръ, схватила флаконъ съ о-де колономъ и ставши подлѣ него на колѣни приподняла его голову, разтирала ему виски и старалась привести его въ чувство... Наконецъ Мамочкинъ открылъ глаза и увидѣвъ подлѣ себя Елизавету Павловну, оттолкнулъ ее.

— «Оставьте меня... не мучьте!.. довольно.»

Елизавета Павловна громко рыдала. Приблизившись снова, она помогла ему встать и взявши его подъ руку довела до дивана, на который онъ упалъ.

— «Душно мнѣ!»—прошепталъ онъ едва внятно.

Смертная блѣдность покрывала лице Елизаветы Павловны, губы ея посинѣли, руки были какъ ледъ, вся она дрожала какъ въ лихорадкѣ.

Она не знала что ей дѣлать, какъ облегчить страданія Евгенія Ивановича, который дѣйствительно находился въ ужасномъ состояніи. Съ нѣжною заботливостію, она старалась уловить его взглядъ, предупредить его мысли, желанія. Наконецъ она опустилась передъ нимъ на колѣни, схватила его руки и умоляющимъ голосомъ сказала:

— «Евгеній!.. ради Бога, успокойтесь!.. выслушайте меня, и если я въ чемъ нибудь виновата, то поступайте какъ хотите!.. Скажу вамъ одно: жить безъ васъ, безъ вашей любви и дружбы... я не могу и не буду. Евгеній!.. сжальтесь надо мной», — продолжала она рыдая, — «я ни въ чемъ не виновата... клянусь вамъ!.. выслушайте меня!»

Мамочкинъ облокотился на столъ, поддерживая голову руками.

— «Говорите!.. я слушаю!»

— «Письмо это отъ англичанина я получила сегодня утромъ по городской почтѣ, прочла его и оставила безъ всякаго вниманія, какъ бредъ съумасшедшаго... Я хотѣла вамъ его показать, но зная вашу ревность — побоялась васъ огорчить, разстроить, положила на уборный столъ и хотѣла приготовить васъ его прочесть... Скажите мнѣ только одно: могла ли я предвидѣть и предупредить присылку этого глупаго письма; могла ли я наконецъ запретить съумасшедшему написать мнѣ изъясненіе въ любви!.. Неуже ли Евгеній, вы дѣйствительно думаете, что я способна на такой гнусный обманъ, низкое

коварство и отвратительную ложь... И кого я стану обманывать? васъ?.. который для меня все на свѣтѣ, котораго люблю выше всего... безъ котораго жить не могу... Нѣтъ!.. мнѣ страшно объ этомъ и подумать... Евгеній я на это неспособна!..»

— «Не смотря на мою ревность, не смотря ни на что, вы должны были тотчасъ же показать мнѣ это письмо, но вы его спрятали не сказавши мнѣ ни слова, не сдѣлавши даже никакого намека... можетъ быть готовились даже и отвѣчать... А я несчастный!.. не попадись оно мнѣ случайно я никогда бы и не зналъ о его существованіи, все думалъ что вы меня любите и можетъ быть долго бы не зналъ что меня окружаютъ ложь, обманъ, коварство, хитрость. Но случай раскрылъ мнѣ глаза, раскрылъ всю горькую ужасную истину... Нѣтъ Елизавета Павловна, такъ не поступаютъ съ человѣкомъ, которому говорятъ что его любятъ.»

— «Еслибы я хотѣла скрыть отъ васъ письмо, то конечно не оставила бы его на уборномъ столѣ, давши вамъ право читать какъ другу всѣ получаемыя мною письма... конечно я бы его спрятала!»

— «Вы просто его забыли; вы такъ торопились ѣхать въ паркъ, быть можетъ на свиданіе съ нимъ!»—сказалъ Мамочкинъ съ злобной насмѣшкой!

— «Остановись Евгеній!..» — сказала она вставая, — «довольно!.. если женщина хочетъ обманывать, скрывать, она не позабываетъ любовныхъ писемъ и не оставляетъ ихъ на столѣ... Клянусь вамъ, что въ продолженіе всей прогулки я страшно мучилась, что не показала вамъ этого письма и рѣшила во чтобы не стало отдать его вамъ, по возвращеніи... но вы успѣли предупредить меня и прочли сами... Мой другъ!.. я вѣдь просила васъ ѣхать со мной, но вы отказались; мнѣ это было очень досадно; желая же ѣхать съ вами не могло у меня быть и мысли о свиданіи, которымъ вы меня упрекаете. Я не могла

ѣхать одна и по неволѣ пригласила гувернантку, общество которой, какъ вы сами я думаю знаете не могло доставить мнѣ большаго удовольствія!»

— «Но почему вы непремѣнно хотѣли ѣхать въ паркъ, могли бы остаться и дома?»

— «Если я утратила у васъ всякую вѣру то спросите у Ладье́, гдѣ я была, если и ей не повѣрите, то спросите у вашего кучера, вѣдь я ѣздила въ вашемъ экипажѣ!»

— «Нѣтъ! я спрашивать ни у кого не буду, не буду унижать ни васъ ни себя я долженъ вѣрить вамъ одной а болѣе никому.»

— «Такъ вѣрьте же мнѣ, Eugène!.. я была у той несчастной женщины въ Зыковѣ, которую вы знаете и которая опять сдѣлалась очень больна. Ей бѣдной нечѣмъ заплатить за квартиру ни за лѣченіе, а докторъ непремѣнно приказалъ ей брать ванны, пить молоко и прописалъ лѣкарство; надо было ей помочь... вы знаете, что у нея нѣтъ никого кромѣ меня... Вотъ Eugène, мое свиданіе и вотъ почему я непременно хотѣла ѣхать.»

— «Но письмо!.. письмо!» — проговорилъ съ грустью Мамочкинъ.

— «Да полноте!.. выкиньте изъ головы это глупое письмо, которое ничего болѣе какъ бредъ съумасшедшаго и на которое право не стоитъ обращать вниманія;—мало ли на свѣтѣ дураковъ!»

Мамочкинъ сомнительно покачалъ головою.

— «Eugène, другъ мой, вы все еще сомнѣваетесь!.. вы не вѣрите ни моимъ словамъ, ни моей къ вамъ дружбѣ, любви!.. —стыдно!.. Ну милый, дорогой мой другъ... перестаньте сердиться... не сомнѣвайтесь болѣе никогда въ моей къ вамъ искренней привязанности... слышите ли... никогда!.. Кто знаетъ, Eugène, что ожидаетъ насъ въ будущемъ; можетъ быть вы

увидите и оцѣните меня въ послѣдствіи и тогда повѣрите болѣе моимъ дѣйствіямъ, нежели словамъ... Ну!.. скажите... вы не сердитесь!.. взгляните же на Лизу!..»

Евгеній Ивановичъ взялъ ея руки.

— «Лиза! видитъ Богъ, какъ я васъ люблю!.. любите же немного и вы меня;.. я право этого стóю!.. Ну, теперь прощайте, уже поздно!.. мнѣ завтра утромъ много дѣла, прощайте!..» — сказалъ онъ, цѣлуя ея руки.

— «Прощайте, Eugène», — отвѣла Елизавета Павловна цѣлуя его въ голову, —«вы завтра пріѣдете?»

— «Непремѣнно!»

....

— «Что ты такъ разстроенъ Евгеній! на тебѣ лица нѣтъ!.. ты страшно блѣденъ, здоровъ ли ты?» — спросила Антонина Сергѣевна у мужа, когда онъ вошелъ къ ней въ спальню.

— «Да! дѣйствительно я дурно себя чувствую!

— «Вѣроятно опять былъ у madame Даргевичъ, поссорились! или была сцена ревности?.. Неужели ты съумѣлъ влюбиться въ эту кокетку... не стыдно ли мой другъ... да брось ты пожалуста все это, вѣрь ты мнѣ, что ваша платоническая любовь до добра не доведетъ и кромѣ матеріальнаго и нравственнаго разстройства ничего не будетъ... Ты видишь, что я говорю тебѣ совершенно хладнокровно; я теперь многое узнала объ этой женщинѣ... она хоть кому свертитъ голову... умна, хитра, кокетлива, красива собой! однимъ словомъ все, что нужно, чтобы васъ мужчинъ прельстить... Подумай Евгеній лучше о службѣ и о приведеніи твоихъ дѣлъ въ порядокъ;—... долговъ у тебя порядочно...»

— «Я ихъ заплачу!»

— «Чѣмъ и когда?»

— «Получу мѣсто...»

— «Ты думаешь, что ты легко его получишь!.. потѣрять

мой другъ легко, а получить?... ты впрочемъ долженъ лучше меня это знать... Ну положимъ и получишь; развѣ жалованьемъ можешь ты заплатить!»

— «Вѣдь я былъ долженъ и платилъ.»

— «Да! когда твои долги были незначительны и когда ты много зарабатывалъ денегъ литературными занятіями, ну а теперь ты вѣдь ничего не дѣлаешь, только ѣздишь каждый день къ madame Даргевичъ, точно на службу!..» — дополнила она улыбаясь.

Мамочкинъ вздохнулъ и не отвѣчалъ ни слова.

— «А мы сегодня окончательно рѣшили относительно нашей поѣздки въ деревню», — продолжала Антонина Сергѣевна, — «дѣти все лѣто почти прожили въ Москвѣ, надо и имъ подышать деревенскимъ воздухомъ хоть до сентября... Мы ѣдемъ черезъ три, четыре дня... поѣзжай-ко и ты съ нами, тебѣ вѣдь нечего рѣшительно дѣлать въ Москвѣ?»

— «Я непремѣнно пріѣду, мнѣ самому очень хочется побывать въ деревнѣ!..»

— «Ну, а на счетъ твоей заграничной поѣздки?.... ты чуть ли не три мѣсяца какъ все собираешься.»

— «Не знаю право, какъ дѣла позволятъ, постараюсь, хоть уѣхать на мѣсяцъ»...

— «Когда же ты поѣдешь?»...

— «Провожу васъ и останусь здѣсь дней на десять, чтобы привести дѣла въ порядокъ, потомъ пріѣду къ вамъ, поживу немного съ вами и можетъ быть отправлюсь за границу...»

— «Ты не повѣришь Евгеній какъ мнѣ хочется выбраться изъ Москвы, такъ мнѣ здѣсь все надоѣло да и кромѣ того здоровье мое становится очень плохо, не долго я Евгеній поживу... я это чувствую.»

— «Полно Антонина!.. поѣдешь въ деревню, поправишься тамъ!»

— «Нѣтъ Евгеній!.. не поправлюсь!

Утромъ Евгеній Ивановичъ всталъ довольно рано и отправился къ нотаріусу для совершенія новаго займа но на весьма продолжительный срокъ. Получивъ деньги онъ поѣхалъ къ Елизаветѣ Павловнѣ и отдалъ ей должную имъ сумму..

— «Зачѣмъ привезли вы мнѣ деньги Eugène, мнѣ право совершенно онѣ не нужны теперь; оставьте ихъ лучше у себя другъ мой... Я вѣдь очень хорошо знаю всѣ ваши дѣла и знаю какъ нужны вамъ деньги!»

— «Нѣтъ! пока мнѣ не нужны.., я могу расплатиться».

— «Ну, а если вамъ вновь понадобятся деньги, вы конечно мнѣ тотчасъ же скажите?»

— «Непремѣнно скажу.»

— «Вы даете мнѣ въ этомъ слово?»

— «Да!..»

— «Вотъ Eugène, я получила сегодня письмо отъ брата, прочитайте!»—сказала Елизавета Павловна отдавая ему письмо.

Евгеній Ивановичъ прочелъ: Василій Александровичъ увѣдомлялъ сестру, что онъ собирается пріѣхать скоро въ Москву по нѣкоторымъ дѣламъ а также и для осмотра выставки.

— «Онъ у васъ вѣроятно и остановится?» — спросилъ Мамочкинъ, отдавая ей письмо.

— «Я полагаю!... комнаты тетушки свободны!..»

— «А я на дняхъ провожаю жену и дѣтей въ деревню.

— «Какъ!.. они ѣдутъ!.. и вы Eugène также!..»

— «Да! но нѣсколько позже; мнѣ необходимо остаться здѣсь по крайней мѣрѣ на недѣлю... столько дѣла!..»

— «Ну и конечно вы долго проживете въ деревнѣ съ вашей семьей... нѣтъ мой другъ, я васъ рѣшительно не выпущу изъ Москвы!..»

— «Но вѣдь это невозможно!.. вы это очень хорошо понимаете Lise!..»

— «Къ сожалѣнію очень хорошо!.. конечно, кто я для васъ?.. чужая!.. у васъ своя семья, обязанности, привязанности... бросить меня дѣло обыкновенное... и вполнѣ законное!..»

— «Лиза!.. Лиза!.. не стыдно ли, не грѣхъ ли вамъ это говорить, особенно упрекать...»

— «Что насъ связываетъ... дружба... отношенія брата и сестры—ничего болѣе»,—проговорила она съ замѣтнымъ волненіемъ.

— «Лиза, я право не ожидалъ!»

— «Да!.. Евгеній, вы не ожидали, чтобы я могла васъ истинно любить»,—продолжала она заливаясь слезами. «Женя,.. милый, не оставляй меня.... я безъ тебя умру.»

— «Успокойтесь Лиза!.. вы знаете, что я васъ люблю!»—сказалъ Мамочкинъ цѣлуя ея руки...

— «Любишь?»—спросила она улыбаясь сквозь слезы.

— «Vous êtes un enfant Lise!..» Поѣдемте лучше на выставку, вы до сихъ поръ все собираетесь ее осматривать а ни одного раза не были и видѣли только торжество открытія!»

— «Поѣдемъ!.. поѣдемъ!..»

Черезъ три дня Мамочкинъ проводилъ свою семью въ деревню, обѣщавшись пріѣхать черезъ недѣлю.

Въ это время дѣла Евгенія Ивановича приняли самый плачевный оборотъ. Онъ долженъ былъ порядочные куши и съ замираніемъ сердца ждалъ ежедневно плачевной развязки. Нѣкоторымъ долговымъ обязательствамъ наступалъ срокъ уплаты; Мамочкинъ ѣздилъ къ своимъ кредиторамъ, прося отсрочекъ; нѣкоторые изъ нихъ соглашались, другіе требовали уплаты впередъ процентовъ. Мамочкинъ казалось, былъ веселъ, беззаботенъ но эта веселость и беззаботность были наружныя, на сердцѣ же у него, какъ говорится, скребли кошки.

Однимъ словомъ положеніе его было безвыходное въ полномъ значеніи этого слова.

ГЛАВА IV.

Оборвалось!

Восьмаго августа, въ воскресенье, во второмъ часу, Мамочкинъ, совершенно разстроенный, вбѣжалъ къ Елизаветѣ Павловнѣ и отчаяннымъ голосомъ сказалъ:

— «Лиза! теперь все кончено!.. кредиторы представили мои векселя ко взысканію и меня хотятъ арестовать!»

— «Какъ!.. неужели?»—вскрикнула Елизавета Павловна вся измѣнившись въ лицѣ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ:— «Боже мой!.. что же дѣлать теперь!.. Женя!.. милый!.. что же дѣлать?.. денегъ у меня рѣшительно нѣтъ!.. у брата также!.. Возьми мои вещи, брилліанты, шубы, платья!.. продай все... я васъ умоляю!.. мнѣ ничего не нужно, кромѣ васъ!.. однаго!.. вашей любви!»

— «Лиза!.. ангелъ!» — отвѣтилъ Евгеній Ивановичъ нѣжно цѣлуя ее руки — «я ни за что не возьму вашихъ вещей, ни за что!.. это невозможно!.. Послушайте мой другъ я пришелъ съ вами проститься,.. я сегодня же ѣду въ деревню, переговорю сначала съ отцемъ; заѣду въ Рогожино, бывшую мою деревню; попытаюсь нельзя ли будетъ занять денегъ у крестьянъ; потомъ поѣду въ деревню къ женѣ разскажу ей подробно всѣ мои обстоятельства, можетъ быть она мнѣ поможетъ!.. Однимъ словомъ, я употреблю всѣ усилія, чтобы достать денегъ... ну, а если не удастся—то за границу—это единственный исходъ, чтобы не быть арестованнымъ!.. ни здѣсь, ни въ деревнѣ оставаться мнѣ невозможно!.. вы это очень хорошо понимаете... Здѣсь! все для меня кончено; никто не дастъ мнѣ ни копѣйки, притомъ завтра утромъ вѣроятно при-

детъ ко мнѣ полиція!.. я очень радъ что семья уѣхала на это время!

— «Eugéne, вы рѣшительно и непремѣнно сегодня ѣдете?»

— «Да Лиза!.. ѣду… ѣду другъ мой… Lise!.. ну скажите мнѣ откровенно, вы меня не оставите, чтобы со мною не случилось!.. вы будете меня любить?.. Послушайте»—продолжалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, обхвативъ рукою ее талію— «вы знаете что у меня теперь никого нѣтъ кромѣ васъ!— вы знаете какъ сильно я васъ люблю!»

— «Женя!.. дорогой мой… другъ мой!.. неужели вы сомнѣваетесь!.. теперь только я вамъ истинно нужна… не бойтесь если васъ всѣ оставятъ, если вы не найдете ни у кого помощи, ни въ комъ участія… у васъ есть Лиза!.. Лиза готовая на всѣ жертвы, на всѣ тяжелыя испытанія… Лиза готовая если нужно раздѣлить съ вами бѣдность, нищету!.. Лиза никогда васъ не оставитъ! Лиза всегда будетъ тебя любить!»

— «Ну! теперь я совершенно счастливъ, спокоенъ—сказалъ Мамочкинъ, цѣлуя ее въ голову. — «Прощай мой добрый другъ!.. я поѣду домой, надо пересмотрѣть всѣ бумаги, написать письма, уложить вещи!.. Въ восемь часовъ я заѣду сюда и поѣдемъ вмѣстѣ на станцію желѣзной дороги… ты конечно меня проводишь?»

— «Не ужели нѣтъ?»

Поцѣловавъ ее руку, Евгеній Ивановичъ поспѣшно уѣхалъ домой.

Мамочкинъ почему-то особенно торопился выѣхать изъ Москвы хотя онъ зналъ напередъ, что отъ отца онъ ничего не получитъ, что едва ли удастся ему перехватить сколько-нибудь денегъ у Рогожинскихъ крестьянъ а всего менѣе надѣялся получить денегъ отъ жены. Находясь въ страшномъ волненіи и напряженномъ состояніи ему необходимы были перемѣна мѣста, движеніе, воздухъ; — боялся онъ также быть и арестованнымъ за долги.

Пріѣхавши домой Евгеній Ивановичъ заперся въ кабинетѣ и началъ наскоро укладывать необходимыя вещи въ чемоданъ; пересмотрѣлъ всѣ бумаги, изъ которыхъ многія уничтожилъ; захватилъ съ собою портреты Елизаветы Павловны всѣ ея письма и въ семь часовъ уѣхалъ на Тверскую къ madame Даргевичъ, которую не засталъ дома. Сказавши ея горничной, что онъ ѣдетъ на станцію желѣзной дороги и поручивъ ей немедленно сообщить объ этомъ барынѣ по ея возращеніи, Мамочкинъ отправился на дебаркадеръ гдѣ ежеминутно выбѣгалъ на подъѣздъ посмотрѣть не пріѣхала ли Елизавета Павловна. Послѣ продолжительнаго ожиданія, сопровождавшагося томительнымъ нетерпѣніемъ онъ увидѣлъ наконецъ знакомую коляску и бросился къ ней на встрѣчу.

Елизавета Павловна была вся въ слезахъ и страшно взолнована.

Усѣвшись на скамейку въ вокзалѣ они лепатали лишь о взаимной любви, дружбѣ и привязанности; увѣреніямъ, клятвамъ не было конца; оба они плакали какъ дѣти и истинно были жалки. Елизавета Павловна была неутѣшна. Она думала, что наступилъ часъ вѣчной разлуки съ Евгеніемъ; въ ея словахъ, въ звукѣ голоса, въ выраженіи лица, во всемъ ея существѣ рѣзко проглядывалала истинная, сильная любовь къ Евгенію Ивановичу и искренняя къ нему привязанность. Въ эти минуты, она готова была отдать ему всю свою душу и конечно бросить все и всѣхъ и слѣдовать за нимъ повсюду.— Мамочкинъ былъ также очень взолнованъ; мысли его быстро смѣнялись одна другою и страшно путались въ его головѣ.

Вотъ раздался звонокъ: всѣ пассажиры устремились къ двери, толкая другъ друга и стараясь опередить одинъ другаго. Мамочкинъ простился съ Елизаветой Павловной и вышелъ съ нею на платформу.

Не обращая никакого вниманія на окружающій ее мно-

гочисленный людъ, она стояла у колонны съ заплаканными глазами погруженная въ горе и держала руку Евгенія Ивановича. Выраженіемъ лица и всей позой она вполнѣ олицетворяла собою идею грусти и въ этотъ моментъ была идеально хороша.

Вотъ прозвучалъ второй звонокъ, они еще разъ простились и вошли вмѣстѣ въ вагонъ. Тамъ Елизавета Павловна оставалась до послѣдней минуты; они молчали, но по выраженію ихъ лицъ и ихъ взглядамъ можно было тотчасъ увидѣть и убѣдиться во взаимной ихъ привязанности; молчаніе ихъ было эпосомъ сильнѣйшей страсти.

Наконецъ Елизавета Павловна перекрестила Мамочкина, поцѣловала его въ голову, вышла изъ вагона и оставалась на платформѣ пока поѣздъ не исчезъ совершенно во мракѣ ночи.

Очутившись одинъ Евгеній Ивановичъ вполнѣ предался горю разлуки; онъ чувствовалъ будто разстался съ Елизаветой Павловной навсегда и впалъ въ какое-то забытье; мысли переносили его то въ очаровательный будуаръ Елизаветы Павловны, то будто онъ катался съ нею въ коляскѣ по тѣнистымъ аллеямъ Петровскаго парка, то держалъ онъ въ своей рукѣ пухленькую ея ручку прохаживаясь съ нею по ярко освѣщеннымъ заламъ собранія и яхтъ клуба, то наконецъ мысли переносили его въ заграничное съ нею путешествіе. — Долго вѣялъ надъ нимъ этотъ очаровательный сонъ, пока наконецъ дѣйствительность не вынудила его придти въ сознаніе. Раздался на зарѣ пронзительный свистъ локомотива и вслѣдъ затѣмъ прозвучалъ голосъ кондуктора: — «станція Парань!.. поѣздъ стоитъ одинъ часъ.»

Вышедши изъ вагона и напившись на станціи кофе, Мамочкинъ отправился на постоялый дворъ нанялъ тамъ лошадей въ Рогожино и помчался на перекладной по знакомой ему дорогѣ.

Всматриваясь въ окружающую мѣстность, на обширные луга и села расположенные по берегу Оки, Евгеній Ивановичъ какъ-то невольно припомнилъ свое прошлое житье-бытье въ деревнѣ. Бывало, такая же тройка лихихъ лошадей мчала его по тѣмъ же лугамъ, по той же то песчаной, то болотистой дорогѣ въ то же Рогожино гдѣ у него былъ домъ, садъ и цѣлое хозяйство и гдѣ въ былые годы онъ усердно занимался земледѣліемъ;—но все это прошло и исчезло какъ сонъ. Вотъ справо показалось и Хлѣбово и поворотъ въ Александрово и съ этимъ вмѣстѣ промелькнула въ памяти Мамочкина и другая картина. Онъ припомнилъ Александрово куда бывало возвращался съ большимъ нетерпѣніемъ, гдѣ ожидали его жена, маленькія дѣти и мирный домашній очагъ. Съ какимъ бывало удовольствіемъ мчался онъ туда послѣ недѣльнаго отсутствія и одиночнаго житья въ Рогожинѣ; — съ какимъ бывало наслажденіемъ спѣшилъ онъ отдохнуть въ семьѣ за стаканомъ чая на террассѣ посреди благоухающихъ цвѣтниковъ. И все это прошло безвозвратно для Евгенія Ивановича, прошло навсегда, оставивши лишь смутное воспоминаніе. Въ то время онъ считалъ себя истинно счастливымъ, предаваясь всецѣло любимымъ своимъ занятіямъи почерпая въ природѣ пищу для насыщенія пылкаго своего воображенія.

Думы эти навели на Евгенія Ивановича такую тоску о не возвратимомъ прошедшемъ, что онъ готовъ былъ даже плакать. Но мало-по-малу мысли эти начали смѣняться другими: о недавнемъ прошедшемъ, именно о Москвѣ, Елизаветѣ Павловнѣ о томъ гдѣ она и что дѣлаетъ; по временамъ онъ ни о чемъ даже не думалъ а разсѣянно лишь смотрѣлъ то на опустѣлыя поля, то на деревенскія постройки знакомыхъ ему Новиковъ, Выселокъ и Федотьева... Вотъ проѣхалъ онъ мостъ, болото и лѣсъ и вдали заблистала глава Рогожинской церкви. Ямщикъ подвезъ Мамочкина къ волостному правленію, гдѣ услужливый

писарь предложивъ ему очень любезно остановиться въ чистой и просторной комнатѣ, ушелъ хлопотать о самоварѣ и о посылкѣ за бывшимъ старостою Евгенія Ивановича во время управленія имъ имѣніемъ.

Вскорѣ зашипѣлъ самоваръ и явился сѣдовласый, сгорбленный старикъ едва передвигая ногами.

— «Здравствуй Тимофей!» — сказалъ Евгеній Ивановичъ, обнимая вошедшаго старика — «ну какъ поживаешь?.. что это съ тобой?.. какъ ты перемѣнился, похудѣлъ, постарѣлъ... да кажется ты боленъ?»

— «Да что батюшка Евгеній Ивановичъ совсѣмъ нѣтъ моей мочи... весь исхарчился» — отвѣтилъ онъ слабымъ голосомъ, прерываемымъ кашлемъ — «вотъ ужъ третій мѣсяцъ все боленъ.»

— «Да что же ты не лечишься, тебѣ бы съѣздить въ Парань и посовѣтоваться тамъ съ докторомъ.»

— «Былъ батюшка я и въ Парани, былъ я и у дохтура, смотрѣлъ онъ меня таки всего и сказалъ: «что болѣзнь твоя братъ трудная, помочь можно, ну а совсѣмъ вылечить нельзя!..» Далъ онъ мнѣ какое-то пойло да черныя маханькія катышки, ну я ихъ глоталъ да запивалъ пойломъ!.. сначала оно кабы маненечко и отлегло... ну а потомъ стало хуже прежняго... Я ужъ отпросился у батюшки вашего и у братца-то Паисія Ивановича, чтобы они ослобонили меня отъ должности!..»

— «Какую же занималъ ты должность?»

— «Да вотъ съ вѣшняго то Миколы второй почасть годъ пошелъ какъ лѣсъ караулю!»

— «Такъ!.. Ну Тимофей, вотъ я пріѣхалъ нарочно повидаться съ тобой» — весело сказалъ Мамочкинъ.

— «Покорно благодаримъ вашу милость Евгеній Ивановичъ; здорова ли хозяюшка ваша Антонина Сергѣевна, дѣточки... я чаю ужъ большіе стали.»

— «Спасибо!.. всѣ здоровы, въ деревнѣ... я къ нимъ-то и пробираюсь...»

— «Ну а у батюшки въ Пріютинѣ изволили быть?»

— «Нѣтъ еще поѣду отсюда; теперь я прямо изъ Москвы!»

— «Такъ-съ!.. Что же батюшка Евгеній Ивановичъ вы изволили здѣсь-то остановиться?.. Милости просимъ ко мнѣ» — сказалъ Тимофей, низко кланяясь—«у меня слава Богу есть изба... есть самоваръ... и кушать чего прикажете.»

— «Благодарю! . непремѣнно пріѣду къ тебѣ, вотъ напьюсь только чаю... Выпей и ты стаканчикъ со мной» сказалъ Мамочкинъ, наливая чай... «Да что же ты стоишь Тимофѣй!.. да еще и больной!.. садись, садись пожалуста!»

— «Покорно благодаримъ вашу милость, мы и постоимъ...»

Послѣ продолжительныхъ убѣжденій Евгенію Ивановичу удалось наконецъ посадить больнаго старика и придвинувъ къ нему стаканъ чаю онъ продолжалъ съ нимъ бесѣду.

— «Скажи-ка здоровъ ли твой сынъ а мой крестникъ?»

— »Слава Богу здоровъ... дома... сейчасъ придетъ!»

— «Ну а какъ поживаютъ: Прохоръ, Слѣпцовы, Антоновы, Савелій?»

— «Всѣ слава Богу живы и здоровы... а Савелій ушелъ еще съ весны въ Ростовъ на заработки!»

— «Хороша ли у тебя пчела Тимофей, ну и хорошо ли торгуешь въ кабакѣ да на постояломъ твоемъ дворѣ?»

— «Пчела нопе батюшка противъ лѣтошняго плоха, много ее поисхарчилось... а двора-то я нонѣ не держу... не въ моготу Евгеній Ивановичъ.»

— «Ну теперь Тимофей, если хочешь поѣдемъ къ тебѣ» сказалъ Мамочкинъ, выходя изъ комнаты и поблагодаривъ вололостнаго писаря.

Пріѣхавъ въ избу Тимофея, перекрестясь на иконы стоявшія въ углу и поздоровавшись съ молодой хозяйкой, женой сына Тимофея и съ его дочерью—Евгеній Ивановичъ остался вдвоемъ съ старикомъ и усадивши его возлѣ себя на скамейку, онъ приступилъ къ заранѣе задуманному разговору.

— «Послушай Тимофей!.. у меня есть до тебя дѣло, мнѣ теперь, сейчасъ очень нужны деньги—тысячи двѣ; не можешь ли ты мнѣ ихъ дать или достать на полгода... я выдамъ вексель!..»

— «Ахъ, батюшка!» отвѣтилъ Тимофей, качая головой и разводя руками—«двѣ тысячи!.. да у меня въ домѣ-то пяти рублей нетути... совсѣмъ батюшка стало плохо... вотъ избу то даже не въ моготу поправить... изволите видѣть какая она стала!..»

Мамочкинъ окинулъ глазами избу: дѣйствительно полъ почти весь сгнилъ и мѣстами провалился, перегородки стали плохи, большія щели виднѣлись въ потолкѣ и вся изба почернѣла отъ копоти.

— «Да какъ же это такъ Тимофей!.. давно ли ты обѣднѣлъ... вѣдь я помню у тебя деньги водились и побольше двухъ тысячъ было; ты столько лѣтъ держалъ кабакъ, постоялый дворъ, торговалъ лѣсомъ, медомъ »

— «Все это батюшка Евгеній Ивановичъ было,... и деньги были!.. все было!.. но пошли годъ за годъ такія плохія дѣла!.. что прожили все что и накопили... вотъ передъ Богомъ—очинно плохо стало жить!»

— «Ну если у тебя нѣтъ денегъ, то нельзя ли достать у Прохора, у Слѣпцовыхъ?.. они всегда были мужики богатые; у нихъ деньги вѣрно найдутся.»

— «Нѣту-ти Евгеній Ивановичъ и у Прохора денегъ, онъ подѣлился, ну а съ Слѣпцовымъ нечего и гуторить... хоша деньги-то у него и есть да мужикъ-то онъ кремень... только и выдутъ одни пустяки.»

— «Какіе же пустяки?.. ты пойми хорошенько... я занимаю деньги на полгода, потому что они теперь мнѣ нужны, плачу проценты впередъ, пожалуй поѣду въ городъ выдамъ вексель.»

— «Очинно батюшка Евгеній Ивановичъ понимаю, а все таки осмѣлюсь доложить милости вашей что толку ей ей не будетъ... я напередъ знаю!.. вотъ кабы лѣсъ купить у вашего батюшки да подешевле, дѣло другое... у Слѣпцова деньги найдутся и не двѣ тысячи!»

Досадно, чортъ возьми—подумалъ Мамочкинъ—дѣло дрянь, какъ есть дрянь... Помолчавъ немного онъ продолжалъ: — «Послушай Тимофей!.. нельзя достать денегъ у священника, онъ получаетъ большіе доходы!»

— «Нѣту-ти и у него денегъ; дочерей повыдалъ ну сдѣлалъ приданое,—тоже исхарчился!»

— «Значитъ, здѣсь рѣшительно нельзя достать денегъ!» — проговорилъ Мамочкинъ съ досадой, внутренно проклиная всѣхъ и неудавшуюся поѣздку.

— «Жаль!»—продолжалъ онъ громко—«а я на тебя Тимофей признаюсь надѣялся... думалъ... выручишь. Жаль!.. деньги-то мнѣ очень нужно!»

— «Были бы у меня деньги Евгеній Ивановичъ я бы далъ ихъ вашей милости съ превеликимъ удовольствіемъ. Помню батюшка, какъ живалъ я за вашею-то милостію... а теперь что?.. просто одни только что ни на есть бѣды... что было, все прожито... и трехъ рублей нѣту-ти въ домѣ... вотъ передъ Богомъ!»

Врешь ты братъ, хитришь, — подумалъ Мамочкинъ, меня не проведешь... деньги-то у тебя есть, да разстаться то съ ними не хочешь старый хрычъ!

— «Досадно!» продолжалъ громко Евгеній Ивановичъ — «ну дѣлать нечего, проѣхалъ значитъ по пустякамъ—жаль!.. мнѣ дѣлать теперь здѣсь нечего; скажи Тимофей ямщику, чтобы закладывалъ лошадей когда выкормитъ... я поѣду назадъ въ Парань;—да дай ямщику что-нибудь пообѣдать.

— «Что же батюшка не прикажите ли самоварчикъ али милости вашей не угодно ли чего нибудь покушать?»

— «Спасибо!.. нѣтъ!;. впрочемъ ежели у тебя есть свѣжія яица то вели пару сварить мнѣ поскорѣе въ смятку!»

— «Курочки не прикажите ли а не то баранчика?»

— «Нѣтъ!.. благодарю, кромѣ яицъ мнѣ ничего не нужно.»

По выходѣ Тимофея Мамочкинъ сталъ ходить взадъ и впередъ по избѣ досадуя на неудавшуюся попытку.

Изъ смежной избы въ которой производилась продажа вина долетала до ушей Евгенія Ивановича брань пьяныхъ крестьянъ и какой-то оживленный споръ. Черезъ нѣсколько минутъ растворилась дверь и ввалился въ избу пьяный крестьянинъ... Шатаясь, онъ подошелъ къ Мамочкину схватилъ его руку чтобы поцѣловать, изъясняясь при этомъ въ чувствахъ преданности; но Евгеній Ивановичъ отдернулъ руку и поцѣловался съ этимъ пьянымъ. Не зная какъ отъ него поскорѣе отдѣлаться онъ припомнилъ что у него водилась пчела и попросилъ у него немного меда.

— «Сей... ча... часъ... при не... пе... су... ва... ва... шей милости... ба... тю... шка... Евге... ній Ива... нычъ»,—отвѣчалъ крестьянинъ, обнимаясь и затѣмъ шатаясь и заплетая ногами вышелъ изъ избы.

Яица были поданы, Евгеній Ивановичъ торопливо съѣлъ яицо, поблагодарилъ хозяевъ за хлѣбъ и за соль и вышелъ на крыльцо у котораго стояла уже запряженная его тройка позванивая колокольчикомъ.

Въ Парань Мамочкинъ пріѣхалъ довольно рано и дождавшись поѣзда поѣхалъ въ Пріютино имѣніе своего отца.

Старикъ Мамочкинъ, увидѣвъ вошедшаго къ нему Евгенія Ивановича такъ удивленъ былъ внезапнымъ его появленіемъ, что нѣсколько минутъ не могъ вымолвить даже слова.—Поздоровавшись съ отцемъ Евгеній Ивановичъ сказалъ, что пріѣхалъ единственно съ нимъ повидаться, такъ какъ давно его не видѣлъ; потомъ объявилъ ему, что онъ также пробирается

въ деревню къ своей семьѣ, которая недавно туда переѣхала. О своихъ денежныхъ дѣлахъ Евгеній Ивановичъ не сказалъ ни слова, зная напередъ, что откровенность эта ни къ чему не послужитъ, что денегъ отецъ ему не дастъ по весьма простой причинѣ, что у него ихъ нѣтъ и дѣла старика были до крайности запутаны; при томъ, кромѣ непріятностей ничего не могло выйти изъ этихъ объясненій.

— «Что такъ поздно переѣхала твоя жена въ деревню?» — спросилъ старикъ Мамочкинъ, нюхая табакъ.

— «Дѣтямъ очень хотѣлось побывать въ деревнѣ, погулять на просторѣ, отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ.»

— «А долго ли они пробудутъ?»

— «Право не знаю, думаю съ мѣсяцъ, можетъ быть и больше.»

— «Ну что новаго въ Москвѣ?»

— «Особеннаго ничего... та же выставка... таже скука и пыль на загородныхъ гуляньяхъ...»

— «А ты долго пробудешь въ деревнѣ?..

— «У васъ пробуду до завтрашняго дня, потомъ поѣду къ женѣ, пробуду тамъ нѣсколько дней, а затѣмъ можетъ быть уѣду и за границу...»

— «Какъ за границу?» — спросилъ съ удивленіемъ старикъ, отодвигаясь назадъ.

— «Что же васъ это удивляетъ папа!.. я говорю можетъ быть; теперь, сами знаете, что съѣздить за границу ровно ничего не значитъ... черезъ четыре, пять дней изъ Пріютина можно быть въ Парижѣ!»

— «Такъ-то оно такъ, да зачѣмъ же ты поѣдешь?»

— «Особенной цѣли нѣтъ; поѣду посмотрѣть... хочется побывать въ Швейцаріи.»

— «Ты мнѣ въ Москвѣ ничего объ этомъ не говорилъ?»

— «Не случилось!.. я собираюсь уже давно!..»

Помолчавъ немного Евгеній Ивановичъ спросилъ у отца доволенъ ли онъ своимъ хозяйствомъ, урожаемъ!..

— «Кажется нынѣшній годъ урожай будетъ изрядный. Много хлѣба еще въ полѣ, не успѣваемъ убирать, рукъ мало.»

— «Вотъ пойду на ваше гумно»—сказалъ Евгеній Ивановичъ вставая—«осмотрю ваше хозяйство!»

— «Посмотри!.. посмотри!..»

Евгеній Ивановичъ поздоровавшись съ братомъ своимъ Паисіемъ, его женою и дѣтьми — пошелъ къ церкви и долго тамъ молился на могилѣ матери; потомъ обошелъ садъ, заглянулъ на гумно и пришелъ домой къ обѣду.

Остальное время дня Евгеній Ивановичъ провелъ одинъ въ саду, чувствуя какое-то нервное раздраженіе и не желалъ никого видѣть и ни съ кѣмъ говорить. На другой день, утромъ, получивъ отъ брата Паисія самыя ничтожныя деньги, изъ числа должныхъ ему процентовъ, которыхъ онъ не получалъ около двухъ лѣтъ, Евгеній Ивановичъ, отправился на станцію желѣзной дороги и къ обѣду пріѣхалъ въ имѣніе жены, отстоявшее въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ближайшей станціи къ Парани.

Лошади были за нимъ высланы и всѣ ожидали его пріѣзда.

Несмотря на внутреннее волненіе и мрачное настроеніе мыслей, приближаясь къ Александрову онъ почувствовалъ какое-то особенное пріятное ощущеніе, такъ что на время онъ даже позабылъ о всѣхъ своихъ невзгодахъ и непріятностяхъ... Вотъ спустилась тройка въ большой оврагъ поросшій кустарникомъ и обогнувъ широкую вымоину поднялась на противуположную сторону. Проѣхавши около версты по полевой дорогѣ, Мамочкинъ увидѣлъ идущихъ къ нему на встрѣчу жену и дѣтей.

Выскочивъ изъ пролетки Евгеній Ивановичъ очутился въ объятіяхъ жены...

— «Что это ты зажился такъ долго въ Москвѣ?—спросила у него Антонина Сергѣевна»—мы тебя давно ждали!.. писемъ отъ тебя не было; я уже безпокоилась на счетъ твоего здоровья?»

— «Я писалъ къ тебѣ два письма, думая каждый день выѣхать, насилу добрался до васъ; впрочемъ я уже три дня какъ изъ Москвы, проѣхалъ прямо въ Рогожино, былъ у отца!..

— «Зачѣмъ же ты ѣздилъ въ Рогожино, вѣдь это имѣніе уже болѣе не твое!..»

— «Мнѣ очень нужно было видѣть Тимофея, ты его помнишь, бывшаго старосту и съ нимъ переговорить... Ну скажи мнѣ Антонина, какъ твое здоровье... ты упрекаешь меня въ молчаніи а сама не написала ко мнѣ ни одного письма?»

— «Не писала потому что новаго здѣсь ничего нѣтъ и рѣшительно не о чемъ было писать, притомъ я тебя ждала со дня на день... Здоровье мое кажется лучше;.. здѣсь въ деревнѣ, въ уединеніи такъ хорошо, спокойно, ничего не знаешь, не слышишь!.. я такъ рада что уѣхала изъ Москвы, которая мнѣ ужасно надоѣла... Не могу равнодушно вспомнить что черезъ мѣсяцъ какой-нибудь, много полтора придется возвращаться... какъ ты нашелъ отца?..»

— «Онъ здоровъ, кланяется тебѣ и былъ очень удивленъ когда я ему сообщилъ о твоемъ пребываніи въ деревнѣ!.. Ну что дѣти... вамъ здѣсь хорошо, лучше чѣмъ въ пыльной Москвѣ... вы цѣлый день я думаю въ саду?» — спросилъ Мамочкинъ окружавшихъ его дѣтей.

— «Здѣсь отлично папа!.. мы такъ рады!..» сказали въ одинъ голосъ всѣ дѣти.

— «Я теперь Евгеній всѣхъ собрала, какъ видишь et nous sommes au grand complait... я имъ всѣмъ роздала работу; кто занимается садомъ, кто цвѣтникомъ, а я съ Клеопатрой и Надей, наблюдаемъ за молочнымъ хозяйствомъ... Надо ска-

зать впрочемъ правду, съ тѣхъ поръ какъ ты перестalъ заниматься садомъ все пришло въ такой безпорядокъ, запущеніе; вотъ увидишь самъ.

Они приблизились къ саду и черезъ нѣсколько минутъ сидѣли уже на террасѣ за обѣдомъ.

Деревня въ которой жила Антонина Сергѣевна расположена была на довольно живописной мѣстности. Противъ передняго фасада дома съ террасою находился небольшой цвѣтникъ, окруженный деревяннымъ высокимъ заборомъ за которымъ пролегала дорога паралельно фасаду дома; за дорогою черезъ валъ былъ обширный лугъ въ концѣ котораго протекала извилисто небольшая рѣчка въ крутыхъ берегахъ. За рѣкой, на полугорѣ разбросаны были довольно живописно крестьянскія избы, амбары, риги и другія деревенскія постройки а на вершинѣ— каменная церковь, окрашенная бѣлой краской съ зеленою крышей. — Направо тянулись поля и лугъ съ рѣчкой, а нѣсколько далѣе виденъ былъ на горѣ помѣщичій домъ одного изъ сосѣдей и нѣсколько деревень; налѣво — садъ съ оранжереей, теплицей; за ними скотный дворъ, лугъ, рѣчка, и на другой ея сторонѣ деревня Маріино, принадлежащая нѣсколькимъ владѣльцамъ. Задній фасадъ дома выходилъ на небольшой дворъ съ кухнею, погребами, ледникомъ съ одной стороны и конюшнями и каретнымъ сараемъ съ другой. Между этими деревянными постройками крытыми желѣзомъ былъ заборъ и ворота; прямо изъ воротъ, въ гору шла широкая липовая аллея по обѣимъ сторонамъ которой находились двѣ рощи или паркъ съ дорожками, скамейками и бесѣдками; за рощею находился фруктовый садъ, окруженный широкою канавой съ валомъ съ посаженнымъ по немъ боярышникомъ; противъ подъѣзда и боковаго фасада дома находился не высокій заборъ и за нимъ садъ, огородъ и питомникъ; садъ этотъ раздѣленъ былъ прямою дорогою на двѣ половины: направо, пар-

ники, ананасница, оранжерея, клубничныя гряды и вишенникъ; налѣво — гряды съ малиной, ягоднымъ кустарникомъ и яблоневымъ обширнымъ питомникомъ; между грядъ было нѣсколько дорогъ въ паркъ обсаженныхъ бергамотными шпалерами.

Деревянный домъ выстроенъ былъ съ большимъ удобствомъ для семейной жизни. Подъѣздъ былъ съ боковаго фасада и окруженъ деревяннымъ тамбуромъ; небольшая передняя съ лѣстницею на антресоли; залъ довольно большой, въ пять оконъ; меблировка была изъ ясеневаго и буковаго дерева, на стѣнахъ висѣли гравюры а съ боку стоялъ рояль. Гостинная была также довольно большая комната съ орѣховой рѣзной мебелью обитой ситцемъ; — на стѣнахъ висѣло нѣсколько фамильныхъ портретовъ и портретъ Императора Павла, подаренный Мамочкину его дѣдомъ; въ простѣнкахъ между окнами—зеркала, а между ними дверь на террасу съ ступенями въ цвѣтникъ; за гостинной—угловая комната—кабинетъ Антонины Сергѣевны. Въ углу этой комнаты, къ окну устроена была бесѣдка изъ трельяжа съ развязаннымъ по немъ плющемъ; передъ бесѣдкою небольшой письменный столъ а направо отъ бесѣдки, въ другомъ углу комнаты турецкій мягкій диванъ. Бесѣдка устроена была нѣсколько выше пола, обита ковромъ и вмѣщала мягкое кресло, круглый столикъ и два стула; — справа небольшая дверь въ корридоръ, налѣво отъ него небольшая спальня Мамочкиныхъ; прямо—дѣвичья и за нею крыльцо во дворъ; не доходя дѣвичьей, корридоръ обращенъ былъ направо и выходилъ въ залъ; съ лѣвой стороны корридора были дѣтская и кабинетъ Мамочкина а направо лѣстница на антресоли въ которыхъ было четыре обширныя комнаты и кладовая.—Кабинетъ Евгенія Ивановича меблированъ былъ съ большимъ вкусомъ и комфортомъ.

Во время обѣда разговоръ былъ общій и касался деревенскихъ и городскихъ новостей; — остальное время дня Евгеній

Ивановичъ гулялъ съ женою и дѣтьми по саду, парку, пили чай и ужинали на открытомъ воздухѣ.

На слѣдующій день, Евгеній Ивановичъ сидѣлъ еще за утреннимъ чаемъ въ кабинетѣ, когда вошла къ нему жена.

— «Вчера Евгеній я не хотѣла тебя тревожить и отложила разговоръ до сегодняшняго дня. Вотъ прочти два письма которыя я здѣсь получила!» — сказала Антонина Сергѣевна, подавая мужу два распечатанныхъ конверта.

Мамочкинъ прочелъ: письма были отъ его кредиторовъ, которые жаловались на неплатежъ Мамочкинымъ денегъ и угрожали разными непріятностями.

— «Почему эти господа тебя безпокоятъ когда долгъ касается до меня; я занималъ, я и долженъ платить.»

— «Конечно такъ, но вѣроятно они тебя просили уплаты нѣсколько разъ и не получили удовлетворенія;.. помнишь Евгеній... я тебѣ сказала правду, что все это очень плохо кончится... Вѣрно ты и въ Рогожино ѣздилъ чтобы занять денегъ и конечно ничего не получилъ!»

—«Да, я по напрасну проѣздилъ!»

— «Что же думаешь ты дѣлать!.. ты очень хорошо знаешь, что у меня денегъ весьма немного и при томъ. они у брата, деньги эти принадлежатъ нашимъ дѣтямъ и я не имѣю никакого права ими располагать. Думаю также что и ты не захочешь ими пользоваться!..»

Мамочкинъ молчалъ; — Антонина Сергѣевна продолжала...

— «Вотъ Евгеній къ чему повели новыя твои знакомства, выѣзды, бросанье денегъ и карточная игра... Я рѣшительно не понимаю, что ты будешь теперь дѣлать?.. въ Москву показаться невозможно... тебя арестуютъ;.. жить здѣсь также будетъ затруднительно... не далеко отъ Москвы, узнаютъ что ты здѣсь и сюда пріѣдутъ!.. Говорилъ ли ты съ твоимъ отцемъ?»

— «Нѣтъ! этотъ разговоръ ни къ чему бы не послужилъ ты сама очень хорошо это знаешь!»

— «Неужели Евгеній ты не подумалъ, занимая деньги что надо будетъ и расплачиваться?..»

— «Я не на столько наконецъ сдѣлалъ долговъ чтобы...»

— «Я не знаю Евгеній сколько ты долженъ и кому; ты мнѣ никогда не сообщалъ о своихъ дѣлахъ... но вижу одно, что ты не можешь заплатить и рискуешь быть арестованнымъ!.. Подумалъ ли ты о женѣ, о дѣтяхъ, которыя носятъ твою фамилію; — подумалъ ли ты наконецъ о томъ, что все отражается на насъ!.. Мой мужъ!.. отецъ моихъ дѣтей... поступаетъ нечестно—не платитъ!.. сидитъ въ ямѣ!.. Боже мой!.. вѣдь это ужасно!.. Ты спрашиваешь о моемъ здоровьѣ... могу ли я быть здорова?..»—сказала Антонина Сергѣевна заливаясь слезами!..

— «Успокойся Антонина!.. я постараюсь устроить!..»

— «Устроить!.. какъ это ты устроишь не имѣя денегъ; быть можетъ ты разсчитывалъ, что я буду платить.»

— «Никогда!.. я очень хорошо знаю что ты не заплатишь, чтобы не случилось.»

— «Не имѣй я дѣтей можетъ я и заплатила но теперь рѣшительно не могу и не должна, какъ бы горько все это не было!»

— «Мнѣ ничего не остается болѣе дѣлать Антонина»—сказалъ Мамочкинъ, вставши съ креслъ и ходя въ задъ и въ передъ по комнатѣ—«какъ скрыться на время.»

— «Куда же это ты скроешься!»

— «Я уѣду за границу!»

— «За границу!!! теперь!.. на какія же это деньги!»

— «Денегъ на это не много нужно!.. онѣ у меня будутъ, паспортъ я также взялъ!..»

— «Не можешь же ты оставаться долго за границей; хотя тамъ жить и не дорого но все-таки нужны и тамъ деньги... а воротишься... та же исторія—платежъ!..»

— «Я конечно останусь тамъ не долго а пока попрошу знакомаго адвоката заняться моими дѣлами... войти въ соглашеніе съ кредиторами;.. и мнѣ вѣдь должны!.. ты знаешь и подваго да не платятъ даже и процентовъ, надо же и мнѣ наконецъ взыскать!»

— «Значитъ ты рѣшительно ѣдешь?»

— «Да, Антонина.»

— «И скоро?»

— «Думаю пробыть здѣсь два дня а потомъ уѣду!..

— «Куда же именно!..»

— «Прямо въ Швейцарію, тамъ жизнь дешева!»

Антонина Сергѣевна глубоко вздохнула и вышла изъ кабинета.

Пробывши два дня съ семьею Евгеній Ивановичъ уѣхалъ въ Парань, откуда онъ послалъ телеграмму Елизаветѣ Павловнѣ, увѣдомляя ее о своемъ возвращеніи въ Москву.

Она встрѣтила его въ дебаркадерѣ и отправилась съ нимъ въ гостинницу, такъ какъ Мамочкину невозможно было остановиться ни въ своемъ домѣ ни у нея на квартирѣ. Онъ сообщилъ ей о неудачной своей поѣздкѣ и о своемъ рѣшеніи уѣхать на слѣдующій же день за границу.

— «Евгеній!.. другъ мой», — говорила Елизавета Павловна, взявши его за обѣ руки, — всѣ эти дни я такъ плакала!.. не знала рѣшительно что дѣлать съ собою!.. Ночью... не могла спать... все думала... гдѣ вы?.. что съ вами?.. все лежала въ какомъ-то забытьѣ и съ сильной головною болью!.. Я написала вамъ письмо... хотѣла отослать его въ Пріютино но вы пріѣхали... возьмите», — проговорила она, отдавая ему письмо!

Мамочкинъ хотѣлъ было тотчасъ же его прочесть.

— «Нѣтъ Eugène... не читайте... погодите... прочтете безъ меня... Я сейчасъ уѣду домой... Вамъ мой другъ нужны деньги;—хотя у меня теперь ихъ и не много, но все-таки я могу подѣлиться.»

— «Благодарю Лиза... вы ангелъ!» — сказалъ Евгеній Ивановичъ, нѣжно цѣлуя ея руки.

— «Боюсь очень Eugène, что вамъ будетъ мало другъ мой денегъ!.. но не безпокойтесь!.. я вышлю за границу!.. Пока вы уѣдете... я займусь вашими дѣлами, переговорю съ адвокатомъ и постараемся общими силами... какъ нибудь устроить!.. онъ человѣкъ надежный и свѣдущій въ этихъ дѣлахъ... я ему поручу и увѣрена что онъ все исполнитъ!..»

Евгеній Ивановичъ еще разъ поцѣловалъ ея руку.

— «Я писала къ бывшей моей кормилицѣ, что можетъ быть вы къ ней заѣдете и еще съ вами напишу къ ней письмо... Eugène, знаете ли что я вамъ скажу... я думаю очень и очень скоро пріѣхать къ вамъ за границу... можетъ быть вы будете и недовольны моимъ посѣщеніемъ»—сказала она улыбаясь и устремляя на него очаровательные свои глаза.

— «Лиза!.. вы можете это говорить?

— «Я шучу!..»

— «Вашъ братъ еще здѣсь?..»

— «Да!»

— «И долго онъ пробудетъ...»

— «Я думаю недѣли двѣ!..»

— «Жаль, что мы не можемъ ѣхать вмѣстѣ»,—сказалъ Мамочкинъ вздохнувъ,—«вы знаете мой другъ, что мнѣ необходимо тотчасъ же уѣхать; мнѣ невозможно долѣе здѣсь оставаться!.. Съ какимъ нетерпѣніемъ я буду ожидать вашего пріѣзда.»

— «При первой возможности я къ вамъ пріѣду... я объ этомъ только и думаю... Вы знаете Eugène могу ли я жить въ разлукѣ съ вами!.. Ну пока прощайте,» — сказала Елизавета Павловна, — «я пріѣду черезъ часъ а вы пока поужинайте!»

Оставшись одинъ Мамочкинъ началъ читать переданное ему Елизаветою Павловною письмо слѣдующаго содержанія:

«Милый и дорогой Eugène!»

«Разставшись съ вами я долго не могла придти въ себя, «уяснить настоящее свое положеніе... Мнѣ казалось что все «что случилось былъ сонъ, тяжелый, ужасный, который да«вилъ мнѣ грудь. Мнѣ чудилось что вотъ вы сейчасъ подой«дете ко мнѣ, мнѣ даже слышался вашъ голосъ, ваши шаги... «Я вздрагивала и прислушивалась. — Проводивъ васъ, я воз«вратилась домой и не заходя въ комнату брата бросилась «на постель обливаясь слезами... Eugène! никто въ мірѣ, не «можетъ, не умѣетъ говорить какъ вы: «Лиза! я люблю васъ»; «никто въ мірѣ не можетъ и любить, какъ вы любите... «Васъ нѣтъ со мной, дорогой, милый Eugène, вы остави«ли Лизу!.. гдѣ вы теперь?.. что съ вами?.. До самаго утра, «я лежала въ какомъ-то забытьѣ; мнѣ чудилось... что дверь «сейчасъ отворится и вы войдете ко мнѣ. Боже мой!.. васъ «нѣтъ!.. вы уѣхали, вы оставили меня одну, несчастную!.. «Потомъ мнѣ сдѣлалось вдругъ какъ-то страшно; меня окру«жали какія-то видѣнія... ознобъ пробѣгалъ по всему тѣлу, «а голова была въ огнѣ... Утромъ я встала съ сильною го«ловною болью, не знала что дѣлать, куда дѣваться: не могла «не на кого смотрѣть — всѣ безъ васъ мнѣ противны... «Одно утѣшеніе, одну отраду, находила я въ пунцовой моей «комнаткѣ, которая всѣмъ васъ напоминаетъ; вѣдь это вы, ми«лый, дорогой Eugène для меня ее приготовили во время моей «поѣздки къ брату: кровать, диванчикъ, столикъ. Вездѣ, во «всемъ видна ваша любовь ко мнѣ, вниманіе и нѣжныя за«боты... Въ этой любимой мною комнаткѣ я большую часть «времени сидѣла одна думая о васъ... Не могу смотрѣть те«перь безъ отвращенія на всѣ мои наряды, а помните какъ «я ихъ любила, съ какимъ удовольствіемъ я ихъ надѣвала и «какъ бывала счастлива когда вы мнѣ говорили: «Lise!.. какъ «вы очаровательно хороши сегодня», или «какъ къ вамъ идетъ

«это платье.» Никто не можетъ и не съумѣетъ говорить это, «какъ вы, безцѣнный Eugène... Увѣряю васъ что я готова «питаться черствымъ хлѣбомъ, носить самое грубое платье, «промѣнять на него всѣ мои наряды лишь бы не разлучаться «съ вами и васъ видѣть!.. Теперь только я истинно понимаю, «что съ милымъ сердцу можно жить и быть счастливой и въ «шалашѣ!.. Да, мой другъ, я чувствую, что это истинна!.. Но «гдѣ же вы теперь?.. что съ вами?.. неужели мы разстались «навсегда и болѣе никогда не увидимся; нѣтъ!.. этого не бу-«детъ, это невозможно! не мыслимо!.. Богъ милосердъ! Евге-«ній! Елизавета! какъ хорошо звучатъ эти имена... эти имена— «святыхъ, также и будетъ свята наша взаимная любовь и «дружба!.. Повѣрьте мнѣ, Eugène, что всѣ эти огорченія и «непріятности минуютъ и придетъ время что мы будемъ не-«разлучны... Но если провидѣнію угодно будетъ наложить тя-«желыя на васъ испытанія, то вѣрьте мнѣ что я готова на все, «лишь бы быть съ вами... Женя! мы неразлучны на вѣки.»— «Лиза.»

Письмо это Евгеній Ивановичъ не могъ прочесть безъ внутренняго волненія; онъ былъ истинно счастливъ и готовъ былъ забыть всѣ невзгоды и огорченія... Письмо это раскрыло передъ нимъ всю прелесть души Елизаветы Павловны, всю полноту любящаго ея сердца готоваго на всевозможныя жертвы. Мамочкинъ перечитывалъ это письмо нѣсколько разъ съ истиннымъ наслажденіемъ.

Часовъ около двѣнадцати возвратилась Елизавета Павловна. Мамочкинъ какъ съумасшедшій бросился къ ней, началъ цѣловать ея руки и въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ благодарилъ за письмо и за ея къ нему чувства.

— «Нѣтъ... Lise»,—говорилъ онъ,—«я не стóю такой любви, я ничѣмъ ее не заслужилъ.»

— «Да полноте Eugène, перестаньте!»—отвѣтила Елизавета

Павловна,—«что особеннаго нашли вы въ этомъ письмѣ; оно очень плохо написано, мнѣ стыдно за него;—отдайте мнѣ это письмо!»

— «Ни за что!.. съ этимъ дорогимъ для меня письмомъ я никогда, никогда не разстанусь.»

— «Право Eugène я рѣшительно не понимаю, что вы нашли въ немъ особеннаго; я писала то, что чувствовала.»

— «Этими-то чувствами я и дорожу», — отвѣтилъ Евгеній Ивановичъ, цѣлуя ея руку.

— «Послушайте Eugène, вотъ я привезла вамъ деньги на дорогу... возьмите»,—продолжала она, отдавая ему свернутую пачку, — «извините мой другъ что мало, я вамъ пришлю или вѣрнѣе привезу съ собой.»

— «Благодарю Лиза.»

— «Я сейчасъ напишу съ вами письмо къ бывшей моей кормилицѣ и нянѣ; отдайте ей лично; вы вѣдь хотѣли къ ней заѣхать?.. не взыщите мой другъ на ея обстановку; она женщина не богатая, живетъ въ очень тѣсной и плохой квартирѣ.»

— «Вы у нея были?»

— «Да, я ѣздила брать морскія ванны и у нея прожила тогда около недѣли.»

— Пока Елизавета Павловна писала письмо Мамочкинъ не могъ оторвать отъ нея глазъ; съ какою-то особенною жадностію онъ всматривался въ черты любимаго имъ существа съ которымъ увы!.. онъ долженъ былъ разстаться на долго.

Окончивши письмо Елизавета Павловна передала его Мамочкину.

— «Я у васъ не спросила Eugène долго ли вы пробыли въ деревнѣ у вашей жены?.. вы мнѣ говорили, что она нездорова;.. какъ вы ее нашли?»

— «Въ деревнѣ она чувствуетъ себя гораздо лучше но здоровье ея далеко не удовлетворительно; болѣзнь ея весьма серіозна и уже продолжается болѣе двухъ лѣтъ.»

— «Почему же она не лѣчится?»

— «Она не любитъ лѣчиться и не довѣряетъ врачебной наукѣ; однако я ее уговорилъ и она лѣчилась уже у нѣсколькихъ врачей... ей было временно лучше, но болѣзнь не прекращалась.»

— «Долго она предполагаетъ прожить въ деревнѣ?»

— «Это будетъ зависѣть отъ погоды и отъ состоянія ея здоровья... Я полагаю что мѣсяцъ она проживетъ въ деревнѣ.»

— «Она не была противъ вашей поѣздки за границу?»

— «Она удивилась очень моему рѣшенію, но увидѣла что мнѣ въ настоящее время невозможно оставаться ни здѣсь ни въ деревнѣ!»

— «Неужели Eugène она отказалась принять участіе въ вашихъ дѣлахъ, оказать какую нибудь вамъ помощь;.. у нея, насколько мнѣ извѣстно отличное состояніе.»

— «Но которое не находится въ ея рукахъ и которымъ она не можетъ располагать!»

— «Почему?»

— «Все ея имущество и деньги въ рукахъ ея брата и старшей сестры; она постоянно находилась и находится подъ матеріальнымъ и нравственнымъ ихъ вліяніемъ.»

— «Однако въ дѣлѣ столь важномъ и въ настоящемъ вашемъ положеніи, я полагаю, что прямая обязанность жены помочь мужу.»

— «У нея особый взглядъ на это дѣло!.. быть можетъ лично она и не отказалась бы помочь; я даже въ этомъ твердо увѣренъ, но постороннее вліяніе тому помѣхой!..»

— «Однако!.. мы заговорились... Завтра Eugène вамъ рано вставать, поѣздъ отходитъ въ восемь часовъ утра... вы устали!.. отдохните... а я посижу около васъ или также прилягу на этомъ диванѣ...»

— «Лиза!.. дорогой мой, милый другъ»,—говорилъ Евгеній

Ивановичъ, осыпая ея руку поцѣлуями;—«нѣтъ, мы не можемъ разстаться навсегда; наша дружба и взаимная привязанность не допустятъ продолжительной разлуки... вы скоро ко мнѣ пріѣдете?»

— «Конечно скоро, очень скоро»,—отвѣтила Елизавета Павловна, устремивъ на него взоры полные огня. — «Евгеній, милый!.. я люблю тебя!..»

. . . .

Въ семь часовъ утра Елизавета Павловна и Мамочкинъ пріѣхали на станцію Смоленской желѣзной дороги а въ восемь они разстались.

Евгеній Ивановичъ уѣхалъ по направленію къ Смоленску.

ГЛАВА V.

Путешествіе.

Мамочкинъ доѣхалъ до Смоленска безъ особыхъ приключеній и взявши тамъ билетъ третьяго класса отправился на: Витебскъ, Динабургъ до Риги.

Желѣзный путь отъ Москвы на Смоленскъ до Динабурга пролегаетъ преимущественно по пространствамъ поросшимъ хвойнымъ лѣсомъ, утомляющимъ взоры путешественника своимъ однообразіемъ; небольшіе лишь промежутки полей и луговъ попадаются по пути въ видѣ оазисовъ и нѣсколько разнообразятъ общую картину. Проѣхавши Можайскую станцію открылась обширная равнина съ небольшими холмами достославнаго Бородинскаго поля, служившаго сценою кровавой драмѣ 1812 года, незабвенной въ лѣтописяхъ рус-

скаго народа. Вдали виднѣлся Бородинскій памятникъ и женскій монастырь—два мавзолея падшимъ героямъ. Поѣздъ, слѣдующій на Брестъ останавливается въ Смоленскѣ около крытой деревянной платформы, минуя великолѣпный вокзалъ Орловско-Витебской дороги съ которымъ впрочемъ, платформа эта находится въ связи. Вокзалъ очень красивъ какъ снаружи такъ и внутри и зало для пассажировъ съ буфетомъ — громадное. Воспользовавшись нѣсколькими минутами остановки, Мамочкинъ написалъ изъ Смоленска письмо Лизѣ, полное грусти.

Пріѣхавши въ Динабургъ и въ ожиданіи вечерняго поѣзда Евгеній Ивановичъ, отъ нечего дѣлать, пошелъ осматривать городъ, который произвелъ на него самое непріятное впечатлѣніе наружной невзрачностію, грязнымъ видомъ а всего болѣе населеніемъ, состоящимъ преимущественно изъ евреевъ. Подъѣзжая къ городу расположенному на обширной песчаной равнинѣ на берегу Западной Двины нельзя не обратить вниманія на великолѣпный желѣзно-дорожный мостъ, переброшенный черезъ Двину и на красивыя зданія артиллерійскихъ конюшенъ выстроенныхъ на вершинѣ небольшой горы. Крѣпость находится за городомъ и по дорогѣ въ Ригу можно видѣть нѣкоторые изъ ея фасовъ.

Трудно представить себѣ что-нибудь неопрятнѣе Динабурга: грязь и всякая нечистота на улицахъ, площадяхъ, домахъ и на самыхъ жителяхъ, торопливо бѣгающихъ повсюду въ какихъ то отвратительныхъ лахмотьяхъ и заражающимъ даже воздухъ какимъ то особеннымъ, свойственнымъ имъ запахомъ.

Проѣзжая отъ Москвы на Смоленскъ до Динабурга, Мамочкинъ вынесъ не очень выгодное мнѣніе о довольствѣ и благосостояніи мѣстнаго крестьянскаго населенія судя по наружнему виду деревенскихъ построекъ, состоянію полей и ихъ обработкѣ. Ветхія крестьянскія избы, едва прикрытыя полу-

сгнившей соломой; полуразрушенная изгородь, тощій и мелкій скотъ послужили Евгенію Ивановичу достаточными къ тому аргументами. Совершенно иная картина представилась глазамъ Мамочкина по пути отъ Динабурга до Риги, на протяженіи двухъ сотъ верстъ. Несмотря на тождественность почвенныхъ условій, поля и луга въ Остзейскимъ краѣ рѣзко отличались превосходной и тщательной обработкой. Что касается до крестьянскихъ построекъ, то они еще рѣзче отличались отъ видѣнныхъ доселѣ. Красивые каменные деревенскіе дома крытые черепицей, окруженные садами и огородами, необыкновенныя чистота и строгій во всемъ порядокъ—все это произвело на Мамочкина самое пріятное впечатлѣніе и съ особеннымъ любопытствомъ онъ безпрерывно выглядывалъ изъ вагона и смотрѣлъ на мелькавшіе передъ его глазами луга, поля и села съ остроконечными башнями кирокъ. Евгеній Ивановичъ обратилъ также вниманіе и на красивыя постройки станціонныхъ домовъ по стѣнамъ которыхъ граціозно извивался виноградный плющъ, окруженный роскошными цвѣтниками.

Въ Ригу Евгеній Ивановичъ пріѣхалъ поздно вечеромъ и остановился въ отелѣ вблизи вокзала желѣзной дороги. Написавъ Елизаветѣ Павловнѣ письмо и отправивши коммиссіонера къ бывшей ея кормилицѣ и нянѣ, Евгеній Ивановичъ, уставшій отъ двухъ дневнаго путешествія не безъ удовольствія погрузился въ пуховикъ постели, прикрывшись мягкою и легкою пуховою периной.

На слѣдующее утро, около девяти часовъ, Евгеній Ивановичъ услышалъ легкій, троекратный стукъ въ дверь его номера и вслѣдъ за тѣмъ появилась пожилая дама въ черномъ, шелковомъ платьѣ, бархатной мантиліи и въ черной же шляпкѣ съ огромными пунцовыми цвѣтами, граціозно присѣдая съ пріятнѣйшей улыбкой.

На видъ ей было не болѣе пятидесяти лѣтъ; высокаго роста, очень полная и очень смуглая, съ черными выразительными глазами, женщина эта отличалась типичностію лица и какой то торжественно-величественной осанкой. Видѣвши ея фотографическій портретъ у Елизаветы Павловны, Мамочкинъ тотчасъ же узналъ въ ней ее кормилицу. Отрекомендовавшись, Евгеній Ивановичъ передалъ ей письмо Лизы и началъ бесѣдовать съ нею на нѣмецкомъ языкѣ.

— «Какъ здоровье Лизы»?—спросила эта дама улыбаясь и съ легкимъ изгибомъ всего корпуса. — «Получивши сегодня утромъ ваше письмо, я думала не пріѣхала ли сама Лиза»—проговорила она нѣсколько прищуривая глазами.

— «Нѣтъ,... Елизавета Павловна осталась съ братомъ въ Москвѣ».

Мамочкинъ никакъ не могъ понять почему она предположила что пріѣхала Лиза, получивъ отъ него письмо, въ которомъ онъ сообщалъ ей о томъ, что имѣетъ къ ней нѣкоторыя порученія отъ Елизаветы Павловны.

— «Ахъ Боже мой,!.. неужели братъ ея пріѣхалъ»?

— «Да, дней десять, какъ онъ въ Москвѣ и пробудетъ еще нѣсколько недѣль»!

— «Я получила отъ Лизы письмо по почтѣ, въ которомъ она сообщала о предположеніи вашемъ пріѣхать въ Ригу»...

— «Вотъ я и на лице сударыня»!

Затѣмъ, въ продолженіи нѣскольких минутъ они говорили о Елизаветѣ Павловнѣ и въ заключеніе, Мамочкинъ получилъ очень любезное приглашеніе переѣхать къ ней на квартиру.

Предполагая пробыть въ Ригѣ дня два, три, Евгеній Ивановичъ съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе и черезъ нѣсколько часовъ переѣхалъ на квартиру госпожи Швагеръ, кормилицы Лизы.

Квартира ея, находилась въ отдаленнѣйшей части одного

изъ форштадтовъ, почти на выѣздѣ города, и заключалась изъ одной низенькой комнаты въ отдѣльномъ на дворѣ флигелѣ, раздѣленной деревянной перегородкой на три отдѣленія. Первое, — съ русской печкой, служило прихожей и кухней; второе, отданное въ распоряженіе Мамочкина—столовой и гостинной, а третье—спальней. Несмотря на далеко не роскошную обстановку квартира эта отличалась изумительной чистотой и порядкомъ; все было прибрано, все стояло на мѣстѣ; нигдѣ не было и пылинки. Въ небольшой кухнѣ, около печи, ярко блистала на полкахъ кухонная посуда, огромный кофейникъ и глиняная посуда, а на полу, подъ скамейкой, разная деревянная утварь. Во второмъ отдѣленіи, служившемъ опочивальней Евгенія Ивановича, на окнѣ съ кисейной драпировкой, стояло нѣсколько горшковъ съ цвѣтами, а около него — столъ покрытый бѣлою скатертью. На стѣнѣ развѣшано было множество фамильныхъ фотографическихъ карточекъ въ бумажныхъ рамкахъ, а въ серединѣ, въ бронзированной рамѣ красовался портретъ Елизаветы Павловны; тутъ же, къ стѣнѣ стоялъ диванъ и столъ, а рядомъ съ диваномъ, коммодъ краснаго дерева, покрытый филейной салфеткой, на которомъ разставлены были вазочки съ восковыми и бумажными цвѣтами, огромная чашка съ надписью Liebe und Dankbarkeit *), разныя коробочки, бомбоньерки, фарфоровая лампа (подарокъ Лизы) и разныя бездѣлушки. На противуположной сторонѣ стояли два шкафа съ полками подъ стекломъ; въ одномъ изъ нихъ размѣщались чайные приборы а въ другомъ имущество старика Швагеръ, мужа кормилицы Елизаветы Павловны. Доступъ къ завѣтному этому шкафу имѣлъ только хозяинъ, который ежедневно отодвигалъ ящики, вынималъ съ торжествен-

---

*) Любовь и благодарность.

ностію платье, пожелтѣвшее отъ времени, бережно очищалъ его отъ пыли и еще бережнѣе вновь его укладывалъ. Въ праздничные лишь дни онъ облекался въ это старье, при чемъ и самъ пріобрѣталъ какой то особенный, праздничный видъ; нѣсколько камышевыхъ стульевъ дополняли убранство этой комнаты. Въ третьемъ отдѣленіи, также съ кисейной драпировкой на окнѣ, развѣшаны были по стѣнамъ портреты хозяина и хозяйки, двѣ гравюры видовъ Саксоніи и чертежъ одного изъ желѣзнодорожныхъ саксонскихъ мостовъ, возбуждавшій постоянное удивленіе старика Швагеръ своею высотою и колоссальными размѣрами. Двуспальняя кровать съ чистѣйшимъ бельемъ, огромный сундукъ и кресло составляли все убранство этого отдѣленія. Комнатка эта особенно понравилась Евгенію Ивановичу не потому ли, что въ ней когда то останавливалась Елизавета Павловна во время путешествія ея къ Дуббельнскимъ морскимъ купальнямъ.

По пріѣздѣ Мамочкина, госпожа Швагеръ отрекомендовала его своему супругу, маленькому старичку съ подстриженной бородой, въ очкахъ и колпакѣ. Старикъ принялъ Евгенія Ивановича очень радушно и очень интерессовался разсказами о Москвѣ и о Елизаветѣ Павловнѣ.

Посидѣвъ съ ними нѣсколько времени, Мамочкинъ отправился осматривать городъ.

Направившись къ старому городу, ближайшему къ рѣкѣ Двинѣ, Евгеній Ивановичъ былъ очень пораженъ узкостью нѣкоторыхъ улицъ по которымъ не возможно было даже движеніе экипажей; не менѣе поразили его высокіе дома съ остроконечными черепичными крышами и сравнительно небольшими окнами; вообще, большинство зданій стараго города сохранили еще средневѣковой характеръ. Подойдя къ рѣкѣ, весьма широкой онъ осмотрѣлъ вновь строющійся желѣзно-дорожный мостъ, долженствующій соединить линіи Рижско-Динабург-

скую съ Рижско-Митавской и городъ съ Митавскимъ форштадтомъ; мостъ этотъ въ то время почти былъ уже оконченъ, за исключеніемъ земляныхъ насыпей; онъ назначается также для движенія экипажей и пѣшеходовъ. Множество купеческихъ судовъ большихъ и малыхъ и различныхъ націй стояли около гранитной набережной, иныя нагружаясь: пенькою, льномъ, саломъ, а другіе, выгружая привезенные ими товары. Подвозъ и отвозъ товаровъ производится по желѣзно-конной дорогѣ, проложенной во всю длину набережной. Необыкновенная дѣятельность кипѣла въ этой мѣстности и до ушей Мамочкина доносился оживленный говоръ на всевозможныхъ европейскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ. По плашкоутному мосту, соединяющему старый городъ съ Митавскимъ форштадтомъ тянулись вереницами длинныя и узкія телѣги съ дровами, сѣномъ и бочками. На пароходной пристани толпилось множество пассажировъ, ожидавшихъ отъѣзда въ Динамюнде, Дуббельнъ и другія мѣстности, расположенныя по берегамъ Двины до впаденія ея въ море; нѣсколько далѣе, противъ за́мка, стоялъ на якорѣ небольшой военный пароходъ. Осмотрѣвъ эту часть города, Мамочкинъ прошелъ около деревянныхъ подвижныхъ палатокъ размѣщенныхъ въ два ряда не въ далекѣ отъ набережной: тутъ производилась продажа цвѣтовъ, фруктовъ, овощей, деревянной и глиняной посуды и различныхъ деревянныхъ издѣлій. Пообѣдавъ въ русскомъ трактирѣ, Мамочкинъ остальное время бродилъ по узкимъ улицамъ стараго города, осматривалъ церкви и долго любовался деревянной башней, съ превысокими мѣдными остроконечными крышею и шпилемъ.

Возвратясь къ Швагеръ, Мамочкинъ сообщилъ имъ обо всемъ имъ виденномъ.

— «Ну какъ нравится вамъ наша Рига?», —спросилъ его старикъ Швагеръ, протяжно нюхая табакъ.

— «Городъ очень хорошъ, много прекрасныхъ зданій, осо-

бенно политехническій и женскій институты, театръ и особенно мостъ».

— «Ну а Москва ваша лучше»?

— «Конечно и несравненно больше»!

— «Вы были въ Верманскомъ саду»?

— «Нѣтъ еще,—завтра утромъ предполагаю осмотрѣть сады и бульвары».

Разговоръ этотъ прерванъ былъ вошедшей госпожей Швагеръ, которая что то таинственно шепнула на ухо своему супругу.

— «Donner-wetter» *)! — сказалъ старикъ и схвативъ колпакъ поспѣшно удалился».

— «Я слышалъ госпожа Швагеръ, что вы отлично гадаете! позвольте попросить васъ погадать для меня и для Елизаветы Павловны.»

— «Охъ нѣтъ! я гадать не умѣю»,—отвѣтила она съ пріятной улыбкой.

— «Можетъ быть вы не хотите, но я навѣрное знаю, что вы отлично гадаете; мнѣ сказала Елизавета Павловна.»

— «Ахъ дорогая и милая Лиза!» — воскликнула госпожа Швагеръ, вынимая колоду замасленныхъ картъ изъ комода.— «На кого же гадать: на васъ или на Лизу?»

— «На Елизавету Павловну.»

Карты она разложила рядами.

— Ахъ mein Gott**), трефовой дамѣ большіе хлопоты и непріятности отъ бубноваго короля,.. она думаетъ о трефовомъ королѣ... препятствія въ дорогѣ... деньги впереди... большой интересъ отъ червоннаго короля... четыре туза — исполненіе желаній... ein, zwei, drei ***), интересуется блондиномъ (Ма-

---

*) Громовая погода.

**) Боже мой.

***) Разъ, два, три.

мочкинъ поблѣднѣлъ), ein, zwei, drei—въ мысляхъ все трефовой король» — у Мамочкина отлегло на сердцѣ. «Ничего, Лизѣ вышло хорошо, даже очень хорошо... много интереса, ну и деньги. Теперь погадаю на васъ — снимите. Мамочкинъ снялъ. Ein, zwei, drei—вы получите скоро деньги... большая дорога... ein, zwei... письмо отъ трефовой дамы... ein, zwei, drei... непріятности, очень большія хлопоты... а кончится не дурно, очень не дурно, но только не скоро.»

Вошедшій старикъ Швагеръ прекратилъ гаданье, жена выразительно на него посмотрѣла.

— «Все глупости»,—проговорилъ старикъ, снимая колпакъ.

На слѣдующее утро Мамочкинъ пошелъ гулять по садамъ и бульварамъ, расположеннымъ между форштадтами и старымъ городомъ; прошелъ по тѣнистымъ аллеямъ Верманскаго сада, постоялъ тамъ около фонтана, осмотрѣлъ очень красивое зданіе театра; перешелъ въ слѣдующій садъ, гдѣ взобрался на павильонъ, устроенный на вершинѣ высокаго холма, откуда онъ любовался красивой панорамой города и его окрестностей. Здѣсь, на спинкѣ деревянной скамейки Мамочкинъ вырѣзалъ два имени: «Елизавета и Евгеній.» Послѣ обѣда, Евгеній Ивановичъ гулялъ со старикомъ Швагеръ по форштадтамъ.

Форштадты—Петербургскій и Московскій, съ правильными, очень широкими улицами, обсаженными по окраинамъ тротуаровъ липовыми деревьями устроены недавно на мѣстѣ бывшихъ укрѣпленій и населены преимущественно торговцами и ремесленниками. Деревянные, одноэтажные дома, крытые черепицей, рѣзко отличаются отъ красивыхъ колоссальныхъ зданій, выстроенныхъ около садовъ и бульваровъ а еще болѣе отъ домовъ, строгой, средневѣковой архитектуры стараго города.

Слѣдующій день былъ воскресный. Семейство Швагеръ пригласило Евгенія Ивановича погулять послѣ обѣда въ Верман-

скій садъ и послушать музыку. Предложивъ руку хозяйкѣ, Мамочкинъ, въ сопровожденіи старика Швагеръ и его собаки отправились въ садъ, гдѣ на этотъ разъ собрались чуть ли не всѣ рижане. Гулявшихъ было такъ много, что не смотря на обширность сада и ширину аллей они съ трудомъ достигли площадки противъ ресторана, гдѣ въ кругломъ павильонѣ игралъ военный оркестръ. Тутъ была настоящая давка. На широкой крытой терассѣ ресторана около столиковъ сидѣли дамы высшаго рижскаго общества, смотрѣли на гулявшихъ, слушали музыку и кушали кофе и пиво; въ глубинѣ же терассы, накрыты были столы для ужина. Съ большимъ трудомъ Евгеній Ивановичъ могъ достать мѣсто внѣ терассы и угощалъ своихъ спутниковъ чаемъ и пивомъ.

— «Какъ нравится вамъ музыка?»—спросила госпожа Швагеръ у Мамочкина.

— «Ничего, впрочемъ могла бы быть лучше.»

— «Ахъ! какъ люблю я музыку», —сказала она, закативъ глаза.

— «Я также любитель музыки, особенно любилъ слушать Елизавету Павловну когда она играла; у ней столько души, столько музыкальнаго чувства.» — При этомъ Евгеній Ивановичъ вспомнилъ, какъ бывало Лиза сидѣла за пьянино и наигрывала любимые его мотивы, обращая на него пламенные свои взоры, съ чудной, обворожительной улыбкой. Вспомнилъ онъ также какъ въ порывѣ страсти, онъ бывало схватывалъ ея руку и крѣпко цѣловалъ.

Воспоминаніе объ этомъ навѣяло на Мамочкина такую грусть, что онъ измѣнился даже въ лицѣ и готовъ былъ заплакать.

— «Что съ вами, Боже мой!.. вамъ дурно?» — спросила съ участіемъ госпожа Швагеръ.

— «Ничего, это такъ... благодарю!.. пройдетъ», — отвѣчалъ Мамочкинъ, глубоко вздыхая.— «Я вспомнилъ объ Елизаветѣ Павловнѣ какъ она пѣла, играла... ее теперь нѣтъ!»

Госпожа Швагеръ крѣпко сжала руку Евгенія Ивановича.

— «Тебѣ пора домой!»—сказала она, обращаясь къ мужу,— «ступай!.. вотъ тебѣ ключь... смотри, все приготовь.»

Старику очень не хотѣлось оставить своего мѣста, но повинуясь строгому приказанію супруги онъ поспѣшно удалился.

Оставшись вдвоемъ, Мамочкинъ началъ говорить съ жаромъ, съ увлеченіемъ о Лизѣ, о рѣдкихъ достоинствахъ этой чудной женщины и о чувствахъ своей безпредѣльной къ ней любви. Рѣчь его лилась неумолкая какимъ-то быстрымъ потокомъ, безъ устали. Госпожа Швагеръ слушала его съ восторгомъ.

— «Вы вполнѣ заслуживаете счастія, вы такъ ее любите»,— сказала она обратившись къ Мамочкину, съ глазами полными слезъ.

— «Да!.. я люблю ее... люблю до безумія... и клянусь вѣчно ее любить!»

— «Да благословитъ эту любовь Всевышній!»

Сильный порывъ вѣтра прервалъ ихъ бесѣду; набѣжала туча, полилъ сильный дождь и въ нѣсколько минутъ садъ опустѣлъ.

Мамочкинъ поспѣшилъ уѣхать съ своей спутницей.

На слѣдующій день, распростившись съ любезными хозяевами и поблагодаривъ за радушное гостепріимство, Евгеній Ивановичъ уѣхалъ въ Варшаву.

....

Въ Гродно, Мамочкинъ пріѣхалъ только къ вечеру слѣдующаго дня и былъ очень удивленъ, встрѣчею на станціи съ Синецкимъ, съ которымъ желалъ очень видѣться. Въ свою очередь Синецкій еще болѣе былъ удивленъ встрѣчею съ Мамочкинымъ, такъ что, въ первую минуту, какъ будто его неузналъ.

— «Здраствуйте Сергѣй Александровичъ!»—сказалъ Мамочкинъ, протягивая ему руку.»

— «Ахъ!.. что это?.. здравствуйте... вы ли это Евгеній Ивановичъ?.. какими судьбами?»

— «Очень просто; заѣхалъ изъ Риги по пути въ Варшаву, повидаться съ вами...»

— «Вотъ не ожидалъ!.. никакъ не ожидалъ... вотъ сюрпризъ!»—они поцѣловались, — «я право не вѣрю глазамъ, что это вы!»

— «Да кто же какъ я?»

— «Ну давно ли вы изъ Москвы?.. какъ здоровье Антонины Сергѣевны... вашихъ дѣтей?..»

— «Благодарю васъ, всѣ слава Богу здоровы!.. я съ недѣлю какъ изъ Москвы.»

— «Просто удивительно!»—воскликнулъ весело Сергѣй Александровичъ,— «право не вѣрится, что вы попали къ намъ въ Гродно... благодарю... очень, очень радъ», — продолжалъ Синецкій, сжимая руку Мамочкина.

— «Сергѣй Александровичъ, вы позволите у васъ ночевать?»

— «Что это за вопросъ, да гдѣ же, какъ не у меня, а какъ удачно, что вы именно сегодня пріѣхали; — пріѣзжайте завтра—не застали бы меня дома; мнѣ необходимо было ѣхать верстъ за пятьдесятъ по дѣламъ службы.»

— «Очень радъ, что такъ случилось.»

— «А я, пріѣхалъ сюда на станцію, такъ себѣ, поглазѣть отъ скуки и чтоже?.. такая встрѣча... вотъ не ожидалъ!.. ну поѣдемте ко мнѣ.»

— «Вы позволите мнѣ Сергѣй Александровичъ заѣхать на почту? тамъ есть ко мнѣ письма...»

— «Съ удовольствіемъ!..»

Мамочкинъ взялъ свой чемоданъ и оба отправились; на почтѣ Евгеній Ивановичъ, получилъ, два письма отъ Лизы и затѣмъ они пріѣхали на квартиру Синецкаго.

Квартира, занимаемая Сергѣемъ Александровичемъ, состояла изъ трехъ очень просторныхъ и отлично меблированныхъ комнатъ; въ одной помѣщался онъ самъ, а въ другихъ, два

его товарища по службѣ, очень молодые люди, только что окончившіе курсъ въ училищѣ правовѣденія. Познакомивъ съ товарищами, Синецкій ушелъ хлопотать о чаѣ и о ночлегѣ для Евгенія Ивановича.

За чаемъ разговоръ сдѣлался общимъ. Мамочкинъ сообщилъ, что и онъ когда-то былъ въ училищѣ правовѣденія; говорили о старыхъ порядкахъ въ училищѣ, о бывшихъ профессорахъ; перешли потомъ къ гродненской жизни, причемъ молодые люди и самъ Сергѣй Александровичъ очень жаловались на скуку, на отсутствіе всякихъ общественныхъ удовольствій, за исключеніемъ весьма посредственнаго театра и плохаго еврейскаго оркестра. Вспоминали о Петербургѣ, о французскомъ театрѣ, объ оперѣ, Бергѣ, Изларѣ, минерашкахъ и о другихъ столичныхъ лакомствахъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, бесѣда шла самая оживленная пока наконецъ Синецкій замѣтилъ, что пора и спать, особенно Евгенію Ивановичу, который вѣроятно усталъ послѣ дороги.

Ожидавши въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ съ большимъ нетерпѣніемъ, возможности прочитать, почученныя имъ отъ Лизы письма, Мамочкинъ, оставшись одинъ съ жадностію ихъ распечаталъ. Оба письма заключали въ себѣ, клятвы въ вѣчной любви, нетерпѣливое ожиданіе возможности уѣхать къ нему за границу и просьбу писать къ ней какъ можно чаще. Прочитавъ письма, Мамочкинъ, написалъ Лизѣ отвѣтъ, умоляя не медлить отъѣздомъ въ Швейцарію, гдѣ онъ предполагалъ остаться въ ожиданіи ее. Написалъ онъ также очень длинное посланіе и женѣ.

На слѣдующее утро, распростившись съ молодыми хозяевами, Мамочкинъ уѣхалъ въ Варшаву, одновременно съ Синецкимъ, который сопутствовалъ ему нѣсколько станцій, отправившись въ какое-то мѣстечко, по дѣламъ службы.

Проѣхавши гродненскую станцію, Евгеній Ивановичъ лю-

бовался превосходнымъ желѣзно-дорожнымъ мостомъ на Нѣманѣ; затѣмъ рельсовый путь до самой Варшавы не представлялъ никакихъ особенностей. Все сосновые, да еловые лѣса, тощія поля съ обгорѣлыми пнями и полуразрушенныя крестьянскія избы. Единственныя особенности, замѣченныя Мамочкинымъ при въѣздѣ въ Царство Польское заключались во множествѣ деревянныхъ крестовъ, размѣщенныхъ около деревень, по полямъ и дорогамъ и въ обиліи пирамидальныхъ тополей и душистой акаціи.

Дорогою, Евгеній Ивановичъ, обратился къ своему сосѣду, ѣхавшему также въ Варшаву съ вопросимъ, не можетъ ли онъ указать ему какой нибудь отель въ Варшавѣ.

— «Вотъ, напримѣръ, Саксонская гостинница на Краковскомъ предмѣстьѣ, очень хорошій отель и не дорогъ. Вообще»,—замѣтилъ онъ,—«жизнь въ Варшавѣ очень не дорога... чай, кофе, пьютъ обыкновенно тамъ въ кондитерскихъ, даже дамы,—это стоитъ бездѣлицу; вы можете получить очень порядочный обѣдъ за пятьдесятъ копѣекъ; экипажи также не дороги, для нихъ существуетъ такса.

— «Да! это очень хорошо»,—отвѣтилъ Мамочкинъ.»

— «Жить въ Варшавѣ можно очень весело»,—продолжалъ сосѣдъ,—«тамъ вы найдете прекрасный театръ, особенно балетъ, множество загородныхъ гуляній, да и въ городѣ превосходные сады: Саксонскій, Лазенки. Да! много, много хорошаго... ну, а женщины, — просто прелесть, одна другой лучше.»

На послѣднее замѣчаніе сосѣда Мамочкинъ не обратилъ никакого вниманія; для него существовала одна женщина—это Лиза: красивѣе, любезнѣе, привлекательнѣе встрѣтить было немыслимо. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Евгеній Ивановичъ возобновилъ разговоръ.

— «Позвольте васъ спросить,—что это за костюмъ на гос-

подинѣ сидящемъ, вонъ тамъ на третьей скамьѣ въ черномъ, длиннополомъ сертукѣ съ капишономъ и въ бисерномъ стоячемъ галстукѣ, въ видѣ ошейника?»

— «Это ксендзъ.»

Вотъ они-то кзендзы, — подумалъ Мамочкинъ и при этомъ вспомнилъ о послѣднемъ польскомъ возстаніи, о повстанцахъ, косиньерахъ, имѣвшихъ зачастую во главѣ шаекъ этихъ служителей алтаря.

— «Ну, а эти кресты въ деревняхъ и селахъ?» продолжалъ Евгеній Ивановичъ, — «это памятники надъ погребенными?»

— «Совсѣмъ нѣтъ»,—отвѣтилъ улыбаясь сосѣдъ,—«эти кресты обыкновенно ставятъ крестьяне давая какіе нибудь обѣты или испрашивая что-либо молитвою. Прежде этихъ крестовъ было множество, а въ настоящее время запрещено ихъ ставить вновь.»

Продолжительный свистъ локомотива прервалъ этотъ разговоръ. Заблистали со всѣхъ сторонъ газовые фонари, поѣздъ началъ безпрерывно переходить съ одного пути на другой; на боковыхъ путяхъ показались цѣлыя вереницы пустыхъ вагоновъ; множество локомотивовъ съ ярко красными буферами промелькнули то тутъ то сямъ и красные и зеленые огни фонарей около сторожевыхъ будокъ; поѣздъ уменьшилъ ходъ и шипя и свистя скоро вкатился въ крытый вокзалъ Петербурго-Варшавской желѣзной дороги.

— «Ну вотъ и Варшава»,—сказалъ, вставая сосѣдъ Евгенія Ивановича, собирая свои вещи, — «желаю вамъ всего лучшаго,»—продолжалъ онъ, выходя изъ вагона.

Мамочкинъ за нимъ послѣдовалъ.

Множество народа толпилось на платформѣ, иные встрѣчали родственниковъ и знакомыхъ, другіе просто глазѣли на пріѣхавшихъ. Пробравшись сквозь толпу, Мамочкинъ нашелъ у подъѣзда множество омнибусовъ отъ разныхъ отелей Вар-

шавы и отыскавъ карету Саксонской гостинницы отправился въ ней къ мѣсту назначенія.

Вокзалъ находится въ предмѣстьѣ, соединенномъ съ городомъ великолѣпнымъ желѣзнымъ мостомъ на рѣкѣ Вислѣ замѣчательнымъ, какъ по длинѣ, такъ и по красивой отдѣлкѣ и настилкѣ небольшими квадратными чугунными плитами. По пріѣздѣ въ отель, Мамочкинъ переодѣлся и пошелъ гулять по ярко-освѣщенному краковскому предмѣстью, смотрѣлъ черезъ зеркальныя стекла великолѣпныхъ магазиновъ на выставленные предметы, зашелъ въ кондитерскую напиться чаю и почитать газеты, потомъ бродилъ снова по ближайшимъ улицамъ и возвратясь около десяти часовъ въ свою комнату, написалъ длиннѣйшее письмо Лизѣ, которую извѣщалъ о пріѣздѣ своемъ въ Варшаву и о дорожныхъ впечатлѣніяхъ. Само собою разумѣется, что все письмо наполнено было изъясненіями страстной любви и мольбами о скорѣйшемъ къ нему пріѣздѣ. На слѣдующее утро Евгеній Ивановичъ поѣхалъ въ Лазенки, къ знакомому офицеру, служащему въ одномъ изъ кавалерійскихъ гвардейскихъ полковъ, но тотъ не возвращался еще изъ-за границы. Затѣмъ Мамочкинъ осматривалъ великолѣпные лазенковскіе сады и дворцовыя оранжереи, около которыхъ выставлены были громадные померанцовыя, лимонныя, миртовыя и магноліевыя деревья. Долго любовался онъ лазенковскимъ дворцемъ, фонтанами, бассейнами и превосходными, тѣнистыми аллеями этого сада. Затѣмъ пошелъ въ ботаническій садъ и осмотрѣлъ его во всѣхъ подробностяхъ. Главный садовникъ угощалъ Мамочкина грецкими орѣхами, вызрѣвающими на открытомъ воздухѣ. Какъ любитель и знатокъ въ садоводствѣ, Евгеній Ивановичъ обратилъ особенное вниманіе на нѣкоторыя акклиматизированныя породы японскихъ и новоголландскихъ растеній и на превосходныя коллекціи штамбовыхъ розановъ и хвойныхъ деревъ. Возвра-

тясь, онъ обѣдалъ за общимъ столомъ отеля, потомъ пошелъ осматривать нѣкоторые памятники, воздвигнутые бывшимъ польскимъ королямъ, ученымъ дѣятелямъ и бывшему намѣстнику царства князю Паскевичу. Зайдя въ одну изъ мѣняльныхъ лавокъ, онъ размѣнялъ кредитные билеты на франки и гульдены а вечеромъ гулялъ по саксонскому саду находящемуся въ центрѣ города и замѣчательному своими широкими, тѣнистыми липовыми и каштановыми аллеями и очень красивымъ, небольшимъ лѣтнимъ театромъ.

Въ девять часовъ вечера, Евгеній Ивановичъ поѣхалъ въ возкалъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги для дальнѣйшаго путешествія за границу. Едва подошелъ поѣздъ на слѣдующее утро къ станціи Граница какъ не выпуская пассажировъ изъ вагоновъ, жандармы отобрали отъ нихъ паспорты, для визировки, а по входѣ въ вокзалъ цѣлая толпа евреевъ обступила путешественниковъ, съ предложеніями промѣна денегъ. Затѣмъ, въ отдѣльномъ, смежномъ помѣщеніи происходилъ осмотръ багажа австрійскими таможенными чиновниками, а черезъ часъ пассажиры получили приглашеніе взять паспорты у окна особаго отдѣленія. Наконецъ подошелъ австрійскій поѣздъ; вещи были уложены, пассажиры размѣстились, раздался свистокъ и чрезъ нѣсколько минутъ всѣ очутились за границей.

Вотъ и Мамочкинъ за границей!

Тутъ почувствовалъ онъ себя совершенно осиротѣлымъ и тяжело вздохнулъ; самыя грустныя предчувствія наполняли его сердце; какой-то внутренній голосъ говорилъ ему, что тамъ, вдали, ожидаютъ его тяжелыя испытанія. Онъ готовъ былъ возвратиться въ Россію но запутанность его дѣлъ была тому преградою. Что дѣлаешь!—онъ покорился своей судьбѣ!

Эти тяжелыя думы смѣнились мало-по-малу мечтами о Лизѣ, о Москвѣ; онъ надѣялся скоро увидѣться съ нею въ Швей-

царіи. Потомъ и эти мечты уступили мѣсто впечатлѣніямъ, возбужденнымъ окружавшею его природою. Онъ смотрѣлъ на обширныя равнины, по которымъ несся поѣздъ и на Карпаты, виднѣвшіяся на горизонтѣ; на поля засѣянныя кукурузой и картофелемъ, на множество, деревень соединенныхъ шоссированными дорогами, обсаженными пирамидальными тополями и на разнообразные костюмы Галичанъ, Словаковъ и Венгерцевъ.

Время было жаркое. Едва поѣздъ останавливался около станціи, какъ тотчасъ же окружали его мѣстные жители, предлагая свѣжую воду, пиво и разные фрукты. Желѣзнодорожный путь до Вѣны не представлялъ никакихъ особенностей, кромѣ красивыхъ станцій, окруженныхъ роскошными цвѣтниками и садами.

Евгеній Ивановичъ пріѣхалъ въ Вѣну вечеромъ и не желая останавливаться въ этомъ городѣ, поспѣшилъ въ вокзалъ Елизаветинской желѣзной дороги для дальнѣйшаго путешествія.

Тысячи газовыхъ огней освѣщали широкія улицы Вѣны; громадные дома, великолѣпные магазины, кофейни и рестораны, встрѣчались Мамочкину по пути; тысячи народа наполнявшіе эти улицы, множество экипажей и красивыхъ каретъ желѣзно-конныхъ дорогъ, весь этотъ шумъ, все это движеніе произвели на ЕвгеніяИвановича сильное впечатлѣніе. Не меньшую долю удивленія вынесъ онъ при входѣ въ великолѣпный вокзалъ Елизаветинской желѣзной дороги съ широкою лѣстницею и громадными залами для пассажировъ.

Взявши билетъ до Мюнхена, Мамочкинъ помѣстился въ вагонѣ подлѣ какого-то молодаго человѣка, съ которымъ онъ вскорѣ вступилъ въ разговоръ.

— «Вы ѣдете въ Мюнхенъ?»—спросилъ Мамочкинъ.

— «Нѣтъ, я ѣду немного далѣе, въ Аугсбургъ повидаться съ родителями, а вы?»

— «Я ѣду въ Швейцарію, а оттуда быть можетъ и во Францію.»

— «Вы откуда?»

— «Я ѣду изъ далека, изъ Москвы—я русскій!»

— «Гоговорятъ, что Москва громадный и очень красивый городъ.

— «Да!—Находясь въ центрѣ Россіи, Москва въ настоящее время соединена какъ съ ея окраинами, такъ и съ западной Европой цѣлой сѣтью желѣзныхъ дородъ и по своей обширности можетъ соперничать со многими изъ Европейскихъ столицъ.

— «Тамъ много церквей, какъ я слышалъ?»

— «Очень много!» сорокъ сороковъ. «Москва городъ чисто русскій, почти безъ примѣси иностранцевъ. Хотя у насъ въ Москвѣ и живутъ иностранцы всѣхъ націй но большинство ихъ, оставаясь продолжительное время въ этомъ городѣ совершенно обрусѣли.»

— «У васъ въ Москвѣ замѣчателенъ Кремль,—что это такое?»

— «Это остатокъ древности, это святыня Москвы и съ нею всего русскаго народа. Это крѣпость нашихъ царей и ихъ усыпальница со множествомъ соборовъ, церквей, монастырей, дворцами и позолоченными главами; отъ этого то и называютъ его златоглавымъ!..» Помолчавъ немного, Мамочкинъ продолжалъ — «на сколько я могъ сейчасъ замѣтить и Вѣна очень большой и красивый городъ?»

— «Да! Вѣну называютъ вторымъ Парижемъ. Особенно въ послѣднее время этотъ городъ украсился множествомъ великолѣпныхъ и громадныхъ зданій, а въ настоящее время строятъ колоссальное зданіе выставки — вы его конечно видѣли?

— «Нѣтъ, я сегодня вечеромъ только пріѣхалъ въ Вѣну.»

— «Жаль! а есть на что посмотрѣть... да и у васъ въ Москвѣ была выставка?»

— «Она продолжается и теперь.»

— «Зданіе выставки вѣроятно громадное?»

— «Нѣтъ!.. Наша выставка занимаетъ 42.000 кв. метровъ крытаго пространства и размѣщена въ отдѣльныхъ небольшихъ деревянныхъ зданіяхъ или павильонахъ, исключая морскаго отдѣла, тамъ зданіе здѣлано изъ желѣза и стекла.»

— «Эта выставка чего?»

— «Въ концѣ мая текущаго года, исполнилось двѣсти лѣтъ со дня рожденія Петра Великаго. Желая почтить память этого достославнаго событія и юбилей великаго преобразователя Россіи устроена въ Москвѣ политехническая выставка по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ и промышленности, для указанія постепеннаго развитія и усовершенствованія въ Россіи всѣхъ этихъ отраслей въ теченіе двухъ сотъ лѣтняго періода. Исходной точкой нашей выставки была отвлеченная идея науки и всѣ коллекціи Политехнической выставки распредѣлены на четыре главныхъ отдѣла: естественныхъ наукъ, техническихъ наукъ, военныхъ наукъ и домашняго быта. Какъ исключеніе, допущены два отдѣла, гдѣ предметы были сгруппированы по странамъ: это туркестанскій и кавказскій. По окончаніи выставки большинство предметовъ послужитъ основаніемъ коллекцій вновь устроемаго въ Москвѣ Политехническаго музея.»

— «Значитъ на этой выставкѣ одни русскіе экспоненты?»

— «Нѣтъ есть и иностранные; всѣхъ экспонентовъ на выставкѣ 10.000, и изъ нихъ 2000 иностранцевъ, преимущественно изъ Германіи, Австріи и Швеціи.»

— «Что особенно замѣчательнаго на вашей выставкѣ?»

— Многіе отдѣлы выставки очень замѣчательны полнотою собранныхъ въ нихъ коллекцій, напр. морской отдѣлъ, въ которомъ находится знаменитый ботикъ сдѣланный Петромъ Великимъ и котораго называютъ «дѣдушкою русскаго флота.» Тамъ собраны также полныя коллекціи по части судострое-

нія въ Россіи, модели разныхъ судовъ военныхъ и купеческихъ, огнестрѣльныя орудія, машины, брони, инструменты. Весьма замѣчательны были отдѣлы: желѣзно-дорожный, горнозаводской промышленности, лѣсной, военный, туркестанскій и севастопольскій по собраннымъ въ немъ коллекціямъ и матеріаламъ, относящимся до знаменитой обороны Севастополя.»

— «Значитъ, было много и очень много интереснаго и поучительнаго?» Знаете ли у насъ право не многіе знали и о существованіи этой выставки. На сколько мнѣ кажется, здѣсь вообще очень мало знаютъ и мало интересуются тѣмъ, что дѣлается у васъ въ Россіи, особенно въ Москвѣ.»

— «Странно!.. однако согласитесь, что Россія вліятельнѣйшій и могущественнѣйшій членъ семейства Европейскихъ государствъ!»

— «Я согласенъ, но она отдалена отъ насъ и притомъ такъ обширна.»

— «Однако, мы, русскіе, интересуемся знать и знаемъ все что у васъ дѣлается въ Западной Европѣ.»

— «Ну въ этомъ отношеніи пожалуй вы насъ и опередили...» «Покойной ночи»,—прибавилъ молодой человѣкъ и закутался пледомъ.

Утромъ, поѣздъ прибылъ въ Пассау, пограничный городъ Баваріи и послѣ весьма снисходительнаго таможеннаго осмотра и перемѣны вагоновъ, путешественники вступили въ предѣлы Баварскаго королевства. Тутъ все представилось Мамочкину въ другомъ видѣ не исключая и самой природы. Весьма замѣтно было также преобладаніе военнаго элемента. Повсюду встрѣчались во множествѣ свѣтло-синіе мундиры, украшенные крестами и медалями за послѣднюю французскую компанію. По платформамъ станцій, горделиво расхаживали жандармы въ свѣтло-зеленыхъ мундирахъ съ красными воротниками и въ лакированныхъ киверахъ очень оригинальной

формы. У каждой сторожевой будки рельсоваго пути, встрѣчалъ поѣздъ—сторожъ въ ярко-красномъ мундирѣ, съ серебряными петлицами въ синихъ панталонахъ и трехъугольной шляпѣ. По проселочнымъ и полевымъ дорогамъ, равно и около деревень стояло множество высокихъ деревянныхъ крестовъ, съ выточеннымъ изображеніемъ распятія. Большинство сельскихъ церквей, отличаются особенною формою куполовъ колоколенъ, схожихъ съ византійскимъ стилемъ. Отъ Пассау до Мюнхена и далѣе до Линдау, рельсовый путь пролегаетъ по живописнымъ мѣстностямъ, по долинамъ, орошаемымъ извилистыми рѣчками, по окраинамъ небольшихъ горъ съ виноградными плантаціями. Живописныя фермы, сады, тучные луга, отлично обработанныя поля, все это производитъ самое пріятное впечатлѣніе.

Подъѣзжая къ Мюнхену, Мамочкинъ спросилъ у своего знакомаго, долго ли онъ предполагаетъ пробыть въ столицѣ Баваріи.

— «Думаю—не болѣе сутокъ, а вы?»

— «Еще незнаю.»

— «Въ Мюнхенѣ»,—продолжалъ онъ,—много интереснаго: совѣтую вамъ осмотрѣть музеи, коллекціи, послушать оперу, она превосходная. Царствующій король, большой любитель музыки и благодаря ему, въ настоящее время составъ мюнхенской оперы, одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ, — особенно оркестръ. Въ окрестностяхъ Мюнхена превосходные сады гдѣ ежедневно играетъ музыка.»

Несмотря на возбужденный интересъ осмотра достопримѣчательностей города,—Евгеній Ивановичъ, пробылъ въ Мюнхенѣ нѣсколько часовъ и поспѣшилъ уѣхать въ Швейцарію. Ему ничего не хотѣлось видѣть, онъ былъ равнодушенъ ко всему, одна лишь мысль его и занимала, это свиданіе съ Елизаветой Павловной, къ которой онъ писалъ по два, по три раза въ

день. Въ вокзалѣ желѣзной дороги, онъ встрѣчалъ своего знакомаго молодаго человѣка, къ которому пріѣхали на встрѣчу родители и съ ними онъ спѣшилъ въ Аугсбургъ.

Въ Линдау, пограничный городъ Баваріи, расположенный на берегу Боденскаго озера, поѣздъ прибылъ ночью и Мамочкинъ, неся свой багажъ, отправился пѣшкомъ на пристань, находящуюся впрочемъ вблизи отъ станціи желѣзной дороги, гдѣ ожидалъ пассажировъ пароходъ для переѣзда черезъ озеро. Взявши билетъ, Евгеній Ивановичъ помѣстился на палубѣ.

Погода была отличная... Наступила утренняя заря и Мамочкинъ вполнѣ наслаждался, въ продолженіи двухъ часоваго переѣзда чудной панорамой, которая открывалась передъ его глазами. Справа, по берегу озера виднѣлись небольшіе города и мѣстечки, принадлежащія Баваріи, Виртембергу и Бадену, а съ лѣва—величественныя Альпы съ ихъ снѣжными вершинами. Сначало все это покрыто было легкимъ туманомъ, но мало-по-малу всѣ эти предметы становились яснѣе и яснѣе и наконецъ багровое зарево восходящаго солнца, освѣтило эту дивную панораму. Легкій пароходъ, испуская клубы дыма быстро разсѣкалъ зеркальную водную поверхность, оставляя за собою волнистый слѣдъ, пезамѣтно исчезавшій вдали. Мало-по-малу скрылись видѣнныя береговыя мѣстности и замѣнились другими, болѣе близкими. Вотъ показались и крыши домовъ живописнаго Романсгорна и вскорѣ пароходъ плавно подошелъ къ пристани.

Почти у самой пристани, ожидалъ поѣздъ... Взявши билетъ до Луцерна, Мамочкинъ быстро понесся по живописной Швейцаріи въ которую онъ стремился съ такимъ нетерпѣніемъ, полный какихъ то надеждъ, какихъ то смутныхъ ожиданій счастія... Тихая, уединенная жизнь съ Лизою, на берегу какого нибудь изумруднаго озера въ красивомъ шалѐ, вдали отъ скучнаго свѣта—вотъ что манило его въ Швейцарію, вотъ

чѣмъ убаюкивались поэтическія его грезы... Не вдаваясь и не думая о матеріальной сторонѣ жизни, онъ думалъ лишь о какой то идилліи и не смотря на зрѣлый возрастъ мечталъ какъ юноша, какъ дитя, незнакомый съ холодною прозою жизни... На чемъ основаны были эти мечты, какія данныя могли ихъ осуществить,—объ этомъ Евгеній Ивановичъ и не думалъ и боялся даже и думать чтобы не разрушить какого то рая созданнаго пылкимъ его воображеніемъ.

Окружавшая природа много содѣйствовала поэтическому его настроенію. Трудно представить что нибудь живописнѣе Швейцаріи, этой страны непрерывныхъ чудныхъ садовъ съ разбросанными по нимъ фермами, окруженными виноградниками. Волшебныя природныя панорамы быстро смѣнялись передъ глазами Мамочкина: то поѣздъ мчался около подошвы высокихъ горъ, покрытыхъ роскошною растительностію, по которымъ въ живописномъ безпорядкѣ разбросаны были красивыя фермы съ пасущимися около нихъ стадами, то пробѣгалъ онъ долиною, орошаемою шумной, извилистой рѣкой, то подымался онъ на гору, откуда открывались виды на города, села, озера и на снѣжныя Альпы; то исчезалъ онъ вдругъ въ мрачномъ подземельѣ какого нибудь тоннеля; то наконецъ вылѣталъ онъ оттуда, шипя и свистя на берегъ изумруднаго озера.

Евгеній Ивановичъ былъ ошеломленъ всѣми этими прелестями природы; онъ не зналъ куда и на что смотрѣть и чему болѣе восхищаться.

Вотъ промчался онъ мимо Фрауенфельда, Изикона, Винтертура; вотъ поѣздъ исчезъ на нѣсколько минутъ въ тоннелѣ и очутился потомъ въ Цюрихѣ, живописно расположенномъ на берегу большаго озера; забѣжалъ на нѣсколько минутъ въ Цугъ, и на слѣдующее утро, вступивъ вновь въ небольшой тоннель, остановился въ вокзалѣ Луцернской станціи.

Несмотря на скорость переѣзда и на кратковременныя остановки, Мамочкину удалось довольно пристально вглядѣться въ мѣстное полеводство, доведенное тамъ до совершенства. Небольшіе участки полей, засѣянные преимущественно: пшеницей, кукурузой и корнеплодными растеніями, всѣ отлично дренированы и искуственно орошаются, чему главнымъ образомъ способствуетъ обиліе горныхъ источниковъ. Поля и луга раздѣлены на правильные участки небольшими канавками, выложенными дикимъ камнемъ и наполняемыя водою, помощію запрудъ. По полямъ и лугамъ, почти повсемѣстно въ Швейцаріи разсажены, въ правильномъ, шахматномъ порядкѣ фруктовыя деревья, состоящія преимущественно: изъ грушъ, сливъ, миндаля и каштановъ. Виноградники, посаженные по склонамъ небольшихъ горъ обнесены довольно высокою каменною изгородью.

Рельсовый путь съ обѣихъ сторонъ окаймленъ густою, правильно-подстриженною невысокою живою изгородью, состоящею изъ боярышника или ели, а мѣстами и изъ мирты. Въ изгородѣ этой, на равныхъ промежуткахъ возвышаются небольшіе штамбы тѣхъ же растеній, которымъ даны шарообразныя, конусовидныя или цилиндрическія формы. Живописные станціонные, желѣзно-дорожные дома, находящіеся почти въ каждомъ большомъ селеніи или мѣстечкѣ окружены роскошными цвѣтниками, со множествомъ штамбовыхъ розановъ, мальвъ, георгинъ, фуксій и другихъ цвѣточныхъ растеній; по стѣнамъ этихъ зданій развязаны шпалерою виноградныя лозы или абрикосовыя деревья.

Проѣзжая по Швейцаріи Евгеній Ивановичъ, переѣзжалъ изъ одного сада въ другой и одинъ другаго красивѣе. Что же касается до разнообразія живописнѣйшихъ ландшафтовъ, то они представлялись ему непрерывнымъ рядомъ очаровательнѣйшихъ картинъ, заключенныхъ въ природныя рамы горъ

самыхъ разнообразныхъ очертаній, то покрытыхъ темно-изумрудною зеленью лѣсовъ, то увѣнчанныхъ бѣлою пеленою вѣчнаго снѣга.

Несмотря на частыя остановки на станціяхъ, на безпрерывные то уклоны то подъемы желѣзнаго пути, поѣзда идутъ въ Швейцарію очень скоро, пересѣкая долины и шумящіе водопады и рѣки, то взбираясь на горы то исчезая въ темныхъ сводахъ часто встрѣчающихся тоннелей.

Пріѣхавъ въ Луцернскую станцію, Мамочкинъ пересѣлъ въ омнибусъ гостинницы «Ангела» которая рекомендована была ему однимъ изъ спутниковъ и добравшися до отеля, занялъ тамъ небольшую комнату въ третьемъ этажѣ, условившись предварительно съ хозяиномъ относительно платы. Цѣны, оказались, сравнительно небольшія, именно: за комнату, съ постелью и бельемъ 1 франкъ, завтракъ 1 франкъ, обѣдъ съ полубутылкою мѣстнаго краснаго или бѣлаго вина 3 франка, свѣча 10 сантимовъ, прислуга 30 сант. швейцаръ 20 сантимовъ, итого 5 франковъ 50 сантимовъ—ужинъ, по картѣ. Гостинница «Ангела» находится въ такъ называемомъ, маломъ городѣ, противъ казармъ и мельничьяго моста.—Съ хозяиномъ отеля и его братомъ, Евгеній Ивановичъ скоро сошелся; оба они оказались отличными, хорошо образованными молодыми людьми и весьма предупредительными.

Много услугъ сдѣлали они въ послѣдствіи Мамочкину, принявъ живое участіе въ затруднительномъ его положеніи.

Переодѣвшись, въ часъ по полудни Евгеній Ивановичъ явился къ общему столу, гдѣ нашелъ большое общество путешественниковъ. Обѣдъ былъ посредственный; хотя блюдъ было и много, кромѣ десерта и фруктовъ, но они какъ то не пришлись по вкусу Мамочкина;—супъ съ пряностями и сыромъ, мясо съ пряностями и лукомъ, много овощей и зелени;—вино посредственное.

Послѣ обѣда, онъ пошелъ въ телеграфное бюро послалъ въ Москву телеграмму Елизаветѣ Пзвловнѣ, извѣщая о пріѣздѣ своемъ въ Луцернъ и прося поспѣшить свиданіемъ. Зашелъ тутъ же, почти рядомъ на почту, узнать нѣтъ ли писемъ на его имя, но писемъ не оказалось. Обманутый въ ожиданіи, хотя онъ и не могъ никакъ надѣяться на полученіе письма, такъ какъ Елизаветѣ Павловнѣ, рѣшительно не было извѣстно гдѣ именно онъ находится,—Мамочкинъ, грустный и задумчивый пошелъ бродить по городу безъ всякой опредѣленной цѣли, почти не обращая ни на что вниманія. Заходилъ онъ машинально въ нѣкоторые магазины, еще машинальнѣе смотрѣлъ онъ тамъ на фотографическіе виды Швейцаріи, прошелся по берегу озера, посидѣлъ на скамейкѣ въ каштановой аллеѣ, выкурилъ нѣсколько папиросъ и возвратился въ свою комнату, гдѣ остальное время писалъ къ Елизаветѣ Павловнѣ. Часовъ въ двѣнадцать, онъ легъ спать и поцеловавъ ее портретъ положилъ его подъ подушку.

Проснулся Мамочкинъ довольно рано и началъ приводить въ порядокъ крохотную свою келью. Въ этой кельѣ находились: широкая мягкая кровать съ чистѣйшимъ бѣльемъ и пуховымъ одѣяломъ; подлѣ кровати—столикъ, за тѣмъ комодъ съ рукомойникомъ и лаханкою, стаканомъ и графиномъ съ водою—нѣсколько далѣе прибита была желѣзная вѣшалка. На лѣво отъ двери, къ наружной стѣнѣ—небольшой столъ, покрытый бѣлою скатерью; три стула и складная скамейка для чемодана, дополняли остальную меблировку. Вся мебель была изъ простаго дерева и окрашена темною масляною краскою. Около дверной ручки находилась небольшая бѣлая костяная пуговка электрическаго звонка и около нея дощечка съ надписями по французски и по нѣмецки: «одинъ разъ—для швейцара»;—«два раза для лакея,»—«три раза для горничной.» Снаружи окна съ кисейной драпировкой придѣланъ былъ

зеленый сдвижной ставень, изъ тонкихъ дощечекъ. Окно это было угловое и обращено было на небольшую площадь, образующуюся соединеніемъ двухъ улицъ, подъ прямымъ угломъ. Изъ этого окна видна была гора Пилатъ во всей своей мрачной безжизненности съ вершиною почти постоянно скрытою густыми облаками; нѣсколько лѣвѣе видны были вершины другихъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Пилатъ наводилъ на Мамочкина постоянно тоску, уныніе и какое то тяжелое чувство. Представьте громадную гору, возвышающуюся широкимъ, почти правильнымъ конусомъ и состоящую изъ голыхъ, нагроможденныхъ одна на другую скалъ, лишенныхъ всякой растительности. Вершина этой горы состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ утесовъ и на одномъ изъ нихъ, въ ясную погоду, можно замѣтить легкое очертаніе находящагося тамъ зданія гостинницы. При солнечномъ закатѣ гора эта очень эффектна, окрашиваясь пурпуро-фіолетовымъ цвѣтомъ, распадающимся на множество оттѣнковъ. При освѣщеніи луною, она кажется еще мрачнѣе, выдѣляясь какимъ то остовомъ.

Мамочкинъ отворилъ окно и ставень и впустилъ въ комнату свѣжій воздухъ; за тѣмъ вынулъ изъ чемодана белье и платье и бережно уложилъ ихъ въ комодъ; повѣсилъ пальто, халатъ и шляпу на вѣшалку, разложилъ на стѣнѣ всѣ письменныя принадлежности и прислонилъ къ стѣнѣ, бывшіе съ нимъ пять фотографическихъ портретовъ Елизаветѣ Павловнѣ. Счелъ деньги, оказалось не много;—взялъ изъ нихъ на расходъ нѣсколько франковъ, остальныя прибралъ въ комодъ.

Одѣвшись, Евгеній Ивановичъ сошелъ въ зало общаго стола гдѣ приготовленъ былъ завтракъ, состоящій изъ чашки кофе съ молокомъ, небольшаго бѣлаго хлѣба, сыра, масла, меда и свѣжей воды. Возвратясь затѣмъ въ свою комна ту онъ составилъ себѣ программу дневныхъ занятій, изъ коихъ на первомъ планѣ, было, зайти въ телеграфное бюро,

для справки не полученъ ли отвѣтъ отъ Елизаветы Павловны и на почту — нѣтъ ли отъ нея писемъ. Затѣмъ, Мамочкинъ предположилъ послѣ обѣда осмотрѣть памятникъ Льва.

Пошелъ Мамочкинъ въ телеграфное бюро.—Какой то бѣлокурый господинъ, среднихъ лѣтъ и довольно красивый, сидѣвшій за перегородкой, увидя Евгенія Ивановича и вѣроятно припомнивши его наружность, сказалъ ему перебирая конверты.

— «noch kein Antworth *)

Мамочкинъ, сказавши ему что зайдетъ вечеромъ вышелъ, изъ бюро, повѣся носъ. Также неудачна была для него и справка на почтѣ.—Зашелъ онъ въ одну изъ банкирскихъ конторъ и просилъ не могутъ ли ему дать какое нибудь временное занятіе, но получилъ отказъ, такъ какъ всѣ мѣста оказались занятыми и что за окончаніемъ лѣтняго сезона не предстоитъ надобности въ усиленныхъ занятіяхъ. Эта неудача сильно разогорчила Евгенія Ивановича, но не отчаяваясь еще совершенно, онъ рѣшился на другой день попытать счастія у разныхъ другихъ лицъ и во что бы то ни стало пріискать себѣ какихъ нибудь занятій.

Возвращаясь домой онъ осмотрѣлъ мосты на рѣкѣ Рейсѣ, вытекающей изъ озера четырехъ кантоновъ въ самомъ городѣ. Первый мостъ, находящійся при истокѣ этой рѣки изъ озера принадлежитъ къ новѣйшимъ сооруженіямъ и заслуживаетъ вниманія по красивой отдѣлкѣ. Онъ устроенъ на каменныхъ быкахъ и украшенъ изящными чугунными перилами, широкимъ асфальтовымъ тротуаромъ съ таковою же настилкою и бронзированными кронштейнами газовыхъ фонарей о пяти рожкахъ, стоящихъ въ видѣ канделябръ на каменныхъ пьедесталахъ. На этомъ мосту поставленъ мраморный четы-

*) еще нѣтъ отвѣта.

рехъ угольный столбъ съ часами въ верху и со вставленными въ серединѣ барометромъ, термометромъ, ареометромъ и указателемъ повышенія и пониженія воды въ озерѣ.—Второй мостъ въ очень близкомъ разстояніи отъ перваго, пѣшеходный, деревянный, крытый и выстроенъ накось, упираясь въ довольно большую башню, стоящую по срединѣ рѣки. Подъ деревянной крышей этого моста, принадлежащаго къ средневѣковымъ сооруженіямъ и сдѣланнаго изъ толстаго дубоваго лѣса, съ высокими сплошными перилами и скамейками—вставлены трехъ угольныя доски, украшенныя съ обѣихъ сторонъ, средневѣковою же масляною живописью, изображающую легенды изъ жизни Св. Леодегара, патрона города Луцерна. Въ башнѣ помѣщается архивъ Луцернскаго кантона, а къ ней пристроена на самомъ мосту небольшая лавочка, гдѣ торгуютъ разными лубочными картинами, стальными и деревянными издѣліями. — Третій мостъ, небольшой, каменный, для экипажей и пѣшеходовъ, а—четвертый мельничій. Названіе это онъ получилъ отъ двухъ мѣльницъ, находящихся на лѣвой его сторонѣ. Этотъ деревянный, пѣшеходный мостъ принадлежитъ также къ средневѣковымъ сооруженіямъ и сдѣланъ изъ толстаго дубоваго лѣса, съ деревянною крышею, обшитъ съ боковъ высокими, глухими, деревянными перилами, къ которымъ придѣлано множество скамѣекъ. Во внутреннихъ трехъ угольникахъ, образуемыхъ крышею вставлены трехъ угольныя доски, на которыхъ, по обоимъ сторонамъ написаны масляныя картины изображающія легенду «Танца Смерти»;—живопись эта принадлежитъ также къ произведеніямъ средневѣковаго искусства.

При входѣ на мельничій мостъ, со стороны казармъ, на лѣво, устроено сообщеніе съ находящимися на Рейсѣ купальнями, банями и прачечными, помѣщающимися въ одномъ продолговатомъ зданіи.

Рѣка Рейсъ, устремлялась изъ озера течетъ съ ужасной быстротой подъ этими четырьмя мостами, особенно подъ мельничьимъ, за тѣмъ, нѣсколько съуживаясь и съ меньшею уже быстротою протекаетъ по небольшой долинѣ и поворотивъ на право скрывается въ горахъ. Берега рѣки обложены камнемъ и окружены въ городѣ желѣзной рѣшеткой. Между вторымъ и третьимъ мостами, около набережной, обсаженной каштановыми деревьями, отгорожены на рѣкѣ небольшія пространства желѣзной проволочной рѣшеткой. Въ углахъ этихъ отдѣленій сдѣланы деревянные плоты съ небольшими домиками для лебедей и утокъ, живущихъ за оградой. Тутъ же прибита доска съ надписью о воспрещеніи ловли рыбы удочкою въ этихъ отдѣленіяхъ.

Осмотрѣвши мосты, Евгеній Ивановичъ возвратился обѣдать въ отель гдѣ нашелъ отвѣтъ на посланную имъ телеграмму Елизаветѣ Павловнѣ. Съ большимъ волненіемъ онъ распечаталъ конвертъ и прочелъ слѣдующее: «Ich komme sobald wie möglich»*). Получивши такой неопредѣленный отвѣтъ, Мамочкинъ ясно увидѣлъ, что едва ли эта возможность скоро осуществится для Лизы и тогда предстала передъ нимъ вся безвыходность, весь ужасъ его жизни, обреченный быть можетъ на продолжительное, безотрадное одиночество. Всѣ созданныя имъ мечты и идиліи разрушились, уступивъ мѣсто страшной для него дѣйствительности. Взволнованный этими мыслями онъ не могъ обѣдать и удалясь въ свою комнату, упалъ передъ привезеннымъ имъ образомъ на колѣни и горько заплакалъ. Теплая, усердная молитва нѣсколько его успокоила, равно и письмо, полученное имъ отъ Лизы, которая ему писала, что она посылаетъ это письмо на удачу въ Луцернъ, точно также какъ она послала уже письма въ Женеву и Бернъ, до востребова-

*) Пріѣду при первой возможности.

нія. Она просила его пріискать какія нибудь занятія и что она не замѣдлитъ пріѣздомъ, что необходимо привести ей въ порядокъ собственныя дѣла, кое что распродать, однимъ словомъ устроиться такъ, чтобы можно было выѣхать скоро за границу. Въ припискѣ, она сообщила, что братъ ея предполагаетъ остаться въ Москвѣ до конца августа.

Прочитавъ письмо, Мамочкинъ ожилъ и вмѣстѣ съ этимъ воскресли и всѣ его мечты о заграничной жизни съ Лизою. Перечитавъ это письмо еще разъ, онъ пошелъ гулять и осмотрѣть знаменитый памятникъ Льва. Выйдя на набережную озера и обогнувъ Швейцергофъ, (отель) онъ прошелъ небольшую улицу, повернулъ на право и очутился у памятника.

Этотъ памятникъ, высѣченный въ отвѣсной скалѣ по модели безсмертнаго Торвальдсена воздвигнутъ въ память офицеровъ и солдатъ Швейцарской стражи Людовика XVI убитыхъ при защитѣ Тьюллерійскаго дворца 10 августа 1792 года. Памятникъ изображаетъ умирающаго льва: онъ лежитъ, упершись одною изъ переднихъ лапъ на щитъ съ лиліей съ склонившеюся головою; въ бокъ вонзилось обломленное копье и изъ раны течетъ кровь. Левъ высѣченъ почти въ серединѣ скалы, увѣнчанной густою, нѣсколько свисшею растительностію, а справа и съ лѣва онъ окаймленъ густою зеленью деревъ и кустарникокъ. Въ нижней части скалы, подъ львомъ, высѣчено на латинскомъ языкѣ краткое описаніе событія 1792 г. и имена и фамиліи офицеровъ и солдатъ павшихъ героями, защищая національную честь и долгъ присяги. Подъ надписью небольшой полукруглый бассейнъ окруженъ чугунною рѣшеткой, а за нею на право и на лѣво деревянныя зеленыя скамейки и стулья для посѣтителей;—нѣсколько лѣвѣе,—небольшая сторожка. При памятникѣ постоянно находится ветеранъ, убѣленный сѣдинами, въ мундирѣ эпохи кроваваго событія.

Неизъяснимо пріятное чувство наполнило Мамочкина при видѣ этого памятника, окруженнаго полумракомъ и торжественною тишиною; какое то спокойствіе распространилось въ его душѣ. Трудно оторвать глаза отъ Льва и невозможно его забыть. Сколько поэзіи въ резцѣ художника, сколько гармоніи въ окружающей природѣ и сколько наконецъ мысли и выраженія въ головѣ гордаго, умирающаго животнаго; какъ вѣрно выражена предсмертная агонія и страшная боль отъ тяжелой раны и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько твердости и покорности судьбѣ. Евгеній Ивановичъ пришелъ въ неизъяснимый восторгъ отъ этого чуднаго произведенія и чѣмъ болѣе онъ на него смотрѣлъ, тѣмъ болѣе хотѣлось ему еще его видѣть. Долго сидѣлъ онъ въ благоговѣйномъ, нѣмомъ созерцаніи, пока наконецъ толпа туристовъ и туристокъ не заставили его встать и уступить мѣсто дамамъ—и взглянувъ еще разъ на льва, онъ пошелъ посмотрѣть на модель памятника.—Модель, сдѣланная Торвальдсеномъ помѣщается въ небольшомъ павильонѣ, гдѣ продаются фотографическіе рисунки памятника, его модели изъ гипса и дерева, виды Швейцаріи и разныя деревянныя рѣзныя вещи.

Купивши фотографію памятника, Мамочкинъ прошелъ въ музей Штауфера, находящійся вблизи и заключающій полную коллекцію всѣхъ Альпійскихъ животныхъ. Чучела набиты превосходно и такъ сгруппированы, что весьма легко ознакомиться не только съ животными, но съ ихъ нравами и образомъ жизни.

Музей помѣщается въ небольшомъ залѣ и животныя размѣщены на столахъ, около стѣнъ и по серединѣ.

Евгеній Ивановичъ зашелъ также посмотрѣть на діораму и циклораму «Риги-Кульма» и «Пилата». Діорама помѣщается въ темной комнатѣ и передъ глазами открываются какъ бы на сценѣ виды этихъ горъ, сначала при дневномъ освѣщеніи,

постепенно переходящемъ въ вечерній. Свѣтовыя измѣненія въ колоритѣ горъ переданы превосходно и съ необыкновенною точностію, равно очень вѣрно переданы панорамы окрестностей, видимыхъ съ ихъ вершинъ.

Возвратясь около восьми часовъ вечера въ отель, Евгеній Ивановичъ зашелъ поужинать въ общій залъ, гдѣ нашелъ множество вновь прибывшихъ путешественниковъ и между ними одного итальянца, съ дочерью, примадонною, какого то неаполитанскаго театра.

Не молодая и далеко непривлекательной наружности примадонна обратилась къ Мамочкину съ вопросомъ на ломанномъ французскомъ языкѣ, не знаетъ ли онъ зала въ Луцернѣ, гдѣ могла бы она дать концертъ.

— «Извините сударыня»—отвѣтилъ Мамочкинъ»—«я только два дня какъ пріѣхалъ въ Луцернъ и почти не знакомъ съ этимъ горомъ.»

— «Это досадно! Отецъ и я говоримъ только по итальянски и по французски и насъ здѣсь не понимаютъ.»

— «Какъ не понимаютъ?—здѣсь многіе говорятъ по французски.»

— «Да! хотя и говорятъ, но не добьешся никакого толка. Вотъ мы сегодня адресовались въ полицейское бюро и намъ сказали, что это до нихъ не касается и что мы можемъ давать концерты гдѣ намъ угодно.»

— «Хозяинъ здѣшняго отеля, отлично говоритъ по французски и вѣроятно можетъ дать вамъ всѣ необходимыя свѣдѣнія.»

— «Мнѣ кажется»—продолжала примадонна, что здѣсь небольшіе охотники до музыки и пѣнія; здѣсь только и занимаются бѣганьемъ по горамъ или катаньемъ по озеру. Луцернъ мнѣ очень не нравится: какой то скучный, мрачный городь и черезъ чуръ религіозный.»

— «Вы не ошиблись сударыня; это одинъ изъ старѣйшихъ городовъ Швейцаріи и сохранилъ строго-религіозный, средневѣковой свой характеръ».

— «Согласитесь однако, что это очень скучно».

— «У каждаго свой вкусъ, свои нравы и обычаи»!..

— «Вы откуда, изъ Парижа, вы французъ»?

— «Нѣтъ сударыня, я имѣю честь быть русскимъ.»

— «Какъ!.. русскій!.. не можетъ быть — вы такъ хорошо говорите по-французски... русскій!..»—Затѣмъ обратившись къ отцу, она сказала ему по-итальянски:—«посмотри, этотъ господинъ русскій!»

Отецъ примадонны посмотрѣлъ на Мамочкина, съ какимъ-то удивленіемъ, какъ будто на какого звѣря.

— «Такъ, вы русскій»—продолжала примадонна — «у васъ есть и итальянская опера?»

— «Да! у насъ въ обѣихъ столицахъ персоналъ оперы одинъ изъ наилучшихъ въ Европѣ.»

— «Я ни за что не поѣхала бы въ Россію»—сказала она съ какой-то приторной улыбкой и кокетливо качаясь на стулѣ.

— «Почему?»

— «Потому что у васъ въ Россіи очень холодно, все снѣгъ да морозы»—при этомъ она вся съежилась, какъ будто дѣйствительно чувствовала холодъ.

— «Вы ошибаетесь сударыня... у насъ напротивъ, зимы стали черезъ-чуръ умѣренныя... а лѣтомъ у насъ также жарко какъ и въ Италіи... Однако ваши соотечественники не боятся русскихъ морозовъ.

— «Имъ хорошо платятъ.»

Подошедшій хозяинъ отеля прервалъ этотъ разговоръ, объявивъ примадоннѣ и ея отцу, что ихъ комнаты готовы.

Итальянецъ, допивъ стаканъ краснаго вина, что-то шеп-

нулъ дочери и раскланявшись съ Мамочкинымъ они вышли изъ зала, при чемъ примадонна наградила Евгенія Ивановича, продолжительнымъ приторно-томнымъ взглядомъ. Вскорѣ ушелъ и Мамочкинъ.

Войдя въ свою комнату, онъ зажегъ свѣчу и отворилъ окно. Ночь была чудная;—луна обдавала серебристымъ своимъ блескомъ темно-лазуревое небо, усѣянное звѣздами и мрачный Пилатъ, окутывая его вершину какимъ-то прозрачнымъ саваномъ изъ подъ котораго голыя и острыя его скалы проглявали точно остовы мертвеца. Множество огней блистали по окрестнымъ горамъ; торжественная тишина царствовала повсюду, нарушаемая по временамъ, то отдаленнымъ свистомъ локомотива, то унылымъ звономъ монастырскаго колокола.

Евгеній Ивановичъ сѣлъ у окна и любовался этой чудной картиной. Всѣ думы его принадлежали Лизѣ; онъ ощущалъ какое-то спокойствіе, какую-то тихую, пріятную грусть. Онъ смотрѣлъ, то на чудное небо освѣщенное луною, то на окрестныя горы, блиставшія сотнями огней. Воздушный образъ милой Лизы, парилъ надъ нимъ, какъ ангелъ хранитель, наполняя его душу, какимъ-то неизъяснимымъ и невѣдомымъ блаженствомъ. Долго сидѣлъ онъ въ нѣмомъ созерцаніи прелестей природы... вдругъ, послышался отдаленный звукъ горнаго рожка, которому слабо вторило эхо... потомъ звуки эти стали ближе, яснѣе, сливаясь съ звуками нѣсколькихъ духовыхъ инструментовъ и вскорѣ они слились въ общую гармонію національнаго гимна исполненнаго какимъ-то отрядомъ войскъ входившимъ въ казармы. Потомъ все стихло; погасли и огни на горахъ и одна лишь луна и миріады звѣздъ освѣщали Луцернъ и его горы.

Мамочкинъ затворилъ окно и началъ письмо къ Елизаветѣ Павловнѣ сообщая ей о всѣхъ впечатлѣніяхъ дня.

На слѣдующее утро Евгеній Ивановичъ пошелъ къ другимъ

банкирамъ просить занятій, но у всѣхъ получилъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что мѣстъ никакихъ нѣтъ и не предвидится. Зашелъ онъ съ тою же цѣлію въ одно фотографическое заведеніе, но и тамъ получилъ отказъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендацію къ одному аптекарю, польскому эмигранту. Пошелъ Мамочкинъ и къ аптекарю но и тамъ неудача, опять отказъ;—аптекарь, предполагая, что Евгеній Ивановичъ какой нубудь бѣдняга, просящій милостину, хотѣлъ было сунуть ему въ руку, какую-то монету.

Вся кровь прилила въ голову Мамочкина, въ глазахъ у него потемнѣло,—онъ чуть не упалъ!

— «Я прошу у васъ не милостины»—сказалъ съ достоинствомъ Евгеній Ивановичъ,—«но занятій»...

— «Въ такомъ случаѣ извините, у меня занятій нѣтъ». Шатаясь какъ пьяный, вышелъ отъ него Евгеній Ивановичъ и долго не могъ придти въ себя. Самолюбіе, гордость, всѣ эти оскорбленныя чувства, кипѣли, клокотали у него въ груди; кое-какъ добрелъ онъ до набережной рѣки и остановился, ухватясь за перила; — голова у него кружилась... быстрый Рейсъ, шумя и пѣнясь несся у его ногъ. Одинъ шагъ, подумалъ онъ и вѣчность... конецъ всѣмъ страданіямъ... конецъ всему... Но провидѣніе, промыслъ Божій!.. Онъ перекрестился, вздохнулъ и тихо пошелъ къ церкви, находившейся тутъ же на набережной. Шла обѣдня;—Евгеній Ивановичъ упалъ на колѣни и долго, усердно молился. Тихіе звуки органа, сообщили ему какое-то спокойствіе и покорность неисповѣдымымъ путямъ провидѣнія... Окончивъ молитву, онъ возвратился домой.

Встрѣтившись на лѣстницѣ съ хозяиномъ отеля, Евгеній Ивановичъ пригласилъ его къ себѣ въ комнату. Они вошли.

— «Мнѣ необходимо переговорить съ вами»—сказалъ Мамочкинъ, придвигая стулъ.

— «Къ вашимъ услугамъ».

— «Не можете ли вы оказать мнѣ одолженіе, пріисканіемъ какихъ-нибудь занятій въ Луцернѣ. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ мнѣ въ настоящее время невозможно возвратиться въ Россію... средства мои очень ограниченны... мнѣ необходимы занятія, жалованье чтобы жить... денегъ осталось у меня немного... и я жду къ себѣ одну родственницу»...

— «Она сюда пріѣдетъ!»

— «Да! по этому-то я здѣсь и остался... Я думалъ, что жизнь въ Луцернѣ дешева и что я могу найти здѣсь мѣсто; но на дѣлѣ оказалось, что и жизнь не дешева да и очень трудно отыскать мѣсто. Я обращался уже къ вашимъ банкирамъ и къ другимъ лицамъ, но вездѣ получилъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что мѣста всѣ заняты и что сезонъ окончился!»

— «Вы хорошо знаете нѣмецкій языкъ?»

— «Къ сожалѣнію не очень... вотъ французскій!..»

— «Да! вы говорите отлично по-французски... Трудно, очень трудно получить здѣсь мѣсто, не зная хорошо нѣмецкаго языка;—наша половина Швейцаріи—нѣмецкая. Вамъ бы ѣхать въ Женеву, Лозанну; тамъ иное дѣло, тамъ французская Швейцарія и тамъ гораздо легче отыщете мѣсто... Какое мѣсто вамъ угодно?»

— «Въ торговомъ домѣ, въ банкирской конторѣ...»

— «Я совѣтую вамъ непремѣнно ѣхать въ Женеву;.. если хотите, я могу вамъ дать рекомендательное письмо къ одному изъ моихъ пріятелей... онъ будетъ вамъ очень полезенъ!..»

— «Благодарю васъ» — сказалъ Евгеній Ивановичъ, пожимая его руку»—я непремѣнно воспользуюсь вашимъ совѣтомъ и рекомендаціею, но думаю пробыть здѣсь еще нѣсколько дней и подождать мою родственницу.»

— «Вы кажется получили письмо и телеграмму?»

— «Да!.. это отъ нея; она можетъ быть очень скоро сюда пріѣдетъ.»

— «Извините за нескромность — позвольте васъ спросить чьи портреты этихъ красавицъ у васъ на столѣ»?..

— «Моей родственницы.»

— «Какъ... всѣ?›

— «Да!»—васъ это удивляетъ?

— «Такъ много... пять... Она чудно хороша... такъ вотъ у васъ какія красавицы въ Россіи, у насъ такихъ нѣтъ».

— «Да! она очень красива, но главное, добра какъ ангелъ.»

— «Скоро она къ вамъ пріѣдетъ?»

— «Думаю черезъ недѣлю, впрочемъ на вѣрно пока незнаю... Ахъ извините»—продолжалъ Мамочкинъ — позвольте уплатить вамъ деньги за эти дни.

— «Благодарю»,—отвѣчалъ онъ взявши деньги и пожимая Евгенію Ивановичу руку—«до свиданья»,—и вышелъ изъ комнаты.

Въ Женеву!..—подумалъ Мамочкинъ, оставшись одинъ: «въ Женеву!..—продолжалъ онъ говорить самъ съ собою, прохаживаясь по комнатѣ» — да!.. пожалуй, тамъ все французскій языкъ... много редакцій газетъ... много торговыхъ домовъ... много и русскихъ семействъ, можно давать уроки! Но какъ туда попасть?.. какъ доѣхать?.. дорога стоитъ до двадцати франковъ... надо жить до пріисканія мѣста... квартира, столъ... не хватитъ денегъ».. Посмотрѣвши въ портмонне: «десять франковъ двадцать сантимовъ» надо заплатить прачкѣ, прожить здѣсь нѣсколько дней!.. ничего не останется... Ѣхать сейчасъ невозможно, Лиза пожалуй пріѣдетъ... нѣтъ!.. она такъ скоро не пріѣдетъ!.. чѣмъ же жить? что же дѣлать наконецъ... Просить денегъ у Лизы?.. у нея самой много расходовъ... я знаю что она лишитъ себя всего и пришлетъ!.. ну а если и въ Женевѣ не найду мѣста?.. тогда что?—«По-

молчавъ немного, онъ продолжалъ»—дѣлать нечего!.. попрошу у Лизы... писать къ ней... письмо не скоро дойдетъ... пять дней, пожалуй еще недѣлю... надо это время жить... пошлю ей телеграмму... это всего лучше... но все-таки и на телеграмму нужны деньги... да!.. надо узнать нѣтъ ли и здѣсь какъ у насъ въ Москвѣ: burau et caisse!

Съ этими словами Евгеній Ивановичъ надѣлъ шляпу и пошелъ въ небольшую табачную лавку вблизи отеля, содержимую какою-то фрейлейнъ Лина.

— «Нѣтъ ли у васъ папиросъ»? — спросилъ Мамочкинъ войдя въ лавку.

— «Сигареттенъ?» — спросила улыбаясь бѣлокурая швейцарка, лѣтъ тридцати, довольно пріятной наружности.

— «Да! сигареттокъ; вотъ я вижу, у васъ есть Ла-Фермъ. Фрейлейнъ Лина подала Евгенію Ивановичу пачку папиросъ, которую онъ распечаталъ, уплативъ ей деньги.

— «Я пріѣзжій фрейлейнъ»—сказалъ Мамочкинъ, закуривая папиросу—«никого не знаю!.. позвольте у васъ спросить, не можете ли вы мнѣ рекомендовать закладчика?..»

— «Какъ же,.. очень хорошо знаю!.. мнѣ самой пришлось заложить часы, когда я пріѣхала изъ Цюриха».

— «Кто же этотъ закладчикъ?»

— «Корнплацъ!.. Бюро Бульманъ; тамъ выдаютъ деньги подъ залогъ вещей и рекомендуютъ мѣста.»

— «Очень благодаренъ фрейлейнъ»,—сказалъ Мамочкинъ и вышелъ изъ лавки.

Возвратясь въ свою комнату, Евгеній Ивановичъ, на скоро собралъ нѣкоторыя изъ вещей, завернулъ ихъ въ пакетъ и торопливо вышелъ изъ отеля.

Скоро онъ нашелъ вывѣску «Бюро Бульманъ, ссуда денегъ, рекомендація, коммиссіонерство» и войдя по узкой каменной лѣстницѣ, очутился у закладчика.

— «Что вамъ угодно?» — спросила его улыбаясь молодая женщина, высокая, стройная, очень красивая, съ черными выразительными глазами.

— «Я слышалъ, здѣсь рекомендуютъ мѣста, позвольте заявить о желаніи моемъ получить мѣсто.

— «Какое угодно вамъ мѣсто?.. въ отелѣ,.. курьера!..

— «Ни того ни другаго; я желаю имѣть мѣсто въ торговомъ домѣ или у банкира.»

— «Не угодно ли вамъ заплатить два франка и записать вашу фамилію и мѣсто жительства.»

Мамочкинъ заплатилъ два франка и записалъ въ книгѣ требуемыя свѣдѣнія.

— «Приходите завтра справиться, можетъ быть и найдется мѣсто.»

— «Мнѣ сказали»—продолжалъ Евгеній Ивановичъ — «что здѣсь принимаютъ въ залогъ разныя вещи... вотъ я принесъ, посмотрите!..»

Она развернула пакетъ, пересмотрѣла вещи, потомъ показала ихъ какому-то рыжему господину, сидѣвшему за конторкой и что-то тихо съ нимъ переговорила,.. Обратившись затѣмъ къ Мамочкину, она спросила у него, сколько желаетъ получить за вещи?

Мамочкинъ сказалъ сумму.

— «Это невозможно!—произнесла она съ удивленіемъ,»— если желаете, то половину этой суммы и ничего болѣе.

Дѣлать было нечего, Евгеній Ивановичъ согласился, получилъ деньги и вышелъ изъ бюро.

Онъ тотчасъ же пошелъ на телеграфную станцію и отправилъ Лизѣ депешу слѣдующаго содержанія.

«Пріѣзжайте скорѣе, вышлите денегъ, надо ѣхать въ Женеву; искать тамъ мѣста.»

Отославъ депешу, Мамочкинъ пошелъ въ вокзалъ желѣз-

ной дороги. Множество пассажировъ наполняли залы; иные расхаживали въ ожиданіи отъѣзда, другіе суетились около своихъ чемодановъ; нѣкоторые толпились у окна, гдѣ выдавались билеты на проѣздъ, иные наконецъ стояли около стола, гдѣ продавались: книги, газеты, гады и фотографическія картины. Проворные динстманы въ синихъ курткахъ и красныхъ фуражкахъ, суетились около подъѣзжавшихъ омнибусовъ отелей и таскали чемоданы къ вѣсамъ. Шумъ, суетня, движеніе были ужасные. Но вотъ раздался звонокъ, раскрылись двери на платформу и всѣ устремились въ вагоны стоявшаго поѣзда;.. вотъ раздался свистокъ кондуктора,—за нимъ свистъ локомотива и поѣздъ тронулся, унося съ собою всю эту суетившуюся за нѣсколько минутъ толпу. Все опустѣло, все стихло, остался лишь Мамочкинъ.

Луцернскій вокзалъ желѣзной дороги—небольшое продолговатое одноэтажное зданіе выстроенъ около озера, обращенъ переднимъ фасадомъ къ новому мосту—и украшенъ часами въ фронтонѣ. Въ среднемъ залѣ, открытомъ со стороны моста производится продажа билетовъ и пріемъ багажа. Налѣво, тянется галлерея во всю длину фасада, въ концѣ которой устроенъ небольшой шкафчикъ и столъ для продажи книгъ и газетъ и фотографическихъ картинъ; на право очень красивый и отлично меблированный залъ, для пассажировъ 1 и 2 классовъ и изъ него дверь на платформу. На право отъ главнаго входа, залъ для пассажировъ 3 класса и кабинетъ начальника станціи. Широкая каменная платформа въ крытой галлереѣ, тянется во всю длину зданія а рельсы проложены до пристани. Противъ вокзала, ближе къ озеру, разбитъ небольшой садъ, а на право, около платформы — цвѣтникъ, около котораго возвышается громадное зданіе отеля С. Готтарда.

Осмотрѣвши вокзалъ Евгеній Ивановичъ возвратился домой и весь вечеръ писалъ къ Лизѣ, умоляя ее бросить все и всѣхъ, распродать лишнія вещи и пріѣхать немедленно. Не окончивши письма, Евгеній Ивановичъ легъ въ постель, чувствуя себя нездоровымъ. На слѣдующій день, болѣзненное его состояніе усилилось, такъ что онъ и не выходилъ изъ комнаты, окончилъ письмо, начатое наканунѣ а большую часть времени лежалъ въ постелѣ. Поздно вечеромъ онъ получилъ отъ Лизы телеграмму и письмо; телеграмма заключалась въ слѣдующемъ: «сегодня выслала деньги, завтра высылаю еще, поѣзжай скорѣе въ Женеву». Въ письмѣ же она сообщила, что въ настоящее время ей невозможно ѣхать за границу, такъ какъ пріѣхали къ ней родственники покойнаго ея мужа и что ранѣе ноября она никакъ не можетъ пріѣхать. Затѣмъ она просила не откладывать отъѣзда въ Женеву для пріисканія тамъ занятій или ѣхать въ Парижъ.

Грустно, невыносимо тяжело стало Мамочкину по прочтеніи этого письма... Вотъ что? — подумалъ онъ — родственники. Куда дѣвались увѣренія въ любви, готовность промѣнять всю роскошь, весь комфортъ на хижину и кусокъ черстваго хлѣба.... куда дѣвались увѣренія въ невозможности жить со мною въ разлукѣ... теперь иное! Евгеній Ивановичъ отыскалъ письмо, переданное ему Лизою при свиданіи, по пріѣздѣ его изъ деревни и прочелъ его. «Тутъ совершенное иное»—продолжалъ онъ громко, разговаривая самъ съ собою. «Какая разница, сколько любви, преданности, самопожертвованія въ первомъ и увы! сколько холодности, обдуманности въ послѣднемъ!... Боже мой!.. не ужели все кончено?.. не ужели Лиза перестала меня любить?.. нѣтъ,... этого быть не можетъ». Помолчавъ немного, онъ продолжалъ въ сильномъ волненіи. «Такъ вотъ награда»!.. говорилъ сквозь слезы Евгеній Ивановичъ, сжимая въ рукѣ полученное письмо. «Вотъ развязка!.. Бе-

зумный и я въ мои годы могъ повѣрить молодой женщинѣ!.. могъ подумать, что она любитъ меня также безпредѣльно, какъ я ее люблю!... могъ подумать, что она привяжется ко мнѣ всѣмъ сердцемъ, всею душею... безумецъ!» еще разъ сказалъ Мамочкинъ и зарыдалъ какъ ребенокъ.

Немного успокоившись, онъ началъ обдумывать, что ему дѣлать, что предпринять, на что рѣшиться. Онъ счелъ необходимымъ пробыть еще нѣсколько дней въ Луцернѣ, въ ожиданіи присылки денегъ, а потомъ ѣхать въ Женеву попытать счастія, ну а потомъ?.. потомъ, что Богу угодно!

Съ этими мыслями Мамочкинъ заснулъ.

Слѣдующіе за тѣмъ три дня, Евгеній Ивановичъ, ходилъ ежедневно въ бюро Бульманъ, справляться о мѣстѣ, но мѣста не было; ходилъ онъ по городу и осматривалъ нѣкоторыя достопримѣчательности Люцерна, одного изъ старѣйшихъ городовъ Швейцаріи.

Часть Луцерна, называемая большимъ городомъ расположена полукругомъ на живописномъ озерѣ Четерыхъ Кантоновъ, а другая—малымъ,—по теченію рѣки Рейса. Какъ городъ, такъ и озеро, окружены высокими горами, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны: Риги и Пилатъ. На ближайшихъ къ городу возвышенностяхъ выстроено множество красивыхъ зданій занятыхъ преимущественно пансіонами (гостинницами, съ отдѣленіями и столомъ, отдающимися помѣсячно) изъ нихъ наилучшія: Валлисъ, на вершинѣ высокой горы, откуда открывается превосходная панорама на городъ, озера и Альпы — Гибральтаръ, Кауфманъ, Тиволи и множество другихъ. На сѣверной сторонѣ малаго города сохранились остатки древнихъ стѣнъ крѣпости и башень, выстроенныхъ на полугорѣ, около которыхъ въ настоящее время разбивается изящный англійскій садъ. Кромѣ этихъ стѣнъ, башень и двухъ деревянныхъ мостовъ, въ Луцернѣ множество средневѣковыхъ остатковъ,

именно: много церквей, четырехъ угольная башня съ часами и разрисованнымъ громаднымъ циферблатомъ и множество домовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Всѣ эти средневѣковые памятники сосредоточены въ маломъ городѣ; тутъ же, на лѣвомъ берегу Рейса, внутри вновь выстроенныхъ казармъ находится арсеналъ, въ которомъ, кромѣ склада оружія и боевыхъ снарядовъ хранится много трофей отбитыхъ у непріятелей въ сраженіяхъ за независимость Швейцаріи, именно: латы Герцога Леопольда II Австрійскаго, убитаго въ сраженіи при Земпахѣ въ 1386 году, печать Карла Смѣлаго Бургундскаго, множество непріятельскихъ знаменъ, стариннаго оружія; здѣсь же находится коллекція превосходныхъ масляныхъ картинъ XVI столѣтія, писанныхъ на стеклѣ.

На правомъ берегу озера, около новаго моста, находятся: вокзалъ желѣзной дороги, отель Готтарда и пароходная пристань, а на лѣвомъ,—вдоль красивой набережной, обнесенной каменными перилами тянется широкая и тѣнистая каштановая аллея а параллельно съ нею, черезъ улицу, рядъ великолѣпныхъ и громадныхъ зданій съ превосходными архитектурными украшеніями, отелей Національнаго и Швейцергофъ. Отели эти окружены изящными цвѣтниками, наполненными превосходными экземплярами розановъ и тропическихъ растеній. Со стороны улицы, цвѣтники окаймлены красивыми, каменными, невысокими заборами, по которымъ, на равныхъ промежуткахъ, разставлены вазы съ панданусами, агавами, марантами, драценами и другими прелестями тропической флоры; такими же вазами украшены и фронтоны колоссальныхъ отелей. За новымъ мостомъ, на сторонѣ, противуположной вокзалу желѣзной дороги, находятся небольшая площадь, съ отелями: Риги, Лебедя мѣняльною лавкою и цѣлымъ рядомъ великолѣпныхъ магазиновъ, преимущественно: галлантерейныхъ товаровъ, фотографическихъ произведеній и издѣлій изъ дерева

и кости. Берега озера, ближайшіе къ мосту, выложены наклонно большими плитами съ ввинченными въ нихъ желѣзными кольцами для укрѣпленія канатовъ; это пристани для лодокъ и парусныхъ судовъ, приходящихъ во множествѣ, съ грузами, лѣса, дровъ, каменнаго угля и пр. Рядомъ, устроены другія пристани на деревянныхъ сваяхъ для пароходовъ отправляющихся по нѣскольку разъ въ день въ Флуэлленъ, Альпнахтъ, Куссвахтъ, Веггисъ, Вицнау, Гергеевиль и въ другія мѣстности, расположенныя по берегу озера. Каштановая аллея набережной заканчивается круглою кленовою бесѣдкою, недоступной по густотѣ листвы солнечнымъ лучамъ. За бесѣдкою набережная прекращается и по берегу озера растутъ камыши и болотныя травы. По дорогѣ къ памятнику Льва, близь Швейцергофа замѣчательны бани, выстроенныя въ помпейскомъ стилѣ, съ очень красивыми наружными фресками. Несмотря на множество существующихъ великолѣпныхъ зданій въ большомъ городѣ строится множество новыхъ, около Швейцергофа и по берегу озера.

Трудно представить себѣ, что-нибудь живописнѣе озера Четырехъ-Кантоновъ, окруженнаго снѣжными Альпами. Прямо, противъ новаго моста, возвышается живописный Риги-Кульмъ съ Кальдбатомъ на его вершинѣ; нѣсколько лѣвѣе — Риги Шейдекъ; затѣмъ виднѣются снѣжныя вершины большаго Митена, Аксенберга, Роштока, Бюргена и ближе къ городу выдѣляются остовы мрачнаго Пилата. Ближайшія къ озеру горы, покрыты густою зеленью лѣсовъ и тучныхъ пастбищъ, по которымъ разбросаны живописные шале а берега его почти унизаны, деревнями, фермами и пансіонами. Вода въ озерѣ свѣтло-изумруднаго цвѣта до того прозрачна, что на значительной глубинѣ можно легко различать всѣ предметы, лежащіе на днѣ.

Встрѣтясь съ Мамочкинымъ, хозяинъ отеля Ангела спросилъ: слышалъ ли онъ соборный органъ?

— «Нѣтъ еще!»

— «Я вамъ совѣтую послушать—это чудо совершенства».

Въ шесть часовъ вечера, Евгеній Ивановичъ пошелъ въ соборъ Св. Леодегара, находящійся въ большомъ городѣ вблизи Швейцергофа. Въ соборѣ этомъ замѣчателенъ запрестольный образъ работы Ланфранко «Спаситель въ Гефсиманскомъ саду»; кромѣ того въ боковыхъ предѣлахъ находятся превосходныя рѣзныя деревянныя изображенія, раскрашенныя масляною краскою «Успѣніе Божіей Матери» и «Снятіе со креста»; оба эти изображенія, окружены богатой раззолоченной рѣзьбой. Главный предѣлъ, находящійся въ глубинѣ собора отдѣленъ отъ остальной части храма, высокою, очень красивою желѣзною рѣшеткою. Въ глубинѣ этого предѣла помѣщается алтарь. съ картиною Ланфранка, а съ боковъ, устроены лѣстницею деревянныя рѣзныя скамьи для духовенства; боковыя стѣны, обложены деревомъ съ рѣзьбою. Соборъ Св. Леодгара, принадлежитъ къ новѣйшимъ сооруженіямъ и не представляетъ никакихъ архитектурныхъ особенностей, какъ въ наружныхъ, такъ и во внутреннихъ деталяхъ. Онъ окруженъ широкой и довольно высокой каменной оградой съ коллонадою, со склепами въ стѣнахъ знатнѣйшихъ люцернскихъ гражданъ. Полъ галлереи устланъ чугунными плитами, подъ коими также находится склепы. Между коллонадой и соборомъ устроено кладбище, раздѣленное на небольшіе участки, на которомъ много красивыхъ бронзовыхъ и мраморныхъ памятниковъ. Соборъ выстроенъ на небольшой возвышенности, вымощенной со стороны входа, крупной мозаикой. Громадный органъ, установленъ во всю ширину собора надъ входомъ, подъ колокольнею, противъ главнаго алтаря и состоитъ изъ массивныхъ металлическихъ цилиндровъ съ заостренными верхушками, расположенныхъ, съ обоихъ сторонъ ступенями къ серединѣ.

Слушателей было множество и всѣ заняли мѣста на скамьяхъ.

Раздались тихіе аккорды какой-то прелюдіи, наполнявшіе душу необыкновенно пріятнымъ ощущеніемъ; то слышанъ былъ отдаленный благовѣстъ къ вечерней молитвѣ, то унылые звуки альпійскаго рожка, вторимые эхомъ горъ; то слышалась какая-то торжественная молитва стройнаго хора, то потрясающій душу, страшный misaerere. По временамъ, звуки органа журчали подобно ручейку то напоминали шумъ падающаго водопада... Вотъ послышалась веселая пѣсня рыбака; легкій вѣтерокъ едва колеблетъ зеркальную поверхность спокойнаго озера; потомъ вѣтеръ сдѣлался сильнѣе и сильнѣе, зашумѣли волны, послышались отдаленные раскаты грома и вотъ заревѣла страшная буря во всемъ ужасающимъ своемъ величіи, потрясая своды храма.

Общее удивленіе, восторгъ выразились на лицахъ присутствовавшихъ; всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ... Но вотъ буря звуковъ мало-по-малу утихла и всѣ вышли изъ храма въ восхищеніи. Въ тотъ же вечеръ хозяинъ отеля Ангела, спросилъ у Евгенія Ивановича.

— «А что,—слышали вы нашъ соборный органъ?»

— «Слышалъ,—это чудо инструментальнаго совершенства.»

— «Да!.. мы можемъ имъ похвастаться.»

Прошло еще два дня, Мамочкинъ не получалъ ни писемъ ни денегъ и средства его истощились совершенно. Онъ былъ въ отчаяніи; ходилъ по нѣскольку разъ въ день на почту справляться о письмахъ и деньгахъ, но ни тѣхъ, ни другихъ не оказывалось... Ходилъ онъ и въ бюро Бульманъ, и мѣста не было никакого... Что дѣлать?.. на что рѣшиться?.. Думалъ, думалъ Евгеній Ивановичъ и рѣшилъ, что оставаться ему далѣе въ Луцернѣ—невозможно, а ѣхать въ Женеву, не съ чѣмъ, не на что. Вотъ онъ и обратился къ хозяину отеля съ просьбою написать обѣщанное рекомендательное письмо въ

Женеву, при чемъ сообщилъ, что онъ рѣшился ѣхать сегодня же.

— «Вы не дождетесь вашей родственницы?»—спросилъ хозяинъ отеля.

— «Нѣтъ! въ послѣднемъ письмѣ она мнѣ писала, что непредвидѣнныя обстоятельства замедляютъ ее отъѣздъ и она уже знаетъ, что я ѣду въ Женеву.

— «Я сейчасъ напишу письмо!..»

Показавъ ему телеграмму о высылкѣ денегъ, Мамочкинъ, попросилъ у него дать ему заимообразно на дорогу.

— «Погодите немного, я сейчасъ переговорю съ братомъ.» Черезъ нѣсколько минутъ, онъ пригласилъ Евгенія Ивановича въ контору, выдалъ ему деньги на проѣздъ въ Женеву и рекомендательное письмо.

Поблагодаривъ за одолженіе, Мамочкинъ, далъ ему довѣренность на полученіе денегъ съ почты и просилъ выслать остальныя въ Женеву. Распростившись съ хозяевами, Евгеній Ивановичъ, черезъ часъ сидѣлъ уже въ вагонѣ на пути въ Женеву, черезъ Ольтенъ, Бернъ, и Фрейбургъ.

На слѣдующій день, къ десяти часамъ вечера, Евгеній Ивановичъ пріѣхалъ въ Женеву и спрося у одного изъ динстманновъ дорогу въ улицу Руссо, пошелъ туда пѣшкомъ и вручилъ содержателю отеля «Золотаго льва» рекомендательное письмо, полученное имъ въ Луцернѣ. Прочитавъ письмо, содержатель отеля «Золотаго льва» ничего не сказалъ, а спросилъ только, гдѣ вещи и чемоданъ.

— «Вещи мои»—отвѣтилъ Мамочкинъ—«я получу на дняхъ, пока со мной ничего нѣтъ; позвольте остаться мнѣ у васъ ночевать.

— «Неугодно ли вамъ заплатить впередъ, такъ какъ при васъ нѣтъ вещей.»

— «Я пробуду въ Женевѣ долго,—буду у васъ жить и заплачу. Я долженъ получить деньги изъ Луцерна.

— «Извините... у меня нѣтъ свободнаго номера».

Нечего было дѣлать, Евгеній Ивановичъ вышелъ на улицу пробило одиннадцать часовъ ночи, городъ незнакомый.—Куда идти?—а на ту пору, въ карманѣ у него было всего пятьдесятъ сантимовъ... Куда идти? — подумалъ Мамочкинъ и пошелъ на удачу. Магазины были заперты; ярко-освященныя улицы—пусты, начали затворять уже гостинницы и кофейни. Не ѣвши цѣлый день онъ почувствовалъ голодъ и остановясь у какой-то кофейни, просилъ мальчика, затворявшаго ставни, указать ему какую-нибудь недорогую гостинницу. Мальчикъ указалъ на ближайшій отель — Евгеній Ивановичъ поспѣшно пошелъ, но увы! онъ былъ уже закрытъ.

— «Боже мой!» воскликнулъ Мамочкинъ—«что же мнѣ дѣлать?.. неужели придется ночевать на улицѣ? — невозможно!.. холодно... я прозябъ, да еще пожалуй примутъ за какую-нибудь бродягу... Боже мой!»—повторилъ онъ съ отчаяніемъ—«что я буду теперь дѣлать?»—Увидѣвъ какого-то господина въ синей блузѣ, Мамочкинъ подошелъ къ нему и просилъ указать на какой-нибудь дешевый ночлегъ, при чемъ сообщилъ, что денегъ у него очень мало, что онъ только что пріѣхалъ въ Женеву и совершенно не знаетъ города.

— «Съ удовольствіемъ»—сказалъ блузникъ—«я свободенъ, пойдемте!..»

Они прошли нѣсколько улицъ, повернули въ какіе-то полуосвѣщенные переулки, вошли на дворъ какого-то дома, поднялись чуть ли не на чердакъ по темной, узкой, грязной лѣстницѣ и очутились въ компатѣ, слабо освѣщенной тусклой лампой. Двѣ старухи, въ грязныхъ лохмотьяхъ сидѣли на скамѣйкѣ у стола и что-то бормотали между собою.

— «Этому господину нуженъ ночлегъ»—сказалъ блузникъ—«нѣтъ ли у васъ комнаты?»

Старухи осмотрѣли Мамочкина съ ногъ до головы и пробормотали, сквозь зубы.

— «Нѣтъ!.. всѣ заняты.»

— «Надо искать въ другомъ мѣстѣ»—сказалъ блузникъ выходя съ Мамочкинымъ изъ этой трущобы.

— «Извините меня»—проговорилъ Евгеній Ивановичъ,—«я причиняю вамъ безпокойство; мнѣ право такъ совѣстно!»

— «О!.. полноте!»—весело отвѣчая блузникъ,—«что за безпокойство... я вамъ сказалъ, что мнѣ дѣлать нечего... я буду радъ если найду вамъ ночлегъ.»

Они пошли молча по такимъ же темнымъ переулкамъ и зашли въ одну таверну, помѣщавшуюся въ подвальномъ этажѣ, гдѣ блузникъ, замѣтя усталость Мамочкина предложилъ ему стаканъ бѣлаго дешеваго вина.

Небольшая закоптѣлая лампа, висѣвшая на потолкѣ проливала, тусклый, мерцающій свѣтъ сквозь цѣлые облака густаго, удушливаго, табачнаго дыма. За небольшими деревянными столами сидѣло множество разнаго люда, одни въ блузахъ, другіе въ какихъ-то фантастическихъ костюмахъ;—пили вино, курили, кричали и бранились на какомъ-то невѣдомомъ нарѣчіи. — Нечесанныя, грязныя, съ всклокоченными волосами и съ раскраснѣвшимися отъ вина лицами, сборище это навело на Мамочкина какой-то ужасъ. Нѣсколько нагихъ, полупьяныхъ женщинъ поражали цинизмомъ и возбуждали невольное отвращеніе.

Блузникъ взглянулъ на Мамочкина и замѣтилъ по выраженію лица, впечатлѣніе произведенное на него этимъ сборищемъ;—не допивъ стакана вина онъ вскочилъ со стула бросилъ нѣсколько су на столъ и схвативъ за руку Мамочкина, поспѣшно вышелъ изъ этого подземелья.

Шатаясь отъ усталости и голода Евгеній Ивановичъ послѣдовалъ за нимъ почти безсознательно.

— «Вотъ еще посмотримъ,—сказалъ блузникъ, можетъ быть здѣсь найдемъ и пробрался съ Мамочкинымъ въ какой-то длинный, темный корридоръ.

— «Нѣтъ ли у васъ комнаты для ночлега»—спросилъ онъ входя въ небольшую комнату, заставленную хомутами и сбруями и обращаясь къ рослому господину лѣтъ пятидесяти въ колпакѣ и въ черномъ фартукѣ.

— «А!.. здраствуйте Франсуа»,—сказалъ господинъ въ колпакѣ, протягивая блузнику руку.

— «Здраствуйте папа Бонне... здраствуйте... дайте-ка комнатку этому господину»—отвѣчалъ Франсуа, указывая на Мамочкина.

— «Съ удовольствіемъ!.. но увѣряю васъ, что всѣ заняты... отдалъ даже и свою.»

— «Чортъ возьми!.. досадно!» — проговорилъ Франсуа» — пойдемте!—до свиданія папа Боннѐ.»

Они вышли... Мамочкинъ едва могъ передвигать ноги.

— «Что же дѣлать?..» сказалъ ему Франсуа, когда они очутились на улицѣ — «я пригласилъ бы васъ къ себѣ, но невозможно... у меня одна очень маленькая комната... я живу не одинъ»—прибавилъ онъ улыбаясь...» у меня...

— «Благодарю васъ»—перебилъ его Евгеній Ивановичъ, пожимая ему руку — «благодарю васъ; извините, что надѣлалъ вамъ собою столько хлопотъ; — позвольте узнать ваше имя. чтобы сохранить его навсегда въ моей памяти. А теперь прощайте, я похожу одинъ; быть можетъ гдѣ-нибудь и найду пристанище.»

— «Франсуа Шениль къ вашимъ услугамъ, каменьщикъ... прощайте, желаю вамъ всего лучшаго!..» и пожавши руку Мамочкина онъ удалился, насвистывая какую-то веселую пѣсню.

Евгеній Ивановичъ остался одинъ, ночью, посреди опустѣвшаго и неизвѣстнаго ему города, одинъ, безъ денегъ, безъ пристанища, усталый, голодный.

— «Господи!»—воскликнулъ онъ рыдая—«вотъ жизнь!.. вотъ

крестъ!.. не ужели суждено мнѣ здѣсь погибнуть одному на чужой сторонѣ, далеко отъ всего близкаго сердцу... Гдѣ Лиза?.. ее нѣтъ... Еслибы она только знала что теперь со мною дѣлается?... еслибы она могла чувствовать?.. но боже мой!.. она далеко... Кто знаетъ? быть можетъ она меня и забыла... забыла въ кругу родныхъ... Семья!.. семья!.. да вѣдь и у меня семья!—гдѣ она теперь? — что съ нею?» простоналъ Евгеній Ивановичъ—«я ее оставилъ, уѣхалъ отъ нее!.. а теперь одинъ!.. Лиза!—продолжалъ Мамочкинъ, подвигаясь къ мосту—«ты любила меня!.. клялась неразлучно быть со мною!.. а теперь? гдѣ ты?.. что съ тобою?.. Лиза!.. Лиза!.. я вѣдь люблю тебя!.. Нѣтъ!.. нельзя!.. нѣтъ силъ!.. жизнь... зачѣмъ?. Что жизнь? одни страданія!»—проговорилъ Евгеній Ивановичъ перевѣшиваясь за перила моста — «Смерть, вѣчность, конецъ страданіямъ!.. Лиза! прощай!.. молись за меня!.. жена, дѣти!.. прощайте, я виноватъ передъ вами... простите меня... я буду за васъ молиться.., Господи!» — проговорилъ Мамочкинъ крестясь—«пріими»...

Еще моментъ и шумящая Рона приняла бы въ холодныя свои объятія бѣднаго Мамочкина, но сильныя руки вдругъ его схватили и удержали.

— «Что вы дѣлаете?»

— «Оставьте!.. я хочу умереть»,—сказалъ Мамочкинъ едва внятно.

— «Полноте!.. что съ вами?..» пойдемте отсюда.

Евгеній Ивановичъ, очутившись на мостовой посмотрѣлъ вокругъ себя;—трое молодыхъ людей его окружили;—онъ зарыдалъ и упалъ отъ изнеможенія на колѣни.

Молодые люди приподняли Мамочкина и взявши подъ руки повели по улицѣ.

— «Вамъ нужно успокоиться!»—сказалъ одинъ изъ нихъ—«скажите, гдѣ вы живете?.. мы отведемъ васъ домой?»

— «Я нигдѣ не живу»,—отвѣчалъ Евгеній Ивановичъ, слабымъ голосомъ — «я сегодня вечеромъ пріѣхалъ въ Женеву никого незнаю, денегъ у меня нѣтъ, нѣтъ ничего.

— «Не безпокойтесь!» я найду вамъ ночлегъ у одного моего пріятеля... Сядьте здѣсь на скамейку, отдохните немного,— ну а потомъ я васъ доведу.»

— «Ступайте господа!»—сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ—«до свиданья!.. завтра увидимся; я останусь съ этимъ господиномъ.»

— «Прощай Шарль» — проговорили двое молодыхъ людей, пожимая ему руку—«до свиданья!»

Прошло нѣсколько минутъ, Мамочкинъ немного успокоился и взялъ за руку Шарля.

— «Ну что, отдохнули?»—спросилъ Шарль.

— «Да! благодарю васъ!..»

— «Ну теперь пойдемте.»

Онъ взялъ подъ руку Евгенія Ивановича и пошелъ съ ними молча. Пройдя минутъ десять, онъ остановился около высокаго дома и постучался въ ворота, но отвѣта небыло. Отойдя назадъ онъ увидѣлъ свѣтъ въ угловомъ окнѣ четвертаго этажа.

— «Ба!.. да онъ не спитъ!» — сказалъ Шарль, и свиснувъ три раза, закричалъ: — «Франсуа!..»

Отворилось окно, высунулась какая-то фигура, которая закричала въ свою очередь.

— «Это ты Шарль!.. сейчасъ!»

Черезъ нѣсколько минутъ отворилась калитка и вышелъ господинъ высокаго роста, худощавый съ небольшими усами и бородой.

— «Здравствуй Шарль!.. что тебѣ нужно?..

Шарль отвелъ его въ сторону и о чемъ-то съ нимъ пере-

говорилъ; потомъ, подведя его къ Мамочкину сказалъ,—«рекомендую!.. другъ мой Франсуа!»

Франсуа пожалъ Мамочкину руку.

— «Очень радъ познакомиться», — говорилъ Франсуа, — «Шарль мнѣ сообщилъ, что вы не знаете города и затрудняетесь найти ночлегъ. Съ большимъ удовольствіемъ пригласилъ бы васъ къ себѣ, но у меня сегодня на квартирѣ гости, а вамъ нужно спокойствіе, вамъ нужно сейчасъ же отдохнуть.»

Обратившись затѣмъ къ Шарлю, онъ продолжалъ:

— «Послушай Шарль, отведи ихъ въ Швейцарское шале́ на Терасіерѣ; скажи Бенуа, что я прислалъ; тамъ я знаю имъ будетъ покойно.»

Затѣмъ онъ обратился снова къ Мамочкину.

— «Вы пожалуста не сердитесь на мою невѣжливость, но будьте покойны въ Шале́ вамъ все устроятъ; завтра, часовъ въ десять, одиннадцать, я приду съ вами завракать, мы потолкуемъ. Располагайте мною, я постараюсь быть вамъ полезнымъ; до свиданья! до завтра»,—сказалъ Франсуа, крѣпко сжимая руку Мамочкина,—«спокойной ночи!»

— «Прощай Шарль», — сказалъ онъ, обращаясь къ своему пріятелю, смотри же, все устрой! чтобы имъ было спокойно. Ну прощайте господа!»—и съ этимъ словомъ, онъ поспѣшно ушелъ въ калитку, которую за собою заперъ.

— «Пойдемте!»—сказалъ Шарль,—«тутъ недалеко!»

Они пошли сначала прямо, потомъ повернули направо и очутились на какой-то огромной площади и перейдя ее, остановились у небольшаго угловаго дома. Шарль позвонилъ.

— «Ну вотъ и пришли!»—сказалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, дверь отворилась и явился молодой человѣкъ въ халатѣ и колпакѣ со свѣчею въ рукахъ.

— «Бенуа! есть у тебя комната?»—спросилъ Шарль.

— «Какъ-же... къ вашимъ услугамъ господинъ Шарль.»

— «Этого господина», — сказалъ Шарль, указывая на Мамочкина, — «прислалъ Франсуа; смотри, чтобы все было хорошо, спокойно!»—затѣмъ Шарль шепнулъ ему что-то на ухо.

— «Не безпокойтесь, все будетъ отлично,»—отвѣтилъ Бенуа и обращаясь къ Мамочкину прибавилъ,—«пожалуйте за мной.»

— «Ну прощайте!»—сказалъ Шарль, пожимая руку Мамочкина,—«почивайте спокойно, завтра я приду къ вамъ съ Франсуа, часовъ въ одиннадцать.»

— «Не знаю какъ благодарить васъ», — отвѣтилъ Мамочкинъ,—«я вамъ такъ обязанъ, вы спасли мнѣ жизнь!»

— «Полноте, что за пустяки, стоитъ объ этомъ говорить! главное, будьте совершенно спокойны, почивайте хорошенько; завтра мы увидимся; ну желаю вамъ спокойной ночи; до-свиданья!» — и пожавъ еще разъ руку Мамочкина поспѣшно ушелъ.

Бенуа, такъ звали содержателя Шале́-Сьюисъ повелъ Мамочкина по каменной, узкой лѣстницѣ и отворилъ дверь въ небольшую комнату.

— «Вотъ ваша комната,»—сказалъ онъ, поставивъ свѣчу на столъ, — «вы кажется, очень устали, озябли; сейчасъ я принесу вамъ теплаго вина и сыру »

Оставшись одинъ Евгеній Ивановичъ опустился на стулъ и оставался нѣсколько минутъ въ какомъ-то безсознательномъ состояніи, въ какомъ-то оцѣпененіи.

Вскорѣ Бенуа принесъ большой стаканъ теплаго краснаго вина, булку и кусокъ сыра, и поставивъ на столъ удалился, пожелавъ Мамочкину спокойной ночи.

Нѣсколько глотковъ теплаго вина привели Мамочкина въ сознаніе; онъ осмотрѣлся и вспомнивъ прошедшее, вздохнулъ и перекрестился; потомъ, вынувъ изъ боковаго кармана сюртука портреты Лизы поцѣловалъ ихъ нѣсколько разъ и по-

ложилъ подъ подушку. Поужинавъ, онъ легъ на постель и тотчасъ же заснулъ.

Утромъ, Мамочкинъ проснулся поздно и вспомнивъ всѣ ужасы прошедшей ночи набожно перекрестился; затѣмъ поспѣшилъ одѣться, въ ожиданіи обѣщаннаго посѣщенія Франсуа и Шарля. Вынимая платокъ онъ нашелъ въ карманѣ сертука, завернутые въ бумагу двѣ пяти франковыя монеты.

Кто положилъ мнѣ эти деньги, — подумалъ Мамочкинъ, — должно быть Франсуа или Шарль—болѣе нѣкому.

Онъ сошелъ въ общій залъ—никого не было, пробило одиннадцать часовъ. Мамочкинъ спросилъ у Бенуа, приходили ли Франсуа и Шарль?

— «Нѣтъ, не приходили!» — отвѣтилъ Бенуа, подавая ему чашку кофе.

— «Скажите пожалуста, кто эти господа Франсуа и Шарль?»

— «Право не знаю кто они и гдѣ живутъ... Эти господа приходятъ ко мнѣ иногда завтракать или выпить вечеромъ стаканъ вина. Франсуа бываетъ чаще...»

— «Они обѣщались придти сегодня сюда завтракать.»

— «Можетъ еще и придутъ, подождите.»

Вошедшій господинъ въ коричневомъ пальто прервалъ эту бесѣду; онъ спросилъ стаканъ вермута и занялся чтеніемъ газетъ.

Общій залъ Шале́-сьюисъ помѣщался въ нижнемъ этажѣ небольшаго каменнаго дома. Стеклянная дверь, выходящая на улицу завѣшана была зеленой шерстяной драпировкой; по серединѣ комнаты стоялъ небольшой круглый столъ на которомъ лежало нѣсколько газетъ; пять небольшихъ столовъ и дюжины полторы стульевъ дополняли меблировку. Въ углубленіи, около лѣстницы, небольшой столъ уставленъ былъ нѣсколькими рядами бутылокъ съ винами и ликерами.

Выпивъ кофе, Евгеній Ивановичъ, спросилъ у хозяина сколько слѣдуетъ ему заплатить за ужинъ, ночлегъ и кофе.

— «Ничего.»

— «Какъ ничего?»—проговорилъ съ удивленіемъ Мамочкинъ.

— «Я получилъ за все.»

Вотъ истинно добрые люди, подумалъ Евгеній Ивановичъ и мысленно поблагодарилъ своихъ благодѣтелей.

— «Сколько будетъ стоить моя комната?» — спросилъ Мамочкинъ.

— «Одинъ франкъ въ сутки.»

— «А кофе?»

— «Пятьдесятъ сантимовъ.»

Посидѣвъ нѣсколько минутъ, Мамочкинъ ушелъ въ свою комнату, прося хозяина извѣстить о приходѣ вчерашнихъ вечернихъ его знакомыхъ.

Комната, которую занималъ Евгеній Ивановичъ въ Шалé-Съюисъ была довольно высокая но очень узкая къ окну. На широчайшей двуспальной кровати лежали очень твердый матрацъ съ толстымъ бѣльемъ; старый комодъ, столъ и два стула составляли все убранство. Большая дверь налѣво, въ смѣжную комнату была задѣлана на глухо и застановлена рамами и какими-то пустыми стекольными ящиками; огромная изразцовая печь занимала большое пространство между окномъ и дверью. Около кровати была еще небольшая дверь, застановленная сундукомъ; за дверью, темная комната съ грязною постелью.

Мамочкинъ началъ письмо къ Лизѣ, описывая ей всѣ свои приключенія, утаивъ однако попытку самоубійства. Онъ писалъ также, что надѣется пріискать въ Женевѣ какое нибудь мѣсто и начать трудовую, осѣдлую жизнь въ ожиданіи ея пріѣзда, которымъ просилъ не мѣдлить. Далеко было за полдень, когда Мамочкинъ окончилъ письмо а Франсуа и Шарля все еще не было. Подождавъ ихъ еще нѣсколько минутъ онъ пошелъ на почту, справиться о письмахъ и отдать написанное.

Пройдя по улицѣ нѣсколько шаговъ онъ очутился на большой немощеной площади и увидѣлъ налѣво, на горѣ, каменную церковь съ пятью вызолоченными главами... Это русская церковь; снявъ шляпу, онъ набожно перекрестился и продолжалъ путь въ почтамтъ, оказавшійся довольно далеко отъ мѣста его жительства.

Онъ отдалъ письмо и былъ очень обрадованъ, получивъ посланіе отъ Лизы, но къ сожалѣнію, оно оказалось давно прошедшимъ. Затѣмъ онъ пошелъ въ отель «Золотаго Льва», чтобы попросить хозяина чтобы въ случаѣ присылки ему денегъ или телеграммы изъ Луцерна, онъ увѣдомилъ бы его по мѣсту жительства, для чего и оставилъ свой адресъ. Зашелъ Мамочкинъ въ центральное и генеральное агенство, гдѣ заплативъ два франка просилъ внести его въ списокъ лицъ, желающихъ получить мѣсто въ торговомъ домѣ или банкирской конторѣ. Отдохнувъ въ одной изъ кофеенъ на набережной Роны, Евгеній Ивановичъ пошелъ въ редакцію одной изъ женевскихъ газетъ, чтобы просить тамъ мѣста. Онъ зашелъ сначала въ контору ея типографіи и обратился къ одному молодому человѣку съ вопросомъ, можетъ ли онъ видѣть редактора.

— «Извините, сейчасъ невозможно, но если угодно черезъ полчаса!»

— «Могу ли я здѣсь подождать.»

— «Конечно!»— и вмѣстѣ съ тѣмъ, придвинувъ стулъ онъ подалъ Мамочкину только что отпечатанный номеръ газеты.

Евгеній Ивановичъ поблагодарилъ и занялся чтеніемъ. Ровно черезъ полчаса тотъ же молодой человѣкъ подошелъ къ Мамочкину и попросилъ его къ редактору. Пройдя нѣсколько комнатъ, заваленныхъ газетами, книгами, брошюрами онъ очутился въ кабинетѣ редактора.

«Что вамъ угодно?» — спросилъ у него господинъ лѣтъ

шестидесяти, небольшаго роста, довольно полный, съ сѣдыми, гладко подстриженными волосами и въ очкахъ, сквозь которыя блистали черные, подвижные, очень выразительные глаза.

— «Я имѣю честь говорить съ господиномъ редакторомъ?»— спросилъ Мамочкинъ.

— «Точно такъ, прошу садиться.»

— «Я пришелъ просить у васъ господинъ редакторъ мѣста или какихъ нибудь занятій въ редакціи.»

— «Съ большимъ удовольствіемъ готовъ вамъ дать мѣсто, но къ сожалѣнію долженъ сознаться, что у меня рѣшительно нѣтъ никакихъ. Скажу вамъ болѣе, у меня записано по шести кандидатовъ на каждую должность.»

— «Я долженъ вамъ откровенно сказать господинъ редакторъ, что я пріѣхалъ въ Женеву съ цѣлію получить здѣсь какое нибудь мѣсто, занятія. Средства мои такъ ограниченны, что я долженъ работать. Зная хорошо французскій языкъ и конечно русскій, я думалъ, что могу быть полезенъ для выборки разныхъ статей изъ русскихъ газетъ.»

— «Мы не получаемъ ни одной русской газеты.»

— «А мѣсто корректора!»

— «Корректора», — отвѣтилъ редакторъ улыбаясь, — «да у меня ихъ четыре, которымъ, откровенно говоря право дѣлать нечего. Газета моя небольшая и для нея весьма достаточно двухъ корректоровъ, а у меня ихъ четыре!.. На должности этихъ четырехъ корректоровъ записано множество кандидатовъ.»

— «Что же мнѣ дѣлать?»—сказалъ вздохнувши Мамочкинъ.

— «Искренно сожалею, что ничѣмъ не могу быть для васъ полезенъ. Здѣсь въ Женевѣ такъ мало мѣстъ и такъ много желающихъ, ищущихъ занятій что очень трудно получить какую нибудь должность. У насъ здѣсь столько способной молодежи, развитой, работящей, что многіе должны искать занятій въ другомъ мѣстѣ или занимать должности не соотвѣтствующія ни ихъ познаніямъ ни воспитанію.»

— «Позвольте, по крайней мѣрѣ господинъ редакторъ просить васъ указанія куда могу я обратиться для полученія какой нибудь должности, какихъ нибудь занятій.»

— «Трудно, очень трудно»,—сказалъ редакторъ, поправляя очки и протягиваясь въ креслѣ,—«право не придумаю! куда?.. да!.. позвольте! я совѣтовалъ бы вамъ заняться уроками русскаго языка... здѣсь много русскихъ семействъ.»

— «Благодарю васъ», — сказалъ вставая Мамочкинъ, — «я воспользуюсь вашимъ совѣтомъ; прошу извиненія, что обезпокоилъ васъ и отнялъ у васъ столько времени.»

— «Нисколько! я очень радъ быть полезнымъ, если не дѣломъ то по крайней мѣрѣ словомъ. Позвольте однако попросить записать вашу фамилію, имя и мѣсто жительства на случай, если паче чаянія, откроется у меня какая нибудь ваканція я могъ бы тотчасъ же васъ увѣдомить. Но предупреждаю васъ, что могутъ пройти мѣсяцы, прежде чѣмъ быть можетъ откроется какое нибудь мѣсто.»

Мамочкинъ записалъ требуемыя свѣдѣнія, поблагодарилъ почтеннаго старика и вышелъ изъ редакціи.

Должно быть и здѣсь ожидаетъ меня та же участь, что и въ Луцернѣ,—подумалъ Мамочкинъ; буду искать вездѣ и если ничего не найду, дѣлать нечего, придется возвратиться въ Россію.

Возвращаясь домой, Евгеній Ивановичъ зашелъ осмотрѣть русскую церковь, которая выстроена въ византійскомъ стилѣ и окружена высокою каменною оградою съ чугунною рѣшеткою. Между церковью и оградою разбитъ небольшой садъ, въ которомъ посажены разныя хвойныя деревья. Передъ папертью, на другой сторонѣ улицы находится трехъ-этажный каменный домъ въ которомъ живутъ священникъ съ причтомъ.

Ворота въ оградѣ были заперты, Мамочкинъ подошелъ къ подъѣзду священническаго дома и позвонилъ.

Вышелъ какой-то господинъ въ сертукѣ, небольшаго роста, полный, съ черными бакенбардами.

— «Что вамъ угодно?» — спросилъ онъ у Мамочкина по французски.

— «Здѣсь живетъ священникъ?»

— «Здѣсь!.. да вы русскій...»

— «Совершенно вѣрно!.. можно осмотрѣть церковь?»

— «Съ большимъ удовольствіемъ!»

Въ это время подъѣхала карета и вышли изъ нея какой-то англичанинъ съ дамою, заявившіе также о желаніи посмотрѣть церковь.

Господинъ съ бакенбардами пошелъ за ключами — это былъ дьячекъ. Возвратясь, онъ отворилъ ворота ограды а потомъ и церковь—всѣ вошли. Церковь небольшая, съ выдающимися боковыми стѣнами окрашена внутри темно шеколаднымъ цвѣтомъ по которому разрисованы красною, синею и желтою красками разные орнаменты въ старинномъ русскомъ вкусѣ; окна небольшія, съ дубовыми рамами на подобіе существующихъ въ теремахъ со вставленными въ нихъ цвѣтными стеклами Одноярусный, широкій, раззолоченый иконостасъ украшенъ превосходною живописью мѣстныхъ иконъ; полъ устланъ коврами. Направо отъ сѣверныхъ дверей — комната для облаченія священника и ризница; налѣво, — отъ южныхъ — комната для храненія церковныхъ принадлежностей.

Русская церковь въ Женевѣ замѣчательна простотою, необыкновеннымъ изяществомъ въ наружныхъ и внутреннихъ архитектурныхъ деталяхъ и богатствомъ ризницы.

— «Когда бываетъ служба?»—спросилъ Мамочкинъ у дьячка, выходя изъ церкви.

— «По субботамъ и наканунѣ праздниковъ—всенощная въ восемь часовъ, а обѣдня, въ одиннадцать... послѣ завтра Воздвиженье, приходите завтра ко всенощной.»

Возвратясь на квартиру, Евгеній Ивановичъ спросилъ у Бенуа:

— «Были ли Франсуа и Шарль?»

— «Нѣтъ!.. не были!»

Странно!—подумалъ Мамочкинъ; — обѣщались непремѣнно зайти... досадно, что не спросилъ у нихъ адресовъ.

Вечеромъ, Мамочкинъ написалъ къ Лизѣ письмо, сообщая ей, что если онъ не найдетъ занятій, то дождавшись высланныхъ ею денегъ немедленно возвратиться въ Россію. Написалъ онъ также весьма длинное письмо женѣ, сообщая ей обо всемъ подробно, о своемъ безпокойствѣ, вслѣдствіе неполученія отъ нея писемъ; о томъ, что онъ писалъ къ ней два письма изъ Луцерна на которыя не было отвѣта, что онъ рѣшительно не знаетъ что и подумать а въ заключеніе извѣщалъ ее о скоромъ возвращеніи своемъ въ Россію, въ случаѣ, если онъ не найдетъ здѣсь какихъ-либо занятій.

На слѣдующій день Евгеній Ивановичъ заходилъ еще въ двѣ редакціи женевскихъ газетъ за пріисканіемъ себѣ занятій, но получилъ отказъ. Зайдя въ гостинницу «Золотаго Льва» онъ получилъ тамъ депешу изъ Луцерна, которой его извѣщали, что получены деньги на его имя изъ Москвы. Справлялся онъ снова въ генеральномъ агентствѣ о мѣстѣ, но и тамъ неудача, ни мѣстъ, ни занятій рѣшительно не было!

Остальное время дня Евгеній Ивановичъ справлялся объ урокахъ русскаго языка но и тѣхъ невозможно было получить, такъ какъ почти всѣ русскія семейства жили въ Лозаннѣ, въ Веве, Монтре и въ другихъ мѣстностяхъ расположенныхъ по берегамъ Женевскаго озера.

Проходя по набережной онъ зашелъ посмотрѣть на памятникъ Руссо, поставленный на небольшомъ островѣ на Ронѣ, между двумя мостами и окруженный тѣнистыми деревьями. Бронзовая, сидячая фигура знаменитаго философа съ книгою

въ рукѣ поставлена на мраморномъ пьедесталѣ. Проницательность ума и сарказмъ превосходно выражены на его челѣ. Памятникъ окруженъ скамейками, а въ небольшомъ, кругломъ павильонѣ около памятника продаютъ фрукты и прохладительные напитки. Осмотрѣвъ памятникъ, Евгеній Ивановичъ гулялъ по набережной озера, зашелъ въ Англійскій садъ, любовался статуей Гельвеціи и долго не могъ оторвать глазъ отъ чуднаго Женевскаго озера и окружающихъ его горъ.

Получивъ на другой день деньги изъ Луцерна съ письмомъ отъ Елизаветы Павловны, Мамочкинъ рѣшилъ окончательно, что оставаться ему долѣе въ Женевѣ нечего и не для чего; тѣмъ болѣе, что она ему писала, что поручила его дѣла адвокату, который надѣется войди въ соглашеніе съ кредиторами и все устроить и звала его обратно въ Россію не имѣя никакой возможности пріѣхать къ нему за границу.

Возвратясь въ Шале-Сьюисъ, Мамочкинъ расплатился съ Бенуа а вечеромъ пошелъ ко всенощной—это было наканунѣ Воздвиженья. Съ сердечнымъ умиленіемъ слушалъ онъ молитвы и стройное пѣніе на родномъ языкѣ въ родномъ храмѣ. Долго стоялъ онъ на колѣняхъ и усердно молился; много слезъ пролилъ онъ въ этомъ храмѣ и много душевнаго спокойствія, вѣры и надежды въ провидѣніе вынесъ онъ съ собою. Поклонился онъ и Святому Кресту обрекши себя нести тяжелый крестъ испытаній въ этой жизни.

На слѣдующій день, Евгеній Ивановичъ въ десять часовъ утра взялъ билетъ до Луцерна на пути въ Москву.

ГЛАВА VI.

Возвращеніе.

На слѣдующій день Мамочкинъ къ вечеру пріѣхалъ въ Луцернъ и въ отелѣ «Ангела» нашелъ еще письмо отъ Елизаветы Павловны съ денежною присылкою. Въ этомъ письмѣ, она просила его не медлить возвращеніемъ въ Россію, такъ какъ ей положительно не было никакой возможности пріѣхать къ нему за границу; что вслѣдствіе всевозможныхъ потрясеній и волненій здоровье ее разстроилось до крайности и что неожиданныя и весьма важныя происшествія и дѣла требуютъ скорѣйшаго, безотлагательнаго его возвращенія.

Послѣднее это обстоятельство всего болѣе заставило Евгенія Ивановича поспѣшить возвращеніемъ въ Россію. Онъ тотчасъ же пошелъ размѣнять присланныя ему деньги и за тѣмъ поспѣшилъ въ вокзалъ желѣзной дороги, гдѣ могъ получить билетъ только до Винтертура, такъ какъ отправлялся смѣшанный поѣздъ.—Пріѣхавши на другой день поздно вечеромъ въ Винтертуръ Мамочкинъ могъ съ большимъ трудомъ найти себѣ ночлегъ, потому что единственный отель «Орла» былъ биткомъ набитъ проѣзжающими а поѣздъ долженъ былъ отходить лишь въ семь часовъ утра. Переночевавши или вѣрнѣе просидѣвши на стулѣ въ какой то тавернѣ, Мамочкинъ на слѣдующее утро взялъ билетъ до Мюнхена.

Вотъ и Романсгорнъ, граница Швейцаріи; вотъ и Боденское озеро, которое такъ недавно онъ переѣзжалъ полный свѣтлыхъ надеждъ и любуясь природой. Очаровательные окрестные виды не производили теперь на него никакого впечатлѣнія; онъ сидѣлъ задумчивый на палубѣ парахода, предаваясь самымъ тяжелымъ думамъ—«Боже мой, что ожидаетъ меня въ Россіи!» сказалъ онъ самъ себѣ.

Пріѣхавши въ Мюнхенъ наканунѣ какого то народнаго праздника, продолжавшагося тамъ недѣлю, Евгеній Ивановичъ отыскалъ себѣ съ большимъ трудомъ номеръ въ гостинницѣ, гдѣ написалъ женѣ письмо извѣщая ее о своемъ возвращеніи.

На другой день онъ выѣхалъ въ Вѣну куда добрался рано утромъ на вторыя сутки. Пробывши тамъ нѣсколько часовъ онъ продолжалъ путь до Варшавы, гдѣ предположилъ остаться сутки для отдохновенія.

Пріѣхавши въ Смоленскъ, онъ пробылъ тамъ цѣлый день и провелъ время въ обществѣ своего товарища по училищу; въ Вязьму добрался онъ на другой день вечеромъ и получивъ съ большими хлопотами подорожную, Мамочкинъ выѣхалъ въ ту же ночь по направленію къ городу въ которомъ предполагалъ найти Елизавету Павловну, такъ какъ въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ она увѣдомляла его, что неожиданныя дѣла требуютъ ее отъѣзда въ городъ въ которомъ находился на службѣ ея братъ.

Ночь была темная, хоть глазъ выколи, когда Евгеній Ивановичъ выѣхалъ изъ Вязьмы; мелкій дождикъ, сопровождаемый сильнымъ, холоднымъ вѣтромъ моросилъ до утра и пронизалъ его до костей; къ утру сдѣлался сильный туманъ, продолжавшійся почти цѣлый день. Не имѣя ни шубы ни теплаго платья, Евгеній Ивановичъ ужасно прозябъ, такъ что вынужденъ былъ по временамъ останавливаться около кабаковъ и отогрѣваться водкою, а на станціяхъ—чаемъ.

Въ городъ, гдѣ надѣялся найти Елизавету Павловну пріѣхалъ Евгеній Ивановичъ черезъ сутки по выѣздѣ изъ Вязьмы рано утромъ, и остановившись въ пресквернѣйшей гостинницѣ послалъ съ запиской половаго на квартиру къ ея брату. Черезъ нѣсколько минутъ посланный возвратился, принеся обратно его записку и сообщилъ, что Елизаветы Павловны нѣтъ, что она въ Москвѣ, но что ее ожидаютъ.

«Что дѣлать теперь?» подумалъ Мамочкинъ; «ѣхать что ли къ ней на встрѣчу на ближайшую станцію; ну, а если она перемѣнила свое намѣреніе и осталась въ Москвѣ. Быть можетъ она не получила моихъ писемъ ни изъ Мюнхена ни изъ Варшавы»... Подумавши, онъ рѣшился ѣхать въ тотъ же день, въ ночь до ближайшей станціи желѣзной дороги, надѣясь встрѣтить ее на пути. Въ Папынино пріѣхалъ онъ утромъ а въ десять часовъ вечера онъ былъ уже на Тверской у Елизаветы Павловны, которую нашелъ дома. Въ свой же домъ, Евгеній Ивановичъ не рѣшился пріѣхать, опасаясь огласки о его пріѣздѣ и могущихъ быть вслѣдствіе этого весьма непріятныхъ для него послѣдствій.

Встрѣча ихъ была самая трогательная; оба они были до такой степени взволнованы, такъ были рады свидѣться, что нѣсколько минутъ не могли вымолвить слова а лишь смотрѣли другъ на друга.

«Eugenè, милый,» — сказала наконецъ Елизавета Павловна, охвативши руками его шею и цѣлуя его въ голову. Какъ я счастлива что ты... вы наконецъ возвратились... Письма... ваши приводили меня въ отчаяніе!... я положительно не знала что мнѣ дѣлать, на что рѣшиться!.. ѣхать къ вамъ въ Швейцарію не было никакой возможности, потому что родственники покойнаго моего мужа нахлынули ко мнѣ разомъ и только съ недѣлю какъ уѣхали; потомъ я должна была заняться... вашими дѣлами... Братъ умолялъ меня пріѣхать къ нему на нѣсколько дней; даже мнѣ необходимо было съѣздить, о чемъ я вамъ и писала, но получивши тво... ваше письмо изъ Женевы, въ которомъ вы писали, что ѣдете прямо въ Москву я рѣшительно отказалась отъ поѣздки, ожидая васъ со дня на день».

— «Развѣ Lise вы не получили моихъ писемъ изъ Мюнхена и Варшавы, гдѣ я писалъ что пріѣду въ городъ, въ которомъ предполагалъ васъ найти и былъ вчера очень огор-

ченъ не найдя васъ тамъ и проѣхавши по пустому болѣе трехъ сотъ верстъ.»

— «Какъ!.. вы тамъ были»?

— «Я прямо оттуда»!..

— «Другъ мой! видите ли какая я безалаберная!... нѣтъ!.. этихъ писемъ не получала, а то конечно была бы тамъ, чтобы васъ встрѣтить«.

— «Изъ Варшавы я вамъ написалъ два письма и послалъ телеграмму... все это вѣроятно въ рукахъ вашего брата».

— «Боже мой!.. какъ это досадно»!..

Сѣвши съ нею на диванъ Евгеній Ивановичъ сообщилъ всѣ мельчайшія подробности о своемъ житьѣ бытьѣ въ Луцернѣ и въ Женевѣ, не утаивъ и происшествія на мосту.

Елизавета Павловна слушая его, плакала.

— «Бѣдный Eugène», — говорила она нѣжно цѣлуя его въ голову—«сколько вы выстрадали, сколько натерпѣлись горя и муки.. Еслибы я могла предугадать все это, то рѣшительно уговорила бы васъ не ѣхать за границу или бросивши все уѣхала съ вами раздѣлять всѣ случайности жизни»!

— «Теперь мой другъ я истинно очень радъ, что вы не послушались меня и не пріѣхали,—развѣ лишь съ тѣмъ, чтобы поселиться на всегда!.. но это невозможно!.. Но допустимъ даже, что мы остались бы тамъ жить на нѣсколько лѣтъ!.. Представьте себѣ наше положеніе!.. Вы знаете, что у меня состоянія нѣтъ никакого, слѣдовательно надо работать! А если я рѣшительно не могъ бы достать тамъ мѣста, занятій?.. Распродавши здѣсь все ваше имущество, вы получили бы незначительныя деньги и съ небольшимъ капиталомъ, который вы имѣете—все это дало весьма ограниченные проценты; но это ваше, а вы знаете мой образъ мыслей; согласился ли я пользоваться постоянно этими деньгами, особенно при существующихъ единственно нашихъ дружескихъ отношеніяхъ»!

— «Это совершенно иное дѣло Eugène, если бы мы поселились тамъ на всегда,.. наши отношенія измѣнились бы и вы не имѣли бы права, считать мое—чужимъ»!..

— «Тѣмъ болѣе Lise! — быть-можетъ мы прожили на проценты нѣсколько мѣсяцевъ, въ ожиданіи мѣста!.. занятій! безъ которыхъ невозможно было продолжать жизнь; тамошняя жизнь, не воображайте себѣ,—совсѣмъ не такъ дешева... Ну а если въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не нашлось бы занятій, что тогда»?

— «Тогда Eugène я принялась бы за работу; вы знаете я въ состояніи исполнить все, даже и ручную работу, вы, конечно также и мы могли бы существовать»!..

— «Только существовать»!—произнесъ вздохнувши Мамочкинъ—«ручная работа! для васъ; это легко сказать!.. привыкли ли вы къ этой работѣ? достало ли бы у васъ силъ, при слабомъ вашемъ здоровьѣ!.. Боже сохрани, вы занемогли!.. подумайте!.. что стало бы со мной?.. Страдать одному, подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ конечно тяжело, но видѣть страданія любимаго, обожаемаго существа, его лишенія, добровольно принесенныя имъ въ жертву человѣку связанному, братскими лишь узами... не имѣть возможности помочь—это страшная, ужасная пытка, которую едва ли можно вынести!»

— «Но другъ мой, мы были бы вмѣстѣ, вы не страдали бы такъ одни... Не ужели Eugène вы думаете что я была здѣсь спокойна?... нѣтъ!.. я терпѣла ужасную пытку»!

— «Ну Лиза, теперь я ожилъ съ вами; теперь я истинно счастливъ, мой дорогой, безцѣнный другъ;.. вамъ Лиза я всѣмъ обязанъ и вамъ одной»—говорилъ Мамочкинъ цѣлуя ея руки—«безъ вашей помощи богъ знаетъ что могло бы со мною случиться!.. и конечно, я не имѣлъ бы никакой возможности такъ скоро возвратиться на родину»!

— «Перестаньте Eugenè, не напоминайте мнѣ этихъ ужасовъ

и ни когда не говорите мнѣ объ нихъ —слышите ли... Не смѣйте говорить мнѣ также» — продолжала она устремивъ нѣжные взоры — «что вы мнѣ въ чемъ-либо обязаны... я вамъ давно сказала что готова принести вамъ все въ жертву... Однако, что же я это дѣлаю... до сихъ поръ не напою васъ чаемъ»!..

— «Не хлопочите, я прикажу горничной»!

— «Я недавно ее отпустила»—сказала Елизавета Павловна вставая—«теперь у меня одна кухарка, которая ходитъ за мной и убираетъ комнаты, она не привыкла еще служить, я ее учу и ей помогаю;.. надо же и самой привыкать хлопотать, хозяйничать; нельзя же оставаться бѣлоручкой и думать объ однихъ только туалетахъ и выѣздахъ».

Мамочкинъ глубоко вздохнулъ.

Пока Елизавета Павловна ушла распорядиться приготовленіемъ чая, Евгеній Ивановичъ началъ оглядывать ее комнаты: прелестнаго пьянино не было, клѣтка съ попугаемъ исчезла, малахитовыя вазы также и многія вещи изъ севрскаго и саксонскаго фарфора.

Вскорѣ возвратилась Елизавета Павловна неся сама подносъ съ чайными принадлежностями, потомъ накрыла столъ и все разставила.

— «Какъ не стыдно Лиза самой безпокоиться, сказали бы мнѣ, я все съумѣю принести и приготовить»!

— «А вы думаете Eugène, что у меня рукъ нѣтъ и что я сама ничего не съумѣю сдѣлать?—отвѣтила весело Елизавета Павловна—«знаете ли я теперь учусь кушанья готовить и купила поваренную книгу Авдѣевой... Посмотрите какими я буду завтра кормить васъ пирожками, бифштексомъ—собственнаго издѣлія».

— «Вы не женщина, а чудо»!.. проговорилъ Мамочкинъ, цѣлуя ея руки — «послушайте мой другъ, куда дѣлись пьянино попугай, вазы и многія фарфоровыя ваши вещи»?

— «Все это я продала... къ чему такая роскошь, вѣдь это прихоть; я продала также многія платья и если бы вы не возвратились, то все бы распродала и пріѣхала къ вамъ. Право мой другъ, истинное счастіе не въ нарядахъ, не въ богатой обстановкѣ, все это такъ мелочно, такъ пусто, что я рѣшительно теперь не понимаю къ чему все это было мнѣ нужно, какъ могло это меня занимать и какъ безъ всего этого легко обойтись... Другъ мой, надо привыкать ко всему въ жизни и къ роскоши и къ скромной обстановкѣ; мало ли что можетъ случиться? мало ли что насъ ожидаетъ? Увѣряю васъ, что даже самая скромная обстановка не составила бы теперь для меня никакого лишенія»!

— «Лиза»!—произнесъ съ грустью Мамочкинъ — «во всемъ этомъ я одинъ виноватъ: вы присылали мнѣ деньги, лишали себя всего и можетъ быть для меня продавали ваши вещи».

«Нисколько! у меня и теперь довольно денегъ, не безпокойтесь мой другъ!.. у меня все есть что нужно; я начала даже понемногу копить, завела книжку въ банкѣ... я вамъ все покажу».

Вошедшая кухарка принесла самоваръ;—Елизавета Павловна занялась приготовленіемъ чая а Мамочкинъ, закуривъ папиросу сѣлъ рядомъ съ нею.

— «Вы позволите мнѣ ночевать въ комнатѣ тетушки?»

— «Конечно!.. я все уже вамъ приготовила.—Черезъ недѣлю переѣдетъ въ эти комнаты одна дама съ дочерьми... комнаты эти мнѣ не нужны и я ихъ отдала въ наймы. Я писала вамъ въ Бернъ, что тетушка рѣшилась остаться въ Берлинѣ съ бабушкой; развѣ вы не получили и этого письма»?

— «Нѣтъ!»

— «Ну вотъ и чай готовъ — я думаю мой другъ, что вы очень устали послѣ дороги?»

— «Нисколько! я такъ радъ васъ видѣть.»

— «Сегодня вамъ надо ранѣе лѣчь и хорошенько отдохнуть; вотъ мы сейчасъ поужинаемъ.«

— «Я пробуду у васъ, если позволите завтрешній день а потомъ уѣду въ деревню!

— «Позволите!» le mot est gentil,—Да Eugène тебѣ... вамъ невозможно долго оставаться теперь въ Москвѣ. — Пока мой другъ вы поживете въ деревнѣ, я надѣюсь окончить ваши дѣла; я вамъ писала, что я ихъ поручила знакомому адвокату; до сего времени онъ почти ничего еще не устроилъ, но я надѣюсь, что все это очень скоро окончится! Я васъ мой другъ увѣдомлю, когда вамъ можно будетъ сюда пріѣхать, приготовлю для васъ квар.... однимъ словомъ постараюсь все устроить; я полагаю, что вамъ придется прожить въ деревнѣ двѣ, три недѣли; постарайтесь тамъ что-нибудь устроить, ну а здѣсь я. и общими силами все окончится отлично...»

— «Вы мнѣ писали Лиза, что какіе-то особенныя дѣла требуютъ безотлагательнаго моего возвращенія!.. какія это дѣла?..

— «Сегодня, я рѣшительно ничего не буду вамъ разсказывать, а завтра все сообщу вамъ подробно... будемте лучше ужинать!..

Послѣ ужина Мамочкинъ ушелъ въ свою комнату и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже въ объятіяхъ Морфея!

. . . .

Проснувшись довольно рано, Евгеній Ивановичъ былъ очень удивленъ исчезновеніемъ Елизаветы Павловны — «куда могла она уѣхать такъ рано?» — подумалъ Мамочкинъ, «она обыкновенно никогда не встаетъ ранѣе двѣнадцати часовъ.» Подойдя къ дверямъ подъѣзда и задняго крыльца, онъ нашелъ ихъ запертыми и такимъ образомъ очутился подъ арестомъ. Черезъ полчаса возвратилась Елизавета Павловна въ сопровожденіи кухарки несшей чемоданчикъ и кулекъ съ провизіей.

— «Здраствуйте Eugène, хорошо ли вы отдохнули?» весело спросила Елизавета Павловна, цѣлуя Мамочкина въ голову.

— «Merci, отлично!.. но куда вы такъ рано ѣздили?

— «А вотъ сейсчасъ все разскажу... погодите! я сейчасъ распоряжусь обѣдомъ и самоваромъ, а вы пока все поставьте, что нужно для кофе, вы все найдете въ шкафчикѣ, въ гардеробной.»

Мамочкинъ разставилъ чайные приборы; черезъ нѣсколько минутъ былъ поданъ самоваръ и Елизавета Павловна занялась приготовленіемъ кофе.

— «Ну теперь я разскажу гдѣ я была и что дѣлала: во-первыхъ, встала въ девять часовъ, взяла съ собою кухарку Машу и отправилась съ нею въ Охотный рядъ покупать провизію; она еще не привыкла и не знаетъ цѣнъ, а я успѣла всему уже научиться; у насъ будетъ отличный обѣдъ: супъ, съ пирожками, осетрина, натуральныя котлеты, которыя мы очень любимъ, ну и каплунъ!..»

«Помилуйте!.. это черезъ чуръ много.»

— «Для васъ Eugène купила водки, краснаго вина и сельдей... Потомъ еще купила кое что; потрудитесь принесите чемоданчикъ.»

Мамочкинъ принесъ чемоданъ, раскрылъ и вынулъ оттуда отличный дубленый полушубокъ, мѣховую шапку и башлыкъ.

— «Теперь Eugène вамъ будетъ тепло въ дорогѣ; Богъ знаетъ когда еще получите вы изъ дома мѣховыя ваши вещи, а развѣ можно ѣхать въ деревню, въ октябрѣ, въ пальто!»

Такое вниманіе со-стороны Елизаветы Павловны глубоко тронуло Мамочкина; онъ не могъ удержать слезъ и бросился цѣловать ее руки.

— «Другъ мой! милая, добрая Лиза, незнаю какъ благодарить за всѣ ваши обо мнѣ попеченія, за вашу любовь; вы истинно мой ангелъ хранитель и чѣмъ я могъ заслужить такое расположеніе?»

— «Полноте Eugène, за что вы благодарите — право не понимаю: вы знаете мой другъ, что я васъ люблю, ну, а если люблю, слѣдовательно и забочусь... Не думайте однако, чтобы это я для васъ дѣлала»—продолжала она съ обворожительной улыбкой—«нисколько!.. все это я дѣлаю для себя и вамъ это докажу; вы мнѣ очень, очень дороги, а то что дорого конечно и бережешь; ну я и берегу васъ для себя, чтобы вы не простудились!»

— «Лиза! вы истинно идеальная женщина, добрая, милая; вы истинно для меня мать!»

— «Мать?.. я только вашъ другъ и хорошая знакомая.»

— «У меня была мать, которая любила меня до безумія, обо мнѣ только и думала, но ее давно уже нѣтъ на свѣтѣ, и вы Лиза вполнѣ ее замѣняете вашею нѣжною заботливостію.«

— «Eugène, оставимте этотъ разговоръ; послушайте вѣдь я васъ сегодня не отпущу въ деревню; вы пробудете здѣсь до завтрашняго вечера; въ девять часовъ я васъ провожу до станціи желѣзной дороги, перекрещу и поѣзжайте съ Богомъ!»

— «Вы знаете Lise, какъ я счастливъ, когда я съ вами»,— сказалъ Мамочкинъ, цѣлуя ея руку.—«Незнаю право какъ бы мнѣ съѣздить въ свой домъ, повидаться со всѣми; я вчера не рѣшился ѣхать, потому что тотчасъ же всѣ узнаютъ о моемъ пріѣздѣ, что крайне для меня будетъ неудобно... Изъ-за границы я писалъ къ женѣ, къ дѣтямъ нѣсколько писемъ и не получилъ отъ нихъ ни одного письма; гдѣ они?.. что съ ними?.. меня это очень безпокоитъ; хочу написать сейчасъ къ женѣ письмо, пошлю вашего дворника.

Елизавета Павловна вдругъ поблѣднѣла...

— «Не безпокойтесь мой другъ», — сказала она взолнованнымъ, нѣсколько прерывающимся голосомъ — «вашихъ здѣсь рѣшительно никого... нѣтъ... я знаю... на вѣрное... всѣ переѣхали въ Парань... и дома ваши отданы всѣ въ наймы...»

— «Какъ въ наймы!..» съ удивленіемъ воскликнулъ Мамочкинъ—«вы ошибаетесь, этаго быть не можетъ... они никогда не остаются такъ долго въ деревнѣ.»

— «Увѣряю васъ Eugène, что здѣсь никого нѣтъ, я сама справлялась... За день до вашего пріѣзда я посылала за Спиридономъ и того нѣтъ... ушелъ въ деревню.»

— «Но при домахъ есть управляющій... я отъ него все узнаю что дѣлается»—отвѣтилъ Евгеній Ивановичъ въ большомъ волненіи... «вы Лиза вдругъ очень поблѣднѣли... что съ вами?.. вы не хотите мнѣ сказать... боже мой не случилось ли чего нибудь?»—произнесъ онъ съ испугомъ...

— «Успокойтесь!.. право ничего...»

— «Нѣтъ Лиза!..» позвольте мнѣ сегодня же уѣхать!»

— «Какъ хотите... кажется въ четыре часа отходитъ поѣздъ въ Парань... вы не опоздаете!.. А я думала что вы проведете со мной нѣсколько лишнихъ часовъ послѣ продолжительной нашей разлуки!»—прибавила она сквозь слезы...

— «Боже мой!.. боже мой!..» простоналъ Мамочкинъ, закрывъ лице рукою.

— «Конечно Eugène, для васъ семья дороже меня, такъ это и должно быть!.. что я для васъ... чужая!»

— «Полноте Лиза!.. вы не имѣете права это говорить» отвѣтилъ Евгеній Ивановичъ, взявши ее за руку... «Лиза!.. я останусь съ вами до завтра!»

— «Ну милый Eugène, благодарю васъ... мнѣ еще столько нужно съ вами переговорить о вашихъ дѣлахъ и о своихъ... Вопервыхъ мой другъ, приведите мнѣ сейчасъ же въ извѣстность всѣ ваши долги.»

Евгеній Ивановичъ, подошелъ къ письменному столу и началъ что то писать и затѣмъ подалъ ей списокъ.

Елизавета Павловна прочла его съ большимъ вниманіемъ.

— «Да это совсѣмъ не такъ много!.. я думала, что не срав-

венно болѣе, а съ этими долгами легко справиться. Представьте себѣ Eugène, въ ваше отсутствіе здѣсь столько понасочинили и на васъ и на меня!.. просто ужасъ!.. конечно во всѣхъ этихъ разговорахъ, я была единственной виновницей всѣхъ вашихъ несчастій и настоящаго вашего положенія. Количество вашихъ долговъ по разсказамъ и слухамъ въ четверо превышаютъ дѣйствительную ихъ цифру. Ну это еще бы ничего; но говорятъ, будто вы мнѣ выстроили или купили дачу въ тридцать тысячъ и что всего забавнѣе эту дачу видѣли; что вы тратили на меня безчисленное количество денегъ на подарки, и знаете ли отъ кого идутъ всѣ эти слухи? . отъ брата вашего Анатолія... Признаюсь, всѣ эти вымыслы были для меня крайне непріятны... вы знаете на сколько въ нихъ правды!»

— «Это отвратительная ложь!» проговорилъ Мамочкинъ, пожимая плечами.

— «Я думаю Eugène, что это далеко не конецъ... развѣ ограничатся этими сочиненіями... посмотрите, что будутъ еще разсказывать, но для меня это рѣшительно все равно, пускай говорятъ что угодно!.. я небуду обращать никакого вниманія.»

— «И прекрасно сдѣлаете.»

— «Я полагаю мой другъ, что вамъ непремѣнно нужно будетъ пріискать себѣ занятія, какое-нибудь мѣсто, не здѣсь, а гдѣ-нибудь во внутреннихъ губерніяхъ. Но прежде всего необходимо привести въ порядокъ денежныя ваши дѣла... Я также думаю Eugène, что кромѣ службы, вы могли бы заняться литературой. Вы пишете очень и очень недурно; у васъ много воображенія, попробуйте!.. знаете ли вѣдь это можетъ доставить вамъ очень порядочныя деньги, ну и служба все это вмѣстѣ будетъ отлично.»

— «Я такъ и думаю сдѣлать.»

— «Начните писать что-нибудь въ деревнѣ... у васъ тамъ не будетъ никакихъ занятій.»

Послѣ обѣда пришла къ Елизаветѣ Павловнѣ, какая-то бѣдная женщина и просила у нея пособія. Дама эта далеко не отличалась красивою наружностію: небольшаго роста, худощавая и почти безъ носа, вмѣсто котораго торчала небольшая бородавка, въ видѣ наперстка; нрава она была довольно веселаго, очень не глупая, чрезвычайно хитрая и самонадѣянная. Описывая свое положеніе, она никакъ не хотѣла согласиться съ Елизаветой Павловной, которая совѣтывала ей совершенно измѣнить образъ жизни, не вдаваться въ аферы, которыя постоянно кончались для нея неудачами, а трудиться, пріискавъ себѣ работу, что было для нея весьма доступно, имѣя обширное знакомство.

Къ восьми часамъ вечера, пришла одна гувернантка француженка, съ маленькою дочерью, которая, не имѣя уроковъ, была также въ крайне затруднительномъ положеніи и не знала чѣмъ содержать себя и дочь. Не смотря на это она была до крайности весела, шутила, смѣялась и болтала безъ умолка.

Получивъ отъ Елизаветы Павловны денежное пособіе, обѣ эти дамы удалились къ десяти часамъ.

— «Странныя женщины» — сказала Елизавета Павловна по ихъ уходѣ, особенно Примонъ.

— «Какая?.. безносая что ли?»

— «Да!» — отвѣтила она улыбаясь.

— «А что?»

— «Она совсѣмъ не такъ несчастна какъ говоритъ; просто какая то сумасбродная! хочетъ вдругъ нажить себѣ состояніе и бросается во всѣ аферы; сняла она гдѣ то, въ захолустьѣ меблированныя комнаты думая имѣть большіе доходы; конечно номера ея оставались пустыми,—бросила. Завела швейную машину ну ужъ и возилась то она съ этой машиной, только и было разговора; такіе высчитывала доходы, что просто ужасъ;

наконецъ и машину оставила а теперь нанимаетъ квартиру и отдаетъ отъ себя нѣсколько комнатъ, ничѣмъ не занимается, задолжала, платить нечемъ; вотъ она и хнычетъ. А заведись у нея копѣйка—сейчасъ въ артистическій кружокъ въ стуколку и тамъ послѣднія деньги оставитъ; бывало иногда, что нечѣмъ и заплатить.»

— «Для чего же вы даете ей деньги; она, на сколько я могу судить пустая женщина; гораздо есть ея бѣднѣе и которые дѣйствительно нуждаются въ пособіи... Ну а француженка?

— «Болтушка и болѣе ничего, да въ добавокъ черезвычайно вѣтрена; жаль мнѣ очень ея дочь, изъ которой едва ли выдетъ что нибудь путное, а дѣвочка очень не глупенькая.»

Послѣ этого, Елизавета Павловна сообщила Мамочкину о своихъ дѣлахъ и о будущихъ предположеніяхъ, съ которыми вполнѣ согласился Евгеній Ивановичъ.

На слѣдующій день, въ девять часовъ вечера, Елизавета Павловна проводила Мамочкина до станціи желѣзной дороги, перекрестила его и оставалась на платформѣ, около вагона въ которомъ онъ сидѣлъ до того времени пока не уѣхалъ поѣздъ.

— «Должно супруга то ваша ужъ больно васъ любитъ» сказалъ какой то, сидѣвшій рядомъ купецъ, обращаясь къ Мамочкину—«такъ и не спускаетъ съ васъ глазъ... а уже убивалась то она.»

Евгеній Ивановичъ счелъ лишнимъ объяснять сосѣду что Елизевета Павловна не его жена, и отвѣтилъ.

— «Да! она добрая, славная женщина!»

— «А ужъ и красавица, смѣю доложить, первѣющаго сорта!.. Позвольте полюбопытствовать далече ли изволите ѣхать?»

— «Въ Парань.»

— «Так-съ!.. ну а намъ съ товарищемъ будетъ подалѣе... въ Новочеркаскъ!»

Пріѣхавши въ Парань, не смотря на раннее время Евгеній Ивановичъ тотчасъ же отправился въ домъ своего зятя, гдѣ предполагалъ, по словамъ Елизаветы Павловны найти все свое семейство.

Всѣ въ домѣ еще спали;—онъ позвонилъ. Черезъ нѣсколько минутъ старикъ лакей отворилъ дверь и увидя Мамочкина отскочилъ съ удивленіемъ.

— «Батюшка Евгеній Ивановичъ вы ли это?»

— «Какъ видишь...» отвѣтилъ онъ, входя въ лакейскую «ну Тихонъ скажи пожалуста всѣ ли здоровы?. »

Онъ посмотрѣлъ на Мамочкина выпуча глаза — «баринъ... барыня, сестрица... маменька... всѣ уѣхали въ Саратовскую деревню!.. и ваши дѣтки!»

— «Дѣти?.. да гдѣ же Антонина Сергѣевна?..

Тихонъ молчалъ опустивъ голову...

— «Да гдѣ же она?»

— «Развѣ вы не изволили слышать!.. вамъ писали за границу.. »

— «Что же?..»

— «Они—съ вотъ три недѣли какъ скончались!..

«Какъ... жена?..»

Какъ громомъ поразила эта вѣсть Мамочкина онъ зашатался и упалъ...

Придя въ себя онъ очутился на диванѣ, въ кабинетѣ своего зятя. Подлѣ него стоялъ тотъ же Тихонъ съ какою то женщиной, которая мочила ему голову уксусомъ.

Евгеній Ивановичъ привсталъ и громко зарыдалъ!

— «Антонина!.. Антонина!.. Боже мой!.. это ужасно!.. бѣдная!.. страдалица!.. я!.. я!.. винов...» рыданія не дали ему возможности окончить слова и онъ вновь упалъ на подушку.

— «Успокойтесь Евгеній Ивановичъ!..» говорила женщина, «не убивайтесь!.. бѣдѣ помочь нельзя!.. воля знать Божія!..»

— «Гдѣ умерла жена?..»

— «Въ деревнѣ... тамъ ихъ и похоронили... они очень стали хворать недѣли за двѣ передъ кончиной... всѣ кажись были доктора.. но они тогда же сказали братцу, что помочь нельзя!.. цѣлыя сутки лежали безъ памяти!..»

— «Боже мой... Боже мой!.» воскликнулъ Мамочкинъ ударяя себя въ голову... а дѣти?..»

— «Всѣ уѣхали въ Саратовскую деревню... вотъ братецъ изволили оставить вамъ письмо и приказали вамъ отдать, когда вы пожалуете.»

Мамочкинъ распечаталъ письмо. Въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ, зять извѣщалъ его о кончинѣ своей сестры и жены Евгенія Ивановича, послѣдовавшей послѣ продолжительной болѣзни и затѣмъ онъ писалъ, что счелъ необходимымъ взять всѣхъ дѣтей, которыхъ желаетъ оставить у себя и удалился со всѣмъ своимъ семействомъ въ Саратовскую деревню, гдѣ предполагаетъ провести всю зиму... Въ припискѣ онъ просилъ увѣдомить, о пріѣздѣ.

Прочитавъ письмо, Мамочкинъ всталъ, долго ходилъ по комнатѣ и упавъ на колѣни, передъ образомъ залился слезами Окончивъ молитву... онъ тотчасъ же отправился на постоялый дворъ и нанялъ лошадей въ Александрово, гдѣ остановился около церкви и на свѣжей еще могилѣ жены отслужилъ панихиду... Онъ не плакалъ... стоя все время службы на колѣнахъ но молился усердно... По окончаніи службы онъ сѣлъ въ экипажъ и приказалъ ямщику везти себя на ближайшую станцію желѣзной дороги, отстоявшей въ семи верстахъ отъ имѣнія покойной его жены...

Почти цѣлый день пробылъ онъ на станціи сидя на одномъ мѣстѣ, погруженный въ глубокую скорбь. Въ Пріютино, имѣніе отца онъ пріѣхалъ на слѣдующій день на разсвѣтѣ.

. . . .

Пріютино, имѣніе старика Мамочкина, расположенное по берегу Пруни, по качеству земли, отличнымъ угодьямъ и красивому мѣстоположенію, считалось однимъ изъ лучшихъ не только въ уѣздѣ, но и въ мѣстной губерніи... Большой одноэтажный каменный домъ съ мезониномъ, выстроенъ былъ на небольшомъ пригоркѣ, надъ берегомъ Пруни, которая прямо передъ домомъ, измѣнивъ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ теченіе влѣво, обмелѣла и поросла осокорью. Крытый подъѣздъ находился посерединѣ фасада, а около него, съ боковъ два небольшихъ крыльца. Лакейская очень большая и темная, почти безъ мебели была чрезвычайно грязна; налѣво находились двѣ двери: одна въ комнату для пріѣзжающихъ, а другая въ залъ; прямо противъ входныхъ дверей была третья дверь, въ темный корридоръ. Зало довольно длинное, почти во всю ширину дома, съ тремя небольшими оконами было тѣмно и также гразно какъ и всѣ остальныя комнаты. По срединѣ, четырехъ-угольный столъ, надъ которымъ висѣла лампа спускаемая по веревкѣ; два старыхъ ломберныхъ стола, нѣсколько сломанныхъ стульевъ, шкафъ для посуды и дребезжащій полу-рояль составляли все убранство этой комнаты. Направо, при входѣ въ залъ было окно во внутренней стѣнѣ, въ такъ-называемый буфетъ: грязную, маленькую, темную конуру, подъ лѣстницей, гдѣ были шкафъ и столъ — входъ въ эту конуру, былъ изъ лакейской; окна зала небольшія, узкія, съ закругленными верхушками пропускали сомнительный свѣтъ. Въ залѣ было три двери, кромѣ входной изъ лакейской; одна въ глубинѣ противъ оконъ, вела въ комнату для пріѣзжихъ, другая подлѣ нея въ отдѣленіе старика Мамочкина и наконецъ третья — въ гостиную. Комната для пріѣзжихъ раздѣлена была почти пополамъ деревянной высокой перегородкой съ дверью; въ первой половинѣ стояли два жесткихъ дивана, а между ними столъ, а во второй—такой же диванъ и умы-

вальный столъ. Въ углу висѣлъ большой образъ, «Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ» весьма хорошей работы, писанный на полотнѣ, а на стѣнѣ — гербъ рода Мамочкиныхъ и гравированный портретъ одного изъ оренбургскихъ генералъ-губернаторовъ, у котораго старикъ Мамочкинъ былъ нѣкогда адъютантомъ. Отдѣленіе старика Мамочкина состояло изъ трехъ комнатъ: въ первой, огромная печь съ лежанкой, старинное бюро съ бронзовой оправой, шкафъ для платья и диванъ; налѣво дверь въ прихожую и въ сѣни а направо въ опочивальню старика; окно въ этой комнатѣ, чуть ли не занимало всю ея ширину и состояло изъ безчисленнаго множества переплетовъ, въ которые вставлены были цвѣтныя стекла; огромная кроватъ съ пуховиками и кисейнымъ пологомъ, три стола, кресло обитое полинялымъ трипомъ, три стула и диванъ безъ спинки — вотъ и вся меблировка этой комнаты. Гостиныхъ было двѣ: первая, съ двумя диванами надъ которыми висѣли зеркала; два трельяжа безъ плюща, два небольшихъ овальныхъ стола, нѣсколько орѣховыхъ креселъ и стульевъ, обитыхъ полинялымъ шерстянымъ репсомъ служили меблировкой; на стѣнѣ, противъ оконъ висѣла огромная, но совершенно испорченная картина, копія съ Грёза «le paralitique»; во второй гостиной, обращенной въ кабинетъ Паисія Ивановича, сына старика Мамочкина, стоялъ большой письменный столъ съ наваленными на немъ въ большомъ безпорядкѣ книгами, бумагами, счетами и мѣшечками съ разнымъ зерновымъ хлѣбомъ. Два шкафчика съ канвовыми картинами подъ стекломъ, угловой шкафъ, съ хрусталемъ, фарфоромъ и всякою всячиною, старинное бюро, съ инкрустаціями изъ слоновой кости, два дивана, три стола, швейная машина—наполняли эту комнату; на стѣнахъ развѣшаны были картины и фотографическіе портреты. Слѣдующая за тѣмъ угловая комната служила спальнею Паисія Ивановича и его жены; за нею была дѣтская, потомъ

двѣ дѣвичьи, съ дверью на крыльцо, направо комната гувернантки, въ которой стояла громадная кіота со множествомъ образовъ и однимъ большимъ образомъ Казанской Божіей Матери;—комната эта прежде служила спальнею покойной Анны Павловны.

Трудно гдѣ либо встрѣтить болѣе безпорядка, нечистоты, неряшества и запустѣнія, какъ въ домѣ старика Мамочкина—тотъ же безпорядокъ царствовалъ и въ его хозяйствѣ.

Противъ дома съ одной стороны находился обширный дворъ; прямо противъ подъѣзда садъ, направо — каменныя службы: погребъ, ледникъ, кухня и бывшая домовая квартира а нынѣ флигель для пріѣзжающихъ; между этими зданіями былъ проѣздъ мимо сада на гумна, съ ригами, сараями, овинами, амбарами и затѣмъ на скотный дворъ, примыкавшій къ березнику и къ полю; налѣво отъ дома, черезъ ворота, безъ навѣсовъ шли двѣ дороги: одна, прямо внизъ на плотину съ мельницею къ крестьянскимъ усадьбамъ, а другая, направо по берегу огромнаго пруда съ одной стороны и флигеля управляющаго и бани съ другой на плотину, затѣмъ черезъ небольшой мостъ, мимо конюшень и огорода съ садомъ въ поле.

Со стороны дома, обращенной къ рѣкѣ была довольно длинная но узкая терасса, съ изломанной каменной настилкой, цвѣтникъ въ страшномъ запущеніи обсаженный липами и полуразвалившаяся очень небольшая оранжерея. Фруктовый садъ, находившійся противъ подъѣзда, хотя и былъ довольно обширенъ, но почти весь наполненъ старыми полусгнившими яблоневыми деревьями и ягодными кустарниками; за садомъ, по ту сторону двухъ прудовъ, изъ которыхъ одинъ затянуло до половины а другой весь затянуло находился паркъ, съ липовою аллеею по берегу пруда и землянымъ грунтовымъ сараемъ.

Крестьянскія усадьбы тянулись черезъ плотину, съ одной

стороны по берегу большаго пруда, а съ другой—по берегу бывшаго русла рѣки до огромнаго выгона, съ кладбищемъ, большою и красивою каменною церковью, съ двумя теплыми предѣлами, каменными лавками для еженедѣльныхъ базаровъ, кабакомъ и постоялымъ дворомъ. За выгономъ слѣдовалъ еще крестьянскій поселокъ, примыкавшій къ бывшему винокуренному заводу, обращенному нынѣ въ развалины.

Считаемъ необходимымъ обратиться нѣсколько назадъ.

Иванъ Петровичъ Мамочкинъ, отецъ Евгенія Ивановича, постоянно служилъ въ военной службѣ и женившись въ Петербургѣ вскорѣ затѣмъ вышелъ въ отставку, и имѣя уже двухъ сыновей поселился въ небольшой принадлежащей ему тогда усадьбѣ въ селѣ Пріютинѣ. Помощію женнинаго капитала и нѣкоторыхъ аферъ, онъ вскорѣ началъ скупать участки другихъ владѣльцевъ въ селѣ Пріютинѣ и наконецъ сдѣлался единственнымъ его владѣльцемъ.

Въ теченіе тридцатилѣтняго хозяйства Иванъ Петровичъ правда скупилъ все Пріютино и устроилъ его довольно изрядно, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ множество долговъ и позапуталъ свои дѣла, увлекаясь постоянно разными предпріятіями и аферами, которыя постоянно были неудачны. Бралъ онъ поставки хлѣба въ казну, торговалъ лѣсомъ, скупая рощи и наконецъ выстроилъ винокуренный заводъ, надѣясь получить отъ него чуть ли не милліоны; но увы, вмѣсто милліоновъ, чуть-чуть не прокурилъ на заводѣ всего имѣнія. При жизни Анны Павловны, его супруги, все хозяйство шло несравненно лучше, а послѣ ея кончины весь домъ какъ говорится пошелъ вверхъ дномъ.

У Мамочкиныхъ семейство было большое и все сыновья. Старшимъ сыномъ былъ нашъ знакомый, Евгеній Ивановичъ; второй — Антонъ служившій въ артиллеріи умеръ; тре-

тій — Паисій, четвертый — Ираклій, пятый — Аполлинарій, сошедшій съ ума, шестой—Анатолій и седьмой Евлампій.

Паисій Ивановичъ, воспитывался въ Петербургѣ, служилъ весьма не долго и женившись и порядочно позапутавшись въ своихъ дѣлахъ, счелъ за лучшее выйти въ отставку и поселиться въ Пріютинѣ, предложивъ отцу привести всѣ дѣла въ порядокъ;— но къ крайнему сожалѣнію это намѣреніе далеко не осуществилось. Паисій Ивановичъ былъ небольшаго роста, худощавый, съ длинными волосами и бакенбардами, между которыми на подбородкѣ онъ пробривалъ небольшую полоску; характера былъ довольно злаго, своенравнаго, эгоистичнаго; неуступчивость, злоязычіе и изумительная болтливость, составляли отличительныя его свойства. Жена его Агафія Өедоровна, дама высокаго роста, блондинка и очень худощавая, не уступая своему мужу въ злоязычіи была превеликая сплетница; дѣтей у нихъ было трое.

Ираклій Ивановичъ почти лишенъ былъ умственныхъ способностей и при весьма невзрачной наружности, отличался тупоуміемъ. Не окончивъ курса въ одномъ изъ военныхъ заведеній онъ поселился у отца въ деревнѣ, гдѣ положительно ничего не дѣлалъ. Лѣность и апатія выражались даже и въ его походкѣ, то есть медленномъ переваливаніи съ ноги на ногу. При дѣтяхъ Паисія Ивановича жила гувернантка, довольно красивая, молодая дѣвушка, блондинка, съ поэтическимъ настроеніемъ, восторженная, нѣсколько кокетливая и очень хорошо образованная. Не понятно какими судьбами Ираклій Ивановичъ могъ ей понравиться; что она ему понравилась, то это не мудреное дѣло; только въ одинъ прекрасный день она отказалась отъ мѣста и уѣхала изъ Пріютина; Ираклій Ивановичъ за нею послѣдовалъ, они обвѣнчались и поселились гдѣ-то въ деревнѣ.

Анатолій Ивановичъ небольшаго роста, брюнетъ довольно

красивой наружности, живой, веселый, обладалъ прекрасными душевными качествами, прямымъ, откровеннымъ характеромъ, любящимъ сердцемъ, готовымъ помочь всегда всякому и словомъ и дѣломъ. По окончаніи научнаго курса онъ совершилъ нѣсколько кругосвѣтныхъ кампаній и по возвращеніи, женился въ Москвѣ на одной очень молодой княжнѣ, очень милой, доброй дѣвушкѣ и съ большимъ состояніемъ. Младшимъ сыномъ былъ Евлампій, средняго роста, бѣлокурый и худощавый, съ чрезвычайно скрытнымъ характеромъ; онъ былъ эгоистъ въ полномъ значеніи слова.

Прежде чѣмъ продолжать нашу повѣсть, позволяемъ себѣ ознакомить читателей съ порядкомъ или точнѣе, съ безпорядкомъ дня Пріютинскаго образа жизни... Вставали поздно, около десяти часовъ, кромѣ старика Мамочкина, который постоянно вставалъ, какъ говорится, до пѣтуховъ и пилъ чай въ своей комнатѣ. Къ десяти часамъ являлся Паисій Ивановичъ въ комнату для пріѣзжихъ, садился передъ кривымъ зеркаломъ и занимался расчесываніемъ волосъ гребешками всевозможныхъ величинъ, что продолжалось около получаса; за тѣмъ мылся и одѣвался. Въ десять часовъ толстая экономка, Варвара Матвѣевна, бывшая кормилица Паисія Ивановича накрывала въ залѣ столъ и разставляла чайныя принадлежности, между тѣмъ какъ оборванный и босоногій Степка приносилъ самоваръ; потомъ являлась и Агафія Ѳедоровна и разливала сама чай. Въ это время лакейская наполнялась мало-по-малу крестьянами, приходившими къ Паисію Ивановичу за разными надобностями, а иногда и просто—«погутарить.» Они безцеремонно являлись и въ залъ, отъ чего полъ его пріобрѣлъ цвѣтъ чернаго дерева. Тутъ Паисій Ивановичъ, спускалъ ужь свой язычекъ на славу: кричалъ, бранился и болталъ безъ умолка. Въ тоже время появлялся иногда и управляющій Михаилъ Ефимовъ, личность небольшаго роста, лѣтъ за сорокъ, весьма невзрачной наруж-

ности, человѣкъ пустой, неспособный и большой охотникъ до рюмочки. По окончаніи чаепитія всѣ удалялись въ разныя стороны: старшая дочь Паисія Ивановича и дочь управляющаго, которая съ ней воспитывалась, бренчали поочередно на фортепіано, а другія дѣти бѣгали по двору или по саду подъ наблюденіемъ какой нибудь босоногой дѣвченки. Агафія Ѳедоровна исчезала куда нибудь по хозяйству или работала за швейной машиной а Паисій Ивановичъ бѣгалъ, то въ поле, то на гумно продолжая говорить съ кѣмъ нибудь, а если никого не случалось, то онъ бормоталъ самъ съ собою; языкъ его никогда не могъ оставаться въ покоѣ и требовалъ постояннаго движенія. Старикъ Мамочкинъ, въ засаленномъ халатѣ выползалъ изъ своихъ комнатъ, входилъ въ залъ и гостиную, безпрерывно напоминая, что не пора ли обѣдать; затѣмъ возвращался во свояси, садился за столъ и дрожащею рукою писалъ какія-то цифры, вычисляя по старой привычкѣ небывалые доходы или читалъ Московскія Вѣдомости, а если кто нибудь къ нему заходилъ, то онъ начиналъ тотчасъ же говорить о политикѣ или о грядущей войнѣ, которая постоянно ему мерещилась, какъ онъ обыкновенно выражался «на политическомъ горизонтѣ.»

Обѣдали въ три, четыре, въ пять часовъ, а иногда и въ шесть; затѣмъ всѣ снова расходились,—Паисій Ивановичъ предавался сну и тогда водворялась тишина въ домѣ, нарушаемая лишь снованіемъ по комнатамъ старика Мамочкина напоминавшаго «не пора ли пить чай.» Въ сумерки повторялось бряцанье по фортепіано и репетиціи разныхъ пьесъ, которыя весьма часто разыгрывались въ Пріютинѣ. Въ восемь часовъ подавали чай въ томъ же порядкѣ какъ и утромъ; затѣмъ Михаилъ Ефимовъ и крестьяне являлись въ кабинетъ Паисія Ивановича и опять начиналась трескотня, шумъ и гамъ. Въ десять часовъ, старикъ Мамочкинъ ложился спать, равно и дѣти,

а въ двѣнадцать подавали ужинъ и затѣмъ все предавалось отдохновенію.—

Мужская прислуга въ деревенскомъ домѣ старика Мамочкина состояла изъ двухъ мальчиковъ, общипанныхъ, оборванныхъ, не мытыхъ и не чесанныхъ, взятыхъ изъ крестьянъ, а женская—была нѣсколько многочисленнѣе, именно, она заключалась изъ толстѣйшей экономки Варвары Матвѣевны и четырехъ дѣвченокъ, босоногихъ, грязныхъ и въ изорванныхъ платьяхъ.

На ту пору въ домѣ Мамочкина проживалъ Никонъ Ѳедоровичъ Комковъ, братъ Агафьи Ѳедоровны съ маленькимъ своимъ сыномъ. Комковъ былъ блондинъ, очень высокаго роста, худощавый, красивой наружности; находился при Паисіѣ Ивановичѣ для особыхъ порученій, Никонъ Ѳедоровичъ занимался при этомъ адвокатурой и сочиненіемъ театральныхъ пьесъ для Пріютинскаго театра.

Была еще личность проживавшая почти постоянно въ Пріютинѣ, по имени Псой Псоичъ; личность эта проводила почти цѣлые дни на охотѣ; — при красивой наружности, она далеко не отличалась интеллигенціей.

....

Пріѣхавши въ Пріютино, Евгеній Ивановичъ вошелъ прямо въ комнаты старика отца и нашелъ его совершенно больнаго, сидящаго въ креслахъ.

Иванъ Петровичъ обнялъ сына выразилъ ему свою скорбь о кончинѣ его жены и о томъ, что Евгенію Ивановичу не удалось пріѣхать съ нею проститься.

Евгеній Ивановичъ плакалъ.

Вскорѣ явился Паисій Ивановичъ и началъ по обычаю ораторствовать, упрекая брата въ его отъѣздѣ за границу, въ огорченіяхъ будто бы причиненныхъ его женѣ, сведшихъ ее въ могилу, потомъ перешелъ къ долгамъ Евгенія Ивановича, которые увеличилъ до баснословной цифры.

Евгеній Ивановичъ хладнокровно выслушивалъ всю эту болтовню и давши ему ее окончить, замѣтилъ, что до отъѣзда его заграницу равно и до долговъ, ему нѣтъ никакого дѣла, такъ какъ онъ платить. ихъ не будетъ; что же касается до отношеній къ покойной женѣ, то онъ проситъ его объ этомъ замолчать и не смѣть никогда говорить объ этомъ ни слова.

— «Я ничего не знаю»,—отвѣтилъ Паисій, «я говорю только что слышалъ».

За тѣмъ болтовня продолжалась, которую такъ надоѣло слушать Евгенію Ивановичу что онъ вышелъ изъ комнаты.

Возвратясь черезъ нѣсколько времени къ отцу и оставшись съ нимъ наединѣ, Евгеній Ивановичъ началъ говорить съ нимъ откровенно о причинѣ своего отъѣзда за границу и о разговорѣ съ покойной его женой по поводу денежныхъ дѣлъ и о будущихъ своихъ предположеніяхъ.

Отецъ, выслушивъ его разсказъ прослезился.

Потомъ Евгеній Ивановичъ началъ ему говорить объ его отношеніяхъ къ Елизаветѣ Павловнѣ, о которой онъ уже слышалъ мелькомъ, о его любви и привязанности къ этой женщинѣ, съ которой онъ клялся что никогда не разстанется. Когда же Евгеній Ивановичъ ему сообщилъ, о томъ, что онъ единственно обязанъ Елизаветѣ Павловнѣ своимъ возвращеніемъ изъ за границы, объ ея къ нему участіи и привязанности,—старикъ Мамочкинъ пришелъ въ восторгъ отъ нея и сказалъ сыну, что онъ можетъ считать себя вполнѣ счастливымъ, пользуясь расположеніемъ подобнаго сокровища а не женщины.

«Долго ли ты проживешь здѣсь Евгеній»? спросилъ старикъ.

— «Недѣлю не болѣе, потомъ поѣду повидаться съ дѣтьми въ Саратовскую губернію, гдѣ какъ вы слышали они поселились на всю зиму съ родственниками покойноі Антонины; на возвратномъ пути заѣду къ вамъ и дождавшись письма отъ Елизаветы Павловны, которая заботится и хлопочетъ омоихъ дѣлахъ—уѣду въ Москву.

— «Это ангелъ, а не женщина», сказалъ старикъ.

— «Надѣюсь папа, что вы со временемъ съ нею познакомитесь и тогда конечно вполнѣ оцѣните всю прелесть ея души.... Ну а вы долго думаете пробыть въ Пріютинѣ»?

— «Да вотъ, какъ поправлюсь въ здоровьѣ... у меня былъ нарывъ па спинѣ, я двѣ недѣли ужасно страдалъ и едва передвигалъ ноги;... думаю пробыть здѣсь недѣли три не болѣе»...

Послѣ этой бесѣды, Евгеній Ивановичъ пошелъ въ залъ гдѣ нашелъ Агафью Ѳедоровну съ семействомъ за чаемъ. Поздоровавшись со всѣми довольно сухо, онъ пошелъ въ комнату для пріѣзжихъ, гдѣ началъ писать письма, одно въ Саратовъ къ своему зятю, въ которомъ онъ сообщалъ о своемъ возвращеніи и о пріѣздѣ черезъ недѣлю къ нему въ деревню, для свиданія съ дѣтьми, а другое къ Елизаветѣ Павловнѣ, съ извѣщеніемъ о кончинѣ жены, о необходимости ѣхать въ Саратовскую губернію, черезъ нѣсколько дней, гдѣ онъ предполагалъ пробыть около недѣли и просилъ писать къ нему какъ можно чаще; окончивши письма, онъ ихъ отправилъ на ближайшую полустанцію.

Во время обѣда, Евгеній Ивановичъ не говорилъ почти ни съ кѣмъ, сидѣлъ очень задумчивый и грустный и долженъ былъ волею неволею выслушивать болтовню Паисія Ивановича, который въ неумолкаемомъ своемъ разговорѣ, бросался отъ одного предмета къ другому, отъ земскихъ собраній къ всходамъ озимыхъ и отъ запроданнаго сѣна къ мирому съѣзду.

Послѣ обѣда всѣ разбрелись въ разныя стороны, старикъ Мамочкинъ задремалъ въ креслахъ, а Евгеній Ивановичъ пошелъ гулять по цвѣтнику и саду.

Невольно вспомнилъ онъ о прошломъ; все тотъ же садъ, все тѣ же дорожки, деревья, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ все измѣнилось въ Пріютинскомъ образѣ жизни, а еще болѣе въ немъ самомъ. Вспомнилъ онъ про свою покойную мать Анну Пав-

ловну, которая своей добротой, вниманіемъ и предупредительностію умѣла привлечь къ себѣ всѣхъ сосѣдей и окружающихъ ее и сдѣлать жизнь въ Пріютинѣ необыкновенно веселою разнообразною и пріятною. Послѣ же ея кончины все разрушилось, во всемъ пошелъ разладъ и хаосъ... «Вотъ при maman не было бы такого безпорядка,» — подумалъ Евгеній Ивановичъ, глядя на развалины оранжереи въ четыре рамы, «при ней оранжереи не сломали, и осталась она какъ была прежде, да и дорожки не заросли бы травой, да и на клумбахъ были бы цвѣты.» — Изъ цвѣтника, онъ прошелъ въ садъ, тамъ уже не было аллей вѣковыхъ березъ, отдѣлявшихъ садъ отъ гумна, исчезли и столѣтнія сосны и елка по серединѣ сада, макушки коихъ виднѣлись издалека и всѣ дороги заросли травой. Видно было, что садомъ никто не занимался и что онъ окончательно былъ заброшенъ.

На встрѣчу къ нему шелъ какой то человѣкъ въ полуармякѣ и поровнявшись съ Мамочкинымъ снялъ шапку.

«Не ты ли любезный здѣшній садовникъ»?—спросилъ у него Евгеній Ивановичъ.

— «Такъ точно-съ».

— «Что же у васъ все заросло въ саду травой»!

— «Помилуйте-съ, я одинъ, не управлюсь, а помоги совсѣмъ не даютъ».

— «А кто же срубилъ сосны и березы»?

— «Паисій Ивановичъ приказали-съ»?..

— «Жаль»!..

— «Помилуй-тесъ въ саду теперь ни кто и не бываетъ а кромѣ дѣтей... Паисій Ивановичъ и Агафья Θеодоровна не охотники.»

— «Оно и видно»! сказалъ Мамочкинъ уходя далѣе.

Да! — продолжалъ думать Евгеній Ивановичъ, «конечно при жизни maman я самъ не былъ бы теперь въ такомъ положе-

нiи. Если бы и случилось все это, то конечно она нашла бы средства мнѣ помочь и на вѣрное, любя меня такъ, какъ она меня любила—вывела бы меня изъ затруднительнаго положенія».. Полный грустныхъ думъ, онъ возвратился въ домъ, гдѣ нашелъ Псоя Псоавича, въ полукафтанѣ и въ болотныхъ сапогахъ, только что возвратившагося съ охоты.

Старикъ Мамочкинъ познакомилъ его съ Евгеніемъ Ивановичемъ и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ они разговаривали объ охотѣ.

На другой день, довольно рано утромъ, Евгеній Ивановичъ пошелъ на могилу матери, гдѣ долго молился; молился онъ и о упокоеніи вновь отлетѣвшей души дорогой ему Антонины, молился онъ о себѣ, о Лизѣ и просилъ мать благословить ихъ обоихъ. Обошелъ онъ могилы близкихъ родныхъ, и по крови и по сердцу, любившихъ его горячо; увы! ихъ давно уже не было!..

Возвратясь домой, онъ перечиталъ письмо написанное имъ наканунѣ къ Елизаветѣ Павловнѣ, и разорвавъ его написалъ къ ней слѣдующее:

«Дорогой, безцѣнный мой другъ Лиза»! Кончина моей ми«лой, доброй Антонины, глубоко меня огорчила, поразивъ не«ожиданностію... Я въ ней потерялъ женщину, которая обла«дая чудными душевными качествами и ангельски терпѣливымъ «и кроткимъ характеромъ была примѣрной женой и рѣдкой «матерью! Скорбь моя дѣлается еще сильнѣе при мысли, что «я лишенъ былъ счастія быть съ нею при послѣднихъ дняхъ «ея тяжелой жизни. Я всегда искренно любилъ эту женщину, «и уважалъ ее вполнѣ, сознавая нравственное ее превосход«ство и постоянную прямоту, честность и добросовѣстность «во всѣхъ ея дѣйствіяхъ. Жизнь ея постоянно была подъ ка«кимъ то нравственнымъ гнетомъ окружающихъ ея родныхъ, «который она кротко переносила, питая къ нимъ чрезмѣрную

«привязанность... Мнѣ остается теперь лишь молиться о ней «и свято хранить въ сердцѣ моемъ, какъ кладъ, воспоминаніе «о моей Антонинѣ! молить и ея чистую, свѣтлую душу, быть «изъ загробной жизни незримымъ Ангеломъ хранителемъ ос- «тавшейся на землѣ осиротѣлой души ея Евгенія!.. Дѣти мои «находятся у родныхъ отлетѣвшей отъ насъ и за нихъ я со- «вершенно спокоенъ; нравственное и матеріальное ихъ бытіе «вполнѣ обезпечены. Остаюсь теперь я, съ больной, осиротѣ- «лой душей и съ матеріальными недугами... Что ожидаетъ меня «впереди?.. найдетъ ли когда-нибудь моя душа нравственное «уврачеваніе столь необходимое? суждено ли ей когда-нибудь «отдохнуть отъ всѣхъ бурь и волненій? суждено ли осиротѣ- «лой этой душѣ, найти когда-нибудь пріютъ въ другой душѣ?— «вотъ вопросы Лиза, которые вы и единственно вы во всемъ «мірѣ, вы однѣ, можете рѣшить и произнести имъ приговоръ... «На дняхъ ѣду въ Саратовъ, повидаться съ дѣтьми; черезъ «недѣлю возвращусь сюда и буду ожидать вашего письма. «Прощайте, дорогой мой другъ, пишите и не забывайте ваше- «го Евгенія».

Отправивши это письмо на почту, Евгеній Ивановичъ пошелъ въ домъ управляющаго и бесѣдовалъ около часа съ его женой, очень умной женщиной и нѣкогда весьма красивой; вспоминали они о прошломъ, объ Аннѣ Павловнѣ и о княгинѣ М., которой, Екатерина Васильевна, такъ звали жену управляющаго была крѣпостной дѣвушкой.

— «А вы Евгеній Ивановичъ не забыли мою княгиню?» говорила она глубоко вздохнувъ.

— «Какъ же ее забыть! она была такъ дружна съ покойной матушкой; жили они какъ говорится душа въ душу, да почти въ одно время и скончались.

— «Да! княгиня скончалась черезъ два мѣсяца послѣ Анны Павловны.

— «Вы долго у насъ погостите Евгеній Ивановичъ?»

— «Пробуду еще дня четыре и уѣду повидаться съ дѣтьми въ Саратовъ.

— «Они развѣ всѣ тамъ?

— «Да! всѣ уѣхали туда года на полтора!.. Ну прощайте;.. желаю вамъ всего лучшаго...

— «Благодарю васъ, что вспомнили!..»

Княгиня М. у которой жена Пріютинскаго управляющаго была когда то горничной,—была замѣчательная женщина во всѣхъ отношеніяхъ. Она принадлежала, какъ по своему роду, такъ и по мужу къ высшей аристократіи. Родители ея, обладали прежде значительнымъ состояніемъ, которое послѣ смерти ея отца, перейдя въ управленіе ея матери, женщины напыщенной и безалаберной пришло почти въ раззорѣніе. Вѣра Павловна, такъ звали княгиню, имѣя болѣе тридцати лѣтъ, вышла за мужъ за князя Д. М. хотя знатнаго, но человѣка необразованнаго и пустаго, въ полномъ значеніи слова. Не отказывая себѣ ни въ какихъ прихотяхъ, содержа громадную псовую охоту и мотая деньги, князь довелъ въ скоромъ времени громадное свое состояніе до раззоренія и продавъ свое имѣніе переселился въ женнино, продолжая и тамъ одинаковый образъ жизни. Хотя образъ жизни князя очень огорчалъ его жену, но она безропотно переносила всѣ выходки своего мужа съ покорностію судьбѣ и съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ... Не обладая красотой, княгиня имѣла привлекательную наружность и обворожительныя манеры. Добрая, внимательная, ласковая, живаго и веселаго характера, она постоянно держала себя съ неподражаемымъ тактомъ; прибавимъ къ этому, что она была женщина умная и отлично образованная. Послѣ ея кончины умеръ и ея мужъ раззорившись, какъ говорится до тла, въ самомъ жалкомъ положеніи.

Возвратясь домой, Евгеній Ивановичъ, зашелъ на половину отца и нашелъ старика раскладывающаго пасіансъ...

— «Ты гулялъ Евгеній?

— «Да!.. я былъ у Екатерины Васильевны?..

— «Утромъ ты также куда то ходилъ...»

— «Я былъ на могилѣ маменьки, потомъ писалъ письмо...»

— «Кому?..»

— «Елизаветѣ Павловнѣ Даргевичъ!..»

«А ты кажется очень къ ней неравнодушенъ?»

— «Да! я люблю эту женщину искренно, какъ только можно любить?»

— «Она молода, красива собой?»

— «Тридцать пять, шесть лѣтъ, но она очаровательно хороша... что за глаза!..»

— «У тебя вѣроятно есть ея фотографическія карточки; покажи мнѣ пожалуста!»

Евгеній Ивановичъ принесъ нѣсколько ея портретовъ: старикъ разсматривалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и отдавая, сказалъ.

— «Дѣйствительно, очень хороша!.. ты получилъ здѣсь отъ нея письма?»

— «Жду съ большимъ нетерпѣніемъ.»

Прошло еще два дня, писемъ отъ Елизаветы Павловны не было и Евгеній Ивановичъ былъ въ большомъ волненіи и послалъ уже къ ней телеграму, прося увѣдомить о ея здоровьи. Внутреннее его безпокойство такъ рѣзко отразилось въ его наружности, что старикъ Мамочкинъ садясь за обѣдъ рядомъ съ Евгеніемъ Ивановичемъ, спросилъ у него о состояніи здоровья.

— «Ничего!.. я здоровъ.»

— «А!.. понимаю»—отвѣтилъ старикъ, наклонясь къ нему на ухо... «vous ne recevez pas de lettres!..»

— «C'est cela»—сказалъ улыбаясь Евгеній Ивановичъ.

Во время обѣда, пріѣхала одна изъ ближайшихъ сосѣдокъ,

мать Псоя Псоича. Это была женщина лѣтъ семидесяти, но еще свѣжая и добрая. Коротко подстриженные сѣдые волосы окаймляли круглое, румяное лице старухи, наполненное выраженіемъ ума и большой энергіи. Не смотря на возрастъ и на полноту, она ходила бодро и скоро, говорила очень громко, обращаясь почти со всѣми на «ты» и въ своемъ разговорѣ высказывала рѣшительный характеръ и необыкновенную силу воли. Она страстно любила псовую охоту и не смотря на свои годы весьма часто ѣздила съ собаками въ поле на нѣсколько дней. Меланія Христофоровна, такъ звали почтенную эту старушку, не стѣснялась въ выраженіяхъ и особенно въ выраженіи своего о комъ нибудь мнѣнія; бѣда если она найдетъ кого либо виновнымъ... пощады ему не было. Сѣвши рядомъ съ Паисіемъ Ивановичемъ, она начала съ нимъ спорить, да такъ, что тотъ прикусилъ свой подвижный язычекъ. Псой же Псоичъ, по пріѣздѣ матери, поцѣловавъ ея руку тотчасъ же скрылся не показываясь до ея отъѣзда.

....

На слѣдующее утро Евгеній Ивановичъ былъ очень обрадованъ получивъ отвѣтную телеграмму отъ Елизаветы Павловны и письмо слѣдующаго содержанія:

«Милый, дорогой мой Женя» «Я получила твое письмо и «вполнѣ сочувствую твоему горю. Хотя я не имѣла чести «знать Антонину Сергѣевну, но слыша весьма часто твои о «ней отзывы равно и другихъ лицъ, я истинно уважала эту «достойнѣйшую женщину; уважала ее, какъ жену и мать!.. и «постоянно внутренно сожалѣла что никогда не могла лично «съ нею познакомиться. Но другъ мой потѣря эта не возвратима и въ этомъ случаѣ человѣкъ волею, не волею долженъ «покориться судьбѣ и промыслу, который дѣйствуетъ по мимо «насъ, нашихъ надеждъ и желаній. Да Женя! повторяю тебѣ,

«потѣря ужасная и молю Бога, чтобы онъ далъ тебѣ силы и «характеръ... Я знала о кончинѣ твоей супруги когда ты возвратился изъ за границы, но не рѣшалась сообщить тебѣ «эту ужасную вѣсть!... Ты спрашиваешь меня въ письмѣ найдетъ ли твоя душа когда нибудь нравственное уврачеваніе; «суждено ли ей отдохнуть когда нибудь отъ всѣхъ бурь и «волненій и найти когда нибудь пріютъ въ другой душѣ? И «всѣ эти вопросы предоставляешь рѣшить единственно мнѣ!.. «ты знаешь Женя, что я тебѣ отдала уже дружбу, отдала тебѣ «и душу... давши обѣтъ посвятить себя всецѣло тебѣ мой «другъ... Скажи, что могла болѣе отдать женщина человѣку, «связанному еще священными узами брака съ другимъ существомъ? не есть ли это высшій предѣлъ святой, чистой любви?.. Не ужели Женя ты можешь сомнѣваться, что мои чувства къ тебѣ могутъ когда нибудь измѣниться? не ужели «сердце мое, полное страстной привязанности и любви можетъ охладѣть!.. нѣтъ!.. тысячу разъ нѣтъ... Отнынѣ, мой «дорогой, мой желанный, Лиза вся твоя и твоя на вѣки!.. отнынѣ Женя, вся моя жизнь наполнена будетъ лишь тобою... «Ты еще не знаешь какъ Лиза можетъ любить, какъ умѣетъ «любить и какъ будетъ она тебя любить!.. моя любовь къ тебѣ «это буря!.. это адъ!.. Теперь Женя, ты мой!.. слышишь ли «мой!.. передъ Богомъ и людьми!.. Цѣлуя тебя мое сокровище, «моя жизнь, мое блаженство!..» «Твоя Лиза».

Въ дополненіе къ этому письму Елизавета Павловна умоляла не заживаться въ Саратовѣ; писала что дѣла его она начала приводить въ порядокъ и надѣется окончить не болѣе какъ черезъ двѣ недѣли.

Какъ безумный, перечитывалъ Евгеній Ивановичъ это письмо нѣсколько разъ и не могъ отъ него оторваться;.. въ эту минуту онъ забылъ все и готовъ былъ тотчасъ же летѣть къ своей Лизѣ.

Старикъ Мамочкинъ засталъ его за чтеніемъ письма и былъ пораженъ выраженіемъ лица своего сына.

— «Enfin voici la lettre tant desirée; on voit comme vous aimez madame?..»

— «Je l'adore «c'est un ange.»

— «Jl n'y á pas de mystères dans cette lettre?»—

— «Pas pour vous mon pere.»—

И Евгеній Ивановичъ прочелъ съ восторгомъ это письмо.

— «Mon dieu, quelle femme!.. mais c'est un abyme d'a mour... Eugène, votre sort est à envier...»

— «Папа!.. я завтра съ утреннимъ поѣздомъ... уѣду въ Саратовъ; нѣтъ... лучше сегодня вечеромъ... поѣздъ проходитъ кажется въ пять часовъ.»

— «Нѣтъ, половина седьмаго... черезъ недѣлю, ты возворотишся?..»

— «Непремѣнно!»

Во время обѣда Агафія Ѳедоровна обратилась къ мужу съ слѣдующею рѣчью!

— «Наше Пріютино со всѣмъ преобразилось съ пріѣздомъ Евгенія Ивановича... что за кипучая дѣятельность,»—прибавила она, съ саркастической улыбкой —«ежедневно телеграммы отсюда въ Москву и обратно, какая переписка!»

— «Что же дѣлать матушка, молодость, пылкость, любовь! Евгеній Ивановичъ молодой еще человѣкъ нельзя!»—отвѣтилъ Паисій Ивановичъ.

Евгеній Ивановичъ счелъ лишнимъ возражать что либо на эту глупую и смѣшную выходку; обращаясь къ отцу, онъ просилъ его распорядиться экипажемъ для доставленія его на ближайшую станцію желѣзной дороги.

— «Смѣю спросить, куда вы изволите ѣхать?»—послышался голосъ Паисія.

— «Въ Саратовскую губернію!..»

— «Такъ-съ... и надолго?..»

— «Не знаю, какъ поживется»...

— «Вставши изъ стола, Евгеній Ивановичъ приказалъ закладывать лошадей и черезъ нѣсколько минутъ простившись съ отцемъ и остальными членами семейства—уѣхалъ...

— «Какъ Евгеній Ивановичъ спѣшитъ, до станціи полторы версты, поѣздъ отходитъ еще черезъ два часа»—сказала Агафія Ѳедоровна старику Мамочкину!..

— «Какъ же нельзя-съ!.. перебилъ ее Паисій... въ Москву на Тверскую!.. да бишь;... въ Саратовскую губернію!.. виноватъ.»

Евгеній Ивановичъ пожалъ плечами.

По пріѣздѣ на станцію, онъ написалъ Елизаветѣ Павловнѣ письмо, увѣдомляя ее о своемъ отъѣздѣ и дождавшись поѣзда отправился по направленію къ Тамбову.

. . . .

На вторые сутки къ вечеру пріѣхалъ Мамочкинъ въ имѣніе своего зятя. Увидѣвши дѣтей вышедшихъ къ нему на встрѣчу на крыльцо, онъ молча обнялъ ихъ всѣхъ и горько заплакалъ. Онъ замѣтилъ въ дѣтяхъ своихъ какую то холодную сдержанность, отсутствіе ласокъ, что очень его огорчило. Они были съ нимъ внимательны, предупредительны, но болѣе ничего.—Удалясь съ ними въ комнату старшей дочери, она передала ему всѣ подробности болѣзни и кончины Антонины Сергѣевны, и письмо, написанное за нѣсколько дней до ея кончины;—письмо это было запечатано...

— «Что же это ты сдѣлала,»—сказалъ старшей дочери Евгеній Ивановичъ,—«что же вы мнѣ не написали, только что мамаша сдѣлалась больна.

— «Мы всѣ къ тебѣ писали папа, и мамаша писала два письма, одно въ Цюрихъ, другое въ Бернъ.»

— «Я тамъ и не останавливался.»

— «А въ послѣднее время, когда мамашѣ сдѣлалось хуже и она слегла въ постѣль, то мы всѣ потѣряли головы и не знали что дѣлать; послѣднее время она очень страдала, вспоминала тебя!.. говорила, что она хочетъ очень тебя видѣть... потомъ въ бреду повторяла твое имя,—потомъ наконецъ она впала въ безпамятство такъ и скончалась!..

— Евгеній Ивановичъ рыдалъ во время этого разсказа....

— «Она очень обрадовалась, когда получила твои письма, все держала ихъ при себѣ!.. портретъ твой, стоялъ все у нея на столикѣ!..

— «Боже мой!.. боже мой»—простоналъ Евгеній Ивановичъ...

— «Не плачъ папа»—сказала младшая дочь—«мамашѣ тамъ хорошо! она была такая добрая, святая...

— «Ты былъ на ее могилѣ папаша?» спросила старшая дочь...

— «Да, другъ мой, былъ.»

— «Мамаша просила дядю и тетю насъ не оставить. Вотъ мы, послѣ девяти дней уѣхали сюда, а вчера ужъ былъ сороковый день!.. Намъ всѣмъ здѣсь очень хорошо; насъ любятъ, балуютъ... мы часто говоримъ о мамашѣ, вспоминаемъ объ ней. Учимся хорошо... вотъ ты узнаешь!.. Ахъ вотъ и самъ дядя.

— «Здраствуйте Евгеній Ивановичъ!»—холодно сказалъ протянувши руку братъ Антонины Сергѣевны!

Евгеній Ивановичъ пожалъ ему руку:

— «Благодарю васъ всемъ сердцемъ за участіе, которое вы приняли въ моихъ дѣтяхъ»...

— «Пойдемте ка Евгеній Ивановичъ, ко мнѣ въ кабинетъ, потолкуемъ... впрочемъ вы можетъ быть устали послѣ дороги...

— «Нѣтъ, нисколько!..»

— «Они ушли въ кабинетъ.

— «Послушайте Евгеній Ивановичъ!..» началъ говорить братъ Антонины Сергѣевны, когда они остались вдвоемъ—«считаю лишнимъ говорить и напоминать о прошедшемъ...скажу вамъ одно, что мнѣ все извѣстно!.. Но что было, то не возвратимо!..»— Дѣла ваши мнѣ также хорошо извѣстны...теперь остается одно!.. это будущность дѣтей покойной моей сестры... это единственная забота и конечно вы, какъ отецъ со мной въ этомъ согласны. Вамъ извѣстно также, что состояніе вашей жены было нераздѣльно съ состояніемъ старшей ея сестры и находилось постоянно въ моемъ управленіи, со дня кончины батюшки. Состояніе это конечно перейдетъ вашимъ дѣтямъ, равно и старшей моей сестры также лично и мое; слѣдовательно, какъ вы видите матеріальное состояніе вашихъ дѣтей вполнѣ обезпечено... Но главное, по моему мнѣнію, это нравственное ихъ бытіе; образованіе ихъ ума и сердца!.. Вы конечно согласитесь также Евгеній Ивановичъ, что при настоящемъ положеніи вашихъ дѣлъ; вамъ никакой нѣтъ возможности слѣдить а еще болѣе руководить умственнымъ и духовнымъ развитіемъ вашихъ дѣтей... у васъ нѣтъ для этого ни матеріальныхъ средствъ... и нравственной возможности, при запутанности вашихъ собственныхъ дѣлъ посвятить себя всецѣло дѣтямъ... Долженъ откровенно Евгеній Ивановичъ вамъ сказать, что у васъ недостанетъ для этого характера, ни твердыхъ убѣжденій чему неопровержимымъ доказательствомъ служитъ недавнее прошедшее!.. Вы конечно на столько любите вашихъ дѣтей, что пожелаете имъ счастія!..»

— «Конечно!..»

— «Я въ этомъ и не сомнѣвался... Послѣднее желаніе, послѣдняя воля моей сестры было, чтобы дѣти ваши остались у меня; я далъ клятву при смертномъ ея одрѣ имѣть о нихъ всевозможное попеченіе и посвятить имъ себя всецѣло...

съ сестрой, которая вамъ это подтвердитъ.... да вотъ и она.»

Въ это время вошли въ комнату жена Ѳомы Сергѣевича и Капитолина Сергѣевна, старшая сестра покойной жены Мамочкина.

Евгеній Ивановичъ всталъ и молча поцѣловалъ у нихъ руки;—встрѣча была самая холодная и натянутая.

— «Вотъ сестра, ты можешь повторить Евгенію Ивановичу желаніе покойной сестры Антонины.»

— «Да, Евгеній Ивановичъ»,—сказала Капитолина Сергѣевна, садясь на диванъ,—«желаніе и воля Антонины были, чтобы дѣти ваши остались у насъ; вы можете быть увѣрены, что мы исполнимъ свято наши обязанности въ отношеніи къ сиротамъ.»

— «Я никогда въ этомъ не сомнѣвался!»—отвѣтилъ Мамочкинъ, — «но дѣтей нельзя назвать сиротами, у нихъ есть отецъ!...»

— «Такъ, но вы Евгеній Ивановичъ, имѣете другіе интересы въ жизни... притомъ состояніе вашихъ дѣлъ...»

— «Не объ этомъ рѣчь»,—перебилъ ее Ѳома Сергѣевичъ,—«значитъ Евгеній Ивановичъ, дѣти остаются у насъ!»

— «Я всегда видѣлъ въ васъ Ѳома Сергѣевичъ человѣка»,—сказалъ Мамочкинъ,—«который постоянно принималъ самое живое и горячее участіе въ дѣлахъ покойной моей жены, равно и дѣтей; я настолько ихъ люблю, что конечно всегда готовъ принести имъ въ жертву эгоистичныя чувства имѣть ихъ при себѣ. Я вполнѣ увѣренъ что будущность ихъ какъ нравственная такъ и матеріальная будутъ обезпечены, а потому, еще разъ, благодаря васъ отъ всего сердца за теплое участіе, исполняю свято волю Антонины и поручаю вамъ нашихъ дѣтей!..»

Ѳома Сергѣевичъ пожалъ руку Мамочкина.

— «Теперь мнѣ остается поговорить съ вами относительно денежныхъ дѣлъ Евгеній Ивановичъ»,—сказалъ онъ, и обращаясь къ женѣ и сестрѣ, дополнилъ: — «mesdames оставьте насъ вдвоемъ.»

Когда дамы вышли, онъ подошелъ къ конторкѣ, и вынувъ запечатанный пакетъ подалъ его Мамочкину.

— «Вотъ деньги, которыя Антонина, завѣщала мнѣ передать вамъ, это часть изъ ея движимаго и недвижимаго имущества... желаю, чтобы деньги эти послужили вамъ для улучшенія вашихъ дѣлъ. Теперь Евгеній Ивановичъ, мы кажется съ вами все покончили!...»

— «Вы мнѣ позволите провести у васъ нѣсколько дней.»

— «Конечно!.. куда же вамъ спѣшить; поживите съ нами,»

— «Нѣтъ, я пробуду здѣсь дня три, и поѣду въ Москву и оттуда тотчасъ же на югъ Россіи искать мѣста и думаю тамъ поселиться.»

— «Вамъ ничего не остается болѣе, по моему мнѣнію какъ поскорѣе распутать ваши дѣла и найти какую нибудь службу.»

— «А вы долго предполагаете здѣсь пробыть?..»

— «Зиму непремѣнно, равно и до осени будущаго года а тамъ, что богъ дастъ...»

Остальной вечеръ Евгеній Ивановичъ провелъ съ дѣтьми, удалясь съ ними въ садъ.

Оставшись наединѣ послѣ ужина, въ отведенной ему комнатѣ Евгеній Ивановичъ распечаталъ письмо жены переданное ему дочерью и прочелъ слѣдующее:

«Милый Евгеній. Силы мои ослабѣваютъ и я чувствую, что «я скоро должна умереть. Прощай мой другъ, прощай на вѣки; «на землѣ намъ не суждено было болѣе свидѣться. Оставляю тебѣ «дѣтей нашихъ къ которымъ, я увѣрена, ты никогда не измѣнишь своихъ чувствъ; я просила брата и сестру взять ихъ «къ себѣ и ихъ не оставить, въ чемъ они дали мнѣ клятву. Евге-

«ній! жизнь твоя такъ сложилась, обстоятельства ея такъ теперь «измѣнились, что едва ли возможно будетъ тебѣ мой другъ, »заняться дѣтьми исключительно и посвятить имъ всю жизнь. «Насколько я понимала обязанности матери и насколько позво- «ляло разстроенное мое здоровье—я всѣми силами старалась «быть полезною нашимъ дѣтямъ; съ умѣла ли я что нибудь «для нихъ сдѣлать?—принести имъ нравственную пользу—пре- «доставляю судить другимъ! но умираю съ спокойною совѣ- «стію!... Другъ мой, ты очень хорошо знаешь насколько за- «виситъ матеріальное благосостояніе нашихъ дѣтей отъ моихъ «родныхъ; ты также хорошо знаешь, насколько мои родные «любятъ меня и дѣтей и насколько можно на нихъ положиться!.. «Разставаясь на вѣки, я умоляю тебя Евгеній оставить дѣ- «тей у брата и сестры, которые займутся окончаніемъ ихъ «умственнаго и нравственнаго образованія и вполнѣ обезпе- «чатъ ихъ будущность и съ матеріальной стороны. Увѣрена «мой другъ, что ты исполнишь предсмертное мое желаніе!... «Твоя будущность меня очень безпокоитъ!... зная твой харак- «теръ способный на увлеченія... Одинокая жизнь для тебя не- «мыслима, она погубитъ тебя окончательно. Ежели мой другъ, «ты встрѣтишь женщину, которую полюбишь и которая въ «свою очередь, посвятитъ тебѣ свою жизнь... я васъ благо- «словляю; но Евгеній, будь осмотрителенъ и строгъ въ выборѣ «жены и не увлекайся наружными прелестями женщины, ко- «торыя по большинству обманчивы!... Исполняй другъ мой «строго свои обязанности, которыя ты на себя наложишь... «люби свою жену и сердцемъ и умомъ!... Силы мои слабѣютъ «мой добрый другъ... молись о моей душѣ, такъ же какъ и я «буду молиться передъ Престоломъ Божіимъ о моемъ Евгеніѣ, «котораго теперь оставляю на всегда!... Прощай Евгеній, цѣ- «лую тебя мысленно въ послѣдній разъ... Молись мой другъ, «мужайся, не ослабѣвай духомъ, надѣйся и вѣруй въ про-

«мыслъ Божій!... не забывай Антонину, которая истинно, глу-
«боко тебя любила и любитъ до послѣдней минуты своей жиз-
«ни!... Прощай... благословляю тебя:

«Твоя Антонина.»

«Я просила брата выдать тебѣ деньги... употреби ихъ съ «пользою на улучшеніе твоихъ дѣлъ.»

Прочитавъ письмо, Евгеній Ивановичъ нѣсколько разъ поцѣловалъ священныя для него строки и горько заплакалъ... Онъ почувствовалъ себя вполнѣ осиротѣлымъ, лишившись своей жены... Долго сидѣлъ онъ, думая о своей потерѣ и о будущности!...

Въ пакетѣ, переданномъ ему Ѳомою Сергѣевичемъ, онъ нашелъ назначенныя ему деньги.

Прожилъ Евгеній Ивановичъ еще два дня въ имѣніи своего зятя, не разлучаясь съ дѣтьми почти ни на минуту и постоянно бесѣдуя съ ними о покойной Антонинѣ.

На третій день, благословивъ дѣтей и простясь съ родными жены, Мамочкинъ уѣхалъ обратно въ имѣніе отца.

....

По пріѣздѣ въ Пріютино Евгеній Ивановичъ нашелъ письма отъ Елизаветы Павловны, въ которыхъ она просила его не мѣдлить возвращеніемъ въ Москву, что она очень соскучилась и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ его пріѣзда. Письма эти ускорили его отъѣздъ и пробывши сутки съ старикомъ онъ уѣхалъ въ Москву, извѣстивъ телеграммою Елизавету Павловну о своемъ пріѣздѣ.

Она встрѣтила его на станціи желѣзной дороги и свиданіе ихъ было самое трогательное... Они немедленно поѣхали на квартиру къ Елизаветѣ Павловнѣ, гдѣ Мамочкинъ сообщилъ ей со всѣми подробностями о пребываніи своемъ въ Пріютинѣ, равно и въ Саратовской губерніи, въ имѣніи зятя.

— «Какая достойная женщина во всѣхъ отношеніяхъ была

твоя жена Eugène»,—сказала Елизавета Павловна, по прочтеніи ей Мамочкинымъ письма Антонины Сергѣевны,—«такихъ женщинъ дѣйствительно не много!...»

— «Да, Лиза, она была добрая, честная, рѣдкая женщина... Послушай Лиза!... ты та женщина, которую Антонина завѣщала мнѣ любить... ты та женщина, которой я посвѣщаю отнынѣ всецѣло всю свою жизнь!...»

Вмѣсто отвѣта Елизавета Павловна бросилась въ его объятія.

— «Лиза!.. ты мнѣ не отвѣчаешь!..»

— «Я тогда только тебѣ и отвѣчу Женя, когда увижу тебя вполнѣ счастливымъ.»

— «Все мое счастіе въ тебѣ лишь одной и зависитъ отъ тебя!...»

— «Не отъ меня Женя, но отъ Бога!»

Евгеній Ивановичъ крѣпко ее поцѣловалъ.

— «Послушай Eugène, я безъ тебя мой другъ, почти совершенно окончила твои дѣла... ну объ этомъ мы съ тобою переговоримъ завтра.»

— «Да Лиза, мы должны рѣшить, какъ устроить нашу жизнь!»

— «Да, да, мы обо всемъ перетолкуемъ.»

— «Лиза, вотъ тебѣ деньги которыя я получилъ по завѣщанію жены», — сказалъ Евгеній Ивановичъ отдавая ей пакетъ.

— «Эти деньги, теперь Женя какъ нельзя болѣе кстати; изъ нихъ часть тебѣ придется уплатить... а затѣмъ еще останутся...»

— «Какъ?»—спросилъ удивленный Мамочкинъ,—«я думалъ, что и этихъ денегъ навѣрное недостанетъ.»

— «Вотъ видишь ли дружокъ какъ я устроила...»

— «Разскажи же Лиза, какъ ты съумѣла такъ отлично совсѣми покончить...»

— «Вотъ и Лиза твоя, съумѣла быть тебѣ полезной... узнаешь все завтра, а теперь давай пить чай и ужинать!..»

— «Лиза, я располагаю пробыть у тебя довольно долго...»

— «Еще бы, да развѣ я тебя отпущу теперь куда нибудь... Женя теперь мой.... слышишь ли мой....»—продолжала она, устремивъ на него огненные свои взоры!...

— «Лиза! я люблю тебя» сказалъ Евгеній Ивановичъ сжимая ее въ своихъ объятіяхъ.

....

На слѣдующій день Елизавета Павловна, сообщила ему, что, при содѣйствіи адвоката, она вошла въ соглашеніе съ его кредиторами и уплатила часть его долга и что теперь осталось немного.

— «Лиза, откуда же ты взяла денегъ, чтобы уплатить кредиторамъ?...»

— «Видишь ли Женя»—сказала Елизавета Павловна отдавая ему связку векселей и росписокъ,—«у меня было нѣсколько свободныхъ денегъ, я ихъ всѣ и заплатила, но этого было недостаточно, а у меня остались деньги необходимыя для жизни... я продала нѣсколько вещей, другъ мой,.... ну право они были для меня совершенно лишнія.... у меня осталось еще всего многое множество!»

— «Ангелъ мой Лиза!... чѣмъ я могъ заслужить столько любви и самопожертвованія.»

— «Какое же тутъ самопожертвованіе, въ чемъ ты его находишь, да и особенной любви я не вижу: жизнь наша тѣсно связана, слѣдовательно и интересы должны быть общіе... Я истинно счастлива, что могла устроить;.. теперь заплатимъ и остальной долгъ, еще и деньги будутъ.»

— «Это деньги твои Лиза!...

— «Ты хочешь сказать наши; теперь въ жизни нашей... должно быть все и вездѣ мы... Послушай Женя, что ты предполагаешь дѣлать?...»

— «Во первыхъ Лиза»,—сказалъ Евгеній Ивановичъ обнимая ее,—по прошествіи нѣсколькихъ недѣль.... мы будемъ принадлежать другъ другу, передъ церковью и людьми; потомъ я полагаю, что намъ гораздо лучше оставить Москву и поселиться гдѣ нибудь на югѣ Россіи.»

— «Ты мнѣ кажется говорилъ, что ты предполагаешь ѣхать въ К.... тамъ найти себѣ занятія, устроить жизнь и поселиться окончательно.»

— «Да мой другъ, если ты такъ желаешь.»

— «Конечно!... мы поживемъ здѣсь нѣсколько времени, потомъ ты поѣдешь одинъ въ К.... тамъ все устроишь и я къ тебѣ пріѣду... тамъ мы и обвѣнчаемся... между тѣмъ я съѣзжу къ брату и окончу тамъ нѣкоторыя денежныя дѣла....»

— «Ты тамъ не заживешься?...»

— «И ты это спрашиваешь?...»

Проживши недѣли двѣ въ Москвѣ и проводивши Елизавету Павловну къ брату, Мамочкинъ взялъ съ собой бывшаго двороваго своего человѣка Спиридона, — и уѣхалъ въ К.... для прiисканія себѣ мѣста и окончательнаго тамъ жительства.

ГЛАВА VII.

Въ провинціи.

По пріѣздѣ въ К.... Мамочкинъ не скоро могъ освоиться съ новымъ своимъ положеніемъ, съ новою предстоявшею для него быть можетъ продолжительною одиночною жизнію, такъ какъ, еще до выѣзда изъ Москвы, Мамочкинъ получилъ отъ Елизаветы Павловны письмо, въ которомъ она сообщала о

трудной болѣзни ея брата, исходъ которой весьма сомнителенъ и такъ какъ онъ не имѣетъ никого близкихъ, кромѣ ея одной, то она и рѣшилась остаться съ нимъ на нѣкоторое время и ожидать какого-нибудь исхода.

Грустный, онъ выѣхалъ изъ Москвы и тоска его усилилась съ пріѣздомъ въ К.... Ему казалось, что все къ чему онъ стремился, что привязывало его еще къ разбитой бурями жизни, все это погибло для него на всегда.

— «Боже мой»,—подумалъ онъ, сидя утромъ, въ небольшемъ номерѣ К....-ой гостинницы, гдѣ онъ временно остановился,— что я буду здѣсь дѣлать одинъ, совершенно одинъ и быть можетъ обреченный на продолжительное одиночество.... Нѣтъ, не можетъ быть, Лиза скоро пріѣдетъ, она мнѣ писала, мы связаны клятвами взаимной любви... при нашемъ разставаньѣ, она просила меня быть твердымъ, вѣрить, надѣяться и любить!...

Вошедшій факторъ, еврей, прервалъ его думы.

— «Я-сь... васе благородіе къ васимъ услугамъ, цо приказите»,—пробормоталъ онъ, низко кланяясь.

Мамочкинъ, все еще занятый мыслями о своей Лизѣ, посмотрѣлъ на еврея неопредѣленными взорами и не отвѣчалъ ни слова.

Еврей посмотрѣлъ также на Евгенія Ивановича и вѣроятно, судя по блѣдному и разстроенному его лицу, что онъ можетъ быть можетъ чувствуетъ себя не здоровымъ обратился къ нему съ словами:

— «Васе благородіе, быть мозитъ, цувствуете болезнь, не приказите ли пригласить врацъ?»

«Не нужно»—отвѣтилъ Мамочкинъ отрывисто. Затѣмъ, вставши съ дивана и пройдя нѣсколько разъ по комнатѣ, Евгеній Ивановичъ остановился передъ оторопѣвшимъ евреемъ и посмотрѣвъ на него пристально, сказалъ:

— «Ты факторъ?»

—«Тоцно такъ»—отвѣчалъ онъ низко кланяясь.

—«Вотъ что мнѣ нужно» я здѣсь въ гостинницѣ живу уже третьи сутки и долго намѣренъ оставаться въ городѣ; отыщи мнѣ квартиру небольшую комнатъ въ пять, шесть, но теплую, сухую; если можно то и съ мебелью... ну и чтобы кухня была, ледникъ, сарай для дровъ и чтобы цѣна была не дорогая.»

—«Да я сицасъ могу васе благородіе рекомендиренъ вамъ квартиру... отдѣльный домъ... а узъ пейзазъ изъ оконъ... цудо!.. на Днеперъ; шисть комнатъ, передняя, дивиціа особо, кухня, ну узъ и хозайка добрая... и цина недорогая. Если угодно я сицасъ могу проводить васи благородіе, недалеце отъ сюда.»

«Ну а цѣна?»

—«По мицясна незнаю... а въ годъ всиво двѣсти питдисятъ цилковыхъ.»

—«Ну это еще ничего?.. пойдемъ!.. позови моего человѣка.»

—«А какзи васе благородіе, зовутъ циловѣка.»

—«Спиридонъ!»

Еврей взошелъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился съ Спиридономъ, который изъ бывшихъ дворниковъ при домѣ Мамочкиной въ Москвѣ преобразился въ камердинера Евгенія Ивановича.

—«Спиридонъ, гдѣ тѣ пропадалъ такъ долго?»

—«Обѣдали-съ.»

—«Я сейчасъ уйду, номеръ запри на ключь и никого непускай безъ меня.»

—«Слушаю-съ, будьте покойны.»

—«Вотъ еще что, пока я уйду, ты сходи на почту и узнай, нѣтъ ли на мое имя писемъ... слышишь ли, а номеръ запри и ключь возьми съ собой.»

—«Слушаюсъ.»

—«Да возвращайся скорѣе...»

—«Тутъ недалече—скоро приду-съ.»

Надѣвши пальто, Евгеній Ивановичъ ушелъ въ сопровожденіи фактора.

Несмотря на ноябрь мѣсяцъ погода была отличная и теплая. Пройдя нѣсколько улицъ они очутились около небольшаго деревяннаго одноэтажнаго дома съ флигелемъ и довольно обширнымъ садомъ.

Еврей позвонилъ около калитки воротъ.

— «Кого вамъ нужно?» послышался женскій голосъ за воротами.

— «Это я... Бервицъ» —отвѣтилъ факторъ привелъ господинъ васу квартиру нанимать.»

— «Ладно!»

«Ну а хозяюска дома?»

— «Дома, сейчасъ выдетъ, подождите немного.»

— Вскорѣ отворили дверь на подъѣздѣ, отдаваемаго внаймы дома и на порогѣ показалась женщина лѣтъ сорока, высокаго роста, блѣдная, худощавая, одѣтая въ черное платье съ небольшимъ чернымъ платкомъ на головѣ. Черты довольно красиваго ея лица съ большими, черными, выразительными глазами были полны грусти и вмѣстѣ съ тѣмъ какого-то спокойствія и покорности судьбѣ. За нею стояла молодая дѣвушка лѣтъ двадцати, средняго роста, круглолицая, съ румяными щеками, веселая, беззаботная. Молодое это лице, полное жизни составляло рѣзкую противуположность съ блѣднымъ, худощавымъ лицемъ хозяйки.

Увидѣвъ ихъ, Мамочкинъ поклонился.

— «Извините» сударыня, что васъ безпокою — позвольте осмотрѣть квартиру.

— «Сдѣлайте одолженіе.»

Черезъ довольно узкія сѣни, въ видѣ галлереи, съ окнами и дверью на дворъ, они вошли въ переднюю, небольшую, свѣтлую комнату;—за нею слѣдовалъ залъ; направо дверь въ боль-

шую угловую комнату, налѣво гостиная, спальня и за нею еще двѣ комнаты; налѣво изъ передней была небольшая комната для лакея. Комнаты отдѣланы были заново, очень чисты, оклеены не богатыми но довольно красивыми обоями; полы окрашены были подъ паркетъ. Окны лицеваго фасада выходили въ садъ, а изъ гостиной была дверь на широкую терассу, выложенную лещадью. Видъ изъ оконъ и съ терассы былъ восхитительный. За крутымъ, обрывистымъ берегомъ заканчивавшимъ садъ разстилался широкою лентою величественный Днѣпръ; за нимъ видны были луга, лѣса, деревни; направо и налѣво разбросаны были въ живописномъ безпорядкѣ городскія зданія, церкви, монастыри. Прямо передъ терассой былъ небольшой цвѣтникъ, за нимъ небольшой фруктовый садъ. Около обрыва, огороженнаго прочной рѣшеткой, была бесѣдка съ скамейкою и столомъ.

— «Вашъ садъ очень хорошъ» — замѣтилъ Мамочкинъ хозяйкѣ.

— «Садъ этотъ въ полномъ распоряженіи квартиранта, у меня особый есть садикъ; фруктовыя деревья отличныя, особенно груши.

— «Мебели въ домѣ нѣтъ?»

— «Нѣтъ.»

— «Позвольте узнать цѣну квартиры.»

— «Двѣсти пятьдесятъ рублей; — цѣна не дорогая.»

— «Прошу васъ считать квартиру за мной» сказалъ Мамочкинъ, отдавая задатокъ. — Сегодня къ вечеру я перевезу вещи;.. не одолжите ли вы мнѣ сударыня до завтрешняго дня диванъ для ночлега, столъ и стулъ—завтра я привезу и мебель».

— «Съ большимъ удовольствіемъ; все будетъ готово къ вашему пріѣзду.»

Евгеній Ивановичъ еще разъ обошелъ комнаты начертилъ

въ памятной книжкѣ ихъ расположеніе и назначилъ какую онъ долженъ купить мебель.

— «Квартира ваша мнѣ очень нравится»,—сказалъ Мамочкинъ; она очень чистая, веселая, но для одного немного велика... Я пока одинъ,—дополнилъ онъ съ грустью.

— «Позвольте узнать ваше имя»,—спросила хозяйка, устремивъ на Мамочкина грустные, задумчивые свои глаза.

— «Евгеній Ивановичъ Мамочкинъ бывшій москвичъ, а теперь пріѣхалъ сюда и быть можетъ поселюсь здѣсь окончательно!.. думаю найти здѣсь какое нибудь мѣсто, занятія; позвольте мнѣ также узнать ваше имя.»

— «Марія Ивановна Безотраднова.»

Распростившись съ хозяйкой, Евгеній Ивановичъ ушелъ въ сопровожденіи фактора.

— «Оцинъ радъ, цто угодилъ васи благородіе квартирой»— сказалъ факторъ, очутившись съ Мамочкинымъ на улицѣ—увѣряю васъ, цто квартирой оцинь останетесь довольны,.. сухая, теплая.. а позволите васи благородіе, попросить за коммиссію...»

— «Хорошо, ты приходи ко мнѣ въ номеръ, а теперь укажи мнѣ гдѣ у васъ здѣсь мебельныя лавки?»

— «А сицасъ, васи благородіе... надняхъ продали въ одинъ макацинъ, цудо какая мебель!..»

Дойдя съ факторомъ до мебельной лавки и отобравъ нужную мебель, Мамочкинъ велѣлъ доставить ее на слѣдующее утро въ нанятую имъ квартиру.

Возвратясь въ свой номеръ гостинницы, Евгеній Ивановичъ заплатилъ фактору за коммиссію и началъ писать къ Елизаветѣ Павловнѣ письмо увѣдомляя ее подробно о нанятой имъ квартирѣ, купленной мебели и о другихъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Онъ просилъ ее поспѣшить пріѣздомъ, описывая невыносимую тоску, которую онъ чувствуетъ въ разлукѣ съ нею.

Спиридонъ возвратился съ почты съ пустыми руками;—писемъ отъ Елизаветы Павловны не было.

Окончивъ письмо, Мамочкинъ отнесъ его самъ на почту, справился еще разъ о письмахъ и пошелъ бродить по городу и знакомиться съ наружнымъ его видомъ. Послѣ продолжительной прогулки, онъ остановился на крутомъ, обрывистомъ берегу Днѣпра и налюбовавшись разстилавшейся передъ нимъ величественной панорамой погрузился въ думы о быломъ и о настоящемъ своемъ положеніи. Все прошедшее, представлялось ему какимъ-то сномъ, то сладкимъ, то тревожнымъ, въ которомъ воздушный образъ милой для него Лизы вѣялъ надъ нимъ какимъ-то видѣніемъ. Не долго однако продолжались эти грёзы; дѣйствительность настоящаго положенія взяла верхъ и пробудила его отъ сладкаго усыпленія. Онъ началъ думать о матеріальной сторонѣ жизни, о пріисканіи занятій и службы. Потомъ мысли его перешли къ одинокой его жизни, которая его страшила и приводила въ отчаяніе.— «Одинъ совершенно одинъ»,—говорилъ онъ самъ съ собою,— ну а случись болѣзнь!.. кто закроетъ мнѣ глаза!.. Спиридонъ!.. вотъ единственное существо, которое раздѣляетъ сомною одиночество!..

Погруженный въ эти мысли, Мамочкинъ не замѣтилъ, какъ подошла къ нему небольшая, но очень красивая собачка, легла у его ногъ и устремила на него выразительные свои глаза съ какимъ-то инстинктивнымъ участіемъ. Увидѣвъ ее, Мамочкинъ очень обрадовался, взялъ ее наруки и началъ ласкать, на что собачка отвѣчала радостнымъ визгомъ и лизаніемъ его рукъ.—«Вотъ и я не одинъ»—подумалъ Мамочкинъ вотъ существо, которое ко мнѣ быть можетъ привяжется и меня не покинетъ.» Съ этими мыслями, держа собачку на рукахъ, онъ возвратился домой, въ свой номеръ и накормивши уложилъ и къ себѣ на постель.

— «Гдѣ вы изволили достать эту хорошую собачку—спросилъ у него Спиридонъ—«ужъ больно хороша, не хуже будетъ нашеи Биши!»

При этомъ тяжеломъ для него напоминаніи, Евгеній Ивановичъ, глубоко вздохнулъ и слеза невольно скатилась изъ глазъ.

Мамочкинъ разсказалъ Спиридону какъ очутилась у него собачка и просилъ имѣть объ ней всевозможное попеченіе.

— «Будьте покойны Евгеній Ивановичъ, она и мнѣ больно ужъ нравится.»

— «Спиридонъ!»—сказалъ Мамочкинъ послѣ минутнаго молчанія;—«мы переѣдемъ сегодня же ночевать на новую квартиру, которую я нанялъ;.. ты все уложи хорошенько и ничего незабудь... я уйду теперь по дѣламъ и когда возвращусь, то тотчасъ же и переѣдемъ.

— «Помилуйте-съ, какъ можно забыть!.. ничего незабудемъ, я все уложу!»

Мамочкинъ пошелъ въ редакцію, издающейся въ городѣ газеты и предложилъ свои услуги въ качествѣ переводчика иностранныхъ газетъ на что получилъ согласіе;—очень довольный, возвратился домой и занялся переѣздомъ на квартиру.

На слѣдующее утро принесена была мебель, которую Мамочкинъ размѣстилъ слѣдующимъ образомъ: въ залѣ дюжину буковыхъ гнутыхъ стульевъ, два ломберныхъ стола а по серединѣ комнаты складной столъ для обѣда, надъ которымъ повѣсилъ лампу; по стѣнамъ развѣсилъ, привезенныя имъ гравюры а на окна, бѣлыя кисейныя драппировки. Комнату направо, онъ назначилъ кабинетомъ. Разославши по комнатѣ войлочный коверъ, онъ поставилъ между оконъ письменный столъ, по сторонамъ два кресла, а передъ однимъ изъ нихъ, въ углу, рабочій Лизинъ столикъ привезенный изъ Москвы, равно какъ и всѣ ковры драппировки, бронзу, картины, бюсты и книги. — Къ стѣнѣ, противъ двери—широкій мягкій диванъ а передъ нимъ овальный столъ и два стула побокамъ; въ уголъ, къ окну, повѣсилъ небольшую кіоту, съ

образомъ, благословеніемъ Лизы, а передъ нимъ висячую лампаду; къ правой стѣнѣ, въ глубинѣ комнаты—два шкафа для книгъ; между ними столъ, а по сторонамъ шкафовъ — двѣ алебастровыя тумбы; къ стѣнѣ, направо отъ двери,—столъ и четыре стула. На письменномъ столѣ Мамочкинъ разложилъ всѣ кабинетныя принадлежности, бумаги и портреты Лизы; овальный столъ, покрылъ шерстяной скатертью и поставилъ лампу, а вокругъ ее альбомы и кепсеки; въ шкафы размѣщены были книги а на тумбы, гипсовые бюсты Моцарта и Бетховена. Надъ диваномъ, въ овальной орѣховой рамѣ, — повѣшанъ былъ поясной фотографическій портретъ Елизаветы Павловны въ натуральную величину, поразительнаго сходства, а на стѣнѣ, противъ письменнаго стола, фамильные портреты. На прочихъ стѣнахъ равѣшаны были фотографическіе виды Швейцаріи и Италіи. Надъ каминомъ, поставлены были небольшіе мраморные часы съ двумя канделябрами; на окна и дверь, повѣшана — зеленая репсовая драпировка... Окна, въ гостинной украшены были бѣлыми кисейными драпировками; большой диванъ съ овальнымъ столомъ, восемь креселъ, такое же количество стульевъ, два зеркала въ простѣнкахъ, составляли всю меблировку этой комнаты устланной войлочнымъ ковромъ... Въ спальню, поставлены были чугунная складная кроват Лизы, комодъ, шкафъ, небольшой туалетный столъ, умывальникъ и нѣсколько стульевъ; въ углу образъ съ лампадою.

Уборка комнатъ заняла почти весь слѣдующій день, такъ что, лишь около шести часовъ вечера, Мамочкинъ пошелъ обѣдать въ ближайшую гостинницу и оттуда на почту, гдѣ писемъ не оказалось и возвратясь домой, усталымъ, онъ легъ спать довольно рано, предположивъ съ слѣдующаго же дня, начать работу въ редакціи, а остальное время посвятить литературнымъ занятіямъ.

Жизнь Евгенія Ивановича пошла правильнымъ, однообразнымъ ходомъ; вставалъ онъ въ семь часовъ и напившись чаю занимался до одиннадцати; послѣ легкаго завтрака, онъ уходилъ въ редакцію гдѣ занимался до четырехъ часовъ, затѣмъ возвращался обѣдать домой; столъ приготовляли ему у хозяйки; въ послѣ обѣденное время, гулялъ часа полтора поулицамъ и остальное время, до двухъ часовъ ночи занимался чтеніемъ и переводами. Къ занятіямъ въ редакціи вскорѣ присоединилась еще новая должность, частная служба, которая брала у него все утро, такъ что Евгеній Ивановичъ не оставляя другихъ своихъ занятій, былъ въ дѣлахъ какъ говорится по горло и рѣшительно не имѣлъ ни минуты свободнаго времени.

Недѣли черезъ двѣ по пріѣздѣ своемъ въ К... Мамочкинъ получилъ наконецъ письмо отъ Елизаветы Павловны, которое очень его огорчило; она писала, что сама не знаетъ когда можетъ къ нему выѣхать, такъ какъ здоровье брата ея день отъ дня становится все хуже и хуже что онъ на смертномъ почти одрѣ и что она не можетъ его оставить. Жизнь ея становится невыносимою, что одна надежда на свиданіе съ ея Евгеніемъ даетъ ей нѣкоторыя силы переносить разлуку...

Мамочкинъ писалъ къ Елизаветѣ Павловнѣ ежедневно — свой дневникъ и отсылалъ письма два раза въ недѣлю. О своихъ же родныхъ Евгеній Ивановичъ ничего не зналъ, по тому что не получалъ отъ нихъ писемъ, хотя онъ и увѣдомлялъ о своемъ житьѣ бытьѣ въ К. и сообщилъ свой адресъ.

Знакомства онъ почти не имѣлъ никакого, кромѣ лицъ съ которыми служилъ и занимался въ редакціи, да и это знакомство было лишь оффиціальное. Многочисленныя и разнообразныя занятія Евгенія Ивановича не давали ему времени для выѣздовъ и пріемовъ, да и кромѣ того онъ не чувствовалъ никакого расположенія къ выѣздамъ, къ пустому, свѣтскому препровожденію времени и началъ по немногу свыкаться съ труженической, отшельнической домашней своей жизнею.

Иногда встрѣчался онъ съ своей хозяйкой, которая постоянно была къ нему очень внимательна и видя его постоянно задумчивымъ, грустнымъ и занятымъ, принимала въ немъ большое участіе. Личность Мамочкина очень ее заинтересовала и она всѣми силами старалась проникнуть въ тайны его сердца и въ его прошедшее. При встрѣчахъ съ нимъ она касалась въ разговорѣ любви, чувствъ, думая затронуть какую-нибудь слабую струну его сердца, но эта хитрость была безуспѣшна; Евгеній Ивановичъ постоянно отвѣчалъ ей общими фразами, а иногда перемѣнялъ разговоръ и тѣмъ постоянно разрушалъ всѣ попытки Маріи Ивановны.

Такъ протекали недѣли въ жизни Евгенія Ивановича безъ всякихъ перемѣнъ. Наступила давно уже зима и съ этимъ прекратились и любимыя его прогулки по берегу Днѣпра... Онъ продолжалъ аккуратно ходить ежедневно на службу и въ редакцію, а въ остальные часы сидѣлъ дома и проводилъ время въ чтеніи и въ другихъ занятіяхъ. Письма отъ Елизаветы Павловны, получалъ онъ все рѣже и рѣже, что очень его безпокоило. Онъ сдѣлался необыковенно задумчивъ, скученъ, потѣрялъ сонъ, аппетитъ и наконецъ сдѣлался такъ боленъ, что не могъ выходить изъ комнаты.

Хозяйка, узнавъ о его болѣзни, поспѣшила его навѣстить и едва могла уговорить его послать за докторомъ, такъ какъ Мамочкинъ положительно не хотѣлъ лѣчиться и рѣшился ожидать исхода болѣзни—сказавши «что будетъ то будетъ.»

— «Помилуйте Евгеній Ивановичъ»,—говорила Марія Ивановны, сидя около его постели — «не стыдно ли, не грѣшно ли такъ пренебрегать здоровьемъ; повѣрьте, оно вамъ очень и очень еще понадобится въ будущемъ.»

— «Нѣтъ»—отвѣчалъ Мамочкинъ, слабымъ голосомъ — зачѣмъ мнѣ жить?.. кому я нуженъ?.. я одинъ, одинъ на землѣ;.. если я и умру, то большой бѣды не будетъ... никто не пожалѣетъ...

однимъ на землѣ будетъ меньше, болѣе ничего... признаюсь Марія Ивановна, право мнѣ жизнь надоѣла.»

— «Полноте Евгеній Ивановичъ, грѣхъ какой, грѣшно и слушать такія рѣчи... Мы должны заботиться о сохраненіи нашего тѣла въ здоровомъ состояніи;.. жизнь дана намъ отъ Бога... Если Ему угодно ее отнять—это другое дѣло,—тутъ ничего не подѣлаете... а сами вы не имѣете никакого права ею располагать... Послушайте Евгеній Ивановичъ, неужели вы одни на свѣтѣ такъ несчастливы... право найдется много и много такихъ, которые дѣйствительно несчастнѣе васъ... а они безропотно несутъ свой жизненный крестъ и надѣются на милосердіе Божіе... Пожалуста пошлите за докторомъ, принимайте лѣкарство... Богъ дастъ выздоровѣете, приметесь опять за работу, а въ остальномъ положитесь на промыслъ Божій, и вѣрьте мнѣ что все будетъ къ лучшему и если какой-нибудь переворотъ долженъ случиться въ вашей жизни, то чтобы вы не дѣлали, какъ бы вы не поступали, а ужъ онъ случится... знаете пословицу: «чему быть тому неминовать... Ну Евгеній Ивановичъ, я пошлю за докторомъ.»

—«Дѣлайте какъ хотите!»—отвѣтилъ равнодушно Мамочкинъ.

Марья Павловна немедленно распорядилась приглашеніемъ врача, который пріѣхалъ черезъ нѣсколько часовъ и нашелъ у Мамочкина сильное нервное разстройство; прописалъ ему лекарство и обѣщался пріѣхать на слѣдующій день.

Марья Павловна почти не отходила отъ постели больнаго, давала ему лекарство, ухаживала за нимъ и утѣшала... Къ вечеру съ Мамочкинымъ сдѣлался сильный жаръ и бредъ; онъ метался по постелѣ, произнося безсвязно слова:

«Лиза!.. Лиза!.. гдѣ ты?.. ты меня бросила... приди ко мнѣ... милая»... Когда же онъ приходилъ въ сознаніе, то схватывалъ портретъ Елизаветы Павловны, стоявшій подлѣ постели настоликѣ, цѣловалъ его, прижималъ къ сердцу и потомъ снова

впадалъ въ забытье. Марія Ивановна очень испугалась и поспѣшила послать за докторомъ, который нашелъ у Мамочкина начало нервной горячки но не отчаявался въ его выздоровленіи. Во время посѣщенія доктора, Евгеній Ивановичъ, держалъ портретъ Елизаветы Павловны въ рукѣ, находившись въ безсознательномъ состояніи и такъ крѣпко его сжалъ, что всѣ усилія доктора взять у него портретъ изъ рукъ остались безъуспѣшны.

Докторъ, какъ въ послѣдствіи узналъ Евгеній Ивановичъ, спрашивалъ у хозяйки, чей это портретъ, но та рѣшительно ничего не могла ему сказать. Спрашивали у Спиридона, но онъ только и сказалъ, что эта барыня, невѣста Евгенія Ивановича и что она живетъ въ Москвѣ; на всѣ дальнѣйшіе разспросы, онъ отвѣчалъ: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю».

— «Ну ты мнѣ скажи по крайней мѣрѣ»—спрашивалъ у него докторъ,—«часто ли твой баринъ получаетъ отъ нея письма».

— «Баринъ ужь очинно часто къ нимъ пишутъ, а отъ нихъ должно быть недѣли двѣ не было писемъ, каждый день хожу на почту, а все писемъ нѣтъ!»

— «Послушай Спиридонъ»—продолжалъ докторъ,—«баринъ твой очень плохъ... я самъ напишу къ этой барынѣ письмо... Ну скажи, есть ли у твоего барина родные?»

— «Есть... какъ же-съ... супруга-то ихъ скончалась, ну а дѣтки живутъ-съ у родныхъ въ Саратовѣ... есть и батюшка и братцы—тѣ живутъ въ Москвѣ!»

— «Ты знаешь ихъ адресы?»

— «Помилуйте-съ какъ же не знать.

Переговоривъ съ Маріей Ивановной, докторъ рѣшилъ, что въ случаѣ, если на слѣдующее утро не будетъ улучшенія въ состояніи больнаго онъ будетъ телеграфировать въ Москву къ его роднымъ и къ невѣстѣ.

Посидѣвъ еще нѣсколько минутъ съ больнымъ, докторъ уѣхалъ, обѣщавшись навѣстить рано утромъ.

Ночью Мамочкинъ сильно бредилъ, произнося безпрерывно имя «Лиза». Марія Ивановна и Спиродонъ отъ него не отходили; собачка его «Дружокъ» все лежала у ногъ больнаго, ничего не ѣла и видимо тосковала; по временамъ она поднимала голову, смотрѣла на Евгенія Ивановича, стараясь уловить его взглядъ, но глаза его были опущены. Къ утру у больнаго сдѣлалась сильная испарина и онъ заснулъ спокойно. Проснувшись за нѣсколько минутъ до пріѣзда доктора, онъ почувствовалъ себя лучше, попросилъ чаю, спросилъ у Спиридона нѣтъ ли писемъ и подозвалъ къ себѣ собачку, которая съ радостнымъ визгомъ осторожно подползла къ нему и стала лизать его руки. Пріѣхавши, докторъ нашелъ замѣтное улучшеніе въ состояніи больнаго, прописалъ лекарство и объявилъ, что опасность миновала.

Благодаря искусству врача и попеченіямъ Маріи Ивановны,— Евгеній Ивановичъ мало-по-малу началъ поправляться и черезъ нѣсколько дней ходилъ уже по комнатѣ. Хотя физическое его состояніе замѣтно улучшалось, но болѣзнь души и сердца оставались тѣ же; онъ пересталъ даже посылать Спиридона на почту и будучи очень еще слабъ, писалъ ежедневно къ Елизаветѣ Павловнѣ нѣсколько лишь строкъ упоминая, впрочемъ, весьма мало о своей болѣзни.

Прошло еще недѣли двѣ, Евгеній Ивановичъ хотя и чувствовалъ слабость и по совѣту врача не выходилъ изъ дома, но онъ уже принялся за обычныя свои занятія и препровожденіе времени.

....

Въ одинъ изъ февральскихъ вечеровъ, погода стояла ужасная;—страшная мятель, сопровождаемая сильнымъ и порывистымъ вѣтромъ подымала цѣлые сугробы снѣга и занесла почти всѣ оконныя ставни. Было часовъ девять вечера, Евгеній Ивановичъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ слабо освѣ-

щенномъ лампою съ абажуромъ, стоявшею на письменномъ столѣ; блѣдный свѣтъ лампады теплившейся передъ иконой проливалъ вокругъ какой-то таинственный полумракъ. Глубокая тишина нарушалась лишь одномѣрными ударами маятника, да порывистымъ шумомъ вѣтра. Евгеній Ивановичъ сидѣлъ въ халатѣ за письменнымъ столомъ и что-то писалъ, по временамъ, то прислушиваясь къ шуму вѣтра, то облокотясь на столъ—предавался грустнымъ и тяжелымъ думамъ;—рядомъ съ нимъ, свернувшись въ клубокъ лежала на стулѣ его собачка. По временамъ долетало до него протяжное храпѣніе Спиридона спавшаго въ лакейской на диванѣ.

Углубясь въ свои занятія Евгеній Ивановичъ не слыхалъ, какъ тихо отворилась дверь въ лакейскую, которую, равно и дверь подъѣзда позабыли запереть. Онъ не слыхалъ даже и шаговъ по залѣ и обернулся лишь тогда, когда въ дверяхъ кабинета послышался легкій шорохъ платья.

Онъ увидѣлъ въ дверяхъ какую-то женскую фигуру въ черномъ платьѣ и такой же шляпкѣ съ опущенной вуалью и съ небольшимъ сакъ-вояжемъ въ рукахъ... Взглянувъ пристальнѣе на эту женщину онъ вздрогнулъ, принявъ ее за какое-то видѣніе, созданное больнымъ и возбужденнымъ его воображеніемъ;онъ хотѣлъ встать, но почувствовалъ вдругъ упадокъ силъ; хотѣлъ что-то сказать но не могъ произнести ни слова... страшно забилось его сердце и онъ какъ будто оледѣнѣлъ.

— «Женя!.. милый!» послышался вдругъ голосъ вошедшей женщины.

«Лиза!» вскрикнулъ Евгеній Ивановичъ, и сдѣлавши страшное усиліе хотѣлъ было подняться, но силы ему измѣнили и онъ чуть не упалъ, еслибы Елизавета Павловна, бросившись въ его объятія не удержала его въ своихъ рукахъ.

«Женя!... это я!.. я... твоя Лиза и твоя теперь на всегда!..»—

проговорила она осыпая его поцѣлуями. «Другъ мой!.. что съ тобой?.. ты блѣденъ!.. исхудалъ... ты боленъ!»

Евгеній Ивановичъ схватилъ голову Елизаветы Павловны обѣими руками, всматриваясь въ черты обожаемаго имъ существа, цѣловалъ ее съ жаромъ и плакалъ отъ радости... Онъ все еще не вѣрилъ своему счастію, не вѣрилъ своимъ глазамъ, не вѣрилъ, что съ нимъ находится его Лиза.

Увидя такую радость, Елизавета Павловна была истинно счастлива и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, находясь въ объятіяхъ другъ друга, отъ избытка счастія они немогли вымолвить ни слова.

Собачка пробужденная шумомъ, вскочила и съ визгомъ бросилась къ Елизаветѣ Павловнѣ, какъ будто чуя въ ней близкое, родное существо своему господину. Освободившись изъ объятій, Евгеній Ивановичъ побѣжалъ въ переднюю, разбудилъ Спиридона, велѣлъ ему поскорѣе взять вещи отъ извощика и ставить самоваръ, безпрерывно повторяя: «барыня пріѣхала!.. барыня пріѣхала», потомъ началъ зажигать лампы въ залѣ и гостинной. Опрометью бросился Спиридонъ на крыльце принесъ чемоданы въ кабинетъ и увидѣвши Елизавету Павловну поцѣловалъ у нея руку!»

«А!.. Спиридонъ!.. и ты здѣсь?... здраствуй!.. очень рада тебя видѣть... Ну какъ вы поживаете здѣсь съ бариномъ.»

— «Слава богу Елизавета Павловна теперь ничего, а то баринъ ужь очинно былъ боленъ не чаяли что останется живъ... Допрежде все сами ходили на почту и меня посылалъ за вашими письмами, а ихъ очинно долго не было; баринъ сталъ тосковать, плакать; вотъ схватитъ бывало вашъ потретъ и начнетъ его цѣловать; ужь онъ его цѣлуетъ... цѣлуетъ, а потомъ и зальется горькими слезами; глядя на него такъ и надрывается сердце; ужь больно шибко они-то васъ любятъ... Ну маялся, маялся онъ такъ, съ недѣлю; пи-

семъ отъ васъ все не было, они и слегли въ постель; сдѣлались съ нимъ жаръ... бредъ, а все въ забытьи одну васъ только и зовутъ; потретъ вашъ стоялъ около нихъ на столикѣ, они все его брали и цѣловали... Бывало они позовутъ меня да и начнутъ мнѣ говорить такимъ слабымъ голосомъ: «Спиридонъ! когда я умру, ты этотъ потретъ положи мнѣ на грудь въ гробъ, а въ подушку зашей всѣ ея письма, они всѣ здѣсь подъ подушкой; другіе потреты, кольцо, образа, деньги все отдай Елизаветѣ Павловнѣ.»

— «Полноте батюшка Евгеній Ивановичъ»,—говорилъ я имъ— успокойтесь, Богъ милостивъ, выздоровѣете и письма отъ барыни получите, да они и сами скорехонько къ вамъ пріѣдутъ... вотъ изволите увидѣть!..»

— «Нѣтъ»—скажутъ они—«она не пріѣдетъ!..»Хозяйка у насъ такая ужь добрая, жалостливая, все сидѣла около барина, давала имъ лекарство и ухаживала за ними какъ мать родная. Ну слава Богу барину то полегчило и вы матушка пріѣхали, теперь Евгеній Ивановичъ совсѣмъ оправятся.»

Пока Спиридонъ разсказывалъ, Елизавета Павловна рыдала...

Вошедшій Мамочкинъ прекратилъ эту бесѣду.

— «Спиридонъ?.. что же самоваръ?.. скорѣе.., Лиза, милая, о чемъ ты плачешь?»

— «Спиридонъ мнѣ разсказалъ Женя какъ ты былъ боленъ, какъ ты тосковалъ обо мнѣ, не получая моихъ писемъ... милый! дорогой мой Женя и я всему этому причиной!.. Боже мой!»—продолжала Елизавета Павловна прижимая его къ своей груди,—«если бы я только знала что ты боленъ... я тотчасъ бы пріѣхала къ тебѣ, бросила бы умирающаго брата не дождалась бы его кончины... вѣдь ты Женя для меня дороже всего на свѣтѣ!.. ну слава Богу. Лиза теперь твоя и мы никогда не разстанемся».

— «Развѣ Василій Александровичъ умеръ?»

— «Да, но повторяю тебѣ, еслибы я знала что ты дорогой мой боленъ, то ни минуты не мѣдля была бы здѣсь... Женя... мы вѣдь теперь никогда не разстанемся?»

— «Никогда Лиза, теперь только я истинно счастливъ!»

— «Женя, гдѣ ты досталъ такую милую собачку?»—спросила Елизавета Павловна, взявши дружка на руки—«я у тебя ее возьму!.. ты мнѣ ее отдашь?»

— «Съ удовольствіемъ!»

— «Женя! какъ у тебя здѣсь мило, какъ ты хорошо устроился!.. прелесть... посмотри мой другъ какъ мы заживемъ хорошо!.. Я буду хозяйничать, распоряжаться всѣмъ въ домѣ, все для тебя приготовлю... ну а ты службой и жизнь наша пойдетъ облично!»

— «Пойдемъ Лиза, я тебѣ покажу всѣ наши комнаты пока не принесли самоваръ... ты душа моя очень устала, озябла... страшная мятель!..»

— «Нѣтъ, ничего; я такъ счастлива, такъ рада тебя видѣть, что рѣшительно ничего не чувствую кромѣ блаженства въ сердцѣ.»

Они осмотрѣли всѣ комнаты, которыми Елизавета Павловна осталась очень довольна, особенно спальней и кабинетомъ.

— «Женя! комнаты расположены какъ нельзя лучше, ничего не можетъ быть удобнѣе, точь въ точь, какъ я мечтала... Спальня и останется нашей спальней, только я поставлю себѣ уборный столикъ и пунцовый диванчикъ, съ которымъ не могу разстаться;—я ихъ привезла изъ Москвы; гостинная у насъ отличная, а въ кабинетѣ твоемъ я буду сидѣть цѣлый день; тамъ и рабочій столикъ; мнѣ будетъ тамъ очень и очень хорошо!.. ты Женя будешь писать, а я работать». .

— «Пока для двухъ Лиза, у насъ комнатъ довольно ну а... если»?..

Елизавета Павловна покраснѣвши, бросилась его цѣловать и зажала ему ротъ рукою, которую Мамочкинъ осыпалъ поцѣлуями, продолжая: «впрочемъ около спальни есть еще довольно большая комната пока она будетъ твоей гардеробной, ну а потомъ можно будетъ помѣстить и третьяго!

— «Полно Женя, перестань.... пойдемъ въ кабинетъ, я тебѣ все раскажу, что со мной случилось со дня нашей разлуки».

Пока они осматривали комнаты Спиридонъ поставилъ въ кабинетѣ самоваръ и приготовилъ все для ужина.

— «Каковъ у тебя Спиридонъ, право молодецъ, какъ онъ все умѣетъ скоро приготовить и подать». Обратившись за тѣмъ къ нему, она продолжала: «отнеси пожалуста эти чемоданы въ спальню и мѣшокъ... я разберусь потомъ сама»...

— «Лиза, завтра у тебя будетъ горничная и мы наймемъ кухарку, а пока позволь мнѣ тебѣ прислуживать».

— «Какъ посмотрю на тебя мой Женька» — сказала Елизавета Павловна, приготовляя чай—«ну право ты у меня молодецъ!.. Какъ ты все хорошо устроилъ... сколько комфорта... роскоши... а позвольте Евгеній Ивановичъ спросить сколько вы получаете теперь дохода»?

— «Пока мой другъ не много... жалованья на службѣ 1200 р. изъ редакціи столько же, да потомъ около тысячи рублей за разныя статьи, которыя помѣщаю въ другіе журналы».

— «Значитъ.... да это прелесть; сколько денегъ мы можемъ откладывать; жизнь здѣсь вѣроятно очень дешева».

— «Да мой другъ; здѣсь все довольно дешево: за квартиру плачу очень дешево 250 руб. всю мебель, я купилъ по пріѣздѣ, кромѣ того сдѣлалъ годовой запасъ дровъ, и за тѣмъ остались деньги, которые дарю тебѣ на туалетъ».

— «Merci, мой ангелъ»!—отвѣтила Елизавета Павловна нѣжно его цѣлуя... я теперь совсѣмъ не модница и очень давно

перестала думать о нарядахъ; платьевъ и всякаго трапья у меня довольно, въ два года не переносишь... Эти деньги я приберегу мой другъ, годятся на черный день... Здѣсь я ни съ кѣмъ рѣшительно не буду знакомиться, буду ходить въ церковь, да съ тобою гулять... а остальное время все буду дома и посвящу себя всецѣло тебѣ одному»...

— «Ты не можешь себѣ представить Лиза, какъ я теперь счастливъ; мнѣ все не вѣрится, что ты со мной».

— «Увѣрься же Женя!.. сказала она его цѣлуя нѣсколько разъ... me voila en chair et en os».

— «Вижу!.. вижу мой ангелъ!.. однако ты устала пора тебѣ отдохнуть, довольно теперь поздно и ты вѣроятно очень плохо спала въ вагонѣ»!

— «Я отдохнула тѣломъ, душею и сердцемъ, увидѣвши тебя дорогой мой Женя... Помнишь ли мой другъ, что я тебѣ сказала: *чему быть, тому не миновать*;—теперь мы неразлучны на вѣки»!..

Мамочкинъ бросился въ ея объятія... долго они бесѣдовали о разныхъ предположеніяхъ!..

. . . .

Черезъ нѣсколько дней, въ одной изъ К... церквей, происходило вѣнчаніе Евгенія Ивановича Мамочкина съ Елизаветою Павловною Даргевичъ.

. . . .

. . . .

Въ продолженіе года жизнь ихъ текла съ невозмутимымъ спокойствіемъ и съ идеальнымъ счастіемъ. Казалось, они не могли наглядѣться другъ на друга и всѣ ихъ мысли и дѣйствія были направлены къ предупрежденію обоюдныхъ желаній. Взаимное ихъ счастіе увеличилось съ появленіемъ на свѣтъ дочери, которую они назвали Евгеніей.

Евгеній Ивановичъ продолжалъ обычныя свои занятія; по

утрамъ уходилъ на службу, а остальное время онъ былъ неразлученъ съ женою.

На второй годъ пребыванія ихъ въ К., весною, Евгеній Ивановичъ простудился и заболѣлъ. Надо было видѣть съ какой нѣжною заботливостію ухаживала за нимъ Елизавета Павловна, какъ старалась она предупредить малѣйшія его желанія и можно сказать, что единственно ея попеченіямъ онъ былъ обязанъ своимъ выздоровленіемъ.

Несмотря на возстановленіе силъ, болѣзнь Евгенія Ивановича, на столько была серіозна, что врачи совѣтовали ему ѣхать за границу, на воды. Елизавета Павловна, желая давно побывать въ чужихъ краяхъ была очень рада этой поѣздкѣ и торопила сборами.

«Вотъ Женя видишь ли какъ всѣ мои мечты сбываются»— говорила Елизавета Павловна, опуская дочь къ нему на руки— «мнѣ такъ давно хотѣлось хоть разъ побывать за границей».

— «Я очень и очень радъ за тебя Лиза!.. Мы поѣдемъ отсюда прямо въ Вѣну, пробудемъ тамъ недѣлю и за тѣмъ, въ Эмсъ, на воды... По окончаніи курса непремѣнно въ Швейцарію, въ Луцернъ, остановимся въ «Hôtel Ange», осмотримъ Риги и Пилатъ, будемъ въ Интерлакенѣ а потомъ въ Женеву».

— «Нѣтъ! въ Женеву ни за что Eugenè».

— «Почему»?

— «Ты такъ много тамъ выстрадалъ, что я не только не желала бы оставаться въ этомъ городѣ, но мнѣ непріятно даже о немъ и слышать».

— «Ну полно Лиза» — сказалъ Мамочкинъ обнимая ее;—маленькая Евгенія, увидя нагнувшуюся мать, схвативъ одною рукою за шею отца уцѣпилась другою за шею матери, какъ будто желая соединить ихъ въ одномъ поцѣлуѣ; они переглянулись и бросились другъ другу въ объятія».

— «Нѣтъ Лиза, въ Женеву мы непремѣнно поѣдемъ а оттуда въ Миланъ и Венецію».

— «Ну а въ Парижъ?.. мнѣ такъ хочется побывать въ Парижѣ»?

— «Въ Парижѣ мой другъ мы проживемъ довольно долго, а оттуда, къ зимѣ на островъ Мадеру».

ГЛАВА VIII.

Они уѣхали.

Приготовленія къ отъѣзду дѣлались съ необычайною поспѣшностію, такъ что черезъ четыре дня, послѣ описаннаго разговора они сидѣли уже въ вагонѣ II класса, на пути въ Вѣну.

Вѣна очень понравилась Елизаветѣ Павловнѣ своими великолѣпными улицами магазинами, загородными гуляньями и необыкновеннымъ движеніемъ на улицахъ. Осмотрѣвъ въ теченіе десяти дней всѣ достопримѣчательности города они уѣхали въ Эмсъ, гдѣ наняли небольшую квартиру вблизи курзала.

Елизавета Павловна постоянно сопровождая своего мужа въ курзалъ, обращала на себя общее вниманіе красивой своей наружностію и необыкновенной граціей. Она нисколько не была этимъ довольна, напротивъ, вниманіе это до крайности ей надоѣло, такъ что она готова была отказаться отъ любимыхъ своихъ прогулокъ.

За нѣсколько дней до отъѣзда, по окончаніи уже лечебнаго курса они прогуливались по тѣнистымъ уединеннымъ аллеямъ. Вдругъ они увидѣли сидящаго на одной изъ скамеекъ какого то мужчину среднихъ лѣтъ, съ желтымъ болѣзненнымъ ли-

цемъ и впалыми щеками, который безпрерывно кашлялъ и по всему было видно, что страдалъ грудною болѣзнею.

Подойдя къ нему ближе, и всмотрѣвшись въ лице больнаго Евгеній Ивановичъ узналъ въ немъ брата своего Евлампія.

— «Евлампій»!

— «Евгеній»!

И они были въ объятіяхъ другъ друга.

— «Ты не знакомъ еще съ моей женой: рекомендую тебѣ мою дорогую, безцѣнную Лизу».

— «Конечно нѣтъ» —отвѣтилъ Евлампій, целую руку у Елизаветы Павловны,—«прошу любить да жаловать»!

Давно ты пріѣхалъ сюда Евлампій?

— «Около недѣли».

— «Какъ ты измѣнился».

— «Да много утекло воды съ того времени, какъ мы съ тобою разстались: много, много: есть о чемъ переговорить... Я давно хвораю, лѣчился много, ничего не помогаетъ; наконецъ доктора, вѣроятно чтобы сбыть меня съ рукъ, послали за границу; плохо мнѣ... плохо, я это чувствую».

— «Полноте отчаяваться Евлампій Ивановичъ», — сказала Елизавета Павловна, полечитесь здѣсь и выздоровѣете... пріѣдете въ Москву молодцемъ... пойдемте къ намъ, mon frère»,— продолжала она подавая ему руку.

Придя на квартиру, Елизавета Павловна тотчасъ же принесла свою дочь, которую и отрекомендовала Евлампію.

— «Она такъ же будетъ красива какъ и ее мамаша»—сказалъ Евлампій цѣлуя руку у ребенка.

— «Дай богъ чтобы изъ нея вышла такая же чудная женщина какъ мой Лизокъ»—отвѣтилъ Евгеній Ивановичъ цѣлуя жену».

— «Ты во мнѣ Женя постоянно видишь что то необыкновенное, что до меня касается то....»

— «Предоставь Лиза мнѣ объ этомъ судить».

— «Однако, что же это мы, развѣ пригласили брата смотрѣть и любоваться взаимными нашими похвалами. Monsieurs, я пойду распоряжусь обѣдомъ, а у васъ найдется о чемъ переговорить».

— «Почему же вы уходите, ma soeur, у насъ нѣтъ никакихъ секретовъ; вы также близки теперь къ нашей семьѣ какъ и самъ Евгеній»?..

— «А кто же будетъ хозяйничать»?..

Евлампій сообщилъ брату, что отецъ ихъ сдѣлался очень и очень слабъ, потерялъ почти всякое сознаніе и пришелъ почти въ дѣтское состояніе и что онъ живетъ теперь безвыѣздно въ Москвѣ; что у Анатолія прибавилось семейство двумя сыновьями; Ираклій съ женой постоянно живутъ въ Паранѣ и по прежнему ничѣмъ не занимаются; жена же его даетъ уроки музыки и французскаго языка.

— «А Паисій что дѣлаетъ»?

Евлампій Ивановичъ махнулъ рукой.

— «Несчастный человѣкъ этотъ Паисій, несмотря на просьбы жены, онъ отправился на службу въ Петербургъ, гдѣ промоталъ все имѣніе свое и женнино... Богъ знаетъ чѣмъ это все кончится».

— «Жаль»!

— «Дѣтей твоихъ Евгеній я совершенно потерялъ изъ вида»!

— «Я получилъ отъ нихъ недавно письма... они здоровы».

— «Ну разскажи Евгеній про романъ твоей жизни».

— «Дѣла свои я привелъ въ порядокъ, то-есть заплатилъ долги и какъ тебѣ извѣстно, поселился въ К., гдѣ нашелъ мѣсто и занятія... потомъ пріѣхала ко мнѣ Лиза, мы обвѣнчались и прожили въ К... болѣе года... Я былъ очень боленъ и доктора посовѣтовали мнѣ ѣхать за границу пить воды и провести зиму на островѣ Мадерѣ. Послѣ завтра мы отсюда уѣзжаемъ».

— «Ну а какъ твои mines d'or»! Евламiй?» продолжалъ Евгенiй Ивановичъ».

— «Ты хочешь сказать каменный уголь».

— «Да».

— «Ничего, дѣло идетъ порядочно... По окончанiи лечебнаго курса, если позволитъ здоровье, хочу съѣздить въ Англiю и Бельгiю и ознакомиться тамъ съ каменно-угольнымъ дѣломъ».

Въ это время вошла Елизавета Павловна и пригласила обѣдать.

Послѣ обѣда они поѣхали осматривать окрестности Эмса гдѣ провели весь вечеръ.

Черезъ два дня Евгенiй Ивановичъ съ женою и ребенкомъ уѣхали въ Швейцарiю, гдѣ прожили въ разныхъ мѣстностяхъ недѣли три; переѣхали потомъ въ сѣверную Италiю и въ началѣ августа были въ Парижѣ гдѣ пробыли до начала октября.

— 2 Октября они уѣхали въ Бордо и оттуда па пароходѣ «Espèrence» на островъ Мадеру...

. . . .

— «Боже мой!.. какъ жаль»!—сказалъ Лука Лукичъ Карачевскiй,—обращаясь къ Очакову, сидѣвшему съ нимъ за обѣдомъ въ ресторанѣ «Rocher de Cancal», въ Москвѣ.

— «А что»?

— «Прочтите»!.. продолжалъ Лука Лукичъ, подавая ему «Московскія Вѣдомости».

Сергѣй Сергѣевичъ Очаковъ началъ громко читать.

«Въ Indépendence Belge пишутъ отъ 6 октября: «страшное «несчастіе случилось съ пароходомъ «Espérence» на пути «изъ Бордо на островъ Мадеру; пароходъ этотъ сдѣлался жер«твой страшной бури... часть пассажировъ спасена. Въ числѣ «пассажировъ было много англичанъ и французовъ и одно «русское семейство Мамочкина, состоящее изъ мужа, жены и «маленькой дочери».

— «Ужасно»—сказалъ Очаковъ.

— «А можетъ быть они и спасены»!!!...

КОНЕЦЪ.

екторъ Фіерамоска. Соч. д'Азельо, романъ переводъ съ Испанскаго. М. 1874 г. Ц. 2 руб.

аторжникъ Полковникъ. Повѣсть, составленная по судебнымъ актамъ, Ф. Буасгобѣемъ, въ 2-хъ т. 1874 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

іихельсона. Объясненіе 30,000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскій языкъ, съ объясненіемъ ихъ корней. Составлено по словамъ *Гейзе, Рейфа* и другихъ. 4-е изд. 1 томъ въ большую 8-ю долю листа убористой въ 2 колонны печати. М. 1874 г. Цѣна 2 р. 25 к.

кворцова. Основаніе сельскаго хозяйства. Въ 3-хъ книгахъ. Кн. 1-я. Ученіе о размноженіи растеній вообще, полеводство, луговодство, огородничество и лѣсоводство. Кн. 2-я: Скотоводство вообще и въ частности крупнаго рогатаго скота, овцеводство, коневодство, свиневодство, разведеніе козъ, птицеводство, пчеловодство, шелководство, разведеніе рыбъ и піявокъ и сельско-хозяйственное счетоводство. Кн. 3-я: Объ устройствѣ всѣхъ частей сельскаго хозяйства съ цѣлію добыванія постоянныхъ высшихъ доходовъ. 3-е значительно добавленное изд., примѣненное къ Россіи. Съ рисунками въ текстѣ. М. 1874 г. Ц. 4 р.

кворцова.—Таксація.—Краткія основанія естественной исторіи въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. Оцѣнки поземельныхъ угодій. Два тома въ большую 8-ю долю листа. Ц. 3 р.

кворцова. О малодоходности имѣній въ настоящее время и о средствахъ къ устраненію ея, заимствованныхъ изъ новѣйшихъ открытій и опытовъ ученыхъ заграничныхъ и русскихъ. Ц. 75 к.

айденовъ. Подарокъ для руководства молодымъ хозяйкамъ въ поваренномъ искусствѣ. Новѣйшая поваренная книга, содержащая въ себѣ различный реэстръ скоромныхъ и постныхъ обѣдовъ на цѣлый годъ, съ обозначеніемъ пропорціи для выдачи провизіи, что даетъ въ хозяйствѣ возможность сократить домашній излишній расходъ, съ описаніемъ хозяйственныхъ домашнихъ годовыхъ запасовъ вообще. 4-е исправленное изд., съ рисунками въ текстѣ. М. 1873 г. Ц. 3 р.

Е. Бока. Полный переводъ книги: о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Съ политиажными рисунками въ текстѣ. Перевелъ съ послѣдняго, исправленнаго и дополеннаго нѣмецкаго изданія *А. Смирновъ*, подъ редакціею *д-ра Т—ва*. Одинъ томъ еликолѣпно изданный, въ большую 8-ю долю листа на веленевой бумагѣ. 3-е доавленное изд. М. 1873 г. Ц. 3 р.

Муратовъ. Огородъ, садъ и цвѣтникъ, или практическое руководство огородничества, садоводства и цвѣтоводства, къ разведенію и уходу за огородными расеніями, фруктовыми деревьями и кустарниками, цвѣточными и декоративными астеніями; также къ содержанію растеній въ комнатахъ, устройству аквариумовъ, еррарiумовъ, о разбивкѣ парковъ. Въ семи частяхъ, съ приложеніемъ 125 рисунковъ. 3 изд. 1873 г. Ц. 3 р

оторна. Книга чудесъ. Разсказы изъ миѳологіи для дѣтей. Съ 40 рисунками, въ двухъ книгахъ. Съ англійскаго перевелъ *А. Смирновъ*. 1873 г. Ц. 3 р.

. Бокъ. Популярный лѣчебникъ, съ приложеніемъ о тѣлесномъ и душевномъ здоровьи дѣтей въ школьный періодъ. Переводъ Смирнова и М—на. Подъ редакц. д-ра Т—ва. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к.

ферне. Курсъ физики, съ приложеніемъ задачъ, сравнительною таблицею мѣръ десятичныхъ въ отношеніи къ русскимъ, такъ какъ въ переводѣ удержаны мѣры метрическія и съ 277-ю рисунками въ текстѣ. Перевелъ и пополнилъ *Г. Б. Фишеръ* преподаватель 2-й и 3-й Московскихъ женскихъ гимназій. М. 1867 г. Ц. 2 р.

ремія, святѣйшаго патріарха константинопольскаго, отвѣты лютеранамъ. Перевелъ съ греческаго и издалъ *Архимандритъ Нилъ*. Ц. 1 р. 50 к.

Ир. Горбунова, Сцены изъ народнаго быта. 3-е значительно добавленное изд. Спб. 1870 г. Ц. 1 р.

Жака Араго. Воспоминаніе слѣпаго—путешествіе вокругъ свѣта. Перевели съ французскаго *Муратовъ* и *Отто*, съ 150-ю рисунками. 2 тома въ большую 8-ю долю листа самой плотной и четкой печати. М. 1868 г. Ц. 4 р.

ма. Двадцать лѣтъ спустя. Продолженіе трехъ мушкатеровъ, пер. *А. Маркова*, въ 4 час., одинъ томъ большаго формата. М. 1872 г. Ц. 3 р.

Диккенсъ. Жизнь и приключенія англійскаго джентльмена, мистера Николая Никльби. Романъ въ 2-хъ частяхъ. 1873 г. Ц. 2 р.

Декенъ. Путешествіе по Восточной Африкѣ въ 1859 и 1861 годахъ. Составлено *Отто Керстеномъ*, бывшимъ членомъ Декеновой экспедиціи. Томъ 1-й: Островъ Занзибаръ. Поѣздки къ озеру Ніаса и къ снѣжной горѣ Колиманджара. Съ таблицами и рисунками въ текстѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго *А. Смирновъ*. М. 1870 г. Цѣна 3 руб.

зсказы изъ путешествій по Америкѣ, для дѣтей старшаго возраста. Соч. Д. Съ крашеными картинами, въ англійской коленкоровой папкѣ. М. 1873 г. Цѣна 2 р.

Эмиля Габоріо. Золотая грязь. (La clique dorée) романъ 1873 г. Ц. 2 р.

Берлинъ. Профессоромъ Лунскаго университета. Природа,—книга для чтенія дома и въ школѣ. Перевелъ для русскаго юношества *Ф. Отто;* съ 200 политипажами. Одинъ томъ убористой и четкой печати около 500 страницъ. М. 1868 г. Ц. 2 р.

Разсказы о морѣ. Для дѣтей старшаго возраста, съ хромолитографированными картинами, гравированными картами и политипажными рисунками въ текстѣ. Великолѣпное изд., въ англійскомъ коленкоровомъ переплетѣ, 1873 г. Ц. 3 р.

Фигье. Картины древняго міра или земля до потопа. Изданіе это украшено политипажными рисунками и гравированною на стали картиною. Ц. 2 р.

Фрёбель. Америка, ея жизнь и природа. Путешествіе. Въ пяти книгахъ. Переведено съ нѣмецкаго, въ большую 8-ю долю листа, самой убористой печати; изящное изданіе. Цѣна 3 р.

Гартвига. Море и его жизнь. Съ хромолитографированными картинами художника *Бахмана* и политипажными рисунками въ текстѣ. Перевелъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *А. Смирновъ.* Одинъ томъ, изящное изданіе убористой и четкой печати. Ц. 2 р. 50 к.

Гартвига. Человѣкъ и природа на островахъ великаго океана. Съ хромолитографированными картинами художника *Бахмана* и гравированною картою острововъ Великаго океана. Одинъ томъ очень убористой печати, 2-е исправленное изданіе. М. 1870 г. Цѣна 3 руб.

Катрфажа. Единство рода человѣческаго. Перевелъ съ послѣдняго французскаго изданія *А. Д. М.* Цѣна 1 р. 50 к.

Его же. Метаморфозы человѣка и животныхъ. Ц. 1 р.

Каруса. Сравнительная психологія или исторія развитія души на различныхъ ступеняхъ животнаго міра. Съ политипажными рисунками въ текстѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго. *А. Смирновъ.* Ц. 1 р. 50 к.

Фогтъ. Естественная исторія мірозданія. Съ нѣмецкаго перевода Карла Фогта перевелъ и примѣчаніями дополнилъ *А. Пальховскій.* 2-е изданіе съ политипажными рисунками въ текстѣ. М. 1868 г. Ц. 2 р. 50 к.

Циммерманъ. Растительная и животная жизнь на землѣ. Перевелъ съ 20-го нѣмецкаго изданія и издалъ *А. Смирновъ.* Со многими политипажами и рисунками въ текстѣ. М. 1868 г. Ц. 3 р.

Его же. Міръ до созданія человѣка, или колыбель вселенной. Популярная исторія превращенія земнаго шара. Съ послѣдняго нѣмецкаго изданія перевелъ *А. Марковъ.* Съ 194 рисунками въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к.

Аббатъ Готье. Постепенное чтеніе для дѣтей перваго возраста. На французскомъ и русскомъ языкахъ, въ 2-хъ т., съ крашеными картинами, 2-е изд. М. 1870 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Басни Крылова, Измайлова, Дмитріева и Хемницера. Съ хромолитографированными картинами по рисункамъ Гравиля. 3-е изд. М. 1872 г. Ц. 75 к.

И. С. Рыбниковъ. Генеральныя карты 5-ти частей свѣта на 6-ти лис., исправленныя и дополненныя по новѣйшимъ свѣдѣніямъ и провѣренныя по учебникамъ Корпуса Топографовъ штабсъ-капитаномъ *А. И. Кондратьевымъ.* Изд. 3-е Спб. 1873 г. Цѣны за всѣ 6-ть лис. 5 р., отдѣльно каждый листъ по 1 р.

Скачковскій. Новый планъ города Москвы и окрестностей. Отпечатанъ на лучшей слоновой бумагѣ красками. М. 1872 г. Ц. 1 р.

Новѣйшая поваренная книга, заключающая въ себѣ 1046 правилъ, съ росписаніемъ домашнихъ обѣдовъ на каждый день. Сост. русскимъ поваромъ Н. В. Г—мъ. По методѣ Авдѣевой. Въ 3-хъ час. изд. 3-е. М. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мельникъ Механикъ. Сводъ доступныхъ практическихъ примѣненій живыхъ, паровыхъ и водяныхъ движителей въ приложеніи ихъ силъ къ промышленной сельско-хозяйственной дѣятельности въ Россіи. Руководство къ изученію и построенію водяныхъ, паровыхъ и живыхъ пріемниковъ движенія, къ построенію различнаго рода сельско-хозяйственныхъ мельницъ и аппаратовъ и къ уходу за ними. Въ 2-хъ книгахъ, съ 200 рисунками и множествомъ численныхъ таблицъ. Составлено по лучшимъ источникамъ современной технической литературы, практическимъ техникомъ Евстигнѣевымъ, изд. 1873 г. Ц. 3 р. 50 к.

Осьмнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ издаваемый Петромъ Бартеневымъ (издатель „Русскаго Архива") въ четырехъ книгахъ. М. 1869 г. Цѣна за всѣ 4-е книги 11 р. 50 к. Книги 3 и 4-я продаются и отдѣльно, цѣна, за каждую книгу, 3 рубля.

Ж. П. Тено. Теорія практической перспективы для рисованія съ натуры, удобопонятная для всѣхъ. Съ 28 таблицами. 1873 г. Цѣна 2 р.

Гофманъ. Волшебныя сказки для дѣтей. Съ хромолитографированными картинами въ папкѣ. 1873 г. Цѣна 75 к.

Чему быть тому не миновать. Повѣсть соч. Отпѣтаго. 1874 г. Цѣна 2 р.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS